

P⁵⁵
32

P 55
39

27 men camp Dec 20/11-87

27 men.

55.
32.
27 мей.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
ВОСТОКУ
И
СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ

ВЪ СВИТѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

ВЪ 1872 ГОДУ

Д. А. СКАЛОНА.

РИСУНКИ СЪ НАТУРЫ ХУДОЖНИКА Е. К. МАКАРОВА.
ГРАВИРОВАНЫ НА ДЕРЕВѢ ХУДОЖНИКОМЪ КРЫЖАНОВСКИМЪ.
ЗАГЛАВНЫЯ БУКВЫ И ВИНЬЕТКИ ПО РИСУНКАМЪ ПРОФЕССОРА А. Г. ШАРЛЕМАНЬ,
РЕЗАНЫ ВЪ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГOTOВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1881.

ПЕЧАТАНО ВЪ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГOTOВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
ВОСТОКУ
И
СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.





98568-0



2011110802

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
ВОСТОКУ
И
СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ

ВЪ СВИТѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА
ВЪ 1872 ГОДУ
Д. А. СКАЛОНА.



РИСУНКИ СЪ НАТУРЫ ХУДОЖНИКА Е. К. МАКАРОВА
ГРАВИРОВАНЫ НА ДЕРЕВѢ ХУДОЖНИКОМЪ КРЫЖАНОВСКИМЪ.
ЗАГЛАВНЫЯ БУКВЫ И ВИНЬЕТКИ ПО РИСУНКАМЪ ПРОФЕССОРА А. І. ШАРЛЕМАНЬ,
РѢЗАНЫ ВЪ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГOTOВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1881.

ПЕЧАТАНО ВЪ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГOTOВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Его Императорскому Высочеству

Государю, Великому Князю

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

СТАРШЕМУ.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТЪ С.-ПЕТЕРБУРГА ДО КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

ГЛАВА I.

ВЫЪЗДЪ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА. — ДОРОГА ДО ВѢНЫ. — ВЕРХНЕ-ВЕНГЕРСКАЯ РАВНИНА. — АВСТРІЙСКІЕ ПАРОХОДЫ И ПЛАВАНІЕ ПО ДУНАЮ. — ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА СЪ ТУРКАМИ. СТР. I — 16

ГЛАВА II.

СТАНЦІЯ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ. — КАВАСЪ ИЗЪ АРНАУТОВЪ. — ВСТРѢЧА И ОБѢДЪ ВЪ ШАЙТАНДЖИКЪ. — ВАРНА. — ПЛАВАНІЕ ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ. — ГАРЕМЪ НА ПАЛУБѢ. — ДЕЛЬФИНЫ. — ВХОДЪ ВЪ БОСФОРЪ. — КОНСТАНТИНОПОЛЬ. СТР. 17 — 34

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

ГЛАВА III.

ВЪ ПОСОЛЬСТВѢ. — ПРЕДСТАВЛЕНІЕ СУЛТАНУ ВЪ ДОЛЬМА-БАХЧЕ. — СУЛТАНЪ ОТДАЕТЪ ВИЗИТЬ ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ. — СВЯТАЯ СОФІЯ. — СЕРАЛЬ. — ВЫСОКАЯ ПОРТА. — ЕВНУХИ. — ВОРОТА БЛАЖЕНСТВА. — БАГДАДСКІЙ КЮСКЪ. — БИБЛОТЕКА. — КЮСКЪ СУЛТАНА АБДУЛЬ-МЕДЖИДА. —

ХРАНИЛИЩЕ ДРАГОЦѢННОСТЕЙ. — ВЪКОВЫЕ ПЛАТАНЫ. — АРСЕНАЛЪ ВЪ
ХРАМѢ СВЯТОЙ ИРИНЫ. — АТМЕЙДАНЪ. — ЕГИПЕТСКІЙ ОБЕЛИСКЪ. —
ЗМѢИНАЯ КОЛОННА. — ОБЕЛИСКЪ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНАГО. —
СУЛЕЙМАНИЯ. СТР. 35 — 52

ГЛАВА IV.

СУЛТАНСКІЯ КОНЮШНИ. — ЛОШАДИ ИЗЪ НЕДЖЕДА. — ЗАВТРАКЪ ВЪ
ЧЕРАГАНСКОМЪ ДВОРЦѢ. — РАЗГОВОРЪ ЕГО ВЫСОЧЕСТВАСЪ СУЛТАНОМЪ. —
РЫНОКЪ ВЪ ТОПЪ-ХАНЕ. — ФОНТАНЪ СУЛТАНА МАХМУДА I. — КАИКИ. —
БОЛЬШОЙ БАЗАРЪ. — ПРОГУЛКА ПО ЗОЛОТОМУ РОГУ И БОСФОРУ. —
БЕЙЛЕРБЕЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ. — СКУТАРИ. — БОЛЬШОЕ КИПАРИСОВОЕ
КЛАДБИЩЕ. — КАЗАРМА. — МЕЧЕТЬ СУЛТАНА СЕЛИМА III. — БАШНЯ
ЛЕАНДРА. — ПАРАДЪ. — ПРИНЦЪ ЮСУФЪ-ИЗЕДДИНЪ-ЭФЕНДИ. — ПРО-
ЩАЛЬНАЯ АУДИЕНЦІЯ У СУЛТАНА. — ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЫХОДЪ ВЪ МЕЧЕТЬ
БЕКИШТАШЪ. — ЖЕНЫ СУЛТАНА. — ОТЪѢЗДЪ НА ПАРОХОДЪ
„ВЛАДИМІРЪ“. СТР. 53 — 70

ОТЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ДО БЕЙРУТА НА ПАРОХОДЪ „ВЛАДИМІРЪ“.

ГЛАВА V.

ПАРОХОДЪ „ВЛАДИМІРЪ“. — ВЫХОДЪ ВЪ МРАМОРНОЕ МОРЕ. — ВЕЧЕРЪ И
НОЧЬ. — АРХИПЕЛАГЪ. — ЛЕСБОСЪ. — БЕРЕГЪ МАЛОЙ АЗИИ. — КАСТЕРО. —
НАШЕ ПОМѢЩЕНИЕ НА ПАРОХОДѢ. — ПАЛУБА СЪ ЕЯ НАСЕЛЕНИЕМЪ. —
РУССКІЕ БОГОМОЛЦЫ И БОГОМОЛКИ. — АЗИЯТЦЫ. — СМИРНСКАЯ БУХТА. —
СМИРНА. — КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ. — БАЗАРЪ. — ТУРЕЦКІЙ
КВАРТАЛЪ. — ФОНТАНЪ И КОФЕЙНЯ. — ГРЕЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ. —
ЕВРОПЕЙСКІЙ КВАРТАЛЪ. — ВЕЧЕРЪ И УТРО. — НАВЯЗЧИВЫЙ ЕВРЕЙ. —
НАСЕЛЕНИЕ СМИРНЫ. — ЧЕСМЕНСКАЯ БУХТА. СТР. 71 — 89

ГЛАВА VI.

ХІОСЪ. — КАСТРО. — НАСЕЛЕНИЕ ХІОСА. — ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ. — ПРО-
ЛИВЪ КАРА-ОГЛУ. — ПЕРЕХОДЪ ДО РОДОСА. — УЛИЦА РЫЦАРЕЙ. —

ЕВРЕЙСКИЙ КВАРТАЛЪ. — АМБРУАЗСКІЯ ВОРОТА. — ПЕРЕХОДЪ ВЪ
 МЕРСИНУ. — ПЕЛИКАНЫ. — ЛЕТАЮЩІЯ РЫБЫ. — МЕРСИНА. — ПОѢЗДКА КЪ
 РАЗВАЛИНАМЪ ПАНТЕОПОЛИСА. — АЛЕКСАНДРЕТТА. — МЫСЬ ХИНЗАРЪ. —
 ЛАТАКІЯ. — ТРИПОЛИ. — ЛОВЛЯ ГУБОКЪ. — ЛИВАНСКІЯ ГОРЫ. —
 БЕЙРУТЪ. СТР. 90 — 108

ИЗЪ БЕЙРУТА ВЪ ДАМАСКЪ.

ГЛАВА VII.

ВСТРѢЧА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЪ БЕЙРУТѢ. — СОБОРЪ СВ. ГЕОРГІЯ. —
 У ПРЕОСВЯЩЕННАГО ГАВРИЛА ШАТИЛЫ. — ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА. —
 ДОМЪ НИКОЛАЯ СУРСОКЪ. — ПИНЕВА РОЩА. — КАКТУСЫ. — ВЕЧЕРЪ. —
 КУПАНЬЕ ВЪ СРЕДИЗЕМНОМЪ МОРѢ. — ПРИЕМЫ. — КУПЦЫ. — ФАНТАЗИЯ
 ИЛИ ИГРА ВЪ ДЖЕРИДЪ ВЪ ПИНЕВОЙ РОЩѢ. — МАРОНИТЪ. — КУРДЪ. —
 СКАЧКА. — ОБѢДНЯ ВЪ СОБОРѢ СВ. ГЕОРГІЯ. — ПОѢЗДКА НА СОБАЧЬЮ
 РѢЧКУ. — БАРЕЛЬЕФЫ И НАДПИСИ НА МЫСУ. — ДРАГОМАНЫ ПЕТРО И
 ТИМОЛЕОНЪ. СТР. 109 — 125

ГЛАВА VIII.

ЛИВАНСКІЯ ГОРЫ. — ПРИВАЛЬ. — ДОЛИНА БЕКАА. — ШТОРА. — НАШЪ
 ЛАГЕРЬ. — КАМАРАДЪ-ПАША. — БЕДУИНЫ. — ЗАХЛЕ. — БААЛБЕКЪ. —
 РАЗВАЛИНЫ ХРАМОВЪ СОЛНЦА И ЮПИТЕРА. — АНТИ-ЛИВАНЪ. —
 ЗАВТРАКЪ. — ЗЕБЕДАНЪ. — НОЧЛЕГЪ И ПЕРВЫЯ ПИСЬМА. —
 ДОЛИНА БАРАДЫ. — МОГИЛА ХАМА. — АЙНЪ-ФИДЖИ. — КАМЕНИСТАЯ
 ПУСТЫНЯ. СТР. 126 — 142

ДАМАСКЪ.

ГЛАВА IX.

ВЪѢЗДЪ ВЪ ДАМАСКЪ. — НАШЕ ПОМѢЩЕНИЕ И ВНУТРЕННОСТЬ ДОМА ВЪ
 ДАМАСКѢ. — НОЧНАЯ ПРОГУЛКА. — ИЗУВѢРНАЯ СЕКТА ШЕЙХА ИБРА-
 ГИМА. — ПРОКОЛОТЫЯ ЩЕКИ. — ВОЛЧОКЪ. — СКОРПИОНЫ. — ЖАРОВНЯ. —
 БАНЯ. — ВОЛШЕБНЫЙ САДЪ. СТР. 143 — 153

ГЛАВА X.

СОНЪ. — ДАМАССКІЕ ТОВАРЫ. — БАЗАРЪ. — МЕЧЕТЬ ОМАЯДОВЪ. — ЧАСОВНЯ
ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ. — ВИДЪ ДАМАСКА. — НЕВОЛЬНИЧІЙ РЫНОКЪ. —
СЕКТА ВРАЩАЮЩИХСЯ ДЕРВИШЕЙ МЕВЛЕВИСЪ. — МУЗЫКА. — УЧЕНІЕ
БРИГАДЫ АКИФЪ-ПАШИ. — ОБЪДЪ У ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА. —
ФЕЙЕРВЕРКЪ. — ВЕЧЕРЪ У НАШЕГО КОНСУЛА. — ЕВРЕЙКА СААДА. —
СЛЪПНОЙ ГУСЛЯРЪ. — ТАНЕЦЪ. СТР. 154 — 164

ОТЪ ДАМАСКА ДО ВЕРХОВЬЕВЪ ІОРДАНА.

ГЛАВА XI.

БЕДУИНЫ. — ИХЪ ЗАНЯТІЯ. — ХАРАКТЕРЪ. — РЕЛИГІЯ. — НРАВСТВЕННОСТЬ. —
ПОѢЗДКА ВЪ КОЧЕВЬЕ ПЛЕМЕНИ ШЕЙХА-МАГОМЕТЪ-ДУХИ. — ШАТЕРЪ. —
ВЕРЬЛЮДЪ СО ЗНАМЕНЕМЪ ПЛЕМЕНИ. — ОБЪДЪ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ДА-
МАСКЪ. — ДРЕВНОСТЬ ДАМАСКА. СТР. 165 — 173

ГЛАВА XII.

ОТЪЕЗДЪ. — СААСА. — РИМСКАЯ ДОРОГА. — КОНЕЙТРА. — ПУСТЫНЯ
ХАУРАНА. — МНИМОЕ НАПАДЕНІЕ БЕДУИНОВЪ. — ДОЛИНА ІОР-
ДАНА. — НАПАДЕНІЕ НА НАШЪ ЗАВТРАКЪ. — ДЖЕСЕРЪ-БЕНАТЪ-ЭЛ-
ЯКУБЪ. — ІОРДАНЪ. — САБЕХЪ ИЛИ ТАНЕЦЪ САВЕЛЬ. — ПЛЯСКА
КУРДОВЪ. СТР. 174 — 187

ОТЪ ВЕРХОВЬЕВЪ ІОРДАНА ВЪ НАЗАРЕТЪ.

ГЛАВА XIII.

ГЕНИСАРЕТСКОЕ ОЗЕРО. — КАПЕРНАУМЪ. — МАГДАЛА. — МѢСТО НАГОРНОЙ
ПРОПОВѢДИ. — ТИВЕРІАДА. — ЭММАУСЪ. — ЗАКАТЪ СОЛНЦА. — ПОРЫВЪ
ВѢТРА. — ОАВОРЪ. — ВСТРѢЧА СЪ ПАТІАРХОМЪ КИРИЛЛОМЪ. — НАЗА-
РЕТЪ. — ЦЕРКОВЬ АРХАНГЕЛА ГАВРИЛА. СТР. 188 — 199

ГЛАВА XIV.

СКОРШОНЪ. — ЦЕРКОВЬ НА МѢСТѢ СИНАГОГИ. — МОНАСТЫРЬ ФРАНЦИСКА-
НОВЪ И ЦЕРКОВЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ. — ПЕЩЕРЫ ВЪ КОТОРЫХЪ ЖИЛА
ПРЕСВЯТАЯ ДѢВА МАРІЯ. — СВАДЕБНОЕ ГУЛЯНЬЕ. — НАЗАРЕЯНКИ У
ВОДОЕМА. СТР. 200 — 207

ИЗЪ НАЗАРЕТА ВЪ ІЕРИХОНЪ.

ГЛАВА XV.

ДОЛИНА ІЕЗРАИЛЬ ИЛИ ЭСДРЕЛОНА. — ДЖЕНИНЪ. — ПОЛОЖЕНІЕ
ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА И КАПИТАЛИСТА ВЪ СІРІИ И ПАЛЕСТИНѢ. — НА-
БЛУСЪ. — СТАРѢЙШИНА САМАРЯНЪ. — МОГИЛА ІОСИФА. — КОЛОДЕЦЪ
ІАКОВА. СТР. 208 — 217

ГЛАВА XVI.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ЕФРАИМОВЫ ГОРЫ. — ПУСТЫНЯ НА РАВНИНѢ ІОРДАНА. —
ТРУДНЫЙ ДЕНЬ. — НОЧЛЕГЪ. — ИСТОЧНИКЪ ПРОРОКА ЕЛИСЕЯ. —
МЕРТВОЕ МОРЕ. — ІОРДАНЪ. — КУПАНЬЕ. — ОАЗИСЪ ІЕРИХОНА. —
ГОРА Сорокадневнаго поста. — ДЕРЕВНЯ РАХА И ДРЕВНІЙ
ІЕРИХОНЪ. СТР. 218 — 229

ІЕРУСАЛИМЪ.

ГЛАВА XVII.

ОТЪ ІЕРИХОНА ВЪ ВІОАНЦЮ. — ІЕРУСАЛИМЪ. — ДОЛИНА ІОСАФАТА. —
КРЕСТНЫЙ ПУТЬ. — У ГРОБА ГОСПОДНЯ. — ХРАМЪ ВОСКРЕСЕНІЯ. —
ГОЛГОФА. — У ПАТІАРХА. — ГЕОСИМАНСКАЯ ДОЛИНА. — ЦЕРКОВЬ
УСПЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ. — ПЕЩЕРА АПОСТОЛОВЪ. — ГЕОСИМАНСКІЙ
САДЪ. — ЕЛЕОНСКАЯ ГОРА. — ДОМЪ РУССКОЙ МИССИИ. — ГАЛЕРЕЯ
МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ. — КНЯГИНЯ ЛАТУРЪ Д'ОВЕРНЪ. — ГРОБНИЦЫ
ЦАРЕЙ ІУДЕЙСКИХЪ. — ЗОЛОТЫЯ ВОРОТА. — МЕЧЕТЬ ОМАРА. — ЗАМОКЪ
ОРДЕНА ІОАННИТОВЪ. — ЕВРЕИ У СТѢНЫ СОЛОМОНОВА ХРАМА. —
ОСВЯЩЕНІЕ СОВОРА ВЪ РУССКОМЪ ПОДВОРЬѢ. — ПЛОСКІЯ КРЫШИ
ГОРОДА. — ЦИСТЕРНЫ. СТР. 230 — 243

ГЛАВА XVIII.

ПОДРОБНЫЙ ОСМОТРЪ ХРАМА ГРОБА ГОСПОДНЯ. — МЕЧЬ ГОДФРИДА
БУЛЬЙОНСКАГО. — НОЧНОЕ БДѢНІЕ У ГРОБА ГОСПОДНЯ И НА ГОЛГОѢ. —
ПОѢЗДКА ВЪ ВИФЛЕЕМЪ. — МОНАСТЫРЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. — ПРИУТЪ
ДЛЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ДѢТЕЙ. — ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ІЕРУСАЛИМА ВЪ ЕММАУСЪ. —
ГАМЛЕ. — ПѢНІЕ МУЭДЗИНОВЪ. — ЛИДА. — ХРАМЪ СВ. ГЕОРГІЯ ПОБѢДО-
НОСЦА. — ЯФФА. — МОРЕ. СТР. 244—261

СУЭССКІЙ КАНАЛЪ.

ГЛАВА XIX.

ПОРТЪ-САИДЪ. — ПАРОХОДЪ „ШЕНДИ“. — ДАХАБИЭ. — ОЗЕРО МЕНЦАЛЕ. —
ФЛАМИНГИ. — МИРАЖЪ. — МОРСКОЙ КАНАЛЪ. — ОЗЕРО ТИМСА. —
ИЗМАИЛИЯ. — НОЧНАЯ ПРОГУЛКА. — САДЪ. — ГОРЬКІЯ ОЗЕРА. — МѢСТО
ПРЕДПОЛАГАЕМАГО ПЕРЕХОДА МОИСЕЯ. — СУЭСЪ. — АНГЛІЙСКІЙ ПАРО-
ХОДЪ СОДЕРЖАЩІЙ СООБЩЕНІЕ СЪ ИНДІЕЙ. — ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА ВЪ
КАИРЪ. — КАНАЛЪ ПРѢСНОЙ ВОДЫ. СТР. 262—276

КАИРЪ.

ГЛАВА XX.

САИСЫ. — ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ХЕДИВУ. — ИЗМАИЛЬ-ПАША. — СТАРЫЙ И НОВЫЙ
ГОРОДЪ. — МЕЧЕТЬ ХАССАНА. — ЦИТАДЕЛЪ. — МЕЧЕТЬ И ГРОБНИЦА
АЛИ-ПАШИ. — ИЗБІЕНІЕ МАМЕЛЮКОВЪ. — ЭМИНЪ-БЕЙ. — ЗНАМЕНИТЫЙ
СКАЧЕКЪ. — БАЗАРЪ. — УЛИЦЫ КАИРА. — АЛЛЕЯ ШУБРЫ. — ГУЛЯНЬЕ. —
ДВОРЕЦЪ ШУБРА. — КАЗАРМА КАФЪ-ЭЛ-НИЛЬ. — ПОѢЗДКА ПО НИЛУ. —
ДАХАБИЭ. — РАЗЛИВЪ НИЛА. — БАРАЖИ. — УКРѢПЛЕНІЯ. — ВЫЗОВЪ ПО
ТРЕВОГѢ ДВУХЪ БАТТАРЕЙ. — ОБРАТНОЕ ПЛАВАНІЕ. — ОСТРОВЪ РАУДДА. —
КОНЮШНИ ХЕДИВА. — ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ. — ПОСѢЩЕНІЕ ТЕФИКЪ-
ПАШИ. — ПАРАДНЫЙ СПЕКТАКЛЬ. — ОСОБЕННОСТЬ КАИРСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ. СТР. 277—297

ЕГИПЕТСКІЯ ДРЕВНОСТИ И ВОЗВРАЩЕНІЕ.

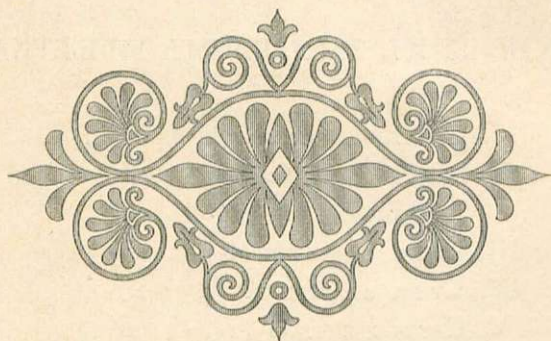
ГЛАВА ХХІ.

ПОЕЗДКА КЪ ПИРАМИДАМЪ. — ПИРАМИДЫ ХЕОПСА И СЕФРЕМА. — ИХЪ ВЕЛИЧИНА. — НА ВЕРШИНѢ ХЕОПСОВОЙ ПИРАМИДЫ. — ПИРАМИДА СЕФРЕМА. — ВНУТРИ ХЕОПСОВОЙ ПИРАМИДЫ. — ЗАВТРАКЪ. — СФИНКСЪ. — ПИРАМИДА САХАРА. — ДОМИКЪ МАРИЭТЪ-БЕЯ. — МАРИЭТЪ-БЕЙ. — ПОСТРОЙКА ПИРАМИДЪ. — НЕОБЫЧАЙНАЯ ДРЕВНОСТЬ ЕГИПЕТСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ. — ФАРАОНЪ ТУТМЕСЪ IV И СФИНКСЪ. — ЗНАЧЕНІЕ СФИНКСОВЪ. — СЕРАПЕУМЪ. — СМЕРТЬ АПИСА. — ПОМИНАЛЬНЫЯ ПЛИТОЧКИ. — ГАЛЕРЕЯ. — ГРОБНИЦЫ АПИСОВЪ. — АПИСЪ. — ГРОБНИЦА ВТАОТЕПА. — ЕГИПЕТСКІЕ БАРЕЛЬЕФЫ И СТѢННЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ. — ПАЛЬМОВЫЙ ЛѢСЪ. — ДРЕВНІЙ МЕМФИСЪ. — ЗАГОРОДНЫЙ ДВОРЕЦЪ ДЖЕЗИРЕ. — БУЛАКСКІЙ МУЗЕЙ. — ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ КАИРА. — АЛЕКСАНДРІЯ. — ПЕРЕѢЗДЪ ПО СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ. — БУРЯ. — СВѢТЯЩІЯСЯ ВОЛНЫ. — БРИНДИЗИ. СТР. 298 — 328

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ЗАГЛАВНЫМЪ ВИНЪЕТКАМЪ.

Къ главѣ	I. Памятникъ Петра Великаго . . .	СТР.	1
„	II. Щитъ съ украшеніемъ изъ турецкой надписи.	„	17
„	III. Стилъ византійскій	„	35
„	IV. Стилъ арабскій	„	53
„	V. Стилъ греческій	„	71
„	VI. „Развалины Латаки“, мотивъ украшенія греческій	„	90
„	VII. Замокъ въ Бейрутѣ, мотивъ украшенія ассирійскій	„	109
„	VIII. Стилъ ассирійскій. Буква П изображаетъ двери храма Юпитера въ Баалбекѣ	„	126

Къ главѣ	IX. Стилъ ассирійскій	стр. 143
„	X. Стилъ арабскій	„ 154
„	XI. Стилъ арабскій	„ 165
„	XII. „Святое крещеніе“	„ 174
„	XIII. Видъ горы Ѡаворъ	„ 188
„	XIV. Стилъ римскій	„ 200
„	XV. Повтореніе главы XIII	„ 208
„	XVI. Развалины Іерихона и видъ горы „Сорокадневнаго поста“	„ 218
„	XVII. „Пещера апостоловъ“, мотивъ укра- шенія римскій	„ 230
„	XVIII. „Св. Георгій побѣдоносецъ“, мотивъ украшенія византійскій	„ 244
„	XIX. Стилъ египетскій	„ 262
„	XX. „Цитадель въ Каирѣ“, стилъ укра- шенія египетскій	„ 277
„	XXI. „Сфинксъ и пирамиды Гизеа,, ...	„ 298



ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО
ВОСТОКУ

И

СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

СЪ СВИТЪ ВЪРКАСЪ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ЕКАТЕРОВИЧА

ВЪ 1872 ГОДУ

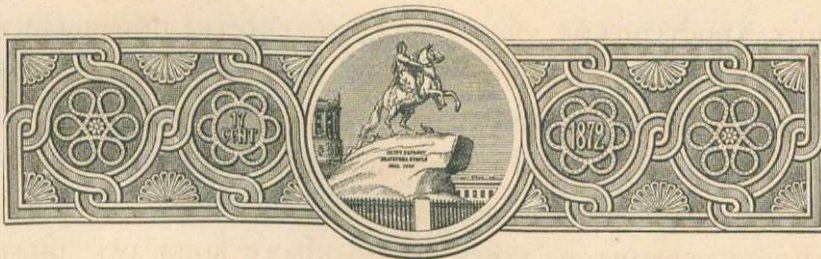
Д. ЕКАПОНА.



1881.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Ноября 1881 г.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.



ГЛАВА I.

ВЫЕЗДЪ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА. — ДОРОГА ДО ВѢНЫ. — ВЕРХНЕ-ВЕНГЕРСКАЯ РАВНИНА. — АВСТРІЙСКІЕ ПАРОХОДЫ И ПЛАВАНІЕ ПО ДУНАЮ. — ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА СЪ ТУРКАМИ.



емнадцатаго сентября 1872 года, въ 9 часовъ утра, мы ¹⁾ выѣхали изъ С.-Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ. Погода стояла свѣжая, ясная; поѣздъ царскихъ вагоновъ, со всѣми удобствами, мчалъ насъ въ дальній путь.

„Куда мы ѣдемъ?“ былъ общій занимавшій насъ вопросъ. На Востокъ!... далеко, за тридцать земель, черезъ горы и долины, въ царство султана; на Востокъ въ страну обѣтованную, гдѣ роди-

¹⁾ Великаго Князя сопровождали: Ихъ Высочества: Князь Евгений Максимиліановичъ Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій; Принцы Александръ и Константинъ Петровичи Ольденбургскіе; графъ Г. А. Строгановъ, генераль-лейтенантъ Д. И. Скобелевъ; генераль-маіоры: М. Н. Дохтуровъ, А. А. Галлъ, В. Н. Сипягинъ, В. К. Клемъ; флигель-адъютантъ графъ Г. Бергъ, адъютанты Его Высочества: А. П. Струковъ, Д. А. Скалонъ и Ѳ. П. Ласковскій; лейбъ-хирургъ А. Л. Обермюллеръ, художникъ Е. К. Макаровъ, баронъ Е. К. Фелейзенъ; гг. Толонъ и Кронебергъ; лекарскій помощникъ К. И. Березкинъ и девять человекъ прислуги. Въ Константинополѣ къ намъ присоединились: Н. Д. Макѣвъ, драгоманъ посольства, назначенный сопровождать Его Высочество, и нашъ дамасскій консулъ г. Юзefовичъ. *Авт.*

лось христіанское ученіе, куда съ дѣтства обращались наши помыслы; и наконецъ—въ царство вѣчной весны и лѣта, въ долину чуднаго Нила. Пути не мало! И, дѣйствительно, кромѣ желѣзныхъ дорогъ, намъ придется странствовать недѣли двѣ по морямъ, да около мѣсяца верхомъ на конѣ по труднымъ дорогамъ, подъ жаркимъ солнцемъ, подъ убійственнымъ зноемъ. Есть надъ чѣмъ позадуматься, изъ-за чего поставить вопросъ: „куда мы ѣдемъ?..“ Поэтому всѣмъ намъ по сердцу пришелся тостъ провозглашенный Великимъ Княземъ за завтракомъ: „за благополучное путешествіе и здоровье всѣхъ сопутствующихъ!“ Мы дружно чокнулись бокалами и запили шампанскимъ доброе пожеланіе.

Во Псковѣ обѣдали. Вечеромъ играли за двумя столами въ карты, пили чай, болтали кой о чемъ, разошлись по своимъ отдѣленіямъ и легли спать. Утромъ я проснулся въ шесть часовъ и всталъ, чтобы, вспоминая старину, посмотрѣть на знакомую мнѣ мѣстность южнѣе Вильны. Станціи Ландварово, Ораны, Марцынканцы, вырубленный по сторонамъ дороги сосновый и еловый лѣсъ; пески, поля, все это было мною пройдено вдоль и поперекъ во время послѣдняго польскаго возстанія, и теперь переносило мои воспоминанія въ блаженные времена первыхъ офицерскихъ чиновъ.

Между тѣмъ среди разговоровъ и споровъ подъѣхали къ Гроднѣ и однообразный ландшафтъ немного измѣнился; показались пирамидальные тополи, костелы съ башнями. Промелькнулъ подъ нами Нѣманъ съ красиво расположившимся на берегахъ его городомъ; а затѣмъ снова прежнее однообразіе: сосны, песокъ,

поля, луга, по которымъ кое-гдѣ паслись стада. Къ четыремъ часамъ мы прибыли въ Варшаву.

Я въ первый разъ увидѣлъ бывшую столицу Польши, и, признаюсь, она мнѣ понравилась. Замокъ, влѣво сады, вправо цитадель, спереди рѣка съ великолѣпнымъ мостомъ, за нею на высокомъ берегу городъ; все это группируется чрезвычайно живописно. Площадь за замкомъ съ фонтаномъ и колонной Сигизмунда, обрамленная средневѣковыми, высокими, въ три окна домами, напоминаетъ нѣмецкія постройки; славянскаго элемента въ нихъ и слѣда нѣтъ. Мы быстро проѣхали въ ландо черезъ городъ по Новому Свѣту до Лазенковскаго дворца, прекрасно расположеннаго, среди прудовъ и вѣковаго парка, и послѣ обѣда разбредись по городу. Я поѣхалъ съ графомъ Бергомъ въ Саксонскій садъ; заглянулъ въ Новый лѣтній театръ, потомъ въ Большой, гдѣ шелъ полуторавѣковой балетъ Доберваля *Тщетная Предосторожность* въ весьма жалкой обстановкѣ и къ десяти часамъ подкатилъ къ станціи желѣзной дороги; тамъ собрались уже многіе изъ нашихъ. Недоставало одного Л., который поэтому и испыталъ непріятность одинокаго путешествія: онъ отсталъ отъ насъ и пріѣхалъ въ Вѣну сутками позже. Намъ было уже извѣстно, что на границѣ мы должны будемъ перебраться на тѣсныя квартиры такъ-сказать, то есть съ широкаго расположенія въ трехъ вагонахъ перейти въ одинъ, а потому, желая въ послѣдній разъ отдохнуть на полномъ просторѣ, мы, не теряя времени, всѣ легли спать и въ пять часовъ утра проснулись уже въ австрійскихъ владѣніяхъ.

Переодѣвшись въ статское платье, я, почти въ темнотѣ, размѣнялъ деньги у евреевъ, довѣрившись въполнѣ ихъ честности, потому что съ просонковъ никакъ не могъ сообразить относительной стоимости гульденовъ, крейцеровъ, лиръ и прочихъ монетъ. Когда изготовили и подали поѣздъ, мы размѣстились въ одномъ вагонѣ довольно удобно и продремали до Щебины, гдѣ пили кофе. Между тѣмъ совершенно разсвѣло, и я сталъ разсматривать новую мѣстность, вглядываясь въ новые типы. Казалось бы дорога все одна и та же, а граница сказала: среди населенія встрѣчается еще много русскихъ лицъ, только въ чуждой одеждѣ; у жидовъ выросли длинные пейсы; у служащихъ на дорогѣ будто носы и подбородки стали поострѣе; офицеры въ плащахъ и курточкахъ-блузахъ, въ кепи некрасиваго покроя. Страна отлично воздѣлана: вездѣ видны изгороди, дороги обсаженные деревьями, поля обработанные въ видѣ грядокъ, сѣнокосные луга, аккуратные каменные домики съ черными крышами. Иногда между ними встрѣчается церковь со шпилемъ, ряды тополей живописно выдаются изъ разбросанныхъ группъ деревьевъ или стройно вытягиваются вдоль дорогъ и канавъ. Липа и еще нѣкоторыя изъ лиственныхъ деревьевъ уже пожелтѣли. Въ иныхъ мѣстахъ вдоль желѣзной дороги посажена живая изгородь изъ стриженныхъ елокъ, что очень красиво.

На станціяхъ подсаживаются рекруты, которыхъ со слезами провожаютъ женщины, а мушны прощаются пожатіемъ руки.

Въ Одербергѣ остановка на часъ, для завтрака.

Несмотря на инкогнито, Великій Князь былъ встрѣченъ здѣсь начальникомъ станціи въ парадной формѣ, а завтракъ накрытъ былъ въ императорскихъ комнатахъ. Послѣ завтрака, мы, въ свою очередь, служили пищею любопытнымъ, такъ какъ вагонъ Великаго Князя былъ украшенъ орлами и коронами и потому невольно изобличалъ его инкогнито.

Я любовался красивою мѣстностью: холмики, предгорья, ручейки, мостики, чистенькія деревушки, села, развалины старинныхъ замковъ, все это быстро проносилось предъ глазами, смѣняясь одно другимъ, пока разомъ не исчезло въ непроглядномъ мракѣ тоннеля, по выходѣ изъ котораго мѣстность измѣнилась, принявъ характеръ нашихъ степныхъ губерній: вдали, за нами, виднѣлись силуэты Карпатовъ; предъ нами гладь, поля, покрытыя еще не собранною кукурузой и бахчами. На станціяхъ венгерскіе костюмы, вѣчное постукиваніе молоточкомъ по колесамъ и выкрикиваніе на различные голоса: «frisches Wasser».

Но вотъ, наконецъ, въѣзжаемъ на мостъ, подъ нами Дунай, съ песчаными отмелями, а за нимъ широко раскинувшаяся Вѣна. Въ 5 часовъ въ вокзалѣ насъ встрѣтили, посадили въ экипажи и черезъ Леопольдштадтъ и Рингштрассе повезли въ Grand-Hôtel, гдѣ уже заблаговременно были заняты номера.

Признаюсь, дѣйствительность превзошла мои ожиданія: въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ мы проѣхали, городъ можетъ быть названъ, въ полномъ смыслѣ слова,

красивымъ; вездѣ замѣчательная чистота, въ особен-ности на Рингѣ, множество громадныхъ зданій, двор-цовъ, бульвары, и все это оживлено бойкимъ дви-женіемъ толпы горожанъ, пѣшиходовъ и всадниковъ, омнибусовъ, разнообразнѣйшихъ экипажей, непре-станно снующихъ вагоновъ желѣзно-конной дороги и небольшихъ тележекъ, которыя возятся здѣсь за-пряженными собаками. Вскорѣ послѣ обѣда въ Грандъ-Отель совершенно стемнѣло и я пошелъ съ графомъ Бергомъ пошататься по улицамъ. Избѣгали Колмарктъ, Грабенъ, Кернтнеръ-Штрассе и всѣ соединяющіе ихъ переулки, проулки и проходные дворы. Зашли также посмотрѣть и на соборъ Св. Стефана, который въ ту минуту какъ-то фантастически уносился своимъ шпилемъ въ темную высь, и только снизу смутно освѣщался слабымъ свѣтомъ фонарей, рисуясь на темномъ фонѣ неба, какъ сѣроватое кружево, своимъ богатымъ готическимъ узоромъ. Отъ собора верну-лись къ прелестному зданію новаго опернаго театра и вошли въ фойе. Что за роскошь! Видно, что національное искусство здѣсь въ почетѣ и живетъ, какъ подобаетъ, въ великолѣпномъ храмѣ. Признаюсь, сравнивъ этотъ театръ съ нашимъ Мариинскимъ, я съ завистью посмотрѣлъ на золоченую, украшенную чудесными фресками и бюстами композиторовъ, приѣм-ную нѣмецкой оперы.

Отъ этого прелестнаго зданія до Грандъ-Отеля какихъ нибудь сто шаговъ. Было уже время отдох-нуть. Мой номеръ очень уютенъ, удобенъ и даже роскошенъ. Вообще гостинница отлично содержана,

и кто не боится израсходовать лишній гульденъ, можетъ разсчитывать здѣсь на всѣ удобства.

Въ слѣдующіе дни, обыкновенно послѣ утренняго чая, я отправлялся съ графомъ Бергомъ гулять по городу: осматривалъ встрѣчные памятники, церкви, зданія, магазины, дѣлалъ кое-какія необходимыя закупки для путешествія, и знакомился, такимъ образомъ, съ уличною жизнью Вѣны. Все это впрочемъ слишкомъ уже извѣстно читателю, чтобы стоило о томъ распространяться, а потому замѣчу вскользь, что Вѣна на видъ чудесный городъ, представляющій всѣ удобства для жизни.

22-го сентября съ утра мы уже уложились и отправили вещи на желѣзную дорогу; затѣмъ, позавтракавъ и пошатавшись, на прощанье, еще разоувъ по веселымъ, бойкимъ улицамъ, къ двумъ часамъ собрались въ вокзалъ Сѣверной желѣзной дороги, а въ два съ половиной поѣхали въ Базіашъ на Дунаѣ, чрезъ Офенъ и Пештъ.

Дорога идетъ между невысокими холмами, скаты покрыты виноградниками и садами, которые въ обширной долинѣ разрастаются огромнымъ поясомъ вокругъ Пресбурга, прежней столицы Венгріи (до 1784 года).

За Пресбургомъ, часа за два до сумерекъ, мы могли вдоволь любоваться чудесно воздѣланною Верхне-Венгерскою равниною. Вся страна вокругъ представляется однимъ громаднымъ садомъ съ шоссированными дорогами, съ аллеями бѣлыхъ акацій, каштановъ и тополей, обрамляющихъ поля; вино-

градники и виллы, около которых не рѣдко простираются обширные парки. Впрочемъ, что касается меня лично, то вся эта мѣстность вскорѣ показалась мнѣ однообразною, потому что здѣсь природа слишкомъ уже тщательно приглажена, подчищена, подстрижена; много искусства за которымъ, такъ-сказать, не видишь самой природы, съ ея естественною красотою и прелестью. Это нарядное и какое-то форменное однообразіе, въ концѣ-концовъ надоѣдаетъ такъ, что я невольно отвлекся отъ созерцанія австрійскихъ культивированныхъ долинъ первымъ случайнымъ разговоромъ, и взглянулъ въ окно только тогда, когда уже совсѣмъ стемнѣло и мы подъѣхали къ Дунаю. Рѣка тусклыми бликами представляла взору свою свинцовую поверхность, обрамленную черными абрисами горъ и отражавшую въ себѣ длинныя, струистыя, огненные полосы костровъ, тамъ и сямъ разложенныхъ судорабочими, сплавщиками бревенчатыхъ плотовъ и дунайскими рыбаками.

Несмотря на яркое мерцаніе звѣздъ, было очень темно, когда въ девять часовъ мы пріѣхали въ Пештъ, гдѣ, кромѣ вокзала, ничего не довелось намъ увидѣть.

На слѣдующій день я проснулся уже въ Темешварѣ. Утро было прелестное, дорога пробѣгала по необозримымъ полямъ Венгріи, которыя во всемъ напоминаютъ нашу Малороссію; окончательному сходству этихъ двухъ странъ мѣшаютъ только виноградники, но это уже подробность, а въ общемъ, поверхностномъ взглядѣ — Малороссія, да и только.

Къ десяти часамъ пріѣхали въ Базіаншъ.

Поѣздъ подошелъ къ дебаркадеру, который построенъ на самомъ берегу Дуная. Насъ встрѣтили носильщики-румыны, въ бѣлыхъ сорочкахъ съ широкими рукавами, въ широкихъ же шароварахъ и въ черныхъ жилетахъ съ серебряными пуговицами; на головѣ шапочка, очень напоминающая наши, всѣмъ извѣстныя, ямщицкія шапки, ноги обуты въ кожаные лапти и наконецъ, самая характерная часть костюма, кожаный поясъ, вершковъ въ шесть или восемь ширины, съ тиснеными узорами. Весь этотъ представшій предъ нами людъ носить усы и брѣть бороды, отличаясь по большей части смуглымъ лицомъ, черными глазами и волосами, а по типу своему весьма напоминаетъ нашихъ «хохловъ», малороссовъ.

Пароходная пристань находится у самой станціи. Пароходъ уже дымился и нарочно ждалъ нашего поѣзда. Капитанъ встрѣтилъ Великаго Князя въ мундирѣ, и когда багажъ перенесли на палубу, испросилъ разрѣшеніе отчалить.

Австрійскіе пароходы, совершающіе срочные рейсы по Дунаю, очень удобны, чисто содержатся, имѣютъ просторныя каюты, снабжены хорошимъ буфетомъ и предлагаютъ очень хорошій столъ. По крайней мѣрѣ таковы были пароходы: *Францъ Іосифъ* и *Софія*, на которыхъ намъ довелось ѣхать.

Отъ Базіаша до пороговъ рѣка не представляетъ особыхъ прелестей для глазъ; здѣсь она довольно широка (4000 ф.), берега съ одной стороны песчаны, съ другой покрыты лѣсомъ.

Дунай протекаетъ на разстояніи 2500 верстъ,

чрезъ пять террасообразныхъ равнинъ, образуя, въ мѣстахъ перехода изъ одной равнины въ другую, пороги, затрудняющіе судоходство. Намъ предстояло плыть отъ Базіаша Нижне-Венгерскою равниною до Тивадицы въ Венгріи, и Іоча въ Сербіи, гдѣ ложе рѣки на протяженіи двадцати миль до Скелла-Кладова суживается вѣтвями Балкановъ и Семиградскаго нагорья, и гдѣ собственно начинается самая интересная часть Дуная, называемая Клисурой; наконецъ, отъ Скелла-Кладова плаванье должно было продолжаться до Рущука уже Валахскою низменностью.

Мы окончили завтракъ и вышли наверхъ, когда пароходъ подошелъ къ тому мѣсту гдѣ рѣка, суженная въ своемъ теченіи, врывается въ первую Дунайскую тѣснину Бабакай, съ которой глядятъ развалины стариннаго и красиваго зѣмка Колумбачъ, расположеннаго на половинѣ ската возвышенности сербскаго берега. Въ скалахъ около Колумбача находятся пещеры, въ которыхъ три раза въ году нараждаются громаднѣйшіе рои комаровъ. У входа, ближе къ лѣвому берегу, возвышается скала «Попугай». Здѣсь, по существующему между матросами обычаю, совершаютъ надъ новичками нѣчто въ родѣ экваторіальнаго крещенія.

По мѣрѣ того какъ мы подавались впередъ, вѣтеръ, доселѣ довольно сильный, началъ стихать и вскорѣ совершенно прекратился, лишь только горы живописнымъ поясомъ охватили теченіе какъ будто со всѣхъ сторонъ. Рѣка, извиваясь красивою лентою, огибаешь подножія горъ поросшихъ невысокимъ лѣсомъ и кустарникомъ; по сторонамъ выдаются обнаженные скалы,

разнообразя видъ своими формами и оттѣнками глинистаго цвѣта. Немного ниже Колумбача изрѣдка попадаются селенія съ небольшими полями кукурузы, проса и иныхъ хлѣбовъ. Вообще мѣстность довольно пустынна и носитъ дикій, но живописный характеръ. Мѣстами изъ боковыхъ долинъ впадаютъ въ Дунай горные потоки, или пересохшія русла. Вдоль лѣваго берега тянется шоссированная дорога, перебѣгающая чрезъ эти рѣчки и стремнины по каменнымъ мостамъ и мостикамъ.

Вотъ изъ-за темно-зеленой горы вырастаетъ, подобно замку съ башнями и бойницами, высокая скала, и Дунай круто поворачиваетъ къ югу; а немного ниже бѣлая полоса водяной пѣны указываетъ начало Верхнихъ пороговъ. Тутъ поперекъ рѣки лежитъ подводный камень Тахталія, образуя на протяженіи отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 миль рядъ водоворотовъ и стремнинъ. Наибольшее ихъ число встрѣчается у Излаша, подходя къ которому нашъ *Францъ-Иосифъ* завернулъ противъ теченія, для того чтобы дать мѣсто другому пароходу, который въ это время переваливался черезъ порогъ.

Рѣка несется со скоростью $9\frac{3}{4}$ верстъ въ часъ, а у мыса «Гребень» значительно суживается и будто впадаетъ въ горное озеро съ необыкновенно красивыми очертаніями береговъ, гдѣ скалы смѣняются горами и холмиками, на которыхъ расположились селенія и между ними бѣлѣтся церковь. Среди озера находится островъ, поросшій густою зеленою. Затѣмъ Дунай опять сковывается великолѣпными крутыми и высокими скалами; течетъ какъ бы вдоль стѣны, у подножія

горы Стербечъ, высшей точки прохода (въ 2180 футовъ), и съ шумомъ ударяется въ гору Казанъ, на которой видна покинутая караулка. Но вотъ скалы все больше и больше сдавливаютъ теченіе, вода сильнѣе и сильнѣе рвется въ дикомъ ущельи, до самаго узкаго мѣста Раконъ (отъ 300 до 400 футовъ ширины), которое можно было бы назвать Дунайскимъ проливомъ.

Нѣкоторые изъ насъ усѣлись на кожихъ, любуясь безконечнымъ рядомъ картинъ и примѣчательными особенностями Дунайскихъ береговъ; такъ на Ванатскомъ берегу за Стербечомъ находится много пещеръ, между которыми особенно замѣчательны двѣ: одна изъ нихъ сквозная и выходитъ на $\frac{3}{4}$ часа ходу, въ продольную долину; другая, носящая названіе «Пещеры Ветерановъ», замѣчательна тѣмъ что въ ней укрылся въ 1848 году цѣлый полкъ конныхъ венгерцевъ. На сербскомъ берегу возбудили общее вниманіе слѣды Римской дороги, извѣстной подъ именемъ «Траянова Пути»; мѣстами она такой ширины, что и теперь еще могутъ свободно пройти два человѣка рядомъ; коегдѣ видны вырубленные въ скалахъ углубленія четырехугольной формы, въ которыя вставлялись бревна для настилки мостковъ. Около Ракони на скалѣ, въ продолговатой рамкѣ, высѣчена латинская надпись, но къ сожалѣнію она до такой степени закопчена кострами рыбаковъ что мы не имѣли возможности разобрать ее.

Вообще правый берегъ Дуная на видъ гораздо неприступнѣе лѣваго и мало населенъ, за то, какъ говорятъ, охота здѣсь хороша: попадаетъ много

кабановъ, козуль и т. п. дичи. На австрійскомъ же берегу звѣри истреблены граничарами.

Пароходъ нашъ, перелетѣвъ узкимъ фарватеромъ черезъ пороги и кипящіе среди волнъ и пѣны водовороты, остановился у Альтъ-Оршовы; это маленькій городокъ, весь въ садахъ, съ чистенькою набережной и небольшими каменными домами. Отъ города тянется аллея тополей, въ концѣ которой найдена была спрятанная Кошутомъ корона Св. Стефана, и на этомъ самомъ мѣстѣ, въ память столь драгоцѣнной находки, воздвигнута часовня.

Мы перешли на маленькій пароходъ чтобы проскользнуть чрезъ «Нижній Порогъ» или «Желѣзные Ворота» до Турнъ-Северина, гдѣ опять предстояло перебраться на пароходъ большихъ размѣровъ, который уже долженъ былъ доставить насъ къ Рушуку. Недалеко отъ Альтъ-Оршовы лежитъ укрѣпленный островъ, это турецкая крѣпостца Новая Оршова, занятая гарнизономъ изъ 400 человекъ съ комендантомъ въ чинѣ полковника. На веркахъ прохаживались часовые, а внутри виднѣлось нѣсколько одноэтажныхъ зданій, должно быть казармы, немного зелени и особый домикъ, окруженный тополями, вѣроятно квартира коменданта.

Противъ острова, на правомъ берегу, стоялъ турецкій фортъ, взорванный сербами въ 1868 году; на лѣвомъ берегу валахская граница.

Версты за полторы ниже острова мы взошли въ Желѣзные Ворота. Здѣсь рядъ пороговъ, съ виду замѣтныхъ только по усиленному волненію рѣчной

поверхности, да по быстротѣ теченія. Первый порогъ Горная Белега; а саженьхъ въ 250 отъ него, второй — Дольная Белега; вода страшно несется, кипитъ, бьетъ пѣною и такъ реветъ, что при разговорѣ даже словъ невозможно слышать. Фарватеръ очень узокъ, пароходъ идетъ рядомъ со страшною стремниной, — малѣйшая ошибка рулевого и, кажется, щепокъ не соберешь... И дѣйствительно, капитанъ сказывалъ, будто не было примѣра, чтобы кто-либо спасся, разъ попавъ въ безчисленные водовороты и буруны. Въ сильныя засухи пороги оголяются. У береговъ видны забои, понадѣланные для ловли лососей. У острова Балени насчитываютъ еще 23 водоворота, и затѣмъ Дунай течетъ уже гораздо спокойнѣе.

Это спокойствіе теченія очевидно находится въ зависимости отъ характера самой мѣстности, которая здѣсь совершенно измѣняется: дикія скалы съ ихъ рѣзкими очертаніями преобразились въ высокіе холмы, съ закругленными вершинами по скатамъ; видны обвалы отъ песчаника; вмѣсто каменныхъ строеній, появляются деревянныя избы валахскихъ деревень, съ высокими крышами и заборами изъ хвороста. По берегу идетъ валашка въ длинной бѣлой сорочкѣ съ краснымъ передникомъ и низко спущеннымъ бѣлымъ же покрываломъ. Подходимъ къ полуразвалившейся четырехугольной башнѣ, стоящей на томъ мѣстѣ гдѣ нѣкогда былъ мостъ Траяна. А вотъ и куполы православнаго храма, рядомъ съ минаретами, въ сербской крѣпости Кладова, замѣченные нами еще издали, при выходѣ изъ Желѣзныхъ Воротъ. Въ Кладовой обыкновенно

перегружаются суда, прошедшія чрезъ пороги. Мы остановились и пересѣли на большой пароходъ *Софія* у валахскаго городка Турнъ-Северина, который лежитъ среди плоскаго песчанаго берега и по первому впечатлѣнію очень напоминаетъ, внѣшнимъ видомъ своимъ, нашъ Козьмодемьянскъ.

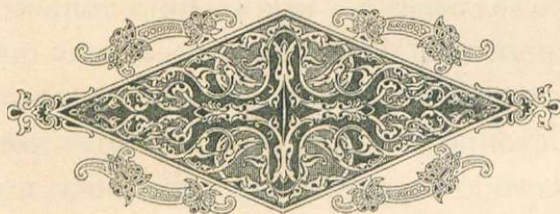
На пристани собрались мѣстные власти, для встрѣчи Халиль-Шерифъ-паши, министра иностранныхъ дѣлъ блистательной Порты, который одновременно съ нами ѣхалъ въ Константинополь, къ мѣсту своего новаго назначенія.

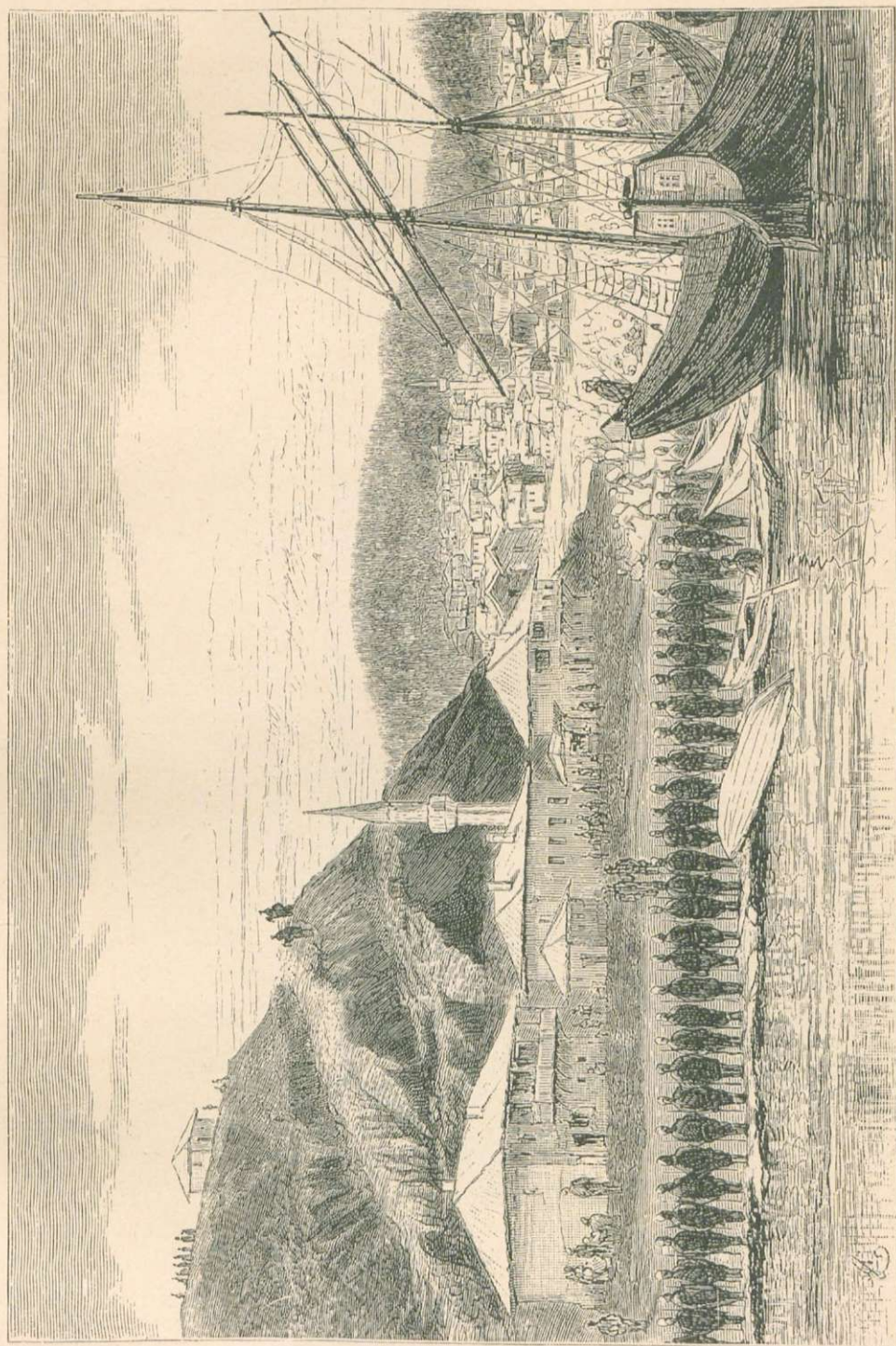
Пока шло офиціальное представленіе мѣстныхъ властей, мы наблюдали характеръ наружности жителей собравшихся у пристани, но ничего не нашли въ немъ рѣзкаго, выдѣляющагося какою-либо типическою, яркою особенностью. Между тѣмъ наступили сумерки, въ городѣ засвѣтились огоньки, на небѣ зажглись звѣзды; власти церемонно откланялись и пароходъ нашъ *Софія*, описавъ широкій полукругъ, пустился внизъ по теченію; Турнъ-Северинъ на излучинахъ рѣки мелькнулъ раза два своими огоньками и затѣмъ слился съ темнотою.

Насъ позвали къ обѣду, причемъ мы заняли особый столъ и благодаря веселости Г. А. С. много смѣялись. За остальными столами размѣстились прочіе пассажиры. Турки же присоединились къ намъ когда подали кофе. Дамъ ѣхало только двѣ (кажется гречанки). Одна изъ нихъ, довольно интересная, особенно выигрывала оттого что не имѣла соперницъ. Нашъ художникъ пробовалъ было набросать съ нея легкій очеркъ въ своемъ альбомѣ, но увы! неудачно; при

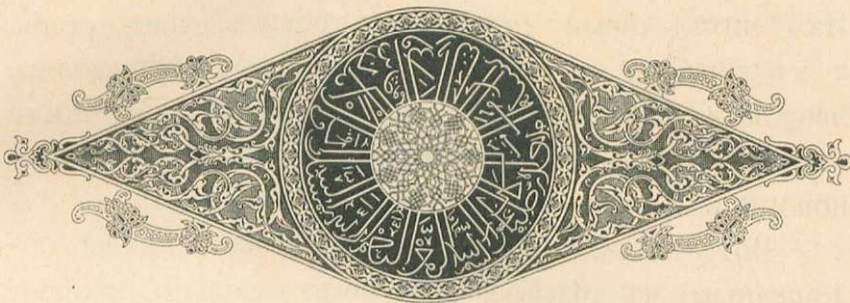
небольшомъ ростѣ, черты ея были слишкомъ рѣзки и сглаживались только молодостью, которая ускользнула на бумагѣ. Къ девяти часамъ всѣ разошлись по койкамъ съ цѣлью поспать эту ночь спокойно, такъ какъ на слѣдующую ночь намъ предстояла неизбежная качка въ Черномъ Морѣ.

Я проснулся очень рано и выглянулъ въ окно: берегъ плоскій, песчаный, скучный, давитъ своею монотонностью и какимъ-то отсутствіемъ жизни....





Запасшись топливомъ, пароходъ пошелъ дальше до слѣдующей пристани у Систова (20 тысячъ жителей), противъ котораго лежитъ чистенькій валахскій городъ Зимница.



ГЛАВА II.

СТАНЦИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ. — КАВАССЪ ИЗЪ АРНАУТОВЪ. — ВСТРѢЧА
И ОБѢДЪ ВЪ ШАЙТАНДЖИКЪ. — ВАРНА. — ПЛАВАНІЕ ПО ЧЕРНОМУ
МОРЕЮ. — ГАРЕМЪ НА ПАЛУБѢ. — ДЕЛЬФИНЫ. — ВХОДЪ ВЪ БОСФОРЪ. —
КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Выйдя въ восьмомъ часу на палубу, я встрѣтилъ тамъ многихъ изъ товарищей, наслаждавшихся чудною свѣжестью яснаго осенняго утра. Вода какъ зеркало; но вѣтеръ свѣжъ, и рѣзкость его, казалось, увеличивалась вслѣдствіе быстроты нашего хода. Я одѣлся потеплѣе и сѣлъ на козлахъ, чтобы не пропустить чего-нибудь замѣчательнаго. Толонъ принесъ небольшой спектроскопъ и сталъ объяснять его теорію, при чемъ разговоръ, само собою, перешелъ въ область астрономіи и новѣйшихъ изслѣдованій состава небесныхъ тѣлъ; изслѣдованій сдѣланныхъ съ помощью спектральнаго анализа. Рѣка текла спокойно и плавно своею широкою поверхностью среди песчаныхъ береговъ.

Изъ нихъ лѣвый совершенно ровень, какъ степь, а къ правому иногда подходятъ небольшіе холмы, нарушающіе однообразную картину, въ особенности тамъ гдѣ Дунай огибаетъ около нихъ два-три поворота.

Вотъ на склонахъ одного невысокаго кряжа, подошедшаго къ рѣкѣ, раскинулось довольно большое черкесское селеніе Кифа; предъ нимъ покоятся на рѣчной глади четыре двухмачтовые судна и нѣсколько барокъ. Черкесы, какъ говорятъ, старательно занимаются хлѣбопашествомъ и садоводствомъ, производя въ значительномъ количествѣ пшеницу и ячмень. Проходимъ мимо Никополя—городка, который красиво приютился въ долину, подъ защитою крѣпости и разрушающагося замка на горѣ. Версты на двѣ ниже *Софія* пристала къ валахскому мѣстечку Донъ-Магарель. На пристани играла музыка и стоялъ взводъ пѣхоты, въ лаптяхъ и въ шинеляхъ нашего покроя, да десять рядовъ конницы (нѣчто въ родѣ гусаръ, въ красныхъ шитыхъ курточкахъ и бѣлыхъ чакчирахъ съ ботиками). Запасшись топливомъ, пароходъ пошелъ дальше до слѣдующей пристани у Сисова (20 тысячъ жителей), противъ котораго лежитъ чистенькій валахскій городъ Зимница. Здѣсь мы въ первый разъ встрѣтились съ восточною обстановкой: въ городѣ красиво расположенномъ по склонамъ возвышенности, на самомъ берегу, между тюками, кулями и бочками въ разнообразныхъ группахъ стояли и сидѣли турки съ чалмами или фесками на головѣ, въ шароварахъ по колѣно, въ курточкахъ или халатахъ,—словомъ,

какъ мы привыкли видѣть ихъ на картинкахъ. Иные изъ нихъ таскали на спинѣ товарныя тяжести. Между этими группами сновали погонщики, со своими ослами и лошаками, нагруженными всякаго рода кладью. Я насчиталъ вдоль берега двадцать шесть двухмачтовыхъ судовъ, очень оригинальной постройки, которая напоминаетъ отчасти китайскія жонки.

Немного ниже Систова лежитъ поперекъ Дуная три наносныя отмели, постоянно измѣняющія свои очертанія, чрезъ что крайне затрудняется судоходство. Пройдя между ними зигзагомъ, мы шли, уже не останавливаясь, до самаго Рущука. Тутъ порою встрѣчались намъ довольно красивые острова, поросшіе лѣсомъ. Въ три часа пароходъ подошелъ къ Рущуку.

Вообще замѣчу что берега Дуная по Валахской равнинѣ скучны и пустычны. Правда, рѣка поражаетъ своею шириной, мѣстами доходящею до версты, и массою воды; но кто видѣлъ Волгу съ ея населенными берегами и оживленнымъ движеніемъ пароходовъ, росшивъ и бѣлянь подъ парусами, цѣлыхъ каравановъ баржъ и лѣсныхъ гонокъ, тому эта часть Дуная не представитъ ничего такого что могло бы особенно нравиться. Берега населены только изрѣдка, и отъ самого Базіаша до Рущука мы встрѣтили по рѣкѣ всего лишь 3 или 4 парохода, да нѣсколько барокъ и двухмачтовыхъ судовъ, не считая, конечно, тѣхъ что стояли у нѣкоторыхъ пристаней. Впрочемъ сильное оживленіе по рѣкѣ и у насъ только въ верхнемъ и среднемъ теченіи Волги. Какъ видно, то же самое и на Дунаѣ.

Въ Рушукѣ встрѣтили Великаго Князя генералъ-губернаторъ округа и нашъ консулъ. По ступенямъ, отъ пристани къ берегу, были разставлены шпалерою солдаты. Пѣхота съ ружьями, артиллеристы и моряки съ тесаками. Это была наша первая встрѣча съ турецкимъ воинствомъ; потомъ мы имѣли случай познакомиться съ нимъ поближе, во время путешествія по Сиріи и Палестинѣ; и—признаюсь, я сталъ смотрѣть на турецкаго солдата съ большимъ уваженіемъ, замѣтивъ въ немъ прекрасныя качества и, между прочимъ, способность безропотно переносить трудности похода и голодь. Повидимому самую слабую сторону турецкой арміи составляютъ офицеры, высшее начальство и администрація. Но объ этомъ въ свое время. Замѣчу только что вся турецкая армія одѣта въ одинаковую форму, безъ различія родовъ оружія; костюмъ турецкаго солдата составляютъ: синяго сукна курточка, жилетъ, застегивающійся сзади, въ родѣ нашихъ супервестовъ, шаровары ниже колѣна, плотно облегающіе икру, кожаные башмаки въ пѣхотѣ и артиллеріи, и высокіе сапоги въ кавалеріи. Все платье обшито красною тесьмой. Только у моряковъ вмѣсто синяго цвѣта—бѣлый; но головной уборъ одинаковъ у всѣхъ—это, красная феска, безъ всякихъ отличій отъ паши до рядоваго.

Простившись съ любезнымъ капитаномъ и поблагодаривъ его за плаваніе, Великій Князь перешелъ въ приготовленную комнату на станціи желѣзной дороги, гдѣ принялъ угощеніе по восточному обычаю состоявшее изъ кофе и прохладительныхъ напитковъ.



Меня, больше всего, забавлялъ одинъ стражъ общественнаго
спокойствія, изъ Арнаутовъ.

Я забылъ сказать что пристань лежитъ у самого дебаркадера, а потому мы перешли прямо въ вагоны.

Толпа любопытныхъ осаждала станцію и платформу; кавассы²⁾), летали во всѣ стороны, отгоняя длинными хлыстами слишкомъ назойливыхъ мальчишекъ. Меня, больше всего, забавлялъ одинъ стражъ общественнаго спокойствія, изъ Арнаутовъ, въ сильно-поношенномъ но живописномъ костюмѣ, грозно вооруженный торчащими за поясомъ пистолетами и кинжаломъ.

Онъ казался ужасно озабоченнымъ исполненіемъ своего долга; безъ усталости убѣждалъ толпу не толкаться впередъ, махалъ руками, бросался въ погоню за болѣе дерзкими ребятами, шлепая о босую пятку тяжелыми башмаками и страшно хмурилъ свои брови, густо-нависшія надъ глазами.

Большинство собравшагося народа составляли Болгары и Греки. Турки слишкомъ апатичны чтобы любопытничать. Были и женщины, но нельзя сказать чтобъ интересныя.

Собственно о Рушукѣ ничего не могу сообщить, потому что видѣлъ его только съ парохода, подходя къ пристани; городъ со множествомъ минаретовъ лежитъ на холмахъ среди садовъ, окруженный крѣпостными верками, при которыхъ было пролито много русской крови, во время неудавшагося штурма въ 1810 году, подъ начальствомъ графа Каменскаго, и одержана въ слѣдующемъ году побѣда Кутузовымъ надъ великимъ визиремъ Ахметъ-беемъ.

²⁾ Кавассъ, значить полицейскій.

Вскорѣ поѣздъ нашъ тронулся и мы покатили по обработанной волнообразной мѣстности, между черноземныхъ полей, на которыхъ кой-гдѣ одиноко стояли невысокіе но густолиственные дубы.

Станціи по всей линіи на одинъ покрой: низенькія, чисто выбѣленные, съ маленькими окнами и зелеными крышами. На нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчали Великаго Князя болгарское духовенство, улемы, то-есть магометанское духовенство, и представители сосѣднихъ мѣстечекъ. Стоявшій на платформѣ и около поѣзда народъ съ виду казался очень бѣднымъ; рубашка съ открытою грудью, шаровары, широкій поясъ вокругъ талии, туфли, феска, у нѣкоторыхъ чалма, и все это весьма поношено, вытерто, въ заплаткахъ...

Пассажировъ, и въ особенности женщинъ, въ нашемъ поѣздѣ было немного. Во второмъ классѣ сидѣлъ какой-то больной турецкій офицеръ съ двумя женами, да три женщины изъ свиты Камиль-паши. Не доѣзжая станціи Ишиклы, открылся видъ на Балканы, а на слѣдующей за тѣмъ станціи назначенъ былъ обѣдъ.

Когда поѣздъ остановился въ Шайтанджикѣ, насъ попросили пройти шаговъ сто до палатокъ, гдѣ былъ накрытъ обѣденный столъ. Но уже смеркалось и отдаленные предметы сливались въ неясные образы, а потому мы и не замѣтили выстроенныхъ предъ шатрами войскъ, и были очень удивлены когда вдругъ раздались командныя слова и заиграла музыка.

Халиль-Шерифъ-паша представилъ Великому Князю начальника штаба 2-го корпуса, Фаикъ-пашу, совершенно чисто говорившаго по-нѣмецки, и затѣмъ Его Высочество пошелъ по фронту. Къ сожалѣнію, темнота наступала такъ быстро что пришлось освѣщать людей фонаремъ. Войска эти, въ числѣ восьми-ротнаго баталіона и двухъ эскадроновъ, были посланы для встрѣчи Великаго Князя изъ Шумлы. Люди рослы, широки въ плечахъ, здоровы и чисто одѣты.

Обойдя фронтъ, всѣ присутствовавшіе въ свитѣ за Великимъ Княземъ вступили подъ огромный шелковый шатеръ, и сѣли за столъ уставленный различными закусками, фруктами и цвѣтами. Обѣдъ былъ составленъ изъ турецкихъ блюдъ: жареная баранина, фазаны, куры, рисъ въ различныхъ видахъ, какія-то овощи подъ соусомъ, кислое молоко и разныя варенья. Все это въ нѣсколькихъ видахъ. Я не сошелся вкусомъ съ турецкими гастрономами, и поѣлъ съ удовольствіемъ только рису съ кислымъ молокомъ да фруктовъ.

Между тѣмъ музыка играла—не скажу хорошо, но оригинально; въ особенности обращало на себя вниманіе своеобразное употребленіе гобоевъ. На бивуакахъ и предъ шатрами зажгли громадныя костры, бросившіе красноватый отблескъ на группы людей и кругомъ лежащую мѣстность.

Къ концу обѣда поѣздъ подошелъ къ палаткамъ; мы сѣли въ вагоны, и въ 10 часовъ пріѣхали въ Варну.

Крѣпость Варна³⁾ прикрываетъ одну изъ главныхъ

3) Въ 240 верстахъ отъ Константинополя и 70 отъ Шумлы.

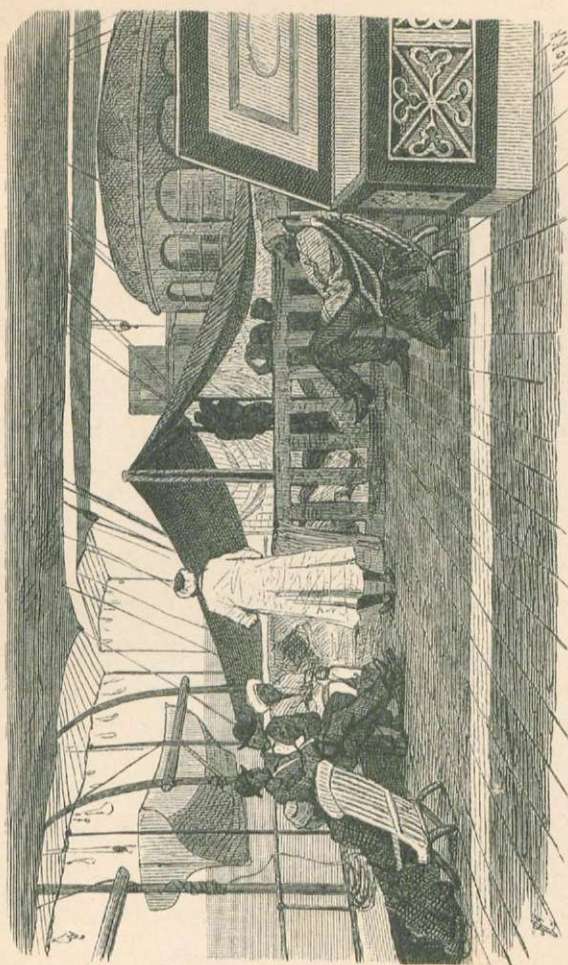
дорогъ чрезъ Балканы къ Константинополю, и лежитъ у подошвы сѣверной покатости горъ, при заливѣ Чернаго Моря.

Подходя къ Варнѣ, еще верстъ за двадцать я замѣтилъ по усиливавшемуся и разносившемуся грохоту колесъ что поѣздъ должно-быть мчится по долинамъ и узкостямъ Балкановъ.

Къ сожалѣнію темень была такая, что кромѣ мелькавшихъ огоньковъ ничего нельзя было разглядѣть. Тѣмъ не менѣе я расположился въ средней, открытой части вагона и въ ожиданіи Варны, старался разобрать хоть кое-какъ эти черные силуэты тѣснинъ по бокамъ дороги, и вотъ, наконецъ, вглядываясь все пристальнѣе, различилъ какую-то гладкую поверхность, окаймленную камышами, должно-быть разливы рѣчки Варна-Дере, а минутъ десять спустя, поѣздъ въѣхалъ уже въ крѣпостную ограду. Въ эту минуту на бастіонахъ зажгли фальшфейеры и освѣтили фантастическимъ свѣтомъ внутреннія стороны верковъ, пристань, разбросанныя зданія около дебаркадера и ряды пѣхоты, выстроенной по валгангамъ бастіоновъ, а внизу и вдали чернѣлось море, отражая въ себѣ огоньки отъ фонарей развѣшанныхъ на судахъ и лодкахъ.

У пристани насъ ожидали шлюпки, въ которыхъ мы чрезъ десять минутъ догреблись до парохода.

Колесный пароходъ *Вулканъ* принадлежитъ Австрійскому Лойду и держитъ срочные рейсы между Варною и Константинополемъ. Команда—большею частию Албанцы; капитанъ изъ Рагузы.



По любопытству, въ данномъ случаѣ даже очень понятному, я сѣлъ около навѣса, гдѣ, отдѣльно отъ прочихъ пассажировъ, помѣщены были мусульманскія женщины, закрывавшія бѣлою кисей свои лица.

Каюты 1-го класса помѣщены въ кормовой части судна и состоятъ: изъ довольно обширной столовой, буфета съ лѣстницею на верхъ и изъ гостиной, обитой желтымъ штофомъ. Вокругъ этихъ помѣщеній расположены спальныя каютки съ четырьмя койками въ каждой. Во второмъ классѣ то же, но нѣсколько проще. Третьему же классу предоставлена палуба со всѣми ея удобствами и невыгодами; къ первымъ надо отнести воздухъ и солнце, а къ послѣднимъ дождь и брызги, а подчасъ и морскіе души. Для мусульманскихъ женщинъ устроены на верхней палубѣ перваго класса парусный навѣсъ. Ночь была тихая и звѣздная. Нагрузка багажа близилась къ концу и мы готовились тронуться. Товарищи уже легли спать, я же еще походилъ немного на верхней палубѣ, любуясь небомъ.

Великій Князь провелъ ночь на палубѣ, куда и я вышелъ въ восемь часовъ утра. Въ каютахъ былъ нестерпимо тяжелый воздухъ, происходящій по преимуществу отъ ихъ неопрятнаго содержанія.

Море и теперь все также было спокойно, а небо ясно, только на горизонтѣ виднѣлись облака. Цвѣтъ воды отливалъ темнымъ ультрамариномъ и отъ дѣйствія колесъ тянулась за пароходомъ, словно лента, полоса нѣжной бирюзы, покрытая причудливымъ узоромъ изъ бѣлой пѣны.

По любопытству, въ данномъ случаѣ даже очень понятному, я сѣлъ около навѣса гдѣ отдѣльно отъ прочихъ пассажировъ, помѣщены были мусульманскія женщины, закрывавшія бѣлою кисей свои лица.

Признаюсь мнѣ было очень интересно наблюдать столь близко этихъ затворницъ гарема, тѣмъ болѣе что такое наблюденіе не часто выпадаетъ на долю европейскаго путешественника.

Нѣкоторые изъ нихъ занимались туалетомъ и я могъ свободно ихъ разсматривать, не обращая на себя вниманія, потому что показывалъ видъ будто пишу въ своей записной книжкѣ и разговариваю съ такими же любознательными господами какъ я. Не знаю, понимали ли онѣ мою уловку, или нѣтъ (вѣрнѣе что понимали), но во всякомъ случаѣ ни мало не препятствовали скромному наблюденію за собою. Какая-то смуглая красавица съ тонкими чертами лица и рисованными бровями разчесывала три густыя пряди волосъ, но увы, очарованіе мое продолжалось весьма не долго: морская качка вынудила ее перевѣситься за бортъ ея красивую головку...

Нѣкоторые изъ этихъ дамъ раскрывались безъ малѣйшей церемоніи, но опять-таки—увы! Всѣ онѣ были или стары, или весьма некрасивы; молодыя же и, насколько можно было догадываться, если не хорошенькія, то наиболѣе интересныя, продолжали лежать неподвижно, съ какимъ-то страннымъ упорствомъ не желая измѣнять своихъ покойныхъ позъ въ теченіе долгаго и долгаго времени; казалось будто онѣ совершенно легко и свободно могутъ пребывать въ этомъ положеніи цѣлые часы, дни и даже чуть ли не недѣли. Такъ по крайней мѣрѣ характеризовалъ ихъ намъ Халиль-паша, и дѣйствительно, затворничество налагаетъ на этихъ жен-

шинъ неизгладимую печать всепроникающей лѣни и апатіи.

— Поди сюда! Смотри какъ играютъ дельфины! крикнулъ мнѣ съ кормы графъ Бергъ.

Я подбѣжалъ... Стая этихъ животныхъ, штукъ около двадцати, окружила парходъ и обгоняя другъ друга, перекидывалась съ волны на волну, причемъ нѣкоторыя совершенно выскакивали изъ воды.

Налюбовавшись изворотливостью дельфиновъ и ихъ быстрымъ бѣгомъ, я возвратился на мою прежнюю обсерваторію. Не вдалекѣ отъ меня сидѣла негритянка, жена какого то бедуина, который ѣхалъ тутъ же; на рукахъ у нея была грудная дѣвочка и прехорошенькій кудрявый мальчикъ, кофейнаго, почти темно-коричневаго цвѣта, съ большими черными глазами.

На палубѣ рѣзвился трехлѣтній, тоже черноглазый, турченокъ, и съ нимъ гуляла, должно-быть, сестра его, дѣвочка лѣтъ восьми, въ ситцевой юпочкѣ, въ душегрейкѣ изъ лиловой шотландской матеріи, съ сѣточкой изъ розовой кисеи, которая покрывала ея волосы.

Кронебергъ заговаривалъ съ нею, называя ее Фатьмою, но она отпѣкивалась, качая головкой, смѣялась и убѣгала къ навѣсу.

Закончивъ свой туалетъ, женщины улеглись снова, и кратковременное оживленіе какъ будто повергло ихъ еще въ большую неподвижность.

Великій Князь сталъ заговаривать съ хорошенькимъ, но болѣзненнымъ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати, сыномъ важно сидѣвшаго поотдалъ духовнаго

лица, четыре жены котораго покоились подъ навѣсомъ. Мальчикъ апатично поднялъ свои большіе черные глаза на Великаго Князя и отвернулся. За него отвѣтила его мать, благодаря впрочемъ Халиль-Шерифъ-пашѣ, который на ея вопросы объяснилъ ей что Великій Князь ѣдетъ въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню, на что она замѣтила: «Не заѣдетъ ли онъ также въ Айю-Софію?»

Полдень. Насъ позвали завтракать. Пароходъ слегка покачивался. Однако при нестерпимо-спертомъ воздухѣ въ каютъ-компаніи не многіе могли ѣсть, большинство же поспѣшило выбратъся на палубу. Этому благому примѣру послѣдовалъ и я, захвативъ съ собою нѣкоторое количество фруктовъ.

Что за отвратительное чувство морская болѣзнь! Оставаясь въ каютъ-компаніи не болѣе десяти минутъ, я испыталъ ее въ самой легкой степени, но и того было довольно. Къ счастью благодѣтельный свѣжій воздухъ какъ рукою снялъ головокруженіе, и я чрезъ пять минутъ сталъ уже подтрунивать надъ другими, что по моему заключенію тоже очень ободряетъ человѣка готоваго поддаться вліянію этой противной болѣзни.

Вулканъ шелъ со скоростью десяти узловъ въ часъ. Впереди виднѣлся берегъ, рисуясь въ туманѣ иззубреннымъ силуэтомъ. Это были Балканы.

Я сталъ на козлахъ и разговаривалъ съ Саликъ-беемъ, чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, который болѣе походилъ на француза чѣмъ на турка. Галль и Бергъ, на носу парохода, съ ружьями въ

рукахъ, выжидали появленія дельфиновъ, которые и не замедлили подвернуться подъ ихъ мѣткія пули, ярко окрасивъ своею кровью свѣтлую воду.

Время тянулось томительно однообразно, чему, какъ мнѣ кажется, не мало способствовало безоблачное небо, спокойный видъ моря и равномерный стукъ машины. Къ тому же бѣольшая часть пассажировъ, чрезвычайно типичныхъ мусульманъ, вовсе не расположены были поддерживать чье бы то ни было оживленіе: они сидѣли на своихъ мѣстахъ, какъ манекены, и всецѣло погружались либо въ чтеніе своихъ молитвенниковъ, либо предавались, чисто по восточному, своему безконечному куренію, прихлебывая изъ крошечныхъ чашечекъ черную кофейную гущу. По временамъ ихъ позы измѣнялись только для молитвы, совершаемой, кажется, семь разъ въ теченіе дня, и затѣмъ всѣ эти правовѣрные возвращались къ своему неподвижному покою.

О гаремномъ отдѣленіи подъ парусиннымъ навѣсомъ нечего и говорить: тамъ непрерывно господствовало самое упорное лежанье.

Между тѣмъ берегъ на горизонтѣ выступалъ все яснѣе и яснѣе; мы видимо приближались къ Босфору. Въ два часа дня между двумя скалами, на которыхъ торчали маяки, обозначился входъ въ Константинопольскій проливъ; справа и слѣва выходили на встрѣчу намъ суда подъ всѣми парусами, тихо подвигаясь впередъ, словно лебединымъ ходомъ, по причинѣ незначительнаго вѣтра. У самага входа въ Босфоръ, какъ я уже сказалъ, справа и слѣва вы-

строены на скалахъ маяки, на мѣстномъ языкѣ *фаналы* Европы и Азіи. У скалистаго подножія этихъ башенъ замѣтенъ былъ прибой; берегъ не очень высокъ, но тянется крутыми обрывами между фаналами. Предъ входомъ бездна чашекъ и рыбокъ, словно блески играющихъ около парохода надъ поверхностью воды. У фанала Европы лежитъ невысокая группа скалъ; справа замокъ съ двумя башнями, напоминающій своею постройкой дѣтскую игрушку, слѣва батарея, а поодаль греческое мѣстечко Св. Георгія, славящееся своими красавицами.

Входимъ въ Босфоръ!

На высотахъ азійскаго берега темная зелень лѣсовъ, за фаналомъ развалины замка. Какъ видно, съ перваго шага, въ Турціи развалины начинаютъ играть значительную и весьма красивую для глаза роль, и чѣмъ дальше вдавались мы въ страну, тѣмъ больше и больше попадалось намъ всякихъ и иногда прелестныхъ развалинъ. Я даже не помню сколько-нибудь замѣчательнаго вида безъ этихъ ветхихъ памятниковъ глубокой старины, созданныхъ либо разрушающей рукой человѣка, либо самимъ временемъ. Вошли въ проливъ. Вѣтеръ упалъ; солнце начинало палить нестерпимо, а вотъ показались и стаи особеннаго вида небольшихъ птицъ, которыя безпрестанно и безъ отдыха перелетаютъ отъ Босфора къ Дарданелламъ и обратно. Въ силу этой особенности, европейцы назвали ихъ «падшими душами» (*les âmes damnées*), а турки «іелкованъ», то-есть «вѣтромъ носимыя».

Казалось мы вошли въ русло широкой, громадной рѣки.

Въ отдаленіи дымился нашъ русскій пароходъ *Тамань*, который находится въ распоряженіи посольства и отличается истинно черепашымъ ходомъ.

На встрѣчу намъ вышли два парохода съ чиновниками выѣхавшими для представленія Халиль-Шерифъ-пашѣ, какъ новому министру иностранныхъ дѣлъ.

Поравнявшись съ *Таманью*, *Вулканъ* задержалъ ходъ, и тутъ съ русскаго парохода на посольскомъ каикѣ подѣхалъ къ намъ генералъ-адъютантъ Игнатъевъ, чтобы встрѣтить Великаго Князя, который тотчасъ же перешелъ на *Тамань* вмѣстѣ со своею свитой.

Босфоръ отъ входа до Константинополя (на протяженіи $23\frac{1}{4}$ верстъ въ длину, при ширинѣ отъ 3.600 до 6.000 футовъ) представляетъ взору непрерывный рядъ чудесныхъ картинъ, которыя, по мѣрѣ приближенія къ городу, становятся все роскошнѣе и разнообразнѣе, и завершаются наконецъ величественнѣйшимъ видомъ Царь-Града съ отдаленною панорамой Мраморнаго Моря.

Объ укрѣпленіяхъ Босфора даже не стоитъ говорить: относительно современнаго состоянія военнаго искусства, онѣ просто ничтожны. За то, подходя къ городу, я насчиталъ десять броненосцевъ.

Берега Босфора, весьма населенные, рядомъ своихъ дворцовъ и мѣстечекъ утопающихъ въ темной зелени садовъ кипарисовъ, фиговыхъ деревьевъ и вѣковыхъ платановъ, составляютъ какъ бы продолженіе Кон-

стантинополя. Въ широкихъ мѣстахъ пролива мы скользили какъ по гладкому озеру.

Налѣво рейдъ на которомъ стояло нѣсколько судовъ, направо Буюкъ-Дере съ прелестными дачами пословъ и банкировъ.

Вотъ долина Семи Братьевъ, съ платанами посаженными еще Готфридомъ Бульионскимъ; вотъ на азіятскомъ берегу извѣстный бугоръ, гдѣ былъ раскинутъ лагерь Муравьева; на этомъ бугрѣ воздвигнутъ памятникъ, а немного дальше выдается изъ-за зѣмка бѣлый дворецъ, построенный для султана Египетскимъ пашой.

Вотъ кіоскъ Махмуда; вотъ бухта которую хотѣла купить императрица Екатерина для Черноморскаго флота; дворецъ Египетскаго хедива, а вотъ и самое узкое мѣсто пролива, въ которомъ переправлялись Дарій, Ксенофонтъ, крестоносцы, турки. На европейскомъ берегу выстроено было Магометомъ II предмостное укрѣпленіе, Румели-Исаръ, брошенное только лѣтъ 20 назадъ; линія огня этого укрѣпленія изображаетъ шифръ великаго завоевателя. Противъ него еще болѣе древній замокъ Азія-Исаръ, выстроенный Магометомъ I. Затѣмъ уже кіоскъ смѣняется кіоскомъ, одинъ красивѣе другаго; наконецъ еще одинъ заворотъ залива — и предъ нами вся панорама Константинополя: Золотой Рогъ, Скутари, цѣлый лѣсъ мачтъ и стаи судовъ снующихъ во всѣ стороны; тутъ и продолговатые легкіе каики, и разнообразныя лодки и пароходы, и для всей этой оживленной картины служить великолѣпною декораціей съ одной

стороны самъ Константинополь, раскинувшійся по холмамъ со множествомъ своихъ пологихъ куполовъ, мечетей и легкихъ стрѣлообразныхъ минаретовъ, а съ другой стороны открытый горизонтъ на Мраморное Море, съ группою Принцевыхъ острововъ, озаренныхъ золотисторозовымъ закатомъ солнца, которое въ этотъ часъ уже погружалось въ тихія воды.

Мы бросили якорь противъ Топъ-Хане (пушечный дворъ), и легкія волны доставили насъ къ набережной продолговатаго двора, уставленнаго старыми орудіями, лафетами и прочимъ артиллерійскимъ матеріаломъ, имѣющимъ въ наши дни свое значеніе только для археологіи.

На берегу стоялъ почетный караулъ, обойдя который, Великій Князь сѣлъ въ коляску и, предшествуемый турецкими всадниками, отправился въ посольство. Мы поспѣшили занять мѣста въ коляскахъ и двинулись за Великимъ Княземъ, подымаясь потихоньку въ гору, по узкимъ улицамъ, мимо пѣхотной казармы, лавокъ и кладбища съ кипарисами, въ сопровожденіи любопытныхъ взглядовъ мѣстныхъ жителей и невольно заглядываясь, то на открывшійся видъ Босфора и Скутари, то на какую-нибудь характерно-живописную фигуру мусульманина, то на остановившуюся женщину въ чадрѣ, то на знаменитыхъ собакъ, составляющихъ неизмѣнную и неизбѣжную особенность всякаго восточнаго города, на ряды открытыхъ лавокъ, кофейенъ, узкихъ домовъ, съ окнами подъ особенными шторами или ставнями, въ родѣ жалюзи, которыя ихъ почти герметически закрывали.

Вечеръ стемнѣлъ необыкновенно быстро, и мы уже въ потемкахъ доѣхали до Перы, гдѣ и остановились во дворцѣ нашего посольства. Великій Князь расположился въ приготовленныхъ для него комнатахъ съ видомъ на Босфоръ и Св. Софію, а свита бѣльшею частію заняла сосѣдній отель.





ГЛАВА III.

ВЪ ПОСОЛЬСТВѢ. — ПРЕДСТАВЛЕНІЕ СУЛТАНУ ВЪ ДОЛЬМА-БАХЧЕ. — СУЛТАНЪ
ОТДАЕТЪ ВИЗИТЬ ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ. — СВЯТАЯ СОФІА. — СЕРАЛЬ. — ВЫСОКАЯ
ПОРТА. — ЕВНУХИ. — ВОРОТА БЛАЖЕНСТВА. — БОГДАДСКІЙ КЮСКЪ. — БИ-
БЛИОТЕКА. — КЮСКЪ СУЛТАНА АБДУЛЬ-МЕДЖИДА. — ХРАНИЛИЩЕ ДРАГОЦѢН-
НОСТЕЙ. — ВЪКОВЫЕ ПЛАТАНЫ. — АРСЕНАЛЬ ВЪ ХРАМѢ СВЯТОЙ ИРИНЫ. —
АТМЕЙДАНЪ. — ЕГИПЕТСКІЙ ОБЕЛИСКЪ. — ЗМѢИНАЯ КОЛОННА. — ОБЕЛИСКЪ
КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНАГО. — СУЛЕЙМАНИЯ.



ного чудесъ въ Константинополѣ; много
памятниковъ и свидѣтелей глубокой ста-
рины; но для того чтобы все осмотрѣть
нужно много времени. Мы пробыли въ
городѣ три дня, и конечно видѣли лишь
только самое замѣчательное и то вскользь.
Въ семь часовъ утра явились назначенные
состоять при Великомъ Князѣ Али-Ни-
замъ-паша и Гафизъ-бей чтобы предста-
виться Его Высочеству.

Начальникъ Военной Академіи Али-Низамъ-паша,
родомъ изъ Ангоры, въ Малой Азіи, говорить от-
лично по-нѣмецки, по-французски, и 25 лѣтъ тому

назадъ кончилъ курсъ Вѣнской Военной Школы. Полковникъ Гафизъ-бей кончилъ курсъ Артиллерійской Школы въ Бельгіи, говоритъ свободно по-французски, но съ своеобразнымъ выговоромъ. Послѣ чаю мы сходили въ посольскую церковь, а оттуда на балконъ полюбоваться видомъ Константинополя.

Домъ нашего посольства, или вѣрнѣе дворецъ, построенъ въ Перѣ, на главной улицѣ, по кряжу холма. Южный фасадъ обращенъ къ Босфору; предъ нимъ разстилается великолѣпнѣйшая панорама: у подножія Топъ-Хане, вправо Галата, влѣво Дольма-Бахче, потомъ Босфоръ, обставленный сотнями судовъ, начиная отъ тяжелыхъ броненосцевъ и купеческихъ транспортовъ до легкихъ какъ ласточка каиковъ; а на послѣднемъ планѣ: берегъ Малой Азіи со Скутари и кипарисовымъ лѣсомъ, Мраморное Море съ лиловыми силуэтами Принцевыхъ Острововъ, Золотой Рогъ и Стамбулъ съ сералемъ, Св. Софіею и несчетными куполами мечетей и минаретовъ.

Въ десять часовъ пріѣхалъ представиться Его Высочеству великій визирь, а вслѣдъ за нимъ оберъ-церемоніймейстеръ, маленькій, какъ шарикъ, турокъ съ круглою сѣденькою бородкой.

Послѣ завтрака насъ усадили въ четырехмѣстные ландо, присланные за нами чтобъ ѣхать въ Дольма-Бахче для представленія Его Величеству Султану. У Великаго Князя ландо было запряжено четверкою сѣрыхъ, у насъ парами. На козлахъ кучера и выѣздные были одѣты въ синихъ, богато шитыхъ золотомъ курткахъ и шароварахъ, въ шорные сапоги, на

головахъ красныя фески. Предшествуемый конвоемъ поѣздъ изъ пяти экипажей, среди густой толпы, двинулся по главной улицѣ Перы, мимо казармъ къ спуску на площадь предъ дворцомъ Дольма-Бахче, что въ переводѣ значитъ «огуречный садъ».

Дворецъ построенъ при султанѣ Махмудѣ II, около мѣста гдѣ императоромъ Константиномъ былъ поставленъ золотой крестъ въ память своего обращенія. Онъ стоитъ на самомъ берегу Босфора; фасадъ изъ главнаго корпуса и двухъ крыльевъ украшенъ мраморною колоннадою дорическаго ордена съ широкою лѣстницей. Со стороны площади дворецъ обнесенъ двумя стѣнами и монументальными воротами съ бронзовою вызолоченною рѣшеткой.

На первомъ дворѣ стоялъ караулъ съ хоромъ музыки. Второй же болѣе обширный дворъ покрытъ газонами съ цвѣтниками и красиво разсаженными группами стриженныхъ деревьевъ. Мы остановились предъ широкою и бѣлою какъ снѣгъ мраморною лѣстницей. У дверей встрѣтилъ Великаго Князя самъ султанъ, и мы пошли посреди чиновъ двора и флигель-адъютантовъ, стоявшихъ на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи, со сложенными на крестъ руками. По мѣрѣ приближенія они наклонялись, касаясь правою рукою полугруди и лба и оставались въ такомъ положеніи пока не проходилъ султанъ.

Впереди его и Великаго Князя шель маленькій оберъ-церемоніймейстеръ, не оборачивая спины, а быстро и ловко отступая назадъ, причемъ онъ кланялся на каждой площадкѣ и на порогахъ. Взойдя

на лѣстницу и пройдя двѣ роскошныя залы мы остановились въ небольшой пріемной, а султанъ съ Великимъ Княземъ и Принцами взошелъ въ гостиную, гдѣ они сѣли на кресла поставленныя полукругомъ.

Султанъ, мужчина средняго роста, полный, съ большими карими глазами и русою бородой, пріятной наружности, не лишенной даже величія, несмотря на полноту всей фигуры. Одѣтъ онъ былъ весьма просто, въ черномъ сюртукѣ извѣстнаго турецкаго покроя, бѣлыхъ широкихъ шароварахъ и красной фескѣ. Разговоръ происходилъ черезъ переводчика, которымъ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Халиль-Шерифъ-паша.

«Его Величество Государь Императоръ», сказалъ Великій Князь, «поручилъ мнѣ поклониться Вашему Величеству и передать свою надежду, что отношенія обѣихъ государствъ останутся также дружественны, какъ были до сихъ поръ».

«Я», отвѣчалъ султанъ, «очень счастливъ слышать изъ вашихъ устъ эти слова Государя и радъ возможности передать черезъ васъ Его Величеству мое увѣреніе въ неизмѣнности нашихъ взаимныхъ отношеній».

«Оно тѣмъ болѣе желательно», замѣтилъ Великій Князь, «что этого требуютъ наши общіе интересы».

«Совершенно справедливо», добавилъ султанъ. «Я очень радъ видѣть у себя Ваше Высочество и надѣюсь, что вы останетесь довольны вашимъ пребываніемъ въ моихъ владѣніяхъ. Сожалѣю лишь объ одномъ, что оно слишкомъ кратковременно».

«Посѣтить Востокъ было моимъ давнишнимъ желаніемъ», сказалъ Великій Князь, «и я такъ радъ, что могъ

наконецъ привести его въ исполненіе. Но, признаюсь, не ожидалъ такихъ встрѣчъ повсюду, начиная отъ Рушука. Позвольте поблагодарить за это Ваше Величество.»

«Я», любезно отвѣтилъ султанъ, «повелѣлъ сдѣлать лишь то, что подобаетъ для встрѣчи брата Государя, такой могущественной страны».

Потомъ перешли къ обыкновенному разговору. Султанъ спрашивалъ нравится ли Его Высочеству Босфоръ, Константинополь и тому подобное; затѣмъ насъ позвали въ гостиную и Великій Князь представилъ султану свою свиту, называя каждого изъ насъ по имени.

Послѣ представленія распростились и тѣмъ же порядкомъ прошли до выхода. Церемоніймейстеръ также катился какъ шарикъ предъ султаномъ, придворные преклонялись, и ничто не нарушало торжественной тишины, даже звукъ нашихъ шаговъ пропадалъ въ мягкихъ коврахъ.

По возвращеніи домой намъ сообщили что сейчасъ явится первый секретарь султана и привезетъ всѣмъ намъ ордена, а затѣмъ онъ самъ пріѣдетъ отдать визитъ Великому Князю. Получивъ по чинамъ ордена Османіе и Меджидіе, мы тотчасъ же ихъ надѣли и собрались для встрѣчи у подъѣзда.

Въ два часа пріѣхалъ султанъ въ закрытомъ ландо, запряженномъ великолѣпною четверкой; его сопровождали скороходы и конвой. Войдя въ большую гостиную опять сѣли полукругомъ.

«Позвольте, Ваше Величество, поблагодарить васъ за пожалованіе меня и моей свиты орденами», началъ разговоръ Великій Князь.

Султанъ поклонился сказавши: «Очень радъ, что могъ этимъ доставить вамъ удовольствіе».

Его Высочество свелъ разговоръ на войска. «Я любовался баталіономъ и эскадронами, которые встрѣтили меня въ Шайтанджикъ, люди отличались здоровымъ видомъ, прекраснымъ сложеніемъ и отличною выправкою».

«Неугодно ли будетъ Вашему Высочеству», предложилъ султанъ, «посмотрѣть мой здѣшній гарнизонъ, въ день, который вы сами сообразоволи назначить».

Великій Князь поблагодарилъ за предложеніе, выразивъ что это ему доставитъ большое удовольствіе.

«Сынъ мой», добавилъ султанъ, «представить вамъ войска».

«Я буду очень радъ этому случаю», сказалъ Великій Князь, «чтобы познакомиться съ Его Высочествомъ. Генераль Игнатьевъ говорилъ мнѣ, что онъ очень хорошо командовалъ и распоряжался маневрами».

«Не онъ командовалъ», съ усмѣшкою замѣтилъ султанъ, «вели ученіе и маневры офицеры Генеральнаго Штаба, а онъ только ѣздилъ и смотрѣлъ».

Послѣ отъѣзда султана мы переодѣлись, сѣли въ тѣ же коляски и поѣхали осматривать Св. Софію, сераль, древній гипподромъ и сулейманію. Чрезъ Перу мы спустились въ Галату и далѣе по деревянному мосту на Золотомъ Рогѣ проѣхали въ Истамбулъ.

Предмѣстье Пера лежитъ на холмѣ выше Галаты и Топъ-Хане. Оно основано генуэзцами, которые въ видахъ многочисленныхъ постовъ греческой церкви,

завели рыбные промыслы въ Крыму и Кафѣ; а для сбыта своего товара выпросили позволеніе устроить рынокъ близъ Константинополя. Теперь это кварталъ гостиницъ, пансіоновъ, посольскихъ дворцовъ, иностранныхъ магазиновъ и кофеевъ. Въ немъ есть также театръ, клубы, типографіи и читальни.

Въ Галатѣ, основанной также генуэзцами, находится центръ торговли, таможня и склады товаровъ. Это мѣсто генуэзцы получили въ подарокъ отъ императора Михаила Палеолога, а при Іоаннѣ Кантакузенѣ имъ позволили обнести его стѣнами. Съ той поры, до завоеванія Константинополя Магометомъ II, они были совершенно самостоятельны, управлялись своими подестаи и однажды осмѣлились даже арестовать императора за долги. Надъ Галатою высится построенная ими башня (въ 140 ф. вышины), съ которой подають сигналы въ случаѣ пожара.

По мосту мы ѣхали шагомъ, возбуждая любопытство останавливавшихся пѣшеходовъ и экипажей. Я не зналъ куда смотрѣть, глаза разбѣгались между пестрою толпой и чудеснымъ видомъ Константинополя. Съ моста мы въѣхали въ узкія грязныя улицы обитаемыя исключительно магометанскимъ населеніемъ.

Выѣхавъ на площадь, коляски наши остановились у Св. Софіи. Великаго Князя встрѣтили улемы, и мы пошли за ними черезъ дворъ устроенный предъ южнымъ портикомъ. При грекахъ, посреди этого двора, стояла конная статуя Юстиніана; а на четырехъ пилястрахъ наружной стороны портика красовались знаменитые кони Лизиппа, вывезенные изъ Коринѳа и

потомъ похищенные латинянами въ Венецію, гдѣ и теперь еще украшаютъ порталъ Св. Марка.

Снаружи храмъ имѣетъ очень тяжелый видъ, обезображенный пристройками подкрѣпляющими зданіе. Подъ главнымъ куполомъ громоздится каменная масса стѣнъ, куполовъ, полукуполовъ и контрфорсовъ, какъ будто предназначенная чтобы только поддержать его.

Предъ входными дверями, отлитыми изъ бронзы, съ сохранившимся надъ ними изображеніемъ креста, намъ одѣли туфли на сапоги. Мы вошли. Я остолбенѣлъ отъ невыразимаго величественнаго и могущественнаго вида храма Премудрости Божіей. Какъ потрясающе дѣйствуетъ на душу архитектура этого храма, можно заключить, напримѣръ, изъ того, что когда Магометъ II завоевалъ Константинополь, дикія орды его бросились грабить городъ, перерѣзали христіанъ, искавшихъ спасенія въ Св. Софіи и стали разорять храмъ. Въ это время вошелъ Магометъ. Суровый воинъ, ревностнѣйшій поклонникъ Пророка, ненавидѣвшій христіанъ и уничтожавшій все что только напоминало это имя, онъ такъ былъ пораженъ величіемъ этой постройки, что немедленно остановилъ истребленіе. Рѣшившись обратить ее въ мечеть, онъ приказалъ замазать живопись и закрасить стѣны; крестъ замѣнить полумѣсяцемъ, снять колокола, построить минаретъ, а на мѣстѣ алтаря поставить хранилище для корана. Затѣмъ все осталось въ такомъ же видѣ какъ при Юстиніанѣ, и даже въ послѣдствіи турки приняли Св. Софію за образецъ всѣхъ

своихъ мечетей, не обращая вниманія на расположе-
ніе крестомъ, которое составляетъ основной планъ
постройки.

Дивясь величію, изяществу и красотѣ этого
великолѣпнѣйшаго памятника византійскаго зодчества,
я припомнилъ пословъ Владиміра Святаго. Мнѣ стало
понятно впечатлѣніе какое долженъ былъ произвести
на нихъ, привыкшихъ къ бѣднымъ деревяннымъ по-
стройкамъ, этотъ необъятный, выходящій изъ всякаго
сравненія, храмъ.

Я читалъ много описаній Св. Софіи; видѣлъ
много рисунковъ, а все-таки дѣйствительность далеко
превзошла всѣ мои ожиданія. Планъ храма представ-
ляетъ крестъ, заключенный въ квадратъ, котораго
каждая сторона равна 33 саженьямъ. Надъ средо-
точіемъ креста возвышается пологій куполъ, лежащій
на огромныхъ столбахъ, связанныхъ съ двухъ сто-
ронъ хорами, которые продолжаютъ и вдоль попе-
речныхъ корпусовъ. Въ вершинѣ креста (мѣсто
алтаря) выведенъ полукуполъ съ тремя громадными
нишами. Надъ основаніемъ креста галерея съ которой
открывается перспективный видъ на всю колоссаль-
ную внутренность Софіи. Дуга главнаго купола равна
одной шестой его поперечника, а высота отъ по-
моста 180 футовъ. Онъ построенъ изъ чрезвычайно
легковѣсныхъ матеріаловъ: пемзы и родосскаго кир-
пича. Все зданіе поддерживается 80 колоннами и
104 столбами. Стѣны покрыты разноцвѣтнымъ мраморомъ,
яшмою, порфиромъ и мозаиками. Изъ по-
слѣднихъ совершенно открыты всѣ узоры и херувимы

огромнаго размѣра, съ закрашенными только лицами. Надъ горнимъ же мѣстомъ сквозить ликъ Богоматери, которая сидитъ на пурпурномъ одрѣ, съ подлѣ стоящимъ младенцемъ Іисусомъ.

Св. Софія воздвигнута Юстиніаномъ, въ 532 году, на томъ мѣстѣ гдѣ Константинъ выстроилъ первую христіанскую церковь (въ 325 году). Работы продолжались шестнадцать лѣтъ, причемъ участвовало до десяти тысячъ рабочихъ. Юстиніанъ, между прочими украшеніями, поставилъ въ Св. Софію восемь порфировыхъ колоннъ, взятыхъ изъ Рима, куда онѣ были привезены императоромъ Авреліаномъ изъ Баалбека, и шесть колоннъ зеленой яшмы изъ храма Діаны въ Ефесѣ. Многіе изъ императоровъ украшали и поддерживали храмъ; самый куполъ былъ исправленъ послѣ землетрясенія при Василіѣ Вулгароктонѣ. Андроникъ укрѣпилъ его внѣшними пристройками. Затѣмъ его обновили императоры Кантакузено и Палеологъ. При султанѣ Абдулъ-Меджидѣ онъ былъ вполне реставрированъ двумя братьями Фосатти, причемъ эти архитекторы освободили его снаружи отъ излишнихъ подпоръ, а внутри—чудесную мозаику отъ извести. Теперь все открыто, за исключеніемъ ликовъ.

Для меня внутренность Св. Софіи есть невыразимый идеалъ художественной красоты и чудо архитектурнаго искусства по легкости и воздушности всей постройки, несмотря на колоссальность ея размѣровъ. Сферическіе куполы и арки такъ пологи и такъ соединены между собою, что, гдѣ бы ни стать, ихъ очертанія далеко разбѣгаются въ своихъ основаніяхъ,

производя то же впечатлѣніе какъ сфера небесная. Глазъ не въ состояніи сразу охватить весь куполъ, всю ширину какой-либо арки, но можетъ обозрѣть въ одно время только одну извѣстную часть, а потому онъ также блуждаетъ, какъ при обозрѣніи неба, и оттого это удивительное впечатлѣніе необъятности, которое только испытываешь, рассматривая небесный сводъ.

Въ настоящее время каѳедра и мѣсто гдѣ хранится коранъ, обращены къ Меккѣ. Даже цыновки, которыми устланъ весь храмъ, положены перпендикулярно къ тому же направленію. По столбамъ, на которыхъ утверждены куполы и арки, развѣшаны огромные круглые щиты, съ золотыми шифрами царствовавшихъ султановъ, писанными по зеленому полю. Всѣ устройства и передѣлки турокъ носятъ на себѣ характеръ временнаго приспособленія, и если Магометъ II замазалъ грубою известью всю мозаику, то мнѣ кажется, онъ этимъ какъ бы нарочно предохранилъ ее отъ неизбежнаго разрушенія. Теперь мозаика постоянно осыпается и еслибъ она не простояла около трехъ столѣтій подъ известкою, то врядъ ли бы сохранилась до нашего времени.

Обходя храмъ и всѣ хоры, мы останавливались во многихъ мѣстахъ, любуясь его красотами. Хоры украшены перилами съ изваяніями орловъ и цвѣтовъ. Въ одномъ мѣстѣ на перилахъ сохранилась глубоко вырѣзанная надпись, гласящая что здѣсь мѣсто Θεодоры, именитой патриціанки. На память всякій изъ насъ купилъ нѣсколько камешковъ отъ осыпавшихся мозаикъ, которые продаютъ служители мечети.

Изъ Айя-Софія мы проѣхали въ Сераль. Онъ занимаетъ вершину треугольника, на которомъ лежитъ Константинополь и стояла древняя Византія. Во время Греческой Имперіи здѣсь находились дома громаднаго причта Св. Софіи. Съ одной стороны Сераль омывается водами Мраморнаго Моря съ другой—Босфора и Золотаго Рога, третья же сторона отдѣляется отъ города стѣною, въ которой устроень большой павильонъ съ высокими воротами. Прежде Сераль былъ недоступенъ иностранцамъ, но эта завѣса пала съ тѣхъ поръ какъ султанъ Махмудъ, истребитель янычаръ, построилъ дворецъ въ Дольма-Бахче и оставилъ ненавистный ему по воспоминаніямъ Сераль.

Послѣдній пожаръ истребилъ старый дворецъ, такъ что теперь нельзя себѣ составить о Серали полнаго понятія: мы видѣли сады, аллеи, кіоски, минареты; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ будто чего-то не доставало.

Остановясь у павильона, охраняемаго привратниками, мы вышли изъ колясокъ и переступили порогъ Высокой Порты. Во времена могущества Турціи, когда Европа едва удерживала ея завоевательныя стремленія, чрезъ эти ворота впускали иностранныхъ пословъ въ Сераль, гдѣ были сосредоточены всѣ правительственныя учрежденія Отоманской Имперіи, и вотъ причина по которой это правительство получило названіе Высокой или Блистательной Порты.

За этими воротами находится обширный дворъ, посреди котораго въ былое время выставлялись головы сановитыхъ преступниковъ, между тѣмъ какъ головы

простонародья или носы и уши плѣнныхъ сваливались предъ павильйономъ Высокой Порты и украшали ниши устроенныя по обѣ стороны воротъ. За первымъ дворомъ идутъ другіе дворы, у входа въ которые стояли ряды черныхъ и бѣлыхъ евнуховъ. Эти несчастные вообще производятъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе, но видѣть цѣлые ряды такихъ изуродованныхъ людей болѣе чѣмъ возмутительно.

На одномъ дворѣ намъ показали небольшую богато-отдѣланную комнату въ которой султаны принимали иностранныхъ пословъ. Эта комната устроена въ воротахъ носящихъ названіе Воротъ Блаженства, хотя по справедливости ихъ бы слѣдовало назвать «порогомъ эгоизма», такъ какъ все это блаженство относится лишь къ одному лицу. Затѣмъ начинается гаремъ, или женское отдѣленіе, окруженное садами, бассейнами, фонтанами, кіосками и банями.

Мы зашли въ кіоскъ, выстроенный багдадскими художниками и рабочими, которыхъ вызвалъ въ Константинополь одинъ изъ султановъ, плѣнившійся красотою причудливыхъ построекъ, облицованныхъ разноцвѣтными кафелями. Цвѣта и узоры этихъ глазированныхъ кирпичей чрезвычайно ярки, но такъ искусно составлены, что эта пестрота не рябитъ въ глазахъ, а сливается въ одно прелестное, гармоническое цѣлое.

Внутри кіоскъ украшенъ самыми изящными, безконечно-разнообразными узорами и уставленъ диванами. Предъ нимъ мраморная терраса, съ большимъ бассейномъ и фонтаномъ; кругомъ ея группы разнообразной

зелени, между которой сквозятъ стѣны дворцовыхъ зданій, обитаемыхъ женами покойнаго султана Абдуль-Меджида. Изъ Багдадскаго кіоска мы перешли въ бібліотеку, которая помѣщается въ отдѣльномъ кіоскѣ. Книги, въ цвѣтныхъ кожаныхъ переплетахъ, уставлены по шкапамъ въ осмигранной залѣ. Говорятъ, что въ ней хранится много восточныхъ рукописей, но, кажется, нѣтъ какихъ-либо остатковъ византійской письменности.

Изъ бібліотеки насъ повели въ роскошный кіоскъ султана Абдуль-Меджида съ превосходнымъ видомъ на Босфоръ и Мраморное Море. Окна наружнаго фасада съ зеркальными стеклами въ то же время служатъ дверями на открытую и убранную цвѣтами террасу, которая высится на краю холма. Внизу стоятъ древнія византійскія стѣны, а между ними и берегомъ Мраморнаго Моря положены рельсы желѣзной дороги. Внутри кіоскъ состоитъ изъ нѣсколькихъ гостиныхъ, богато убранныхъ голубымъ штофомъ, позолотою и европейскою мебелью. Намъ предложили длинныя трубки съ превосходными янтарями, различные прохладительные напитки и кофе въ фарфоровыхъ скорлупкахъ, помѣщенныхъ въ серебряныя чашечки, усыпанныя брилліантами. Отдохнувъ, пошли въ хранилище драгоценностей, всевозможнаго оружія, сѣделъ, конскихъ уборовъ, сервизовъ и рѣдкостей, представляющихъ образцы восточнаго искусства, богато отдѣланные камнями. Между послѣдними нѣкоторыя рубины и изумруды поражаютъ своею величиною. Тутъ же хранится одежда Магомета.

Затѣмъ насъ повели къ храму Св. Ирины, обращенному въ арсеналъ. Мы прошли мимо двухъ огромныхъ платановъ современныхъ Греческой Имперіи. Изъ нихъ одинъ имѣетъ семь сажень въ окружности. Противъ этихъ живыхъ свидѣтелей старины устроены монетный дворъ, а немного дальше арсеналъ въ церкви Св. Ирины. Церковь эта была сооружена Константиномъ Великимъ во имя мира (по-гречески Ирина значитъ миръ). Она построена базиликою. По стѣнамъ и хорамъ, покрашеннымъ желтою охрою, разставлены всевозможныя оружія и манекены, представляющіе костюмы и вооруженіе янычаръ. Въ этомъ храмѣ, при Θεодосіи, происходилъ второй Вселенскій Соборъ 150 православныхъ святителей, установившій догматъ объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца. Къ западной сторонѣ храма примыкаетъ небольшой дворъ съ овальнымъ бассейномъ, который носитъ названіе Златоустовой крещальни. На дворѣ и въ примыкающемъ корридорѣ собраны саркофаги и остатки древностей, но все это перемѣшано и свалено безъ всякаго порядка и системы.

Изъ Серали насъ повели на «Атмейданъ» или мясную площадь, носившую во времена Восточной Имперіи названіе Гипподрома. Она была окружена амфитеатромъ и украшена памятниками и произведеніями искусства. На ней производились конныя ристалища, игры и бои гладіаторовъ съ дикими звѣрями. Мы остановились, чтобъ осмотрѣть три уцѣлѣвшіе съ того времени памятника: Египетскій обелискъ, Змѣиную колонну и обелискъ Константина Багрянороднаго.

Египетскій обелискъ привезенъ изъ Оивъ въ Римъ, а оттуда въ Константинополь при Императорѣ Θεодосіи I. Онъ поставленъ на мраморномъ пьедесталѣ, украшенномъ барельефами, представляющими Θεодосіа съ его семействомъ. Самый обелискъ имѣетъ 60 футовъ вышины, покрытъ іероглифами и такъ сохранился, что кажется будто время его щадить и не хочетъ къ нему прикоснуться.

Рядомъ съ нимъ стоитъ Змѣиная колонна, древнѣйшій изъ извѣстныхъ въ мірѣ бронзовыхъ памятниковъ, въ видѣ столба свитаго изъ трехъ змѣй. Онъ находился въ Дельфійскомъ храмѣ и служилъ подставкою золотому треножнику, принесенному греками въ даръ Аполлону. Змѣиный столбъ на настоящее его мѣсто поставленъ Константиномъ Великимъ. Магометъ II отрубилъ у него одну голову, а двѣ другія украдены въ началѣ прошлаго столѣтія.

Обелискъ Константина Багрянороднаго, въ девяносто четыре фута вышины, былъ покрытъ мѣдными вызолоченными досками, которыя сорваны турками. Всѣ эти памятники окружены рѣшетками и стоятъ въ ямахъ, потому что нынѣшній уровень площади гораздо выше ихъ основаній, и можетъ-быть, если порыться въ этой насыпи, нашлись бы кое-какіе остатки и слѣды гипподрома.

Съ восточной стороны площадь замыкаетъ Св. Софія, а съ южной красивая мечеть Ахмета I, съ шестью минаретами и большимъ садомъ; съ другихъ сторонъ къ ней примыкали казармы янычаръ. Въ былое время на этой площади происходило много

бурныхъ и кровавыхъ сценъ. Здѣсь начинались споры и драки партій цирка, носившихъ названія по цвѣту возницъ на ристалищахъ. Такъ напримѣръ въ правленіе Анастасія I, во время драки погибло до трехъ тысячъ чело-вѣкъ, а при Юстиніанѣ I вражда между «голубыми» и «зелеными» дошла до того, что послѣ пятилѣтнихъ споровъ, императоръ, принадлежавшій самъ къ партіи голубыхъ, вынужденъ былъ вызвать Велисарія и истре-бить эти обѣ, соединившіяся противъ него, партіи. При этомъ погибло до 30,000 чело-вѣкъ. Это же мѣсто слу-жило поприщемъ безпрестанныхъ возмущеній янычаръ, и здѣсь же, 4 іюля 1826 года, султанъ Махмудъ истре-билъ это разнузданное войско. Разсказываютъ, что во время рѣзни было брошено въ Босфоръ до 25,000 труповъ; перемѣнившійся вѣтеръ прибилъ ихъ къ бере-гамъ, разнося зловоніе, заразу и болѣзни; а отъ рыбы жителямъ пришлось на долго отказаться.

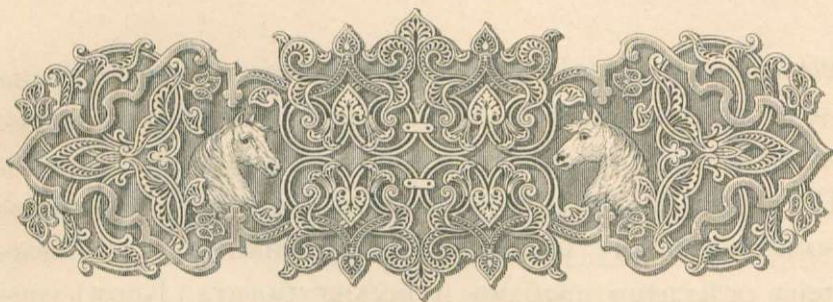
Съ Атмейдана насъ повезли по улицамъ и рын-камъ въ мечеть Солимана. Улицы дѣйствительно грязны, но не вездѣ и, во всякомъ случаѣ, не въ такой степени, какъ обыкновенно кричатъ про Кон-стантинополь. Вѣдь и въ нашихъ городахъ кварталы, занятые бѣднымъ населеніемъ, не отличаются особен-ною чистотой, къ тому же у насъ нѣтъ такой уличной жизни, какъ на Востокѣ, гдѣ большинство населенія живетъ, работаетъ, отдыхаетъ и ѣстъ на улицахъ или въ открытыхъ лавкахъ. Въ этомъ главныя при-чины зловонія и грязи большихъ восточныхъ городовъ. За то въ мечетяхъ, на окружающихъ ихъ дворахъ, въ садахъ и на кладбищахъ соблюдается чистота и

опрятность, а для большинства проживающих на улицах эти мѣста имѣютъ то же значеніе, какъ наши гостинныя и кабинеты.

Внутренность Сулейманіи, не смотря на свою красоту, уже не могла восхитить меня, я только-что былъ очарованъ Св. Софіей, съ которой Сулейманія представляетъ не болѣе какъ копію. За то снаружи она чрезвычайна красива; куполы, стѣны, окна, рѣшетки, аркады прелестно связаны и нагромождены другъ на друга, въ противоположность, къ уносящимся въ небо, минаретамъ. Вся эта постройка, окруженная зеленою маститыхъ платановъ и темныхъ кипарисовъ, переноситъ въ міръ фантазіи и мечтательности.

По осмотру мечети мы зашли въ *тюрге* султана Солимана-Законодателя, прозваннаго европейцами «Великолѣпнымъ», и рядомъ стоящій тюрге знаменитой его супруги Роксоланы. На султанскомъ саркофагѣ утвержденъ шаръ, покрытый чалмою съ драгоценными камнями; предъ нимъ лежитъ коранъ, изъ котораго муфти обязанъ прочесть ежедневно нѣсколько стиховъ. Вотъ что я вспомнилъ, глядя на этотъ саркофагъ: «Солиманъ, въ угоду Роксоланѣ, позвалъ своего старшаго сына, любимца войскъ и народа, и при себѣ велѣлъ его задушить».

Между тѣмъ стало смеркаться. Мы возвратились въ Перу и закончили день обѣдомъ у нашего посла, къ которому были приглашены: великій визирь, министры и состоявшіе при Его Высочествѣ Али-Низамъ-паша и Гафизъ-бей.



ГЛАВА IV.

СУЛТАНСКІЯ КОНЮШНИ. — ЛОШАДИ ИЗЪ НЕДЖЕДА. — ЗАВТРАКЪ ВЪ ЧАРА-
ГАНСКОМЪ ДВОРЦѢ. — РАЗГОВОРЪ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА СЪ СУЛТАНОМЪ. —
РЫНОКЪ ВЪ ТОПЪ-ХАНЕ. — ФОНТАНЪ СУЛТАНА МАХМУДА I. — КАИКИ. —
БОЛЬШОЙ БАЗАРЪ. — ПРОГУЛКА ПО ЗОЛОТОМУ РОГУ И БОСФОРУ. — БЕЙ-
ЛЕРБЕЙСКИЙ ДВОРЕЦЪ. — СКУТАРИ. — БОЛЬШОЕ КИПАРИСОВОЕ КЛАД-
БИЩЕ. — КАЗАРМА. — МЕЧЕТЬ СУЛТАНА СЕЛИМА III. — БАШНЯ ЛЕАНДРА. —
ПАРАДЪ. — ПРИНЦЪ ЮСУФЪ-ИЗЕДИНЪ-ЭФФЕНДИ. — ПРОЩАЛЬНАЯ АУДИЕНЦІЯ
У СУЛТАНА. — ТОРИЖЕСТВЕННЫЙ ВЫХОДЪ ВЪ МЕЧЕТЬ БЕКИШТАШЪ. —
ЖЕНЫ СУЛТАНА. — ОТЪѢЗДЪ НА ПАРОХОДЪ *ВЛАДИМИРЪ*.

На другой день Его Высочество осматри-
валъ султанскія конюшни, которыя помѣ-
щаются въ двухъ каменныхъ корпусахъ
противъ дворца въ Дольма-Бахче. Въ
одномъ изъ нихъ размѣщены сорокъ восемь,
въ другомъ шестьдесятъ верховыхъ лошадей соб-
ственного сѣдла султана. Лошади стоятъ въ про-
сторныхъ денникахъ, по обѣимъ сторонамъ
корридора, двадцати шаговъ ширины, съ зем-
лянымъ поломъ. Между многими чрезвычайно ти-
пичными восточными лошадьми отличались сво-
имъ необыкновеннымъ ростомъ чистокровные арабы

выведенные изъ Неджеда. Эта малоизвѣстная страна лежитъ въ срединѣ Аравійскаго полуострова, окруженная на три и болѣе дней пути сыпучими песками. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Пельгревомъ, которому удалось туда проникнуть, она населена осѣдлыми арабами и весьма богата. Кромѣ недоступности по естественнымъ причинамъ, ее ревниво охраняютъ отъ чужестранцевъ вахабиты — магометанскіе пуритане. Пельгревъ проникъ туда подъ видомъ странствующаго врача. По его словамъ всѣ иностранцы, достигавшіе Неджеда, были убиты въ степяхъ на обратномъ пути. Онъ называетъ Неджедъ родиною настоящаго типа арабской породы и говоритъ, что въ этой странѣ безспорно находятся лучшіе образцы, не только что арабскаго коневодства, но даже коневодства всего міра. Ихъ отличительная черта — пропорціональность, чистота и красота формъ, сухость, быстрота и неимовѣрная выносливость. На нихъ совершаютъ безостановочно переходы чрезъ степь двое и даже трое сутокъ. Наконецъ, порода Неджеда настолько выше другихъ породъ Аравіи, насколько послѣднія выше персидскихъ, индійскихъ и африканскихъ породъ. Ихъ нельзя пріобрѣсти иначе, какъ по завѣщанію, подаркомъ или призомъ на войнѣ и то въ послѣднемъ случаѣ ихъ прячутъ. А если приходится, изъ политическихъ видовъ, посылать лошадей въ даръ султану, хедиву или шаху, то посылаютъ исключительно порочныхъ жеребцовъ, которые, не смотря на свои недостатки, въ другихъ мѣстахъ сходятъ за образцы дѣйствительной красоты.

На султанской конюшнѣ всѣ лошади преимущественно сѣрой масти, часть изъ нихъ даже не чистокровной арабской породы, а лошади восточныхъ помѣсей и разныхъ типовъ. Конюшенная прислуга составлена изъ отборныхъ людей, стройныхъ, красивыхъ, щегольски одѣтыхъ и вполне знающихъ свое дѣло. Намъ показали также хранилище конскаго убора: нѣсколько отдѣленій уставлены сѣдлами, уздечками и чапраками съ принадлежностями. Богатое и разнообразное шитье, преимущественно по алому и голубому бархату съ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями — верхъ великолѣпія.

Въ этотъ день султанъ пригласилъ Великаго Князя къ обѣденному завтраку въ Чараганскій дворецъ. Изъ свиты удостоились такой чести только генералы, а потому я не видѣлъ этого дворца и не вкушалъ роскошныхъ яствъ, которыми султанъ угощалъ Великаго Князя. Чараганскій дворецъ построенъ въ мавританскомъ стилѣ и, какъ говорятъ, чрезвычайно хорошъ.

Передъ тѣмъ, чтобы сѣсть за столъ, Его Высочество обратился съ слѣдующими словами къ султану: «Позвольте искренно поблагодарить Ваше Величество за то огромное удовольствіе, которое вы мнѣ доставили дозволеніемъ осмотрѣть вашу конюшню. Я страстный охотникъ до лошадей, въ особенности арабскихъ, а нигдѣ нельзя увидѣть ихъ въ такомъ числѣ и такихъ высокихъ достоинствъ, какъ у Вашего Величества».

«Меня радуетъ», возразилъ султанъ, «что онѣ вамъ понравились, а какъ цѣнителю, вамъ вѣроятно

было особенно интересно видѣть выведенныхъ изъ Неждеда?»

«Дѣйствительно, я былъ пораженъ ихъ ростомъ, какого до сихъ поръ въ арабскихъ не встрѣчалъ.»

«Арабскія лошади вообще стали сильнѣе и рослѣе», замѣтилъ султанъ, «но за то прежній типъ лошадей съ лебединою шеей, налитыми кровью ноздрами, глазами на выкатѣ, съ тонкими и сухими ногами, сталъ весьма рѣдокъ, а можетъ быть и совсѣмъ исчезъ.»

За обѣдомъ султанъ спрашивалъ, а Великій Князь рассказывалъ, что видѣлъ въ городѣ и окрестностяхъ.

«Не утомились ли вы отъ жары?» спросилъ султанъ, «потому я спрашиваю, что предпочитаю свѣжую погоду.»

«Я люблю жару», отвѣтилъ Великій Князь, «и не терплю холода, не смотря на то, что я житель сѣвера. Въ особенности для меня несносны холода въ 20 и 30 градусовъ.»

«Да, такой холодъ долженъ быть неприятенъ. У васъ, впрочемъ, есть особенно холодная страна — Сибирь. Скажите, Ваше Высочество, велико-ли ея населеніе?»

Великій Князь пояснилъ, что соразмѣрно громадному пространству населеніе незначительно, и что болѣе густое населеніе группируется по путямъ и къ югу, гдѣ лежатъ весьма плодородныя земли.

Султанъ выразилъ удивленіе, можетъ ли родиться хлѣбъ при такомъ холодѣ. Ему было пояснено, что холодъ непостояненъ и прерывается хотя короткимъ,

но чрезвычайно жаркимъ лѣтомъ, въ продолженіе котораго необыкновенно быстро развивается растительность.

Султанъ сознался, что онъ этого совсѣмъ не зналъ, и поинтересовался степенью обитаемости самыхъ сѣверныхъ окраинъ Сибири, на что ему также было дано надлежащее объясненіе и упомянуто, между прочимъ, что жители занимаются охотою, или рыбною ловлею и ѣздятъ на оленяхъ.

«Я не зналъ, что можно ѣздить на оленяхъ! какъ же ихъ запрягаютъ?» полюбопытствовалъ султанъ.

Великій Князь объяснилъ закладку.

«Ну, а въ Россіи», опять спросилъ султанъ, «снѣгъ очень глубокъ, такъ что мѣшаетъ ходить и ѣздить?»

Великій Князь описалъ особенности нашей зимы.

«Говорятъ, у васъ есть много волковъ?» опять спросилъ султанъ, «какого цвѣта у нихъ шерсть?»

«Сѣраго.»

«Они ростомъ не больше нашихъ шакаловъ, или крупнѣе?»

«Нѣтъ, они съ добрую собаку и гораздо больше и злѣе шакаловъ.»

«На нихъ охотятся?»

«Какже, и очень разнообразно.»

«Правда, что ихъ бьютъ изъ экипажей?»

Великій Князь разсказалъ охоту съ поросенкомъ.

«Должно быть очень забавно и страшно», замѣтилъ султанъ. «А на что полезны волки?»

Ему было пояснено, что волчій мѣхъ очень тепелъ, и его употребляютъ на шубы, полости и ковры.

Затѣмъ султанъ спрашивалъ объ охотѣ на медвѣдей, о производительности Россіи, урожаяхъ, конскихъ заводахъ, а послѣ окончанія обѣда спросилъ, чѣмъ Его Высочество командуетъ?

«Всею гвардіею, всею кавалеріею и инженернымъ корпусомъ», отвѣтилъ Великій Князь.

«Вы сами командуете, или есть люди, которые за васъ командуютъ, какъ у моего сына?»

«Самъ командую и служу уже болѣе 25 лѣтъ», отвѣтилъ Великій Князь. «Съ семи лѣтъ батюшка поставилъ меня во фронтъ и я ходилъ за рядоваго въ I Кадетскомъ корпусѣ, потомъ былъ унтеръ-офицеромъ, знаменщикомъ, командовалъ взводомъ, ротой, эскадрономъ, баталіономъ, наконецъ былъ произведенъ въ генералы, получилъ кавалерійскую бригаду, дивизію, корпусъ и затѣмъ уже главное начальство.»

Султанъ остался очень удивленъ, услыхавъ о томъ послѣдовательномъ прохожденіи службы Его Высочества и заключилъ разговоръ словами: «Да! нечего сказать! это настоящая практика для военнаго человѣка, я самъ плохой военный, потому что никогда не занимался этою частью, и оттого заставляю своего сына учиться военному дѣлу».

Возвратясь съ завтрака, продолжавшагося съ небольшимъ часъ, Его Высочество переодѣлся и мы спустились пѣшкомъ изъ посольства по крутой, узкой и утесистой улицѣ на рынокъ въ Топъ-Хане. (Топъ-Хане въ переводѣ значитъ: пушечный дворъ). Рынокъ украшенъ фонтаномъ султана Махмуда I, построеннымъ

въ видѣ четырехугольнаго павильона съ далеко выдающимся карнизомъ, и сплошь покрытъ арабесками, стихами изъ корана и изреченіями восточныхъ мудрецовъ. Эти надписи такъ красивы и изящны, что сами по себѣ составляютъ прелестный арабескъ. Въ этомъ отношеніи арабскіе письменные знаки гораздо красивѣе европейскихъ; въ нихъ очень мало острыхъ угловъ, которыми мы такъ изобилуемъ, а напротивъ того всѣ извороты округлены. Топъ-Хане лежитъ на площадкѣ между Босфоромъ и высокимъ холмомъ Перы, вершины котораго увѣнчаны дворцами европейскихъ посольствъ; съ одной стороны она примыкаетъ къ воротамъ Галаты, съ другой ее украшаетъ мечеть Ени-Джами, построенная султаномъ Махмудомъ II и названная такимъ образомъ въ отличіе отъ стоящей близъ арсенала старой мечети Эски-Джами. Рынокъ, занимающій середину между только-что описанными мѣстами, замѣчательно декоративенъ и оживленъ толпящимся народомъ, идущимъ изъ воротъ Галаты, или изъ Перы къ пристани, на которой стоятъ множество гальйотовъ, каиковъ и пароходовъ, содержащихъ сообщеніе по всему Босфору.

Мы прошли къ пристани у арсенала и сѣли въ придворные и посольскіе каики. Эти красивыя лодки сколачиваются изъ тонкихъ буковыхъ досокъ, весла укрѣпляются посредствомъ кожаныхъ петель, смазываемыхъ масломъ, отчего каики скользятъ по водѣ безъ всякаго шума. Большинство изъ нихъ двухвесельные; они постоянно снуютъ по Босфору съ легкостью и изворотливостью ласточки. Султанскіе

же каики, а равно посольскіе и богатыхъ людей устроены съ большою роскошью и на нѣсколько паръ весель. Въ нашихъ было по двадцати гребцовъ, какъ на подборъ, рослыхъ, красивыхъ, въ фескахъ, красныхъ и голубыхъ, шитыхъ золотомъ, курткахъ съ бѣлыми до колѣна шароварами и голыми мускулистыми руками.

Описавъ широкій кругъ по Босфору, мы остановились у пристани на Серальскомъ мысу и пѣшкомъ прошли въ большой базаръ, построенный еще Магометомъ II, послѣ завоеванія Константинополя. Онъ состоитъ изъ широкихъ перепутанныхъ между собою корридоровъ, подъ кирпичными арками съ отверстиями для свѣта, и изъ крытыхъ навѣсами улицъ. Стѣны и своды расписаны цвѣтами и фигурами. По сторонамъ сдѣланы нары или поставцы, на которыхъ расположены товары, между ними сидятъ торговцы, работаютъ и курятъ трубки, а въ глубинѣ лавки видна дверь, ведущая въ кладовую. Мы совершили почти не останавливаясь прогулку по базару, возбуждая любопытство толпы и тѣмъ невольно мѣшая торгу.

Изъ рядовъ мнѣ очень понравились по своей живописности: оружейный и москотильный съ духами. Въ мануфактурномъ интересно было видѣть женщинъ съ болѣе или менѣе прозрачными вуалями, закрывавшими нижнюю часть лица до глазъ, въ сопровожденіи ихъ обычной свиты: желтолицаго евнуха или старухи негритянки.

Время незамѣтно измѣняетъ всѣ людскіе обычаи и законы. Какъ ни ревнивъ суровый османлисъ, какъ

многочисленные посольские и богатые
дворянскою роскошью и на ибсн
нашихъ было по двадцати гребцовъ,
рослыхъ, красивыхъ, въ фескахъ,
лубкахъ, шитыхъ золотомъ, курткахъ
колѣна шароварами и голыми муску-
и.

широкій кругъ по Босфору, мы оста-
стани на Серальскомъ мысу и въ широкъ
рыночной базаръ, построенный при Магоме-
въ завоеванія Константинополя. Этотъ
широкихъ перепутанныхъ между собою
маленькихъ каравансерами арками съ отверстиями
въ аркахъ изъ одной улицы. Стѣны
окрашены въ голубой и зеленый. По сторонамъ
нары или павильоны, въ которыхъ рас-
ставлены, между ними слытъ курчавые, рас-
тъ трубки, а въ глубинѣ лавки выно-
ся въ кладовую. Мы совершили почти
всю прогулку по базару, возбуждая
толпы и тѣмъ невольно мѣшая торгу.
Они какъ очень понравились по своей
оригинальнѣйшей и москотливѣйшей съ духами.
Въ одномъ изъ нихъ было даже жемчужина
и менѣе прекрасныя вещицы, закрывав-
ую часть лица до глазъ, въ сопровож-
бачной свиты: желтолицатаго сына или
дочери.

Всѣмъ измѣняетъ всѣ людскіе обычай
и различіе арабскій, османскій, кав-



Интересно было видѣть женщинъ съ болѣе или менѣе прозрачными
вуалями, закрывавшими нижнюю часть лица до глазъ.

ни высоки стѣны его гаремовъ, но и въ нихъ пробиты брешы. Женщины мало-по-малу отвоевываютъ себѣ свободу, а большинство мусульманъ избѣгаетъ многоженства, какъ сопряженнаго съ большими расходами, дразгами, интригами и ссорами. По чувству любопытства, все запрещенное, тайное, заинтересовываетъ насъ до того, что, не отдавая себѣ отчета, стараешься при первой возможности извѣдать тайну. Отъ этого, встрѣчая женщинъ съ полузакрытымъ лицомъ, невольно обращаешь на нихъ особое вниманіе и все чего-то ищешь.

Пока мы гуляли, время стало приближаться къ 4 часамъ; базаръ началъ закрываться, а мы поспѣшили къ каикамъ, чтобы прокатиться по Золотому Рогу. Эта морская бухта врѣзывается въ материкъ въ видѣ рога изобилія, при ширинѣ отъ 5000 до 6200 футовъ, образуя превосходную гавань, вмѣщающую до 1200 судовъ.

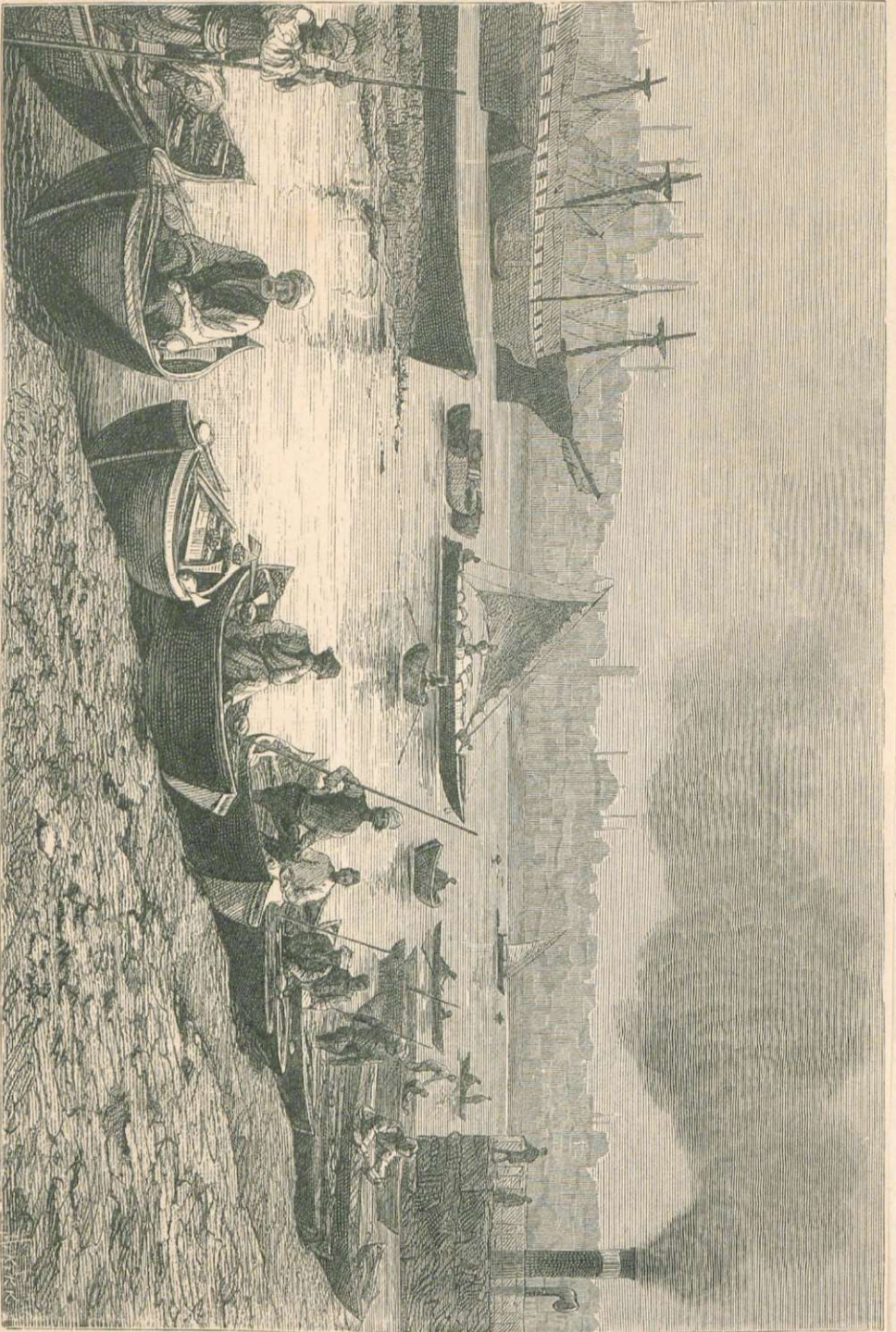
Босфоръ вмѣстѣ съ Золотымъ Рогомъ представляетъ самое счастливое, сочетаніе, какое только можетъ предоставить природа для мореплаванія. Это неисчерпаемый источникъ богатства и жизненной силы для людей, а потому со временъ глубокой древности, заливъ этотъ названъ Золотымъ Рогомъ.

Катаясь въ роскошномъ каикѣ по тихимъ водамъ Золотаго Рога и Босфора, я поддался всему обаянію чуднаго, безконечно разнообразнаго сочетанія воды, горъ, неба, прозрачнаго воздуха, великолѣпныхъ зданій, лачугъ, мечетей, минаретовъ и кипарисовыхъ рощъ. Я не въ силахъ передать дѣйствительности во

всемъ ея величіи и блескъ, она такъ прекрасна и въ то же время такъ фантастична, что, какъ опиумъ или хашишъ, опьяняетъ чувства и притупляетъ желанія. Куда ни взглянешь, всюду дивная картина, всюду разнообразнѣйшее богатство линій и красокъ. Это волшебный калейдоскопъ, въ которомъ, по мѣрѣ перемѣщенія, картина смѣняется картиной, а невыразимая красота ихъ чаруетъ взоры и чувства, какъ миражъ, плавающий въ прозрачной синевѣ воздуха. Въ это время душа, мысли и чувства сливаются въ одно благоговѣйное созерцаніе красоты, отдаваясь всей силѣ ея обаянію.

Вотъ впечатлѣнія, которыя вызвала во мнѣ эта прогулка, но.... человекъ не можетъ безмятежно наслаждаться. Захватывая рукою бирюзовую воду, мнѣ пришло на мысль, сколько она затаила въ себѣ ужасовъ и преступленій. И какъ быстро исчезалъ въ рукѣ чудный цвѣтъ воды, такъ же скоро радужныя картины смѣнялись воспоминаніями ужасовъ, скрытыхъ въ этой молчаливой глубинѣ. Мрачны легенды этихъ водъ, много скрываютъ онѣ насилій и страшныхъ преступленій. Сюда выбрасывались трупы, послѣ кровавыхъ междоусобій и войнъ. Въ этихъ прохладныхъ объятіяхъ кончали свою жизнь несчастныя затворницы гаремовъ. Сюда проведена была канава для стока крови изъ Семибашеннаго замка. Сюда же выходилъ «мысль казней» и «двери на тотъ свѣтъ», изъ Румели-Исаръ (замка забвенія).

Но довольно объ этомъ. Мы подѣхали къ верфи, на которой строится броненосецъ по рисунку султана,



Это неисчерпаемый источник богатства и жизненной силы для людей, а потому со времени глубокой древности, залив
этотъ названъ Золотымъ Рогомъ.

какъ по крайней мѣрѣ его величество объявилъ о томъ за завтракомъ Великому Князю. Замѣчу одно: инженеры-строители, которыхъ мы видѣли, всѣ были турки, нѣкоторые даже не говорили на иностранныхъ языкахъ. Доѣхавъ до конца Золотаго Рога, мы увидѣли «долины прѣсныхъ водъ», одно изъ любимыхъ загородныхъ гуляній турокъ, потомъ, объѣхавъ правый берегъ вдоль Стамбула, вышли у новаго моста, сѣли въ коляски и возвратились въ посольство.

По дорогѣ насъ остановилъ флигель-адъютантъ султана, который потребовалъ къ себѣ Гафизъ-бея и произвелъ его въ паши, за то, что состоя при особѣ брата Русскаго Императора, онъ удостоился высокой чести ѣздить съ нимъ въ одной коляскѣ по улицамъ Константинополя. Въ этотъ же день султанъ прислалъ Его Высочеству двухъ лошадей своего сѣдла.

На слѣдующее утро мы сѣли опять въ кайки и поѣхали по Босфору въ Бейлербейскій дворецъ, лежащій на Азіятскомъ берегу. Мраморная набережная, роскошные сады, разведенные на террасахъ, съ кіосками и бесѣдками, окружаютъ этотъ прелестный дворецъ. Изъ богатыхъ украшеній комнатъ, мнѣ особенно нравилась зала съ огромнымъ бассейномъ и фонтанами, предназначенная для купанья гарема. Здѣсь свободно могутъ помѣститься болѣе 300 женщинъ. Во всѣхъ нами видѣнныхъ дворцахъ залы и гостиныя страдаютъ однообразіемъ, за отсутствіемъ живописи и скульптуры. Меня это тѣмъ болѣе удивляетъ, что султанъ большой охотникъ до живописи и самъ ею занимается. Положимъ, изображеніе чело-

вѣческаго лица запрещено закономъ, но ландшафты и животныя не подходятъ подъ это запрещеніе. Только въ одномъ изъ кіосковъ Бейлербейскаго дворца находятся нѣсколько видовъ и нѣсколько портретовъ лошадей.

Обойдя садъ, мы сѣли въ коляски и поѣхали по скалистой долинѣ, мимо загородныхъ дачъ съ высокими каменными заборами и выѣхали на возвышенное плато. Предъ нами лежалъ городъ Скутари, влѣво отъ него тянулся кипарисовый лѣсъ. Это знаменитое кладбище. Чрезъ пять минутъ мы въѣхали въ предмѣстье съ большими домами, болѣе похожими на дачи, и съ широкими шоссированными улицами.

Изъ улицъ завернули на кладбище, слѣдуя по его извилистымъ и тѣнистымъ аллеямъ. Большая часть турецкихъ кладбищъ похожи на разчищенные лѣса кипарисоваго дерева, подъ сѣнію которыхъ наставлены стоймя мраморныя плиты, на верху закругленные, въ видѣ плечъ, и увѣнчанныя надъ мужчинами чалмою, а надъ женщинами острою шишкой. Кромѣ того на нѣкоторыхъ могилахъ лежатъ плиты и на нихъ обыкновенно ставятъ горшки съ цвѣтами. Кладбище въ Скутари простирается въ глубину на пять верстъ и уставлено безчисленнымъ множествомъ могильныхъ камней, такъ что издали чалмы и плечевыя закругленія придаютъ ему видъ собравшейся подъ деревьями толпы. Турки увѣрены что ихъ господство на европейскомъ берегу только временное, а потому, не желая въ будущемъ лежать въ землѣ гяуровъ, они предпочтительно хоронятся на кладбищѣ въ Ску-

тари. Кипарисъ еще у грековъ и римлянъ считался намогильнымъ деревомъ. И дѣйствительно, онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію строгими пирамидальными формами, темною зеленою и запахомъ душистой смолы, которая уничтожаетъ вредъ отъ тлѣющихъ испареній. На турецкихъ кладбищахъ кипарисъ разрастается въ огромные лѣса, потому что турки на каждой могилѣ подсаживаютъ молодые деревья и старательно выхаживаютъ ихъ. Видъ этого безконечнаго кладбища наводитъ на мечтательность и располагаетъ къ тихой грусти. Турки любятъ посѣщать свои кладбища и сидѣть на могилахъ родныхъ; при этомъ они предпочитаютъ одиночество, или молча курятъ свои длинныя складныя трубки.

Чрезъ двадцать минутъ мы выѣхали изъ кладбища на открытое поле предъ огромною казармой ¹⁾, въ которой также устроенъ госпиталь. Казарма въ видѣ двухэтажнаго, четырехсторонняго зданія съ башнями по угламъ, будучи расположена на горѣ, высится надъ всѣмъ Скутари. Два внутренніе корпуса раздѣляютъ ее на четыре двора. Мы остановились предъ садомъ со множествомъ цвѣтовъ и вошли въ госпиталь, чрезвычайно опрятно содержимый и отличающійся необыкновенною чистотой воздуха. Обойдя палаты, мы спустились съ горы въ городъ и прошли къ пристани, мимо прелестнѣйшей мечети султана Селима III, которая отличается удивительною

1) Во время войны 1855 года въ этой казармѣ помѣщались двѣ дивизіи Англичанъ и наши плѣнные, до ихъ отсылки на Принцевы острова. Въ госпиталь же находились наши раненые.

легкостью постройки. Всѣ ея стѣны, галереи, аркады и куполы сплошь покрыты окнами разнообразнѣйшаго рисунка, отчего все зданіе кажется какъ бы прозрачнымъ.

Сопровождаемые толпою любопытныхъ, мы наконецъ сѣли въ каики и перенеслись черезъ Босфоръ въ томъ самомъ направленіи, въ которомъ, если вѣрить грекамъ, его переплылъ Юпитеръ въ образѣ быка, похищая Европу. Мы проскользнули въ довольно близкомъ разстояніи отъ башни Леандра (построенной при императорѣ Мануилѣ), этого единственного остатка укрѣплений, замыкавшихъ входъ въ Босфоръ и Константинопольскую гавань. Своимъ одинокимъ положеніемъ среди лазоревыхъ водъ Босфора, она останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе; въ этомъ кроется причина ея поэтического имени и соединенныхъ съ нимъ различныхъ греческихъ и турецкихъ легендъ.

Было уже одиннадцать часовъ, а потому мы спѣшили возвратиться въ посольство, чтобы поспѣть къ параду. Придворные экипажи доставили Его Высочество и свиту въ сераскиратъ (военное министерство), находящееся близъ Высокой Порты. На пути мы обогнали рядъ каретъ, въ которыхъ выѣхали посмотреть на парадъ жены Султана. Поѣздъ этотъ невольно напомнилъ катанье институтокъ въ пасху и на масляницу. Великаго Князя встрѣтили: четырнадцатилѣтній сынъ Султана, Юсуфъ-Иззединъ-эфенди, военный министръ и паши. Послѣ обычнаго угощенія, то-есть трубки, кофе и прохладительныхъ

напитковъ, подвели лошадей. Его Высочество сѣлъ на сѣраго жеребца, подареннаго ему наканунѣ Султаномъ. На смотрѣ представились Его Высочеству четыре баталіона стрѣлковъ, четыре баталіона линейной пѣхоты, пять эскадроновъ драгунъ, изъ которыхъ четыре были на сѣрыхъ лошадяхъ и одинъ на вороныхъ, три эскадрона уланъ, на вороныхъ и гнѣдыхъ лошадяхъ; двѣ пѣшія баттарей, три конныя, одна горная и восемь маленькихъ стальныхъ орудій, навьюченныхъ на мулахъ, по два при каждомъ стрѣлковомъ баталіонѣ. Великій Князь объѣхалъ войска шагомъ, а затѣмъ пропустилъ ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ.

Щегольски одѣтая пѣхота проходила стройно и отличалась замѣчательною красотою людей. Кавалерія сидѣла на лошадяхъ, преимущественно восточнаго происхожденія, ремонтируемыхъ въ Малой Азіи; при небольшомъ ростѣ, онѣ отличались прочностью, и надо полагать, что эти лошади чрезвычайно выносливы. Въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться на эскадронахъ, конвоировавшихъ Великаго Князя въ Сиріи и Палестинѣ. Но видно, что турецкая кавалерія, утративъ свой національный характеръ, испорчена французскими инструкторами. Маленькія анатолійскія лошади задавлены тяжелымъ и неуклюжимъ вьюкомъ, а люди сидятъ на длинныхъ стременахъ, которыя противны и непригодны туркамъ уже потому, что они весь вѣкъ сидятъ поджавъ ноги. Артиллерія показалась въ бѣльшемъ порядкѣ и очень понравилась Его Высочеству. Парадъ заключился трубками,

кофеемъ и шербетомъ, послѣ чего Его Высочество представилъ Юсуфу-Издединъ-эфенди свою свиту и, поблагодаривъ за смотръ, возвратился въ посольство.

Великій Князь хотѣлъ уѣхать изъ Константинополя въ день парада, то-есть въ четвергъ 28-го сентября, но остался до пятницы, чтобы видѣть парадный выѣздъ Султана изъ дворца въ одну изъ мечетей. Утромъ у насъ все было уложено и отправлено на пароходъ *Владиміръ*; мы же одѣлись въ мундиры и, простившись съ семействомъ генераль-адъютанта Игнатьева, поѣхали тѣмъ же церемоніальнымъ порядкомъ въ Дольма-Бахче для прощальной аудіенціи.

Великій Князь благодарилъ Султана за радушный пріемъ и драгоценный подарокъ двухъ арабскихъ жеребцовъ. Султанъ отвѣчалъ на это Великому Князю, что онъ радъ представившемуся случаю сдѣлать ему удовольствіе и сожалѣть, что пребываніе Его Высочества у него въ гостяхъ такъ кратковременно, а то онъ желалъ лично показать Его Высочеству различныя загородныя мѣста и дворцы. Великій Князь еще благодарилъ за парадъ, причемъ хвалилъ отличное состояніе артиллеріи и бодрый видъ пѣхоты. Султанъ отвѣтилъ, что ему пріятно слышать похвалу его войску отъ такого хорошаго военного генерала, какъ Его Высочество, замѣтивъ притомъ, что кавалерія—«наша слабая часть». Прощаясь, уже на порогѣ, Султанъ взялъ за руки Великаго Князя и сказалъ:—«Я очень радъ, что имѣлъ случай съ Вами познакомиться, и прошу Васъ передать Вашему Государю мою сердечную

любовь и уваженіе къ нему, и увѣрить Его Величество, что наши отношенія, не смотря ни на какія перемѣны министерствъ, останутся навсегда неизмѣнными. Надѣюсь, что Ваше пребываніе въ Константинополѣ оставило вамъ пріятное впечатлѣніе.»

«Будьте увѣрены, Ваше Величество», отвѣтилъ Его Высочество, «что передамъ моему Государю слово въ слово все, что Вы мнѣ сказали, а я лично искренно благодарю Васъ за все, что Ваше Величество изволили мнѣ сдѣлать и устроить во время моего пребыванія».

Затѣмъ Султанъ предложилъ Его Высочеству посмотрѣть на его парадный выѣздъ въ мечеть Бекишташъ. Это былъ знакъ большаго вниманія и личнаго расположенія Султана къ Его Высочеству, такъ какъ парадный выходъ происходитъ только въ самые большіе праздники и въ этотъ день былъ назначенъ единственно изъ вниманія къ Великому Князю.

Насъ отвезли въ кіоскъ, выходящій на шоссе, по которому должна была пройти церемонія. Обсаженная деревьями улица отъ дворца до мечети была уставлена войсками, за которыми толпилась публика. По шоссе проѣзжали двухмѣстныя кареты вѣнской работы, запряженные парами гнѣдыхъ лошадей, въ сопровожденіи конныхъ и пѣшихъ евнуховъ. Въ каретахъ сидѣли жены Султана, которыхъ онъ послалъ взглянуть на Великаго Князя. Хорошенькія затворницы были одѣты по послѣдней модѣ, а черты ихъ можно было различить подъ прозрачнымъ вуалемъ, закрывавшимъ нижнюю часть лица какъ бы легкою дымкой, что увеличивало блескъ и красоту глазъ.

Но вотъ солдаты встали въ ружье, раздались командныя слова: «асъ-дуръ», «селямъ-дуръ», взяли на плечо, на караулъ, музыка заиграла и выѣздъ начался. Впереди ѣхали верхомъ паши, попарно, на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, въ блестящихъ съ золотымъ шитьемъ мундирахъ, на прекрасныхъ лошадахъ. За ними, сынъ Султана, окруженный пѣшими адъютантами; далѣе пѣшій конвой и министры, другъ за другомъ, потомъ попарно пѣшкомъ человекъ 60 флигель-адъютантовъ и, наконецъ, самъ Султанъ. Онъ сидѣлъ на великолѣпномъ сѣромъ жеребцѣ, на которомъ уборъ осыпанъ былъ драгоценными камнями. На самомъ повелителѣ правовѣрныхъ надѣтъ былъ мундиръ, весь зашитый золотомъ, а на фескѣ горѣлъ брилліантовый аграфъ съ перомъ. За нимъ вели трехъ лошадей въ роскошныхъ уборахъ. Когда Султанъ подѣхалъ, войско крикнуло: «падишахиме джокъ яша», что значитъ: «да здравствуетъ нашъ Султанъ на многія лѣта». Поровнявшись съ кіоскомъ, его величество Султанъ привѣтливо раскланялся съ Великимъ Княземъ.

Войско стало расходиться, а мы проѣхали къ пристани на площадкѣ предъ Дольма-Бахче и простившись съ нашими новыми знакомыми, переѣхали въ каикахъ на стоявшій на рейдѣ пароходъ *Владимір*.



ГЛАВА V.

ПАРОХОДЪ *ВЛАДИМІРЪ*. — ВЫХОДЪ ВЪ МРАМОРНОЕ МОРЕ. — АРХИПЕЛАГЪ. — ЛЕСБОСЪ. — БЕРЕГЪ МАЛОЙ АЗИИ. — КАСТЕРО. — РУССКІЕ БОГОМОЛЫЦЫ И БОГОМОЛКИ. — АЗИЯТЦЫ. — СМІРНСКАЯ БУХТА. — СМІРНА. — КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ. — БАЗАРЪ. — ТУРЕЦКІЙ КВАРТАЛЬ. — ФОНТАНЪ И КОФЕЙНЯ. — ГРЕЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ. — ЕВРОПЕЙСКІЙ КВАРТАЛЬ. — НАСЕЛЕНИЕ СМІРНЫ. — ЧЕСМЕНСКАЯ БУХТА.

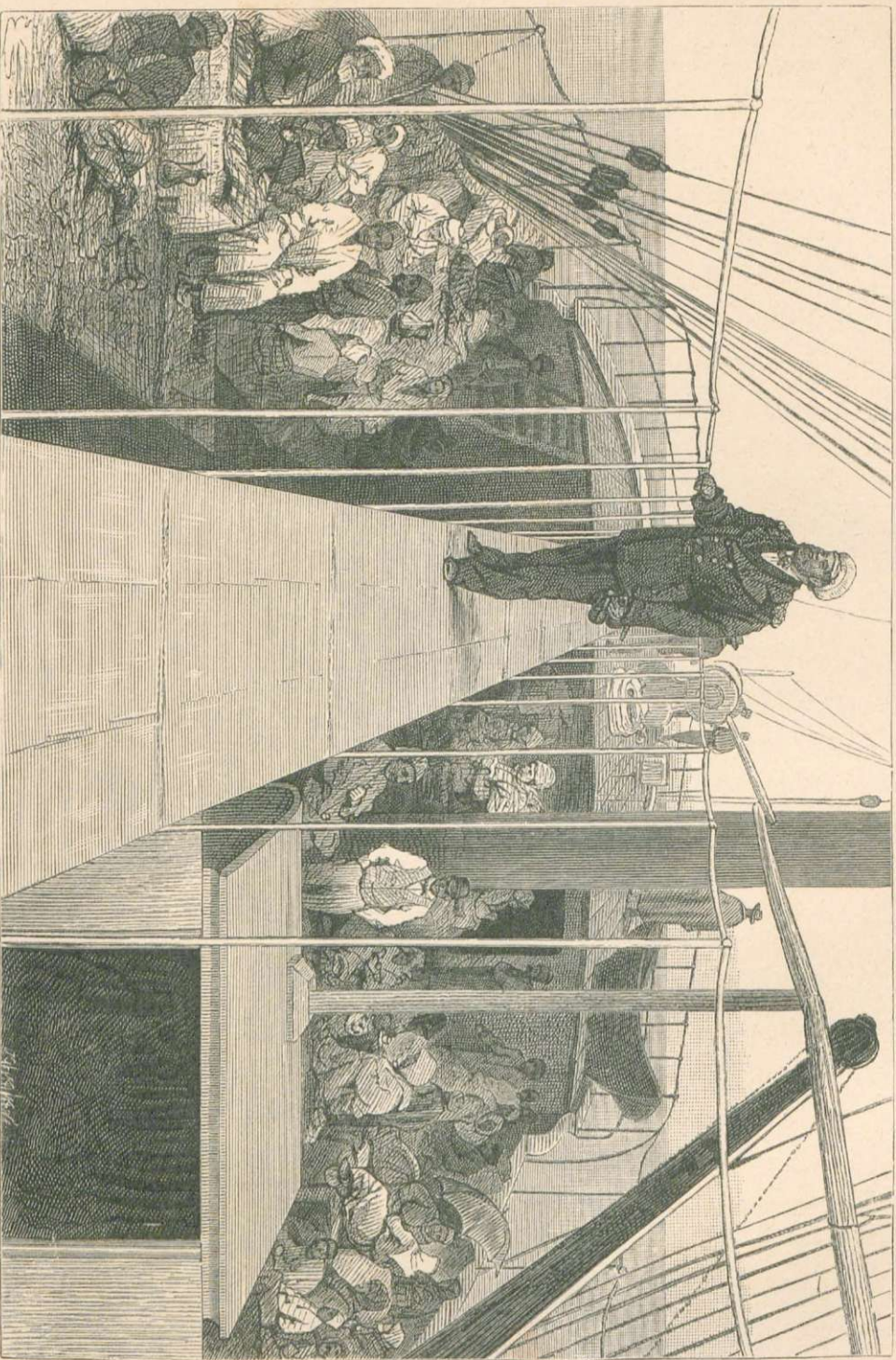


Пароходъ *Владиміръ*, на которомъ мы совершили плаваніе до Бейрута, стоялъ на рейдѣ въ ожиданіи Великаго Князя, готовый сняться съ якоря. Когда мы подъѣхали, Великаго Князя встрѣтилъ капитанъ Гаврешовъ, плотный, типичный морякъ. Для насъ былъ занятъ весь первый классъ, причемъ каждый нашелъ надпись со своимъ именемъ, которое четко красовалось на дверяхъ отведенной ему каюты. Люди съ вещами были перевезены на пароходъ уже съ утра. Все было готово къ отправленію, но якоря не поднимали, въ ожиданіи почты изъ Россіи. Къ общему сожалѣнію почтовый пароходъ запоздалъ, и потому,

не дождавшись столь желанных писемъ, мы простились съ провожавшими Великаго Князя генералъ-адъютантомъ Игнатьевымъ и другими лицами посольства, среди пожеланій добраго здоровья и спокойнаго моря. Когда они сѣли въ лодки и уже отчалили, вдругъ подлетѣлъ небольшой четырехвесельный каикъ съ Камиль-пашою, который пріѣхалъ, чтобы проводить Великаго Князя и поблагодарить за любезное къ нему вниманіе.

Но вотъ и онъ отѣхалъ, раздались свистки, стали тянуть якорь и чрезъ нѣсколько минутъ мы тихо тронулись мимо париходовъ и судовъ по направленію къ Мраморному Морю; прошли Золотой Рогъ, Стамбулъ со Св. Софіею и Сералемъ, подъ ветхими стѣнами котораго пробѣгалъ въ это время поѣздъ желѣзной дороги. Босфоръ все болѣе и болѣе суживался, кипарисовыя роши у Скутари сливались въ темныя полосы, рѣзко отдѣлявшіяся отъ мечетей и бѣлыхъ линій домовъ. Вдали, на краю Константинополя, черною глыбой рисовался извѣстный Семибашенный замокъ. Я не спускалъ глазъ съ этой роскошнѣйшей картины, невольно думая о томъ, придется ли еще разъ въ жизни полюбоваться ею...

Наконецъ, подробности города мало-по-малу стали стираться въ туманныя очертанія, сливаясь съ небомъ и водою. Одни только шпили минаретовъ и куполы мечетей еще выдѣлялись своими оригинальными формами; но вотъ и они поблѣднѣли и скоро чудный городъ виднѣлся на горизонтѣ одною лишь матово-синеватою полосой. Я оглянулся: влѣво отъ



Пароходъ *Владимиръ*, на которомъ мы совершили плаваніе до Бейрута.

Пароход "Башкир", на котором мы совершили путешествие до Белгута.



парохода уже выступили Принцевы острова, славящіеся своею красотою; вправо виднѣлась полоса Европы; впереди море сливалось съ горизонтомъ, а мимо насъ скользили лодки и небольшія суда подъ парусами.

До самаго вечера не могъ я оторваться отъ прелестной картины этого чуднаго южнаго моря, и только тогда вернулся изъ этого міра красокъ, свѣта и поэзіи къ нашей пароходной дѣйствительности, когда распаленное солнце совсѣмъ уже потухло въ морѣ, и когда исчезли послѣднія краски зари на красивыхъ облакахъ, поблѣднѣвшихъ въ наступившемъ мракѣ. Но не прошло и получаса, не успѣли еще остыть впечатлѣнія, какъ уже свѣтлыя картины дня и вечера смѣнились рядомъ новыхъ картинъ восхитительной ночи. И я долго еще сидѣлъ на верхней палубѣ, любуясь на ярко-золотистый блескъ луны, отражавшейся въ мелкой зыби, и на ея причудливую игру, переливы и оттѣнки въ волнахъ. Порою, какъ бы изъ глубины, выплывали, мигая и приближаясь, цвѣтные огоньки встрѣчныхъ судовъ. Рисуясь красивыми очертаніями своихъ парусовъ, озаренныхъ все тѣмъ же фантастическимъ луннымъ свѣтомъ, они проплывали мимо насъ, и какъ легкіе призраки, исчезали незамѣтно въ прозрачной тѣмѣ южной ночи.

Дарданеллы, къ сожалѣнію, мы прошли ночью, и когда я всталъ и вышелъ на палубу, пароходъ плылъ уже Архипелагомъ, подходя къ Мителену, древнему Лесбосу. Море было совершенно спокойно, отражая въ своей темно-лазуревой поверхности ближніе острова и историческіе берега Малой Азіи. Тѣ и другіе,

словно звенья красиво разбросанной цѣпи, почти со всѣхъ сторонъ замыкали горизонтъ для любопытнаго взора. Съ одной стороны выступалъ своими скалистыми утесами берегъ древней Трои, освѣщенный пятнами свѣта, которыя, какъ бы клочками, бросало на него солнце изъ-за густыхъ и скученныхъ облаковъ, кое-гдѣ просвѣчивавшихъ лазурью теплаго неба. На самомъ дальнемъ планѣ виднѣлась вершина Иды. Позади, за кормой, можно было еще различить острова Имбросъ и Тенедось, въ водахъ котораго спрятался греческій флотъ предъ взятіемъ Трои. Вотъ идемъ вдоль синяго берега Лесбоса, гдѣ развертывается панорама горъ, покрытыхъ, ниже своихъ обнаженныхъ скалистыхъ вершинъ, кудрявымъ лѣсомъ и оливковыми садами. Кое-гдѣ изъ-за этой зелени выглядывали строенія, а на нѣкоторыхъ склонахъ бѣлѣлись маленькіе городки и мѣстечки.

Мѣстами пароходъ очень близко подходилъ къ берегу, такъ что можно было совсѣмъ явственно простымъ глазомъ наблюдать и разсматривать въ подробностяхъ нѣкоторые отдѣльные предметы. Такимъ образомъ обозрѣли мы небольшой портъ Кастро, съ набережной вдоль бухты и съ древнею крѣпостью, которая стоитъ на холмѣ, выдавшемся въ море, и красуется своими каменными стѣнами и четырехугольными башнями, какъ намъ говорили, еще византійской постройки. На рейдѣ стояло нѣсколько парусныхъ судовъ.

Еще за чаемъ въ средѣ нашего общества зашелъ разговоръ объ одномъ изъ самыхъ жгучихъ вопро-

совъ того времени, именно объ отдѣленіи Болгарской церкви, интригахъ греческаго духовенства и о личности іерусалимскаго патріарха Кирилла, не подписавшаго отлученіе, и подвергшагося за то гоненіямъ.

Среди этихъ споровъ и разговоровъ время прошло незамѣтно вплоть до самаго завтрака; этотъ завтракъ, впервые во время нашего заграничнаго путешествія приготовленный русскимъ поваромъ Ильей, всѣмъ намъ пришелся очень по сердцу и по вкусу, послѣ нѣмецкой и французской кухни. А тѣмъ временемъ пароходъ успѣлъ переменить курсъ отъ Лесбоса на Смирну и мы скоро вошли въ Смирнскій заливъ.

Между тѣмъ, отъ нечего дѣлать, занялся я осмотромъ нашего *Владимира*. Этотъ винтовой пароходъ, обшитый желѣзомъ, принадлежитъ Русскому Обществу Пароходства и Торговли.

Пассажиры перваго класса размѣщаются на немъ очень удобно; мы, напримѣръ, имѣли по одной отдѣльной каютѣ на каждыхъ двухъ человѣкъ.

Великій Князь былъ помѣщенъ особо, рядомъ съ каютъ-компаніей, которая снабжена прекраснымъ буфетомъ и служитъ столовою залой.

Здѣсь по срединѣ поставлены два стола краснаго дерева; по стѣнамъ идутъ скамейки и диваны, обитые бархатомъ; на концѣ противоположномъ входу помѣщается мраморный каминъ съ зеркаломъ, фортепіано и небольшая библіотека. Стѣны роскошно отдѣланы корельскою березой и украшены картинами въ рамахъ съ золотыми орнаментаціями по зеленому фону. Надъ каютъ-компаніей устроена верхняя палуба, гдѣ мы

и оставались большую часть нашего дня. Во второмъ классѣ помѣщены были наши люди тоже очень удобно. Носовая же часть верхней палубы, предоставленная пассажирамъ третьяго класса, являла собою очень оживленную и пеструю «смѣсь одеждъ и лицъ, племень, нарѣчій, состояній...» Впрочемъ, преобладающимъ элементомъ являлись здѣсь наши русскіе богомольцы, которыхъ было до ста человѣкъ и между ними преимущественно женщины. Вотъ пять екатеринославскихъ хохловъ въ своихъ свиткахъ; рязанецъ съ сѣденькою бородкой, быстрыми смышленными глазками и добродушнымъ лицомъ; какой-то хромой, сѣдоватый мужиченко, съ больными глазами, въ лаптишкахъ; рядомъ съ нимъ два рыжіе монаха, тоже очевидно русскіе. Между женщинами, болѣею частью пожилаго возраста и степеннаго вида, преобладали мѣщанки да купчихи средней руки, въ черныхъ платкахъ и ситцевыхъ кацавейкахъ, подъ широкими зонтиками, которые успѣли уже вылинять отъ южнаго солнца. Четыре монашенки, да нѣсколько крестьянокъ съ обвѣтренными и до опухоли потрескавшимися лицами, не обладая спасительными зонтиками, терпѣливо и безропотно жарились на солнышкѣ. Сошлись сюда всѣ эти богомольцы со всѣхъ концовъ Россіи, нѣкоторые по второму и, даже, по третьему разу. Спасибо еще, что билеты имъ выдаются не иначе, какъ съ правомъ на обратный проѣздъ; а это избавляетъ ихъ отъ множества бѣдственныхъ случайностей въ Палестинѣ. Сухари да чай составляютъ почти единственную ихъ пищу, и чуть только выйдетъ у нихъ

весь этотъ запасъ, да поистратятся послѣднія маленькія деньжишки, Русское консульство спѣшитъ уже выслать таковыхъ богомольцевъ въ Яффу, откуда первый срочный пароходъ забираетъ ихъ на свою палубу и доставляетъ въ Одессу.

Надо замѣтить, впрочемъ, что бывалые люди дѣлаютъ изъ путешествія ко Святымъ Мѣстамъ своего рода промыселъ, собирая отъ тороватыхъ лицъ и рубли, и копѣйки, съ непремѣннымъ обѣщаніемъ молиться за доброхотныхъ дателей у гроба Господня и принести что-нибудь на память.

Строго исполняя всегда послѣднее обѣщаніе, они естественно пріобрѣтаютъ себѣ довѣріе и извѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и порядочныя средства, которыя даютъ имъ возможность и путешествовать, и жить въ Палестинѣ даже съ нѣкоторымъ, конечно относительнымъ, комфортомъ.

Русскія женщины богомолки на пароходной палубѣ не сидятъ праздно. Онѣ обыкновенно вяжутъ чулки, либо чинятъ свою одежду, а то, усѣвшись особыми кружками, читаютъ молитвенники и душе-спасительныя книжечки; это послѣднее чтеніе прерывается иногда разговорами и разсказами бывалыхъ людей о прежнихъ «хожденіяхъ», о разныхъ приключеніяхъ во время оныхъ, о своихъ русскихъ святыняхъ, о семейномъ своемъ бытѣ и вообще разными воспоминаніями о дальней сѣверной родинѣ, что иногда невольно вызывается нагляднымъ сравненіемъ съ нею этого жаркаго неба, этой южной природы и быта ея обитателей.

Рядомъ съ нашими богомольцами, которые всѣ, болѣе или менѣе, держатся одною группой, возсѣдаютъ на сундукахъ и коврахъ, поджавъ подъ себя ноги и дремля надъ дымящимся кальяномъ, разные представители Востока, въ фескахъ, тюрбанахъ, чалмахъ, платкахъ, въ высокихъ бараньихъ, или войлочныхъ шапкахъ. Тутъ и турки и греки, персіане и арабы, негры и армяне, евреи и, даже, наши ташкентскіе сарты и татары, между которыми виднѣются нѣсколько женскихъ фигуръ, покрытыхъ чадрами. Въ этой послѣдней публикѣ, за исключеніемъ развѣ юркихъ и всегда вѣрныхъ себѣ евреевъ, преобладаетъ, еще болѣе, нежели на Черномъ Морѣ, элементъ чисто азійской неподвижности и лѣни: ни у одного изъ нихъ вы не увидите въ рукахъ никакой работы, никакого рукодѣлья; ни малѣйшаго признака какого-либо занятія, кромѣ апатическаго сосанія кальяннаго чубука. Большая часть изъ нихъ, если только мало-мальски позволяетъ мѣсто, даже не сидятъ, а лежатъ и смотрятъ въ небо, наслаждаясь блаженнымъ состояніемъ этого «безмятежнаго созерцанія».

Между тѣмъ пароходъ шелъ вблизи берега, держа направленіе на небольшую гору о двухъ скалистыхъ вершинахъ, которыя обѣ очень походятъ одна на другую, почему и сама гора называется горою «двухъ братьевъ». За нею слѣва видна еще одна гора, но эта послѣдняя представляется взору уже о трехъ вершинахъ и потому слыветъ подъ именемъ горы «трехъ сестеръ». Такъ объяснилъ мнѣ капитанъ парохода, и когда одна сестра скроется за братьями,

говорилъ онъ: тогда мы повернемъ налѣво вдоль берега и выйдемъ на рейдъ предъ Смирной.

По мѣрѣ приближенія къ берегу, вода все болѣе принимала зеленовато-оливковый оттѣнокъ; на поверхности ея было видно множество бѣлобрюхихъ утокъ, кверковъ (нырковъ) и морскихъ чашекъ, которыя просто цѣлыми массами рѣяли надъ водою. Я перешелъ по мостику, перекинутому вдоль всего парохода, къ бугшприту, гдѣ стоялъ Великій Князь со Струковымъ и графомъ Бергомъ, наблюдая за большими плоскими рыбами золотистаго цвѣта, въ родѣ нашей камбалы, и за огромными медузами синевато-бѣлаго цвѣта и студенистаго вида.

Между горами «двухъ братьевъ» и «трехъ сестеръ» лежитъ плоскій берегъ, покрытый богатою растительностью. Предъ самою Смирной, на выдающемся въ море языкѣ, стоитъ небольшой зубчатый замокъ турецкой постройки, являющій собою вооруженный фортъ съ четырехугольными башнями. Мимо его, вдоль по берегу, тянулся караванъ верблюдовъ. Наконецъ мы бросили якорь предъ Смирной. Городъ залегъ полукругомъ у берега моря, оградясь со средины и обѣихъ сторонъ тремя горами, которыя холмообразно спускаются къ морю. Матросы наши не успѣли еще окончить возню свою съ якоремъ, какъ къ борту подплылъ уже, подъ флагомъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, нашъ консулъ, который привезъ Великому Князю карту города, вмѣстѣ съ краткимъ донесеніемъ о состояніи края.

На берегу были выстроены войска для встрѣчи Его Высочества, но онъ поблагодарилъ пашу, послалъ сказать, что не будетъ выходить на берегъ и просилъ распустить войско. По окончаніи необходимыхъ формальностей, мы сѣли въ лодки и поѣхали на берегъ, въ Русское агентство, а оттуда сейчасъ же разбредлись по городу.

По весьма неширокой главной улицѣ, гдѣ въ эту минуту съ музыкой расходились турецкія войска, стояли толпы народа, которыя въ каждомъ изъ насъ высматривали Великаго Князя и дѣлали свои разнообразныя предположенія и соображенія.

Я пошелъ съ графомъ Бергомъ, потому что вдвоемъ какъ-то легче ходится и охотнѣе смотрится, особенно если напередъ сговориться, куда идти и на что смотрѣть.

Для начала завернули мы во дворъ католической церкви, вымощенный мраморными плитами; вошли въ храмъ, гдѣ въ это время трое іезуитскихъ патеровъ выходили изъ исповѣдалень, окруженные нѣсколькими женщинами съ молитвенниками въ рукахъ. Здѣсь я въ первый разъ имѣлъ случай встрѣтиться съ возлюбленными чадами Игнатія Лойолы и такъ близко наблюдать ихъ лица и внѣшніе пріемы. Не скажу, чтобы почтенные отцы съ ихъ паціентками оставили во мнѣ пріятное впечатлѣніе. Впрочемъ, Богъ съ ними...

Чтобъ обойтись безъ несносныхъ провожатыхъ, мы рѣшили купить себѣ планъ города, и ориентирясь по немъ, обойти интересныя мѣста. Пока Бергъ захо-

дилъ въ лавки и спрашивалъ карту, я встрѣтилъ Великаго Князя съ нѣсколькими лицами изъ его свиты, а недалеко вслѣдъ за нимъ столкнулся и съ другою партіей нашихъ.

Въ Смирнѣ, какъ и во всѣхъ городахъ Востока, населеніе занимаетъ отдѣльные кварталы по вѣроисповѣданіямъ. Мы условились, обойдя базаръ, прогуляться по турецкому кварталу, затѣмъ пройти французскимъ или иностраннымъ и, выйдя на главную улицу, вернуться въ агентство.

Базаръ живописно-грязенъ: по темнымъ галереямъ, подъ цыновочными и досчатыми навѣсами, или же подъ каменными сводами расположены ряды лавокъ, гдѣ торговцы, окруженные своими товарами, сидятъ на нарахъ и курятъ, прихлебывая кофе. Въ ремесленныхъ рядахъ каждая лавка является вмѣстѣ и мастерскою: тутъ же и продаютъ, тутъ же и работаютъ; такъ что въ одно и то же время можете наблюдать и самое производство, и количество сбыта каждаго рукодѣльнаго товара. Покупатели толпятся предъ нарами. По вымощенной, но чрезвычайно неровной улицѣ гнѣздится цѣлыми кучами зловонная грязь; мѣрно выступаютъ караваны верблюдовъ вслѣдъ за вожаконъ, обыкновенно арабомъ или негромъ, который съ восточною важностью возсѣдаетъ на своемъ осликѣ. И чуть эти верблюды повстрѣчаются съ караваномъ нагруженныхъ ословъ или муловъ, обыкновенно идущихъ другъ за другомъ на полной свободѣ, то тутъ неизбѣжно поднимается невообразимый гамъ, крикъ и брань между погонщиками до тѣхъ поръ

пока бѣдныя животныя не разминуются подъ градомъ щедро расточаемыхъ ударовъ.

Пробираясь въ мѣстахъ подобныхъ встрѣчъ не иначе какъ подъ шеями верблюдовъ, и шагая съ камня на камень, чрезъ потоки и кучи нечистотъ, мы вышли изъ базара въ турецкій кварталъ: тутъ все такія же узкія улицы, защищенныя отъ солнца досчатыми навѣсами или всевозможнымъ пестрымъ тряпьемъ, рогожами и рѣшетками, по которымъ густо переплелись виноградныя лозы. Среди этихъ улицъ рѣдко встрѣтишь чисто одѣтаго человѣка; здѣсь обитаетъ преимущественно бѣднѣйшій людъ, живущій ремеслами или поденною работою въ портѣ. Заходя въ глухіе закоулки, общественныя кухни, красильни и т. п. заведенія, мы наконецъ добрали до маленькой площадки, гдѣ у фонтана помѣщается кофейня, и усѣлись тамъ между осколками камней на плетеные табуреты, заказавъ подошедшему хозяину подать намъ восточнаго кофе, который и былъ принесенъ молодымъ «чубукчи», вмѣстѣ со стаканами холодной воды и кальянами, отъ которыхъ впрочемъ мы, по непривычкѣ, отказались. Фонтанъ бьетъ подъ рѣшеткой, въ десятигранномъ пьедесталѣ, а кругомъ его идетъ бассейнъ, наполняемый водой, струи которой ниспадаютъ особо изъ каждой грани пьедестала. Надъ фонтаномъ сооруженъ каменный навѣсъ, покоящійся на десяти колоннахъ. Пока мы отдыхали, около фонтана безпрестанно смѣнялись одни за другими типичные представители этого квартала, — одни, подходя, здоровались по восточному обычаю, и съ важнымъ, степеннымъ

видомъ вступали въ общій разговоръ, другіе пили кофе, третьи прямо шли къ бассейну и принимались за омовеніе лица и ногъ; у колоды, высѣченной изъ камня, погонщики поили своихъ лошадей и осликовъ. Отдохнувъ и полюбовавшись на своеобразную картину восточной кофейни съ группами ея посѣтителей, мы пошли далѣе и забрели въ греческую церковь, которая стоитъ среди высокой, каменной ограды, внутри двора, вымощеннаго плитами. Около колокольни возвышается громадный платанъ, а вокругъ церкви и вдоль ограды разсѣяны мраморные памятники, среди фиговыхъ и померанцевыхъ деревьевъ. Внутри храмъ отдѣланъ цвѣтнымъ мраморомъ; образа на золотомъ фонѣ напоминаютъ своимъ письмомъ и стилемъ нашу древнюю иконопись. Въ храмѣ шла вечерняя служба; у входной двери, за столикомъ, стоялъ высокій сѣдой священникъ съ блюдомъ святой воды и тарелочкой для денегъ; каждаго входящаго въ церковь онъ окроплялъ букетикомъ изъ цвѣтовъ и миртовой зелени. Предъ образами теплилось множество лампадъ; но къ сожалѣнію, пѣвчіе гнусили, по греческому обычаю, до того нестерпимо что окончательно разрушали своимъ носовымъ пѣніемъ серьезное и мирное впечатлѣніе храма и его прекрасной обстановки.

Пробравшись кое-какъ изъ ограды, между рядовъ убогихъ и нищихъ, мы скоро добрались до европейскаго квартала и остались просто очарованы этою частью города; улицы разбиты здѣсь неправильно и вмѣстѣ съ тѣмъ красиво пересѣкаются подъ различными углами; дома болѣе или менѣе кубической формы,

чисто выкрашены, и красуются своими крытыми балконами во всюющуюся зелени, и своими зелеными ставнями съ жалюзи на окнахъ, за желѣзными рѣшетками, самыхъ разнообразныхъ рисунковъ. Каждый такой домъ непремѣнно украшенъ массивною дверью, окованною желѣзомъ, съ огромными бронзовыми ручками и молоткомъ вмѣсто звонка. Въ эту постоянно растворенную дверь, видѣнъ выложенный мраморомъ корридоръ съ диванами по стѣнамъ, а за нимъ открытый дворъ, и внутри его непремѣнно садикъ, окруженный колоннадою; посреди садика бьетъ изъ прозрачнаго бассейна, выложеннаго мраморомъ, жемчужный фонтанъ, и освѣжительно кропитъ своими брызгами яркопестрыя группы цвѣтовъ и широкія лапчатые листья растений и деревъ тропической флоры. Размѣры домовъ и садиковъ конечно зависятъ отъ достатковъ хозяевъ. Нѣкоторые дома отдѣланы довольно роскошно, но садикъ съ фонтаномъ, мозаиковый въ корридорѣ полъ и чистота, какъ внутри двора, такъ и на улицѣ, являются отличительными чертами европейскаго квартала Смирны.

Мы долго бродили по этимъ прелестнымъ уголкамъ, любуясь типичными головками, съ удивленіемъ глядѣвшими на насъ съ пороговъ и изъ-за зелени садиковъ, потому что мы, надо сознаться, довольно-таки безцеремонно, въ качествѣ туристовъ, останавливались и заглядывали въ ихъ обиталища. Нужно замѣтить, что въ Смирнѣ, послѣ пяти часовъ и до заката солнца, всѣ европейскія женщины выходятъ посидѣть на улицу въ своихъ растворенныхъ дверяхъ,

потому-то и мы имѣли случай видѣть обитательницъ Смирны, и можемъ засвидѣтельствовать, что между ними есть много истинныхъ красавицъ.

Изъ нѣкоторыхъ оконъ неслись звуки роялей; въ одномъ домѣ, помню, играли въ четыре руки увертюру изъ *Фенеллы*, въ другомъ кто-то пѣлъ *Casta diva*, изъ Нормы; мы, было, заглянули въ окно съ бѣлыми занавѣсками, и увидѣли очень чисто убранную гостиную съ большими диванами, но голосъ раздавался изъ смежной комнаты... Между тѣмъ солнце уже скрылось за горами, и намъ надо было спѣшить какъ можно скорѣе выбраться на главную улицу, которая идетъ параллельно съ набережной. Помню, какъ проходя мимо католическаго монастыря, оба мы разомъ споткнулись и чуть не шлепнулись, заглядывшись на нѣсколько чернокудрыхъ головокъ, высунувшихся изъ одного окна, — каковымъ неожиданнымъ пассажемъ возбудили въ молодыхъ дѣвушкахъ самый веселый смѣхъ; выйдя на берегъ, близъ вѣтряной мельницы, завернули мы еще въ общественный садъ Белла-Виста, прохладныя аллеи котораго вѣчно скрыты отъ солнечныхъ лучей непроницаемою зеленью поморанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Изъ Белла-Виста открывается прекрасный видъ на рейдъ и на море. Наконецъ, уже при свѣтѣ зажигающихся фонарей, дошли мы до Кафе-Паоло, прыгнули въ лодку и поплыли къ своему *Владимиру*, обливаемые серебристымъ блескомъ луны, которая отражалась въ морѣ и сверкала въ водяныхъ брызгахъ, звучно срывавшихся съ нашихъ весель.

Мало-по-малу собрались на пароходъ и остальные наши туристы; мы весело пообѣдали, передавая другъ другу впечатлѣнія, вынесенныя изъ города; послѣобѣденный кофе принесли намъ уже на верхнюю палубу, куда всѣ мы высыпали, спѣша вдосталь надышаться ароматною прохладой ночнаго воздуха. На прозрачномъ и полусвѣтломъ фонѣ неба, сплошнымъ силуэтомъ, очерчивались горы, охватывавшія бухту, и выдѣлялись темные контуры пароходовъ и судовъ. Вдоль набережной, словно нитка свѣтящагося ожерелья, блистали огоньки газовыхъ фонарей. Изъ города слегка доносился связный гулъ людскаго говора и стукъ повозокъ, прерываемый изрѣдка боемъ часовъ на башнѣ.

Ночью, въ каютѣ было невыносимо душно и жарко, такъ что прометавшись нѣсколько часовъ на койкѣ я, наконецъ, не выдержалъ, одѣлся и выбѣжалъ на палубу.

Солнце еще только-что всходило, и скрытое за среднею горой, отражало мѣстами цѣлыя группы разноцвѣтныхъ свѣтовыхъ пятенъ на скатахъ горъ и въ высокихъ ущельяхъ, покрытыхъ кое-гдѣ какъ бы клочьями бѣлаго газа. Море лежало неподвижно, какъ зеркало, сливаясь по ту сторону съ горизонтомъ и охватывая собою фіолетовый силуэтъ Лесбоса.

Смирна и берегъ, заслоненные отъ солнца полукольцомъ своихъ горъ, оставались еще въ сѣровой мглѣ, не успѣвшей пока проникнуться лучами. На пароходѣ межъ тѣмъ мыли палубу, накачивая помпами цѣлые фонтаны воды. Всю ночь грузились.

Когда проснувшійся Бергъ вышелъ наверхъ, мы съ нимъ не удержались отъ соблазна... спустились въ лодку и съѣздили еще разъ на берегъ, подъ предлогомъ необходимости купить себѣ нѣсколько фотографій, одеколону и туфли. У пристани подошелъ къ намъ еврей съ предложеніемъ показывать городъ; и хотя мы отказались отъ его услугъ, онъ все-таки отправился за нами. Я предупредилъ еврея, что онъ за эту прогулку денегъ не получитъ, но и это кажется его не убѣдило: когда мы остановились въ нерѣшительности куда завернуть, онъ какъ тутъ, съ указаніемъ—«здѣсь туфли! вамъ, вѣдь, туфли надо?» Не обращая на него вниманія, мы вошли въ кофейню; онъ за нами, всталъ у дверей и началъ разспрашивать: кто мы, куда, зачѣмъ ѣдемъ и т. п. Я отвѣчалъ на всѣ его вопросы. Напившись кофе, мы пошли дальше—по базару, и мимо виннаго ряда, устроеннаго въ галереѣ со сводами на колоннахъ. Подъ арками стояли бочки, между которыми я насчитывалъ другъ противъ друга одиннадцать штукъ богатырскихъ размѣровъ. Каждая изъ нихъ имѣла сажени двѣ въ вышину, при пяти аршинахъ ширины. Еврей было еще разъ хотѣлъ навязать свои услуги, но мы засмѣялись и онъ отсталъ.

Туфли оказались слишкомъ неудобны, а потому, не теряя больше времени, мы стали выбираться изъ базара къ пристани, чтобы купить фотографіи и вернуться на пароходъ. Въ одномъ закоулкѣ я неосторожно далъ піастръ еврейской дѣвчкѣ, и мигомъ былъ окруженъ, какъ мухами, маленькими попрошайками.

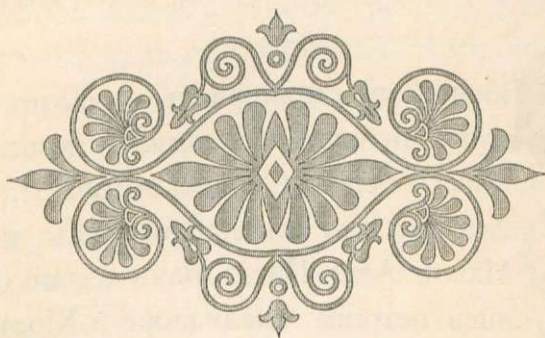
Евреи въ Смирнѣ не похожи на нашихъ; они смуглѣе и чернѣе, а ихъ черты лица гораздо рѣзче и шире; нѣтъ этихъ типовъ рыжихъ, усыпанныхъ веснушками, которыхъ у насъ такъ много въ западномъ краѣ.

Одеколонъ мы достали у француза парикмахера, а фотографіи нашли гдѣ-то на третьемъ дворѣ подъ крышей и за тѣмъ вернулись на пароходъ, который долженъ былъ сняться съ якоря въ одиннадцать часовъ.

Въ Смирнѣ считаютъ 90.000 христіанъ, 40.000 мусульманъ и 20.000 евреевъ. Изъ христіанъ бѣольшая часть греки; затѣмъ армяне, французы и италіянцы. Это одинъ изъ самыхъ большихъ торговыхъ городовъ Малой Азіи. Особенно много вывозится сушеныхъ фруктовъ. Я видѣлъ улицу, въ которой исключительно работаютъ небольшіе ящики и гнутъ изъ фанерки круглыя коробки для упаковки изюма, чернослива, винныхъ ягодъ и абрикосовъ. Смирна славится кромѣ того мягкими коврами и чудеснымъ виноградомъ. Городъ, по своему складу, имѣетъ много общаго съ нашею Одессой. Какъ тутъ такъ и тамъ торговля сосредоточена, преимущественно, въ рукахъ грековъ и евреевъ, и между ними идетъ постоянная вражда. Такъ въ 1872 году одесскіе беспорядки повторились въ Смирнѣ, съ тою лишь разницей, что кулаки были замѣнены ножами.

Климатъ Смирны былъ бы невыносимъ по своему удушью, еслибы въ теченіе всего лѣта не дулъ имбатъ, сѣверо-западный вѣтеръ, считающійся благодѣтелемъ

страны. Онъ подымается почти ежедневно въ 8 $\frac{1}{2}$ часовъ утра и спадаетъ только въ 7 часовъ вечера. Городъ окружёнъ болотами, которыхъ особенно много вдоль рѣки Мелесъ, и когда *имбатъ* не дуетъ, то жара становится невыносимою, такъ что ротъ пересыхаетъ и жители начинаютъ страдать отъ солнечнаго удара. Въ это время даже на морѣ трудно выдержать, а въ довершеніе всего зловредныя испаренія изъ болотъ разносятъ по городу лихорадки и разныя заразительныя болѣзни.





ГЛАВА VI.

ХІОСЪ. — КАСТРО. — НАСЕЛЕНИЕ ХІОСА. — ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ. — ПРОЛИВЪ КАРА-ОГЛУ. — ПЕРЕХОДЪ ДО РОДОСА. — УЛИЦА РЫЦАРЕЙ. — ЕВРЕЙСКІЙ КВАРТАЛЬ. — АМБРУАЗСКІЯ ВОРОТА. — ПЕРЕХОДЪ ВЪ МЕРСИНУ. — ПЕЛИКАНЫ. — ЛЕТАЮЩІЯ РЫБЫ. — МЕРСИНА. — ПОѢЗДКА КЪ РАЗВАЛИНАМЪ ПАНТЕОПОЛИСА. — АЛЕКСАНДРЕТТА. — МЫСЬ ХИНЗАРЪ. — ЛАТАКІЯ. — ТРИПОЛИ. — ЛОВЛЯ ГУБОКЪ. — ЛИВАНСКІЯ ГОРЫ. — БЕЙРУТЬ.



Снялись мы съ якоря въ 10 часовъ и 40 минутъ и нашъ *Владиміръ* пошелъ вдоль лѣваго берега Смирнской бухты. Войдя въ Архипелагъ, онъ повернулъ по берегу Малой Азіи. Предъ нами вдали обозначились острова Спалмадоре и Хіосъ. За часъ ходу до Хіоса прошли мимо Чесменской бухты, въ которой Орловъ-Чесменскій разбилъ турецкій флотъ. Безъ четверти въ пять бросили якорь на открытомъ рейдѣ предъ Хіоскимъ городомъ Кастро.

Намъ дали полтора часа отпуска и мы поспѣшили на берегъ. Городъ лежитъ среди садовъ, на холмистомъ склонѣ. На первомъ планѣ у са-

мага берега крѣпость, выкрашенная желтою охрой; влѣво отъ нея набережная съ кучею каменныхъ домовъ; вправо рядъ вѣтряныхъ мельницъ съ крыльями въ видѣ вѣера, расправленнаго какъ лепестки на цвѣткѣ. Кругомъ всего холмы, покрытые садами, съ выдающимися изъ земли тремя бѣлыми колокольнями и домиками подъ красными крышами. Сады и зелень протянулись далеко вправо отъ города и кончаются у подножія какъ бы отвѣсной горной стѣны.

Мы сѣли въ большую лодку съ однимъ гребцомъ и медленно добрались до незатѣйливой деревянной пристани — противъ кофейни, предъ которою я сѣлъ съ Бергомъ и Ласковскимъ, чтобы взглянуть на гулявшій предъ нами народъ.

На Хіосѣ живутъ 70,000 грековъ, 2,000 турокъ, считая, кажется, и гарнизонъ въ томъ числѣ.

Во время возстанія 1821 — 1827 годовъ островъ страшно пострадалъ отъ ярости мусульманъ и съ тѣхъ поръ Хіосцы разбрелись по бѣлу свѣту. Хотя потомъ турецкое правительство и разрѣшило инсургентамъ предъявлять свои права на оставленное имущество до 1833 года включительно, но, все-таки, населеніе уменьшилось, и возвратились только тѣ, которые нажились на чужбинѣ. Мнѣ рассказывалъ одинъ изъ жителей, что теперь на островѣ стало много богатыхъ помѣстцевъ, гдѣ доживаютъ свой вѣкъ такіе счастливы.

Хіосъ производитъ въ огромномъ количествѣ водку, называемую *раки*, которая сбывается преимущественно въ Египетъ. Изъ фруктовъ, апельсины от-

правляются въ Россію, и съ тѣхъ поръ какъ она покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, спросъ на нихъ учетверился, а цѣна удвоилась. Виноградъ бѣльшею частью перегоняется въ водку; а знаменитое въ древности хіосское вино добывается съ одного только мѣста въ количествѣ 10.000 литръ и идетъ въ Константинополь, Одессу и Марсель. Наконецъ на островѣ разводится маленькое миртообразное деревцо, съ котораго собираютъ нѣчто въ родѣ сладкой камеди, „гомъ-мастикъ“. Изъ нея готовятъ варенье, гонятъ водку, ее же и жуютъ въ сыромъ видѣ для бѣлизны зубовъ; послѣднимъ занимаются въ особенности женщины. Въ Хіосѣ нѣтъ бѣдности, какъ нѣтъ и большой зажиточности: всѣ имѣютъ что-называется достатокъ. Богачи же, живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, какъ выше сказано, всѣ нажились за границую. Пока мы пили кофе, предъ нами проходили хіосцы: на нихъ была своеобразная одежда, состоящая изъ фески съ длиннымъ колпакомъ откинутымъ назадъ, курточки, жилета, широкаго кушака и шальваръ, сдѣланныхъ на подобіе мѣшка, собраннаго въ мелкія складки у пояса, съ двумя прорѣзами для ногъ около шиколокъ. Цвѣтъ одежды преимущественно темный: черный, синій, коричневый, желтоватый; покрой шальваръ очень смѣшонъ, при ходьбѣ они вздуваются какъ пузыри и поддуваются. Лица у всѣхъ на одинъ типъ: бритыя, съ густыми усами, глубоко сидящими во впалинахъ глазами и большимъ горбатымъ носомъ. Женщинъ видѣлъ мало, — черныя, съ блѣднымъ лицомъ, рисованными бровями и ястребинымъ носомъ.

Выпивъ кофе и расплатившись за него мѣдной монетой, мы пошли съ Бергомъ по набережной, обстроенной маленькими пристанями и узкими домами въ два или три этажа, которые были сложены изъ гранита и розоватаго песчаника. Мостовая выложена булыжникомъ, какъ въ Смирнѣ. Пройдя всю набережную, мы завернули, скорѣе въ корридоръ, чѣмъ въ улицу и, крутясь по всевозможнымъ закоулкамъ, вышли у рынка на открытую эспланаду предъ крѣпостью. Мѣстами дома обращены въ груды камней, на которыхъ гнѣздятся деревянные шалаши среди развалившихся стѣнъ, верандъ, крышъ и трубъ, торчащихъ какъ колонны. Это слѣды страшнаго землетрясенія, бывшаго на островѣ въ сороковыхъ или пятидесятихъ годахъ и отъ котораго городъ на половину лежитъ въ развалинахъ.

Рынокъ разбитъ накрестъ параллельными проходами, очень чисто и опрятно содержимъ и потому ничего общаго съ видѣнными до сихъ поръ на Востокѣ базарами не имѣетъ.

Площадь, судя по грудамъ камней, расчищена больше землетрясеніемъ, чѣмъ доброю волей людей.

Она обставлена казармою, домомъ паши, крѣпостью, мечетью, рынкомъ и садами со стороны горъ. По срединѣ живая изгородь изъ мечеобразныхъ агавъ окружаетъ нѣчто въ родѣ городского сада, съ выжженными солнцемъ газонами и только-что посаженными кустиками.

Было три четверти шестаго; около насъ вертѣлись коротко выстриженные, черноглазые мальчишки и дружно напѣвали: «Нипо! тирл-тирл-лирл-ли-по-по!».

Мы порядочно устали; солнце стало садиться, мѣсяць скромно заявлялъ свои права; къ тому же и отпускъ нашъ истекалъ. Пройдя чрезъ рынокъ, мы сѣли въ лодку и вернулись на пароходъ, любуясь борьбой между заходящимъ свѣтомъ дня и мракомъ ночи, быстро разстилавшей свой темный покровъ по небу, ступеневая яркіе цвѣта зари и изгоняя изъ ущельевъ горъ синія, фіолетовыя и розовыя тѣни. Скоро пароходъ снялся съ якоря, и прелестная картина Хіоса скрылась изъ глазъ, должно-быть навсегда, произведя своею красотой самое пріятное впечатлѣніе. Отобѣдавъ, мы еще долго сидѣли на палубѣ, наслаждаясь послѣ дневной жары свѣжестью тихой ночи.

Было еще темно, когда я проснулся; въ каютѣ рядомъ уже копошился мой беспокойный сосѣдъ. Я всталъ, потому что съ разсвѣтомъ дня мы должны были взойти въ узкій проливъ Кара-Оглу, образуемый материкомъ и рядомъ скалъ, которыя идутъ до острова Коса.

Я вышелъ на палубу первый; мѣсяць давно скрылся, звѣзды потухали въ утреннемъ полусвѣтѣ.

Предъ нами рядъ слившихся въ одинъ берегъ острововъ. Пароходъ идетъ на три конусообразныя скалы; лѣвѣе ихъ проливъ, чрезъ который онъ долженъ проскользнуть.

Между тѣмъ вышелъ Великій Князь, а за нимъ мало-по-малу собрались на палубѣ всѣ товарищи. Заря загорѣлась пурпуровымъ свѣтомъ, отражаясь въ спокойной поверхности моря; верхушки острововъ, горъ и скалъ, торча изъ воды, все краснѣли и

накаливались какъ горячіе уголья, пока не потухли въ яркихъ лучахъ восходящаго солнца.

Владиміръ вошелъ въ узкій проливъ; предъ нимъ вправо высится островъ Косъ — родина Гиппократъ и Апеллеса; высокіе острова и скалы окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, какъ бы загораживая путь; но мы плывемъ и скалы острова разступаются незаметно предъ парходомъ, пропуская его къ Родосу. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ фарватеръ проходитъ мимо острова, на сѣверномъ склонѣ котораго вершина скалы въ профиль похожа на сидящаго турка въ чалмѣ и съ бородой, оттого и названіе Кара-Оглу, т.-е. черныи сынъ. Мы разглядывали это мѣсто и каждый должно-быть видѣлъ по своему. До чая всѣ оставались на мостикѣ и рубкѣ, любясь видомъ острововъ и скалъ, окруженныхъ моремъ и безпрестанно измѣнявшихъ свои очертанія отъ движенія нашего парохода.

Послѣ завтрака мы подошли къ Родосу, прославившемуся своимъ колоссомъ, однимъ изъ семи чудесъ свѣта и защитою Іоаннитовъ противъ турецкихъ полчищъ Солимана въ 1523 году.

Городъ стоитъ на берегу ниспадающаго ступенями къ морю полуострова; на послѣднемъ его склонѣ сложилась древняя твердыня, рядами каменныхъ стѣнъ, съ круглыми и четырехугольными башнями. Справа и слѣва вдаются въ море двѣ песчаныя косы, а между ними два каменныхъ мола съ фортами на концахъ образуютъ небольшую гавань. Крѣпость окружаютъ форштаты и сады.

Къ башнямъ, куполамъ и минаретамъ города присоединились еще стройныя пальмы. Это были пер-

выя, которыя мы увидѣли на свободѣ подъ открытымъ небомъ.

Пока я разсматривалъ Родось, подѣхали агентъ съ консуломъ и нѣсколько большихъ лодокъ. Намъ долго заставили ждать «практики», т.-е. карантиннаго сигнала, что пароходъ можетъ сообщаться съ берегомъ.

Но вотъ «практика» въ видѣ флага взвилась на карантинѣ и мы поспѣшили къ лодкамъ.

Гребцы изъ евреевъ (но не того типа, къ которому мы такъ привыкли въ Европѣ, а потомки испанскихъ евреевъ, изгнанныхъ изъ своего отечества узкимъ фанатизмомъ инквизиціи и іезуитовъ) заспорили между собою, отбивая насъ другъ у друга, подняли ужасную брань и, наконецъ, среди всеобщихъ криковъ отчалили. Я сидѣлъ въ парусной барочкѣ и мы скоро обогнали товарищей, которые съѣхали на веслахъ.

Слѣды Колосса Родосскаго показываются на различныхъ мѣстахъ и всякая груда камней въ водѣ предъ портомъ называется его именемъ. Въ Родосѣ всего населенія до 28.000, изъ нихъ 4.000 турокъ, 1.800 евреевъ и 22.000 грековъ. Въ крѣпости живутъ исключительно одни турки и евреи; христіанское населеніе не имѣетъ права оставаться въ городѣ, когда ворота запираются, послѣ 9 часовъ вечера.

Его Высочество переѣхалъ уже на берегъ и ожидалъ насъ въ улицѣ Рыцарей. Пройдя крѣпостныя ворота, занятыя часовыми и карауломъ, мы завернули направо и чрезъ площадку предъ мечетью вошли въ улицу Рыцарей.

Дома въ ней построены изъ гранита съ узорчатыми готическими украшеніями и гербами, обозначавшими казармы различныхъ національностей, принадлежавшихъ къ ордену, но жившихъ отдѣльно. По фасаду не симметрично расположены нѣсколько оконъ; крыши плоски, безъ карниза, въ иныхъ домахъ украшены кронштейнами въ видѣ драконовыхъ головъ; сквозь темныя сводчатые ворота видны дворы съ галереями и пролетами. Каждое зданіе напоминаетъ, неприступностью своею, постройки закованныхъ въ желѣзо суровыхъ Іоаннитовъ. Въ концѣ улицы, на вершинѣ холма, груда камней съ огромною воронкой обозначаетъ мѣсто церкви Св. Іоанна Іерусалимскаго, взлетѣвшей на воздухъ въ 1857 году отъ удара молніей въ колокольню, подъ которою турки сдѣлали пороховой погребъ.

Уцѣлѣвшій рядомъ дворецъ гросмейстера обращенъ въ тюрьму. Пройдя обратно, тѣмъ же путемъ, мы свернули на базаръ и зашли въ неправильную улицу, образуемую то выдающимся фасадомъ, то угломъ башни, то широкою лѣстницей съ площадкою или сводомъ, перекинутымъ съ одной стороны на другую. Вотъ дворецъ военнаго совѣта съ двумя большими венеціянскими окнами и сохранившеюся на нихъ орнаментаціей. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше башенъ, сводовъ, террасъ, лѣстницъ и оградъ. Среди этихъ живописныхъ построекъ кое-гдѣ поднимаются финиковыя пальмы, по стѣнамъ ползутъ виноградныя лозы, широко разстилаясь надъ террасами.

Въ этихъ жилищахъ, покинутыхъ изгнанными съ острова орденскими рыцарями, теперь помѣстились другіе изгнанники — испанскіе евреи.

Приходъ нашъ нарушилъ обычную тишину этихъ мѣстъ и старыя зданія оживились: все ихъ населеніе вышло поглядѣть на толпу любопытныхъ иностранцевъ.

Ребятишки и дѣвочки, съ мелко заплетенными кругомъ всей головки косичками, окружали насъ, прося милостыни; мальчики назойливо гудѣли, какъ шмели, отгоняемые шедшими впереди насъ кавассами.

Женщины стояли поодаль, прерванные въ своихъ хозяйственныхъ занятіяхъ; изъ нихъ тѣ, которыя были покрасивѣе, разбѣгались, или любопытно выглядывали съ какихъ-то неприступныхъ площадокъ. Всѣ онѣ сохранили средневѣковый испанскій костюмъ. Мнѣ особенно понравилась одна группа на лѣстницѣ: старикъ-еврей, сидящій на ступеняхъ, молодая дѣвушка, прислонившаяся къ косяку, женщина съ груднымъ ребенкомъ и маленькою дѣвочкой, съ огромными карими глазами и крошечнымъ коралловымъ ротикомъ, въ открытой рубашечкѣ и шароварахъ. Прижавшись къ матери, она пугливо глядѣла на насъ своими прелестными глазками, отѣненными длинными рѣсницами. Находясь среди такой обстановки и вглядываясь въ окружавшія насъ выразительныя лица, въ средневѣковыхъ костюмахъ, я мысленно переносился въ прошедшія столѣтія, воображая себя въ какомъ нибудь средневѣковомъ испанскомъ городѣ, и только надѣтое на насъ статское платье разрушало очарованіе. Чтобъ осмотрѣть внутреннее устройство

еврейскихъ жилищъ, мы поднялись по широкой лѣстницѣ на террасу и зашли въ обширную, чисто прибранную комнату съ завѣшанными отъ солнца окнами. Полъ былъ выложенъ мозаикой, съ чернымъ рисункомъ по бѣлому фону, изъ мелкихъ камешковъ отполированныхъ морскимъ прибоемъ и поставленныхъ на ребро. Побурѣвшій отъ времени потолокъ сдѣланъ изъ массивныхъ бревенъ, положенныхъ на крестъ, какъ рѣшетка, и покрытыхъ сверху досчатою настилкой. Вдоль стѣнъ, кругомъ всей комнаты, стояли высокіе диваны съ восточными коврами и круглыми подушками.

Мы всѣ были удивлены своеобразностію, чистотою и уютностію этого помѣщенія. Судя по размерамъ, конечно въ этой залѣ жилъ какой-нибудь вліятельный командоръ ордена, равно ненавидѣвшій какъ невѣрныхъ сарациновъ, такъ и угнетенныхъ евреевъ.

Столовая съ домашнимъ очагомъ, спальня, съ постелью на высокой нарѣ, устроены все въ томъ же родѣ съ мозаикой и бревенчатымъ потолкомъ.

Вездѣ необычайная для Востока чистота. Отдохнувъ на диванахъ въ залѣ, мы отправились обратно къ базару и незамѣтно подымаясь въ гору, прошли по широкимъ, но безлюднымъ улицамъ, между рядами серебристыхъ платановъ, кактусовъ и агавъ, мимо мечети, гробницы одного гросмейстера, обращенной въ фонтанъ, кіоска съ часами и, наконецъ, вышли къ той части крѣпостныхъ стѣнъ, которая обращена къ горамъ.

Оборонительные верки бастіоннаго начертанія идутъ тремя рядами и построены изъ гранита. Повернувъ къ Аси-Браузскимъ воротамъ, перейдя чрезъ подъемный мостъ, мы вышли извилистымъ проѣздомъ гласиса въ форштаты. По этому мѣсту, гдѣ мы шли, сады и дома обнесены саженною каменною стѣной, и такимъ образомъ укрыты отъ взоровъ любопытныхъ. Спустившись между этими заборами къ берегу, лѣвѣе перваго форта, Великій Князь сѣлъ въ четырехвесельную лодку съ нѣкоторыми изъ насъ, и мы перенеслись на пароходъ. Въ 4 часа 20 минутъ *Владиміръ* снялся съ якоря и пошелъ Средиземнымъ моремъ по берегу Малой Азіи въ Мерсину. Капитанъ Гаврешовъ предупредилъ насъ, что это будетъ самый продолжительный переходъ нашего рейса (около 650 верстъ), причемъ обыкновенно онъ бываетъ самый бурный, потому что пароходъ удаляется отъ берега и идетъ открытымъ моремъ до мыса Анамура. Пока мы еще стояли на якорѣ, охотники наши замѣтили громадную стаю птицъ, принимая ихъ за лебедей или гусей; но когда къ нимъ приблизились, оказалось, что это была стая пеликановъ, штукъ въ триста. Они подпустили насъ на выстрѣлъ и двухъ изъ нихъ подстрѣлили и взяли на бортъ.

Послѣ этого эпизода, возбудившаго движеніе и говоръ въ нашемъ маленькомъ пловучемъ мірѣ, пошли обѣдать, а за тѣмъ разбрелись по пароходу, кто читать, кто писать, кто просто глазѣтъ на звѣзды и въ синюю даль моря. Изъ каютъ-компаніи неслись звуки піанино и русскихъ пѣсень: тамъ собралась

веселая компанія и, допивая раскупоренныя бутылочки, распѣвала родныя пѣсни.

Ночью задыхались отъ жары, а утромъ купались въ мраморной ваннѣ, накачивая насосомъ морскую воду. Въ каютахъ душно, а палубу солнце накаливаетъ такъ, что не знаешь куда дѣться. Послѣ завтрака, который былъ накрытъ подъ паруснымъ навѣсомъ, нѣкоторые изъ насъ вытащили матрацы на верхъ и разлеглись.

Въ 4 часа справа сталъ чуть виденъ островъ Кипръ; предъ нами мысъ Анамуръ; около 7 часовъ обогнемъ его и минуемъ, по словамъ капитана, самое безпокойное мѣсто рейса, которое на этотъ разъ измѣнило своему обыкновенію и не потревожило насъ несносною качкой.

Отъ бездѣлья я сталъ ходить изъ конца въ конецъ парохода, разсматривая пассажировъ третьяго класса, которые, какъ могли, укрывались отъ палящаго солнца.

У бугшприта сидѣлъ на коврахъ, окруженный слугами, очень красивый и должно-быть зажиточный турокъ; художникъ нашъ рисовалъ съ него портретъ. Я было хотѣлъ подсѣсть къ нему, но вижу, что Бергъ мнѣ машетъ, стоя на рубкѣ. Бѣгу къ нему. Что такое? Летящія рыбы.

Дѣйствительно, вотъ вспорхнули изъ воды маленькія, серебристыя рыбки, величиною съ плотичку, быстро взмахивая прозрачными крылышками, пронеслись надъ поверхностью моря и нырнули въ него, точно стая воробьевъ, пугливо слетѣвшихъ съ забора и скрывшихся въ густой зелени ветель, оставивъ за

собою двухъ-трехъ опоздавшихъ зѣвакъ. Такихъ именно зѣвакъ я поспѣлъ разсмотрѣть въ трубку. Говорятъ, рыбки эти иногда поднимаются такъ высоко, что падаютъ на палубу. Тѣ, которыхъ я видѣлъ, чрезвычайно быстро пролетали сажень 20 или 30, но не подымались отъ воды выше трехъ вершковъ. Мы еще долго любовались этимъ рѣдкимъ для насъ зрѣлищемъ. Иногда рыбки вылетали изъ воды, будто испуганныя ходомъ нашего парохода, или мелькали въ отдаленіи, какъ серебряныя блесточки.

Дотянувъ такимъ образомъ время до обѣда, мы скоротали вечеръ, попросивъ И. Д. Макѣева рассказать намъ интересныя подробности о пережитой имъ послѣдней Сирійской рѣзнѣ, когда онъ былъ консуломъ въ Дамаскѣ.

Не смѣю повторять этого разсказа, потому что онъ уже былъ напечатанъ въ *Морскомъ Сборникѣ*.

На слѣдующій день, 4-го октября, я проснулся отъ звука цѣпей, когда *Владиміръ* бросилъ якорь на открытомъ рейдѣ, предъ Мерсиной, въ которую онъ долженъ былъ сдать 800 мѣстъ. Пока выгрузятъ товаръ, Его Высочество рѣшился осмотрѣть близлежащія развалины Пантеополиса. Высадившись на берегъ маленькаго, сложеннаго изъ нѣсколькихъ продолговатыхъ кубиковъ, городка, съ преобладающимъ арабскимъ населеніемъ, мы сѣли верхомъ и поѣхали вдоль берега къ развалинамъ.

Шествіе открывали три жандарма, одѣтые въ бѣлые шаровары и куртки; за ними два офицера, потомъ два кавасса съ булавами; Его Высочество

въ стрѣлковой шапкѣ, высокихъ сапогахъ, шароварахъ, красной рубахѣ и сѣренькомъ пальто; наконецъ, мы, на разнокалиберныхъ и разноосѣдланныхъ лошадакахъ, съ тремя новыми кавалеристами, въ лицѣ художника и двухъ профессоровъ. Дорога шла песчаною береговою равниной, которая имѣла верстъ пять или шесть ширины, считая отъ моря до горнаго края. Сначала мы ѣхали по вымощенной плитами улицѣ съ базаромъ, мимо садовъ и огородовъ, усаженныхъ овощами, фиговыми, лимонными и тузовыми деревьями; потомъ полями сахарнаго тростника и хлопчатобумажника, до небольшой рѣчки со сводчатымъ мостомъ древне-греческой постройки и, наконецъ, выѣхали на песчаную дорогу, которая, извиваясь, то приближалась, то удалялась отъ берега. Не обращая вниманія на горы, на первый взглядъ дорога казалась знакомою: та же волна тихо взбѣгала на прибрежный песокъ и, раскатившись, быстро уходила въ море, производя однообразный шумъ прибоя; тѣ же кустарники, ямы, бугры съ выжженною солнцемъ травой и поля убранной пшеницы, какъ будто ѣдешь гдѣ-нибудь по Финскому заливу.

Но вглядываясь внимательнѣе, замѣчаешь, что море немного посинѣе; верескъ обратился въ мирту съ бѣленькими цвѣточками; тальникъ и ивнякъ въ олеандръ и рододендроны, можжевельникъ въ веймутову сосну съ длинными иглами, скромная осока въ растеніе съ толстымъ стеблемъ и широкими какъ тесакъ листьями, наконецъ лавендулы, терновникъ и мастиковое дерево собрались въ обширныя клумбы.

По сторонамъ дороги встрѣчались стада буйволовъ, козъ, молодыхъ верблюдовъ и осликовъ; два раза подымались, недалеко отъ насъ, каменные куропатки, а изъ кустовъ вспархивали наши прелестныя перелетныя птички. На обратномъ пути намъ встрѣтились, ѣхавшіе изъ города съ базара, арабы въ бѣлыхъ одеждахъ съ навьюченными верблюдами.

Между тѣмъ, растянувшись по дорогѣ, обгоняя другъ друга и потѣшаясь надъ неопытными всадниками, мы мало-по-малу собрались около развалинъ.

Вотъ все, что сохранилось отъ города: высокій холмъ — вѣроятно акрополь — безпорядочно сгрудившіеся и обросшіе кустарникомъ камни и рядъ изъ 39 прекрасно сохранившихся коринѣскихъ колоннъ, параллельно съ которыми идетъ слѣдъ водопровода. Еще въ двухъ мѣстахъ видны остатки кладбища съ нѣсколькими саркофагами, почти заваленными землей.

Одинъ изъ нихъ раскопали при Его Высочествѣ и нашли какія-то косточки, черепки, разсыпавшіеся отъ прикосновенія, и маленькую лампочку.

По всему видно, что тутъ уже рылись: верхняя гранитная плита была сдвинута, а въ самой могилѣ лежала земля, камни и черепки.

Такъ какъ лошади у насъ были не равны ходомъ, то, не ожидая результатовъ раскопки, многіе изъ насъ двинулись въ обратный путь и къ часу собрались на пароходъ, который вечеромъ бросилъ якорь въ закрытой горами бухтѣ Александретты.

Ночью стали грузить уголь, съ утра выгружать товары.

Въ Александреттѣ мы не ѣздили на берегъ, потому что въ этомъ гнѣздѣ лихорадокъ нечего смотреть. Съ борта я насчиталъ четырнадцать каменныхъ домовъ съ черепицами, кругомъ ихъ лачужки и шалаши, на берегу двѣ груды каменнаго угля, отдыхающій караванъ верблюдовъ и нѣсколько гарцующихъ по зеленой лужайкѣ всадниковъ. Эти дома и лачужки окружены, вплоть до самыхъ горъ, болотами, которыя славятся своими злокачественными лихорадками.

Александретта имѣетъ значеніе какъ портъ транзитной торговли Алеппо и Багдада. Все населеніе, изъ 1.153 душъ, исключительно занято службой около приходящихъ на рейдъ судовъ.

Предъ нашимъ отходомъ пришелъ срочный пароходъ Русскаго Общества и къ намъ на бортъ привезли вѣтку банановъ; плоды эти такъ ароматны и вмѣстѣ съ тѣмъ приторны, что надо привыкнуть, чтобъ ихъ ѣсть. Я съ удовольствіемъ съѣлъ только два. Потомъ ихъ нерѣдко подавали къ столу, но изъ насъ къ нимъ мало кто прикасался.

Въ 12 часовъ, кончивъ выгрузку, пошли въ Латакію.

Тѣмъ временемъ мы занялись укладкою вещей, отбирая все необходимое для путешествія по Сиріи и Палестинѣ; остальное отправлялось въ Яффу.

Пароходъ идетъ вдоль берега, по выдающимся мысамъ. Когда мы приближаемся въ берегу, то можно различить лѣса на горахъ; селеній почти не видно;

горы скалисты, преимущественно сѣровато-краснаго цвѣта. Мысъ Хинзаръ вдается широкимъ, щетинистымъ хребтомъ въ море, верхушка его покрыта облаками, которыя скользятъ, клубятся, тонко разстилаются и прикасаясь къ нагрѣтымъ покатостямъ горы исчезаютъ.

Нагрѣваніе во время дня и охлажденіе послѣ заката до того сильны, что производятъ постоянные береговые вѣтры, которые, разводя встрѣчную морскому теченію зыбь, производятъ очень непріятную качку, а при сильныхъ вѣтрахъ дѣлаютъ стоянку въ этихъ портахъ даже невозможною.

За Хинзаромъ начинается Антіохійскій заливъ.

Закатъ солнца... Быстрое наступленіе ночи... Луна въ полномъ блескѣ... Мерцающій маякъ... Огоньки на берегу... Медленный ходъ... и, наконецъ, стукъ цѣпей отъ спущеннаго якоря предъ Латакіею.

Въ Латакіи мы стояли не долго и, сдавъ товаръ, ушли въ Триполи, гдѣ простояли ночь, а съ разсвѣтомъ занялись нагрузкой и въ семь часовъ утра пошли въ Бейрутъ.

Триполи схожъ съ предъидущими портами, только немного больше и окруженъ красивыми окрестностями съ садами, плоды которыхъ преимущественно отправляются въ Одессу.

Здѣсь же производятъ шелковые кушаки и шарфы, которые расходятся по всей Сиріи и Палестинѣ. Я заплатилъ за шарфъ въ шесть аршинъ длины, при $1\frac{1}{2}$ ширины, 50 фр.

Онъ употребляется какъ набрюшникъ и необходимъ на Востокѣ для предохраненія отъ простуды желудка, подверженнаго въ этомъ климатѣ всевозможнымъ болѣзнямъ.

На сорокъ миль вдоль берега Триполи находятся самыя лучшія ловли губокъ. Жители съ десятилѣтняго возраста приучаются нырять и, со временемъ, достигаютъ того, что остаются подъ водою отъ пяти до семи минутъ.

Губки растутъ на различной глубинѣ, не превышающей однако 25 — 30 брасовъ. Водолазъ опускается на дно съ помощью веревки, на концѣ которой привязана мраморная плита; когда онъ устанетъ, то дергаетъ за нее и его вытаскиваютъ. Во время поисковъ губокъ онъ подвергается двумъ страшнымъ опасностямъ: во-первыхъ, удаляясь, потерять веревку и отъ того погибнуть, потому что самъ водолазъ подняться со дна не можетъ; во-вторыхъ, ему приходится выдерживать не рѣдко нападеніе акулы. Послѣдствіемъ этого промысла является слабость груди, чахотка и ежегодно нѣсколько жертвъ моря. Выгоды же получаютъ купцы и хозяева, снаряжающіе суда и лодки, съ которыхъ производится ловля.

Между тѣмъ плаваніе наше приближается къ концу, и мы скоро достигнемъ Бейрута. Море все также тихо, какъ и при отплытіи изъ Константинополя; переѣздъ этотъ совершенъ при замѣчательно благопріятныхъ условіяхъ.

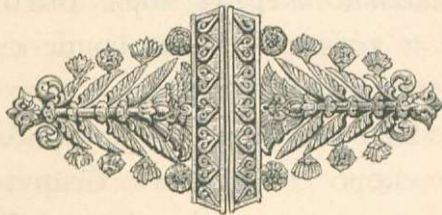
Капитанъ Гаврешовъ говорилъ, что ему за три года случилось только два раза имѣть такую погоду

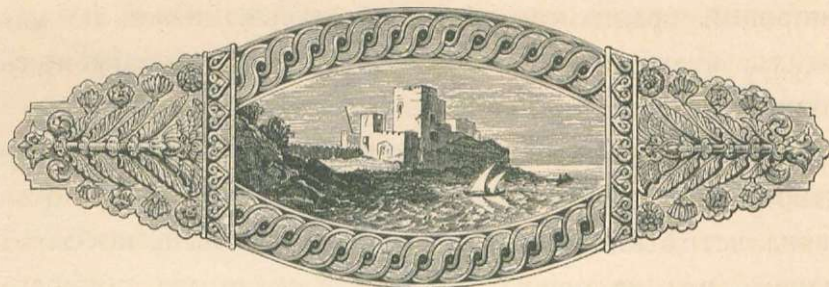
во весь рейсъ. Бываютъ тихія погоды, но гдѣ-нибудь между Смирною и Хіосомъ, или Родосомъ и Мерсиною, словомъ гдѣ-нибудь да покачасть.

Послѣ завтрака мы сдали всѣ наши вещи и собрались на рубкѣ и мостикѣ въ ожиданіи Бейрута. Широкая зыбъ какъ густое, плавно подымающееся масло, тихо покачивала пароходъ.

Вотъ, наконецъ, у подошвы Ливанскихъ горъ, спустившихся плоскими террасами къ морю, показался прелестный сирійскій городъ. Мы подходимъ все ближе и ближе къ бухтѣ, огибая широкій мысъ, похожій на Аю-Дагъ въ Крыму; вотъ на берегу уже можно различить толпу, еще минута, и спущенный якорь остановилъ пароходъ на рейдѣ между мысомъ и городомъ.

Великій Князь и мы простились съ капитаномъ, поблагодарили его за благополучный переѣздъ, сѣли въ шлюпки и поѣхали на берегъ.





ГЛАВА VII.

ВСТРѢЧА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЪ БЕЙРУТѢ. — СОБОРЪ СВ. ГЕОРГІЯ. —
 ГАВРИИЛЪ ШАТИЛА. — ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА. — ДОМЪ НИКОЛАЯ СУР-
 СОКЪ. — ПИНІЕВА РОЩА. — КАКТУСЫ. — КУПАНЬЕ ВЪ СРЕДИЗЕМНОМЪ
 МОРЕ. — ФАНТАЗІЯ ИЛИ ИГРА ВЪ ДЖЕРИДЪ ВЪ ПИНІЕВОЙ РОЩѢ. —
 МАРОНИТЪ. — КУРДЪ. — СКАЧКА. — ОБѢДНЯ ВЪ СОБОРѢ СВ. ГЕОРГІЯ. —
 ПОѢЗДКА НА СОБАЧЬЮ РѢЧКУ. — БАРЕЛЬЕФЫ И НАДПИСИ НА МЫСУ. —
 ДРАГОМАНЫ ПЕТРО И ТИМОЛЕОНЪ.



а доносившееся до насъ *ура* стоявшей по
 вантамъ и реямъ команды и нашихъ рус-
 скихъ пилигримовъ, Его Высочество при-
 казалъ отдать честь веслами. Я сидѣлъ на
 носу великокняжеской четверки и мыс-
 ленно простившись съ моремъ, обернулся
 къ Бейруту.

Берегъ былъ покрытъ громоздив-
 шимся народомъ; на узкой каменной на-
 бережной стояли одѣтыя въ бѣлое платье
 войска; высокія стѣны домовъ, плоскія крыши, окна
 и заборы были заняты женщинами въ бѣлыхъ какъ
 снѣгъ чадрахъ. Когда мы причалили и поднялись по

широкой гранитной лѣстницѣ, войска взяли на карауль, музыка заиграла гимнъ, а съ форта загремѣлъ пушечный салютъ.

Губернаторъ Кіамиль-паша и назначенный сопровождать Его Высочеству бригадный генералъ Акифъ-паша встрѣтили Великаго Князя, который, поблагодаривъ ихъ за пріемъ, сѣлъ въ поданную четырехмѣстную коляску и приказалъ везти себя въ православную церковь.

Слѣдуя неотступно правилу: «не зѣвай», я занялъ мѣсто въ первой попавшейся коляскѣ и поѣхалъ за Его Высочествомъ.

По дорогѣ насъ вездѣ окружала толпа народа; ребятишки сновали подъ самыми колесами; на площадкахъ стояли войска, въ числѣ ихъ два эскадрона драгунъ, составленныхъ изъ польскихъ выходцевъ; по террасамъ и крышамъ, между акаціями, олеандрами и лимонными деревьями, живописно группировались женщины и дѣти.

Населеніе города преимущественно христіанское, а потому лица у женщинъ были открыты. Нельзя сказать, чтобъ онѣ были очень красивы; нѣтъ, черты ихъ слишкомъ рѣзки и однообразны; но, между нѣкоторыми группами, я все-таки замѣтилъ красавицъ въ полномъ смыслѣ слова, съ чудными черными глазами, тонкимъ носикомъ и матовоблѣднымъ цвѣтомъ кожи. Иногда, среди этихъ группъ, выдавалось черное лицо негритянки и составляло въ общей картинкѣ какъ бы мушку на щекѣ напудренной маркизы. Должно быть все населеніе принимало участіе во

встрѣчѣ Великаго Князя, по крайней мѣрѣ всѣ лавки были закрыты.

Среди такой оживленной картины мы достигли православнаго собора Св. Георгія. Чтобы добраться до входныхъ дверей, надо было пройти подъ сводчатыми воротами и небольшимъ дворомъ.

Давка была страшная; я хотя и отсталъ отъ Его Высочества, но тѣмъ не менѣе успѣлъ благополучно пробраться въ церковь за спиною Акифъ-паши, предъ толчками и голосомъ котораго толпа раздвигалась.

На дворѣ, убранномъ гирляндами изъ цвѣтовъ, зелени миртъ и олеандровъ, Его Высочество былъ встрѣченъ преосвященнымъ Гавріиломъ Шатилою, греческимъ духовенствомъ и хоромъ дѣтей въ бѣлыхъ рубашкахъ съ букетами и зажженными свѣчами.

Выслушавъ привѣтствіе, Великій Князь вошелъ въ церковь. За нами ворвался народъ, но мы стояли отдѣльно въ деревянныхъ нишахъ съ креслами и избѣгли такимъ образомъ давки.

Соборъ построенъ кораблемъ, съ двумя рядами четырехугольныхъ колоннъ; иконостасъ, стараго византійскаго письма, сдѣланъ изъ рѣзнаго дерева; стѣны чисто выбѣлены и украшены гирляндами лампадокъ въ перемежку со страусовыми яйцами.

Прослушавъ краткій молебенъ и приложившись къ св. кресту, Его Высочество прошелъ къ преосвященному владыкѣ по открытой лѣстницѣ чрезъ дворъ, среди единодушныхъ криковъ собравшагося народа. Женщины при этомъ бросали на него цвѣтами, кропили розовою водою и благословляли.

Просидѣвъ съ четверть часа у владыки и прохладившись шербетомъ со свѣжею водой, мы сѣли въ коляски и проѣхали въ отведенный для Его Высочества домъ, который принадлежалъ богатому сирійцу, почетному драгоману Николаю Сурсокъ.

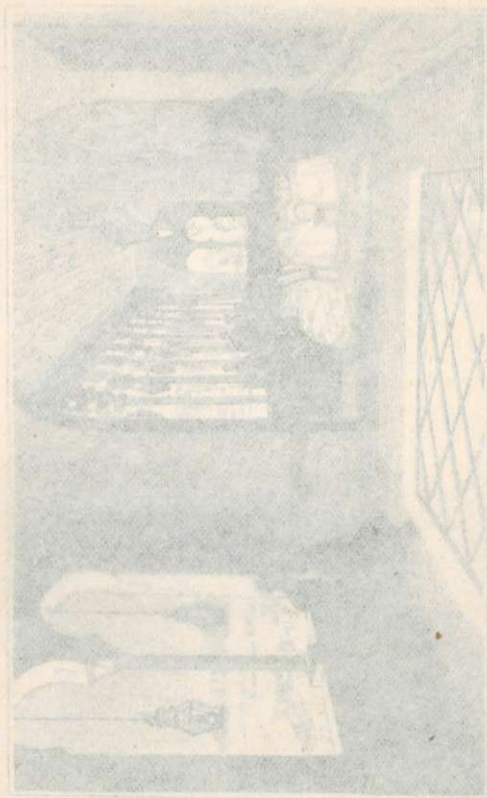
Намъ говорили, что онъ получаетъ до 60.000 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода.

Здѣсь Его Высочество былъ встрѣченъ православною школою для арабскихъ дѣтей мужскаго пола, находящеюся подъ покровительствомъ Россіи и получающею пособіе отъ нашего Правительства. Мальчики пропѣли, унисономъ, кантату на пріѣздъ Великаго Князя въ Сирію, а учитель произнесъ на арабскомъ языкѣ рѣчь, въ которой цвѣтисто изливалъ, отъ имени всѣхъ православныхъ единовѣрцевъ въ Сиріи, свою признательность за благодѣянія, которыя расточаетъ имъ Императорское Правительство.

Замѣчу кстати, что восточное пѣніе на наше ухо производитъ чрезвычайно непріятное впечатлѣніе. Не говоря уже о томъ, что гармоніи нѣтъ, а все поется унисономъ, пѣвцы мало обращаютъ вниманія на стройность и страшно фальшать.

Домъ Николая Сурсокъ, занятый для помѣщенія Великаго Князя и его свиты, имѣетъ видъ двухъ громадныхъ кубовъ съ плоскими крышами, отдѣленныхъ другъ отъ друга прелестнымъ палисадникомъ съ боскетами, фонтаномъ и верандами, соединяющими оба дома.

Въ одномъ расположился Его Высочество со свитой; въ другомъ, съ открытою галереей и чу-



Домъ Николая Сергѣевича, залитый для погребенія Императора Кнзя и его свѣтъ.

четверть часа у владыки и
со свѣжею водою, мы съѣ-
зжали въ отведенный для Его Вы-
сочества принадлежащий богатому си-
мону Николаю Сурсокъ.

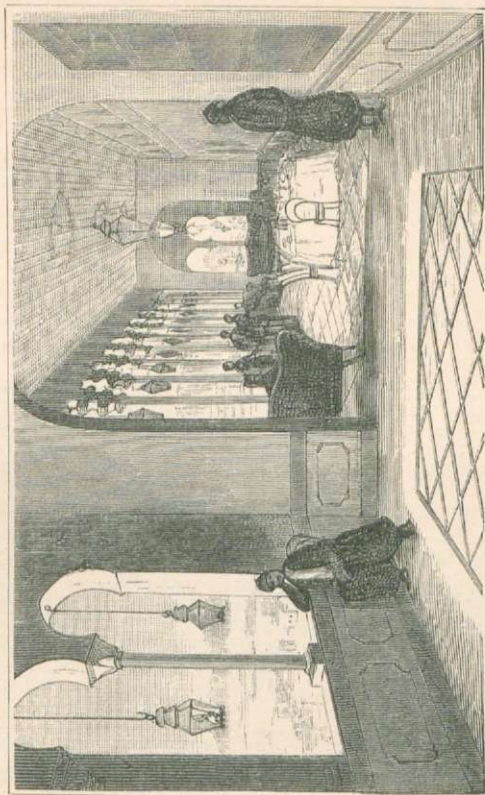
Онъ получаетъ до 60.000
рублей годового дохода.

Хотѣвъ встрѣченъ право-
ды армянскіе хѣтей мужскаго пола,
покрывающаго Россію и полу-
тъ нашего Царства. Мальчики
мъ, кантату изъ прихода Великаго
а учитель произнесъ на армянскомъ
которой цѣлѣсто чинахъ. Это
ославныхъ единичныхъ то. Это
ость за благодѣяніе, которое
аторское Правительство.

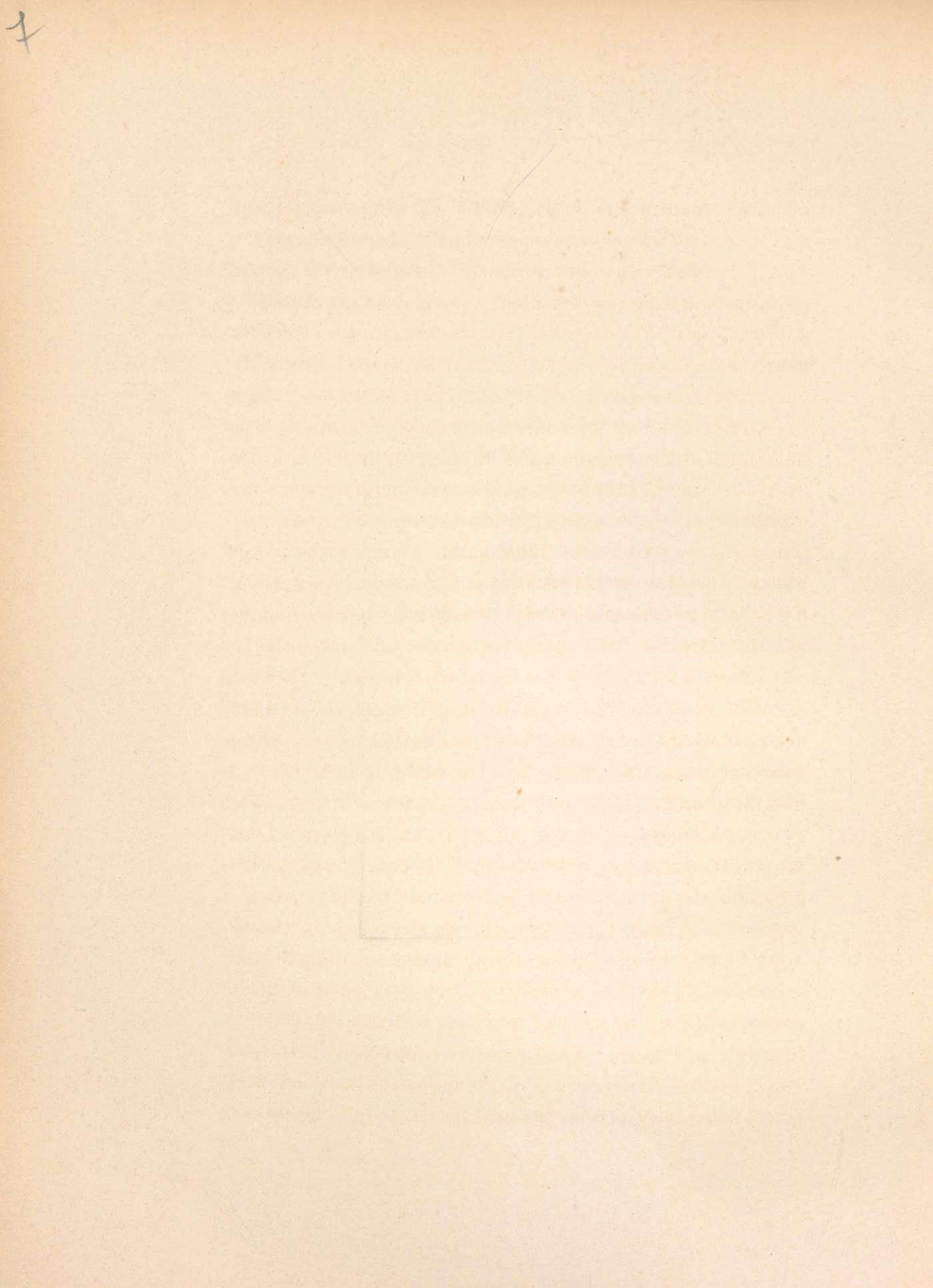
и, что восточное пѣніе на наше ухо
вычайно неприятное впечатлѣніе.
томъ, что гармонія нѣтъ, а все
пѣвцы мало обращаютъ вниманія
грашно фальшать.

Сурсокъ, занятый для помѣщенія
его свиты, имѣетъ видъ дома
съ плоскими крышами, отапли-
руга прелестнымъ изписанникомъ
аномъ и верандами, соединяющими

асположился Его Высочество со
съ открытою галерей и чу-



Домъ Николая Сурсокъ, занятый для помѣщенія Великаго Князя и его свиты.



деснымъ видомъ на море, городъ и Ливанскія горы, помѣстились нашъ художникъ и два профессора.

Главный домъ внутри расположенъ слѣдующимъ образомъ: открытая передняя, большая зала (сажень 7 длины, при 3 вышины и ширины), съ дверями вокругъ, ведущими, каждая, въ отдѣльныя комнаты; на верху то же самое, въ тѣхъ же размѣрахъ, только въ комнатахъ, на противоположныхъ концахъ залы, наружная стѣна обращена въ сплошныя окна съ цвѣтными стеклами. Нѣкоторыя комнаты меблированы по-европейски; другія же обставлены сплошными диванами; окна убраны тюлевыми гардинами, а на стѣнахъ развѣшаны французскія гравюры изъ библейской исторіи. Въ залахъ мраморные полы и отдушины для вентиляціи; всѣ прочія комнаты устланы коврами и циновками.

Для всѣхъ насъ были приготовлены огромныя мѣдныя кровати съ балдахиномъ и тюлевыми занавѣсями. Отдохнувъ немного, мы поѣхали въ четыре часа кататься за городъ къ Пиніевой рошѣ по Дамасскому шоссе, идущему между садами и плантаціями тутоваго дерева, которыя обнесены каменными заборами, или громадными кактусами. Кактусъ *опунція* обыкновенно служитъ живою изгородью около садовъ и деревень, и достигаетъ иногда колоссальныхъ размѣровъ; его можно себѣ представить въ видѣ продолговатыхъ блюдъ и тарелокъ темно-зеленаго цвѣта, соединенныхъ другъ съ другомъ ребрами и усыпанныхъ бородавками, на которыхъ торчатъ пучки жесткихъ иглъ. На кактусѣ растутъ вкусные плоды, въ родѣ красноватыхъ огурцовъ со сладкимъ мясомъ.

Разводятъ ихъ очень просто: сорвавъ листь, его втыкають ребромъ въ землю и онъ растеть, не требуя дальнѣйшаго ухода. Верблюды охотно ѣдятъ эти листь, не обращая вниманія на иголки.

Такъ какъ дорога къ Пиніевой рощѣ служить мѣстомъ катанья и загородныхъ прогулокъ, то вдоль ея выстроены кофейни, предъ которыми сидятъ, курятъ, пьютъ кофе и разсматриваютъ проѣзжающихъ. Мы остановились у Пиніевой роши, гдѣ во время послѣдней сирійской рѣзни стоялъ французскій кавалерійскій бивуакъ, и расположившись около столиковъ подъ акаціями, спросили кофе.

Предъ нами гарцовалъ какой-то грекъ на довольно статной темносѣрой лошади, подъ чернымъ вальтрапомъ съ длинною бахромой и кистями на заднихъ углахъ.

Вся одежда на немъ была черная: шаровары, вышитая куртка, поясъ; затѣмъ — бѣлый жилетъ въ мелкихъ складкахъ и красная феска. Вѣроятно какой-нибудь зажиточный торговецъ или барышникъ, потому что онъ все время вертѣлся на глазахъ.

Мимо насъ проѣзжали: дилижансъ изъ Дамаска, запряженный шестерикомъ; двѣ коляски съ дамами; нѣсколько нагруженныхъ муловъ; ослы, семенившіе ножками подъ огромными сѣдлами, на которыхъ сидѣли верхомъ, прикрытыя чадрами, женщины или торжественно важные турки. Это должно-быть были муллы, судя по ихъ старому національному костюму, состоявшему изъ шароваръ, халатовъ съ широкимъ шарфомъ около пояса и бѣлымъ или зеленымъ тюрбаномъ.

Выпивъ кофе, мы поѣхали обратно въ городъ, прокатились по нѣсколькимъ чистымъ улицамъ, спустились мимо казармъ и госпиталей въ нижнюю часть города и возвратились домой.

Бейрутъ построенъ на холмахъ, отдѣланныхъ террасами.

Большіе дома очень схожи съ домомъ, въ которомъ мы остановились; бѣдный же людъ живетъ въ четырехугольныхъ башенкахъ, или продолговатыхъ каменныхъ сараяхъ съ нѣсколькими сводами, гдѣ ремесленники занимаются своими производствами.

Послѣ продолжительнаго обѣда, предложеннаго хозяиномъ, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Въ нижней залѣ еще долго толпились всякіе люди, должно-быть родственники и знакомые дома, но они насъ не стѣсняли, потому что мы удалились на верхъ.

Предъ тѣмъ, какъ лечь спать, я прогулялся по саду, иллюминированному шкаликами, и сходилъ на галерею полюбоваться съ птичьяго полета панорамой города при лунномъ освѣщеніи.

Море, какъ стальное зеркало, отражая луну, искрилось по берегу въ равномерномъ прибоѣ; направо темный силуэтъ Ливана незамѣтно сливался съ отдаленною мглой; внизу рѣзко освѣщенные стѣны оригинальныхъ домовъ и террасъ, въ противоположность чернымъ тѣнямъ и красному свѣту огней, выходившему изъ оконъ, представляли непривычному глазу волшебную картину, которую у сѣвернаго жителя способна нарисовать только пылкая фантазія и которую онъ не привыкъ видѣть наяву.

Съ утра поѣхали купаться въ маленькомъ затонѣ, гдѣ заставляють выдерживать карантинъ.

На скалистомъ берегу были разставлены часовые и раскинуты двѣ палатки; къ морю спускалась широкая каменная лѣстница.

Въ Бейрутѣ, говорятъ, очень опасно купаться, потому что у береговъ плаваютъ акулы; тѣмъ не менѣе мы съ наслажденіемъ выкупались въ теплой, густой и чистой, какъ хрусталь, морской водѣ; а затѣмъ пили чай и кофе подъ тѣнью смоковницы.

Въ домѣ встрѣтили Великаго Князя хоры дѣтскихъ пріютовъ, рѣчи поэтовъ и кантаты по случаю его пріѣзда. Въ комнатахъ собрались купцы съ шелковымъ товаромъ и филиграновою работою изъ золота и серебра. Работы эти очень красивы и дешевы, потому что жизнь не дорога и ремесленники довольствуются весьма малою заработною платой.

Выбравъ для себя нѣсколько вещей, Его Высочество пошелъ принимать иностранныхъ консуловъ, маронитскаго и уніатскаго архіереевъ, а послѣ завтрака осматривалъ арабскихъ лошадей, принадлежавшихъ обывателямъ города, изъ которыхъ одинъ, по имени Георгій Туэни, въ послѣдствіи подвелъ Его Высочеству свою рыжую девятилѣтнюю, жерѣбую кобылу Дахму.

Въ 3 часа мы поѣхали къ Пиніевой рошѣ посмотреть на конное ристалище, называемое «фантазія». На песчаной площадкѣ, у опушки лѣса, былъ раскинутъ шатеръ и уставленъ креслами и стульями. По обѣ стороны поляны стояли всадники въ разнообраз-

ныхъ одеждахъ; кругомъ народъ. Мнѣ бросилось въ глаза почти совершенное отсутствіе женщинъ.

Великій Князь при звукахъ музыки, заигравшей гимнъ, вышелъ изъ коляски и занялъ, по приглашенію губернатора, мѣсто подъ шатромъ; мы же усѣлись по сторонамъ.

Предъ нами разстиралось песчаное поле, окруженное группами зелени, изъ которыхъ высоко выдѣлялись пальмы; дальше подымались ступенями тутовья плантаціи съ селеніями, похожими своею постройкой на старые замки, а за ними высились горы, мягко и нѣжно окрашенные уже склонявшимся къ западу солнцемъ.

Надо замѣтить, что всѣ восточные города издали походятъ на средневѣковыя рыцарскія постройки, потому что имѣютъ видъ башенъ, соединенныхъ между собою каменными стѣнами, которыя выводятся около террасъ для удержанія земли и дождевой воды. На этихъ террасахъ, идущихъ ступенями, производятся посѣвы. Въ долинахъ же поля, по бѣльшей части, обносятся грудами камней.

Но вотъ начались игры. Раздѣлившіеся на стороны, всадники выѣзжали впередъ по одиначкѣ, описывали вольты, бросали другъ въ друга джеридомъ¹⁾; изворачивались отъ наносимыхъ ударовъ и, завлекая удачею и крикомъ другихъ, быстро уносились въ свою сторону.

Нельзя сказать, чтобъ игра эта имѣла опредѣленные правила. Имѣется лишь въ виду выказать

¹⁾ Джеридомъ называется палочка длиною въ аршинъ съ небольшимъ.

ловкость, красоту, бѣгъ лошади, изворотливость между скачущими во всѣхъ направленіяхъ наѣздниками, и искусство управленія и выѣздки. Между всадниками особенно отличались нашъ вчерашній знакомецъ грекъ, на своемъ сѣромъ жеребцѣ, какой-то маронитъ, съ клинообразною бородой и загнутымъ носомъ и арабъ баши-бузукъ, очень красивый мальчикъ, особенно далеко и мѣтко бросавшій свой дротикъ.

Меня заинтересовала фигура маронита: одѣтый весь въ черное платье, только съ бѣлою повязкой вокругъ фески, онъ извивался какъ змѣя на статной темно-сѣрой лошаdkѣ, почти до полу завѣшанной черными кистями и шнурами, украшавшими сѣдло. Лицо и вся его наружность, не смотря на красоту, таили въ себѣ что-то недоброе и, дѣйствительно, мнѣ рассказали, что онъ изъ ревности зарѣзалъ свою жену. Послѣ метанія дротиковъ, выѣхали два всадника съ длинными бамбуковыми копьями, потрясая ими въ воздухѣ, носились по всему кругу, намѣчали удары и старались заѣхать одинъ другому подъ лѣвый поводъ.

Одинъ изъ нихъ, длинный турецкій офицеръ, на ворономъ жеребцѣ, напоминалъ немного фигуру Донъ-Кихота; его противникъ, должно-быть курдъ, въ бѣломъ тюрбанѣ, красной, шитою золотомъ курткѣ и синихъ шароварахъ, на рыжей лошади, ловко парировалъ наносимые удары.

За ними выѣхали еще нѣсколько человекъ, а потомъ всѣ съ крикомъ перемѣшались. Чтобы поблагодарить ихъ, Великій Князь назначилъ три приза

на скачку, но явилось неожиданное препятствіе; всѣ они не имѣли понятія о томъ, что такое скачка на призѣ. Послѣ довольно затруднительнаго объясненія, ихъ раздѣлили на три партіи, означили пиками кругъ, и Его Высочество самъ пускалъ рвавшихся впередъ ѣздоковъ.

Скакали всѣ неправильно, но, тѣмъ не менѣе, было довольно справедливо раздать призы. Скачка эта произвела огромное впечатлѣніе и возбужденіе въ толпѣ, которая, провожая насъ, кричала здравіе Великому Князю.

Между тѣмъ ночь быстро спускалась въ долину и мы вернулись въ городъ, сопровождаемые криками всадниковъ, скакавшихъ около колясокъ, не разбирая дороги. Домъ нашъ былъ иллюминированъ бенгальскимъ огнемъ, а изъ сада салютовали ракетами. За обѣдомъ, на галереѣ, мы любовались освѣтившимся фальшфейерами *Владиміромъ* и пускаемыми съ него ракетами, прорѣзывавшими огненною змѣйкой ночную темень.

Въ отвѣтъ *Владиміру* нашъ любезный хозяинъ приказалъ пустить еще нѣсколько ракетъ и мы очень забавлялись арабомъ, пускавшимъ ихъ съ удивительною быстротой и ловкостью прямо изъ руки.

Подъ галерею собралась толпа, шумѣла, хлопала въ ладоши и кричала здравіе Великому Князю.

Въ довершеніе всего взошла луна и залила своимъ нѣжнымъ свѣтомъ вечернюю картину, которою мы еще долго любовались предъ тѣмъ какъ розойтись спать.

Утро начали опять купаньемъ, а затѣмъ Великій Князь поѣхалъ къ обѣднѣ въ соборную церковь Св. Георгія, гдѣ священнодѣйствовалъ преосвященный Гавріиль.

Толпа съ восторгомъ встрѣтила Великаго Князя криками «ура» и женскимъ визгомъ.

По окончаніи литургіи преосвященный Гавріиль благословилъ Его Высочество иконою Николая Чудотворца, и Великій Князь прошелъ пѣшкомъ во вновь отдѣливаемую православную церковь, выстроенную Русскимъ Правительствомъ.

Здѣсь встрѣтилъ Его Высочество и произнесъ на арабскомъ языкѣ рѣчь архимандритъ Джибора, перешедшій въ православіе изъ унитовъ. Типичный старикъ, вдохновенною рѣчью выражая радость при видѣ Великаго Князя въ стѣнахъ православнаго храма, доказывалъ, что Россія единственный оплотъ православія на Востокѣ.

Возвратясь, Великій Князь осматривалъ лошадей, а въ 10 часовъ всѣ поѣхали за городъ на «Собачью рѣчку», гдѣ устроенъ былъ губернаторомъ завтракъ. Доѣхавъ до конца города въ коляскахъ, мы остановились на песчаной площадкѣ, между огородами, и сѣли верхомъ на приготовленныхъ для насъ коней.

Намъ предшествовали нѣсколько рядовъ турецкихъ уланъ, съ длинными бамбуковыми пиками, два консульскихъ каваса съ булавами, полицейскіе офицеры и человекъ пятьдесятъ горожанъ, въ разнообразнѣйшихъ одеждахъ; за нами слѣдовалъ полуэскадронъ драгунъ. Сначала мы ѣхали между огородами,

обсаженными высокимъ тростникомъ и кактусами, потомъ дорога выбѣжала къ морскому берегу. Выѣхавъ на просторъ, наѣзники стали гарцовать.

Великій Князь, въ формѣ стрѣлковаго баталіона Императорской Фамиліи, на ворономъ жеребцѣ, высланномъ генераль-губернаторомъ Дамасскаго вилайета, составлялъ центръ; отъ него впередъ и назадъ всѣ раскинулись подвижнымъ вѣеромъ. Справа отъ сыпучаго песку, по которому мы ѣхали, тянутся непрерывныя плантаціи шелковичнаго дерева; между ними живутъ поселяне, въ четырехугольныхъ башенкахъ, сложенныхъ изъ плитняка. Покатости горъ обработаны террасами, или же одѣты небольшими пиніевыми рощами и балутовымъ ¹⁾ кустарникомъ. Верстъ на пять отъ города плантаціи и лѣсочки рѣдѣютъ, а горы превращаются въ сѣрыя скалы, изборожденные трещинами. Проѣхавъ версты четыре, мы стали подыматься на гору, образующую вдающійся въ море мысъ. У подножія горы паслось стадо въ полтора ста верблюдовъ, на половину бѣлыхъ. Ихъ встревожилъ шумный поѣздъ и они побѣжали въ разныя стороны, но сопровождавшіе насъ наѣзники воспользовались случаемъ выказать свою ловкость въ скачкѣ по пересѣченной скалами мѣстности и помогли пастухамъ согнать въ кучу разбѣжавшееся стадо. Между тѣмъ, огибая скалы, дорога стала виться около выдавшихся въ море утесовъ, подымаясь на гору пологими ступенями, отъ двухъ до трехъ сажень длины, съ ужасно

¹⁾ Балуть — карликовый дубъ, *quercus ballota*.

изрытою мостовой. Послѣ высшей точки, дорога круто спустилась въ узкую долину, на мостъ съ тремя арками, перекинутый чрезъ «Собачью рѣчку». Обойденный нами мысъ имѣетъ историческое значеніе по барельефамъ и надписямъ, вырубленнымъ на немъ различными завоевателями. Древнѣйшій изъ этихъ памятниковъ принадлежитъ Рамзесу Великому, болѣе извѣстному подъ именемъ Сезостриса, царствовавшему въ Египтѣ отъ 1394 до 1328 года до Рождества Христова. Извѣстно, что покоривъ многіе народы Азіи и Африки, онъ вырубалъ свое изображеніе и имя на скалахъ завоеванныхъ имъ странъ. Слѣдуя его примѣру, около барельефа расписались въ совершенныхъ ими подвигахъ: царь персидскій Ксерксъ, императоръ римскій Траянъ и, наконецъ, калифъ Джафаръ-эл-Мансуръ, приказавшій изсѣчь годъ и число своего побѣдоноснаго похода. Кромѣ этихъ надписей, здѣсь видны пещеры, гдѣ жили благочестивые отшельники. Странное выносишь впечатлѣніе, стоя лицомъ къ лицу съ такими памятниками, посредствомъ которыхъ всемірно-историческіе дѣятели говорятъ тебѣ: «вспомни меня, вотъ чтó я сдѣлалъ». Прошло тысяча, двѣ, даже три тысячи лѣтъ со времени выраженного ими желанія, и оно исполняется; глядя на памятникъ, дивишься ихъ подвигамъ и пережитой вѣками славѣ. «Собачья рѣчка» течетъ въ дикой долинѣ, съ крутыми обрывами, безъ всякихъ признаковъ растительности, и только при впаденіи въ море берега ея украшены садами и селеніемъ. Рѣзкій переходъ отъ голыхъ скалъ къ зеленѣющимъ

садамъ и высокимъ тростникамъ составляетъ прелесть этого мѣста. Перейдя рѣку въ бродъ, мы остановились у огромнаго шатра, подъ которымъ былъ накрытъ завтракъ. Собравшійся изъ окрестностей народъ привѣтствовалъ Великаго Князя громкимъ пѣніемъ, кончившимся заздравными криками. Поблагодаривъ за радушіе, Его Высочество пошелъ завтракать. Мы помѣстились въ палаткѣ за столомъ, убраннымъ цвѣтами и фруктами. Завтракъ былъ очень вкусно приготовленъ и весело прошелъ подъ звуки музыки и шумнаго говора. Великій Князь мило-стиво разговаривалъ съ губернаторомъ Бейрута и Акифъ-пашою, бригаднымъ генераломъ, назначеннымъ сопровождать Его Высочество въ путешествіи. Разговоръ происходилъ чрезъ переводчика, но тѣмъ не менѣе получилъ общій интересъ, потому что Акифъ-паша обладаетъ оживленнымъ лицомъ и въ разговорѣ придаетъ особую интонацію каждой фразѣ; къ тому же отвѣты его были бѣльшею частью своеобразны и остроумны. Часовъ около трехъ выступили въ обратный путь. Между тѣмъ пока мы пировали, поднялся вѣтеръ и небо нахмурилось. Съ вершины мыса видъ совершенно измѣнился. Отъ юга надвигалась сплошная туча, съ проливнымъ дождемъ, молніей и раскатами грома; лазоревое море окрасилось въ темно-синій, почти черный тонъ, а внизу, у подножія горы, вода съ шумомъ кипѣла и разби-валась бѣлою пѣной съ тысячами брызговъ о скалы и рифы. Мы прибавили ходу, съѣхали съ горы; на берегу волна за волною силилась подняться до насъ,

но обращаясь въ бѣлую пѣну, лишь подползала подъ ноги лошадямъ. И грозная туча не настигла насъ со своимъ дождемъ, а разойдясь, только, прибила пыль и сыпучій песокъ. Впереди весело неслись наѣзтники и Его Высочество раза три пускалъ своего коня вскачь, увлекая всѣхъ за собою. Кромѣ конныхъ, насъ провожали и пѣшіе, слѣдуя за нами въ припрыжку. Такимъ образомъ, гдѣ шагомъ, гдѣ рысью, а гдѣ и вскачь, мы доѣхали до колясокъ и возвратились домой къ обѣду. Вечеромъ Его Высочество посѣтилъ нашего консула. На утро назначено было выступленіе.

Девятаго октября, уже съ пяти часовъ, началась суматоха; люди хлопотали около вещей, которыя заблаговременно отправлялись выюками на спинахъ лошаковъ и муловъ. Для путешествій по Сиріи, Палестинѣ и Египту обыкновенно нанимають драгомановъ, которые за условную, поденную плату принимаютъ на себя поставку всего необходимаго. Для нашего общества было заключено условіе съ двумя компаніонами: албанцемъ Піетро и грекомъ Тимолеономъ, ловкими и расторопными людьми, исполнившими свои обязательства чрезвычайно добросовѣстно. Въ продолженіе всего пути мы имѣли отличный столъ и удобную постель.

Я всталъ въ шесть часовъ, выбралъ и снарядилъ себѣ лошадь, заботясь болѣе о крѣпости ея ногъ, что по мѣстнымъ дорогамъ всего важнѣе.

Его Высочество взялъ съ собой стрѣлковое сѣдло, а нѣкоторые изъ насъ еще, въ Вѣнѣ, запаслися англій-

скими, такъ что мы не нуждались въ сѣдлахъ, на недостатокъ которыхъ обыкновенно жалуются всѣ путешественники на Востокѣ. Простившись съ хозяевами и поблагодаривъ за пріемъ, въ восемь часовъ мы отправились въ коляскахъ до Пиніевой роши. Тамъ, въ ожиданіи нашихъ верховыхъ лошадей, выпили по чашкѣ кофе, а затѣмъ, благословясь, пустились въ путь. Путешествіе верхомъ для привыкшихъ къ желѣзнымъ дорогамъ представляетъ много интереснаго и переноситъ путешественника въ то, давно прошедшее время, когда другаго способа сообщеній еще не знали. Верховъ имѣешь больше времени любоваться природою и какъ будто ближе живешь съ окружающимъ міромъ, входя въ его тѣсныя рамки, осматривая спокойно и въ мелочахъ все встрѣчное. А по современнымъ способамъ передвиженія не успѣешь взглянуть, какъ и съ глазъ долой—будто видишь книгу, а прочесть ея не можешь.





ГЛАВА VIII.

ЛИВАНСКІЯ ГОРЫ. — ПРИВАЛЬ. — ДОЛИНА БЕКАА. — ШТОРА. — НАШЪ
ЛАГЕРЬ. — КАМАРАДЪ-ПАША. — БЕДУИНЫ. — ЗАХЛЕ. — БААЛБЕКЪ. —
РАЗВАЛИНЫ ХРАМОВЪ СОЛНЦА И ЮПИТЕРА. — АНТИ-ЛИВАНЪ. — ЗАВ-
ТРАКЪ. — ЗЕБЕДАНЬ. — НОЧЛЕГЪ И ПЕРВЫЯ ПИСЬМА. — ДОЛИНА БАРАДЫ. —
МОГИЛА ХАМА. — АЙНЪ-ФИДЖИ. — КАМЕНИСТАЯ ПУСТЫНЯ.



роѣхавъ равнину, лежащую непосред-
ственно за городомъ и Пиніевой рощей,
мы стали слегка подыматься по шоссе
въ горы. Скатъ этихъ горъ, какъ я упо-
миналъ выше, перерѣзаны площадками и
представляются взору словно ступени ка-
кой-то гигантской лѣстницы. На этихъ
площадкахъ разведены виноградники, ма-
сличныя и туовыя деревья. По мѣрѣ
того, какъ мы подымались все выше и
выше, подъ нами разстилалась роскош-
ная картина Бейрутской бухты. Справа, горная цѣпь
сѣдаго Ливана ¹⁾ уходила широкимъ мысомъ въ море,

¹⁾ Ливанъ въ переводѣ значитъ „бѣлыя горы“.

охватывая громаднымъ амфитеатромъ разнообразную зелень садовъ и сливающуюся на горизонтѣ съ небомъ лазурь Средиземнаго моря. По морю скользили и грузились мачтовымъ лѣсомъ на тихомъ рейдѣ всевозможной величины суда. Масса бѣлыхъ домовъ Бейрута, ярко залитая лучами солнца, рѣзко выдѣлялась какъ бы среди роскошнаго зеленого ковра. Окрестныя селенія съ каменными оградами казались кружевнымъ узоромъ, небрежно раскинутымъ по краямъ этого ковра. Я наслаждался этимъ видомъ до тѣхъ поръ, пока тонкій туманъ горныхъ облаковъ не скрылъ отъ глазъ всю картину.

Мы свернули съ шоссе и вступили въ слой облаковъ, подымавшихся бѣловатымъ дымомъ со дна долины. Подулъ свѣжій вѣтеръ, стало накрапывать и пошелъ дождь. А дорога-то, дорога! я вѣрить не хотѣлъ, что мы слѣдуемъ по «царскому пути», какъ цвѣтисто называютъ старую дорогу изъ Бейрута въ Дамаскъ. Вообразите себѣ кучи булыжника и щебня, навезенныя для мощенія мостовой, прибавьте къ этому крутые подъемы и спуски и тогда получите приблизительно вѣрное понятіе о сирійскихъ и палестинскихъ путяхъ сообщенія. Хотя Французская компанія и проложила шоссе изъ Бейрута въ Дамаскъ, по которому ходятъ дилижансы и фуры, но большую часть тяжестей продолжаютъ возить выюками, предпочитая старый путь, чтобъ не платить шоссейнаго сбора. Скоро намъ попались на встрѣчу длинныя вереницы верблюдовъ, мѣрно выступавшихъ другъ за другомъ, и лошаки, высоко навьюченные тюками хлопка.

Пройдя верстъ двадцать, мы выбрались опять на шоссе и остановились для отдыха въ ханѣ «Му-дейриджъ». Не прихотливо устройство такого постоялаго двора: каменный сарай съ плоскою крышей, раздѣленный внутри на двѣ половины; въ одной живетъ хозяинъ съ семействомъ, въ другой останавливаются путешественники. Его Высочество былъ встрѣченъ ротою пѣхоты, съ хоромъ музыки, игравшимъ: «Боже Царя храни». Во время завтрака, дождь полилъ какъ изъ ведра, а музыка, не смущаясь, продолжала увеселять насъ піесами изъ *Трубадура*, *Травиаты* и тому подобнымъ репертуаромъ, обязательнымъ для всѣхъ военныхъ хоровъ. Этотъ хоръ игралъ еще сносно, но всѣ остальные, которые доводилось волей-неволей слушать, только раздирали ухо. Отдыхая, я съ особымъ наслажденіемъ истреблялъ превосходный виноградъ и разсматривалъ нѣсколькихъ жителей, пришедшихъ изъ окрестностей. Между ними нѣкоторые съ виду напоминали малороссійскихъ казаковъ прошлаго столѣтія: бритыя головы съ чубомъ, усы, безъ бороды, курточка, кривая сабля и цвѣтные шаровары, спущенные почти до пятокъ, составляли ихъ нарядъ.

Спустя полтора часа, мы отправились дальше, все еще поднимаясь къ перевалу черезъ хребетъ. Было холодно. Угрюмый видъ поперечныхъ долинъ, ущелья съ темными разсѣлинами, безъ всякихъ слѣдовъ растительности, напоминали осень, въ ея самый непривѣтливый періодъ. Но вотъ, наконецъ, добрались до перевала: тѣсный кругозоръ раздвинулся и открылъ видъ на долину Бекаа, покрытую полями какъ мо-

заикою. Бекаа отдѣляетъ Ливанъ отъ Анти-Ливана на пространствѣ трехъ и четырехъ часовъ пути въ ширину и на 24 часа въ длину. Въ ней много развалинъ замковъ, сохранившихся отъ временъ владычества крестоносцевъ. Спускъ въ долину занялъ не больше часу времени. Я отсталъ отъ Великаго Князя, разговарившись съ молодымъ турецкимъ чиновникомъ, выѣхавшимъ на встрѣчу Его Высочества, отъ лица дамасскаго генераль-губернатора. Онъ рассказывалъ, какъ однообразно и скучно тянется жизнь въ Дамаскѣ, да и вообще на всемъ Востокѣ, какъ апатиченъ къ дѣлу народъ; какъ неразвиты женщины и какъ трудно образованному человѣку жить въ такой обстановкѣ.

Тѣмъ временемъ Его Высочество подѣзжалъ уже къ лагерю, разбитому для насъ на жнивѣ, около мѣстечка Шторы. На встрѣчу ему выѣхали окрестные арабы и бедуины, привѣтствуя крикомъ и пальбою, а женщины, стоявшія на крышахъ, визгомъ. Нашъ лагерь составляли два большіе шатра, окруженные палатками совершенно особенной, турецкой формы: прямой цилиндрической корпусъ, покрытый конусообразнымъ верхомъ, который украшенъ мѣднымъ шаромъ или флагомъ. Каждая палатка предназначалась для помѣщенія двухъ человѣкъ и заключала въ себѣ двѣ постели, умывальный столикъ съ табуретомъ и толстый коверъ. Обстановка роскошная, не говоря уже о зеленомъ шатрѣ, подбитомъ краснымъ шелкомъ и убранномъ коврами съ мягкими подушками, который предназначался для пріемовъ. Въ другомъ зеленомъ шатрѣ былъ накрытъ отлично

сервированный обѣденный столъ. Оказалось, что это сдѣлано по приказанію Султана.

Проѣхавъ верхомъ 35 верстъ или, иначе сказать, семь часовъ, легко себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ всѣ собрались къ обѣду. Я забылъ сказать, что насъ сопровождали бейрутскій губернаторъ Кіамиль-паша, весьма образованный человѣкъ, свободно говорившій по-французски, и Акифъ-паша, съ двумя эскадронами кавалеріи. За обѣдомъ, противъ Его Высочества помѣстился Акифъ-паша, между Макѣвымъ и нашимъ казнодаромъ. Не смотря на толщину, коренастый и живой Акифъ-паша оказался веселымъ собесѣдникомъ. Съ казнодаромъ онъ тотчасъ же заключилъ союзъ дружбы, назвавъ его Сатачао-паша. Не желая обидѣть друга, нашъ, всегда трезвый, казнодаръ былъ вынужденъ осушать стаканъ за стаканомъ, что не мало способствовало общему веселью. Когда встали изъ-за стола, солнце уже скрылось, окрасивъ небо и всю долину малиновымъ цвѣтомъ. Ливанъ уже одѣлся въ темный покровъ ночи, а противоположная цѣпь Анти-Ливана рѣзко выступала въ багровомъ свѣтѣ зари, пока не потухли ея лучи и не заиграли въ небѣ звѣзды. Я пошелъ въ палатку и сѣлъ за дневникъ; мой товарищъ уснулъ; шумный лагерь все затихалъ и вскорѣ наступила совершенная тишина, изрѣдка только прерываемая побрякиваніемъ колокольчиковъ на животныхъ, доѣдавшихъ свой кормъ.

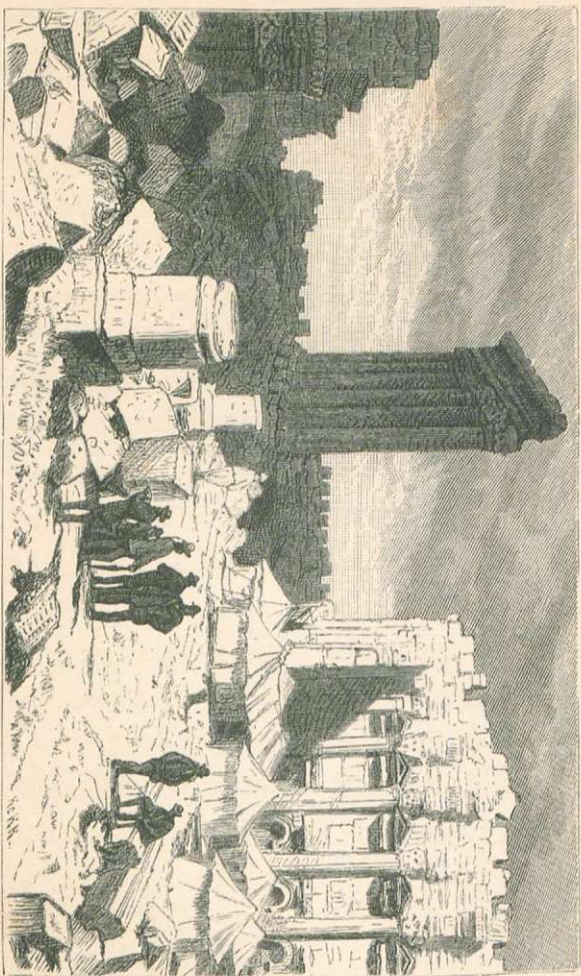
Къ 5 часамъ утра всѣ уже были на ногахъ, пили чай, торопясь выступленіемъ, чтобы раньше

придти въ Баалбекъ; пока сѣдлали лошадей, бедуины раздѣлились на двѣ стороны и представили военные игры, изображавшія войну между враждебными племенами. Сначала выѣхали шейхи, а прочіе пѣли воинственныя пѣсни, возбуждая другъ друга къ бою, прославляя мужество и ловкость воиновъ, стройность и быстроту коней. За шейхами стали выѣзжать по одиначкѣ рядовые воины; гонялись другъ за другомъ, потрясая копьями, махали саблями, а подъ конецъ обѣ стороны съ крикомъ бросались въ свалку. Нельзя сказать, чтобы лошади у нихъ были хороши. Ничуть не бывало; у большей части, при маломъ ростѣ и коровьемъ задѣ, переднія ноги разбиты. Онѣ развѣ только сухостью и типичными головками напоминаютъ воображаемыхъ нами арабскихъ лошадей. Между всадниками бросался въ глаза въ особенности одинъ бедуинъ, вооруженный копьемъ, въ черной съ бѣлыми полосами *абайэ*, съ голыми ногами и грудью. Чрезвычайно типична была его выбритая до темени голова и длинныя пряди волосъ на затылкѣ. Онъ метался какъ угорѣлый и, казалось, долженъ былъ по ходу игры наводить ужасъ на враговъ однимъ своимъ видомъ. Въ противоположность ему, другой поражалъ мужественною красотой. Сухой и стройный какъ пальма, съ прямымъ носомъ, клинообразною бородой, черными глазами, при бронзовомъ цвѣтѣ лица и съ великолѣпнымъ оскаломъ бѣлыхъ зубовъ. Продолжая сражаться, бедуины двинулись впередъ, а за ними потянулись и мы.

Отъ Шторы дорога идетъ по старательно вздѣланной долиנѣ Бекаа, незамѣтно пересѣкая ее по

діагонали до Баалбека, лежачаго у самага подножія Анти-Ливана. Суглинистыя поля буро-краснаго цвѣта покрыты плоскими обломками плитняка, что не мѣшаетъ имъ однако быть чрезвычайно плодородными. Деревни, окруженныя виноградниками, представляются группами изъ четырехугольныхъ башень, подъ кровомъ которыхъ помѣщаются люди, скотъ и все хозяйство. На часть пути отъ Шторы лежитъ деревня Микале, съ большимъ каменнымъ домомъ, занимаемымъ іезуитскою школою, которую посѣщаютъ за неимѣніемъ другой и православныя дѣти. Потомъ, городокъ Захле, резиденція православнаго митрополита, очень симпатичнаго араба, который сопровождалъ Великаго Князя верхомъ, вмѣстѣ съ діакономъ, ѣхавшимъ на ослѣ, и бѣжавшимъ рядомъ конюхомъ. Предъ всякимъ селеніемъ жители выѣзжали верхомъ на, встрѣчу и джигитуя, сопровождали до слѣдующей деревни. Женщины выходили на улицу, или стояли на крышахъ, встрѣчая здѣсь, какъ и прежде, рѣзкимъ крикомъ и визгомъ, въ знакъ привѣтствія. Подъ всадниками попадались довольно кровныя лошадки, но и тѣ, болѣею частью, были не безпорочны, вслѣдствіе ранняго употребленія подъ верхъ, такъ какъ осѣдлые арабы и бедуины садятся на жеребятъ чуть ли не годовалаго возраста.

Еще съ утра небо хмурилось, а когда мы прошли Захле, сталъ перепадать дождикъ, сопровождавшій насъ, съ небольшими перерывами, почти до самага Баалбека. Позавтракавъ въ деревнѣ Талія, къ двумъ часамъ мы были въ виду Баалбека, древняго Геліопо-



Изъ всего этого хаоса возносились къ небесамъ шесть исполненныхъ колоннъ,
уцѣлѣвшихъ отъ храма „Солнца“.

лиса, послѣ 7 $\frac{1}{2}$ часовъ ходу. Не доѣзжая какой-нибудь версты, показался зеленѣющій оазисъ съ шестью колоннами и какими-то желтоватыми массами. По мѣрѣ приближенія, колонны и постройки скрылись за густою листвою садовъ. На встрѣчу выѣхали мѣстные власти. У каменныхъ оградъ и вдоль водопровода стояли жители. Глаза мои блуждали съ одного предмета на другой, не зная, на чемъ остановиться; но вотъ повернули за уголъ и предъ нами, неожиданно, выросли величественнѣйшія развалины глубокой древности. Онѣ состоятъ изъ такихъ громадныхъ монолитовъ, что не вѣришь въ возможность подобной постройки усиліями человѣческихъ рукъ. Непонятно! Чувствуешь только, что культура народа, воздвигавшаго такія исполинскія сооруженія, стояла на высокой степени.

Не сводя глазъ съ гигантскихъ развалинъ, я былъ какъ бы очарованъ ими, пока не вѣхалъ въ темную галерею, которая, при пяти саженьяхъ вышины, имѣетъ болѣе двухсотъ шаговъ въ длину. Освѣщаемая висячими фонарями, она выводила на внутренній дворъ развалинъ, до того усѣянный обломками, что приходилось изворачиваться между торчавшими изъ земли колоннами, капителями, плитами и кучами осколковъ. Изъ всего этого хаоса возносились къ небесамъ шесть исполинскихъ колоннъ, уцѣлѣвшихъ отъ храма Солнца, а противъ нихъ стоялъ храмъ Юпитера, построенный изъ развалинъ перваго, въ цвѣтущее время Антиохійскаго царства Селевкидовъ.

Къ храму Солнца примыкаетъ круглый дворъ, обнесенный стѣною съ полукруглыми углубленіями,

въ которыхъ подѣланы ниши для статуй. Вся постройка стоитъ на искусственномъ четырехстороннемъ холмѣ, наружныя стѣны котораго облицованы колоссальнѣйшими монолитами. Такъ, напримѣръ, съ одной стороны по всему фасаду храма Солнца лежатъ только три камня, каждый сажень пять длины и въ двѣ вышины; на нихъ положены глыбы, въ половину, или третью часть, меньше. Непонятно, какимъ образомъ онѣ были изсѣчены въ сосѣднихъ каменоломняхъ; какими способами доставлены къ мѣсту и какъ нагромождены другъ на друга. Чудное зданіе обращено въ развалины не столько невѣжествомъ завоевателей, сколько землетрясеніями, изъ которыхъ послѣднее случилось восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Наружная стѣна приспособлена арабами къ оборонѣ и представляетъ родъ крѣпостной ограды съ бойницами, сложенными изъ различныхъ обломковъ. Храмъ Юпитера замѣчательно сохранился, такъ что о немъ можно себѣ составить полное понятіе до мельчайшихъ подробностей. Онъ построенъ параллелограмомъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ галереей прелестнѣйшихъ коринѣскихъ колоннъ. Противъ входныхъ дверей, обращенныхъ на сѣверъ, видны слѣды двухъ рядовъ колоннъ, но изъ нихъ уцѣлѣли только три. На южной сторонѣ сохранились въ цѣлости тоже три колонны, и три въ половину; на восточной пять, изъ которыхъ одна прислонилась къ стѣнѣ. И, наконецъ, на западной сторонѣ, остался рядъ въ девять колоннъ, съ капителями и сводчатымъ потолкомъ богатѣйшаго рисунка, соединяющимъ колонны

со стѣною. Во внутренность храма входишь чрезъ великолѣпный порталъ, съ опустившимся среднимъ камнемъ, подъ который и подведенъ фундаментъ, съ цѣлю задержать разрушеніе.

Надо видѣть, какъ высѣченъ изъ камня рельефный узоръ, украшающій порталъ. Издали онъ кажется превосходнѣйшимъ венеціанскимъ кружевомъ. Внутри, вдоль стѣнъ, идутъ полукруглыя колонны, а въ простѣнкахъ между ними помѣщаются, въ узорчатыхъ рамкахъ, ниши для статуй. Всѣ стѣны въ ростъ человека исписаны именами путешественниковъ на всевозможныхъ языкахъ.

Вдоволь налюбовавшись развалинами, мы вернулись въ лагерь и отправились обѣдать подъ зеленый шатеръ, около котораго игралъ, къ сожалѣнію, нестройный хоръ музыки.

Послѣ безподобнаго заката солнца, озарившаго храмы и всю окрестность, когда, сбросивъ съ себя позолоту послѣднихъ лучей, вершины колоннъ и развалины сквозились чернымъ силуэтомъ въ нѣжныхъ переливахъ потухавшей зари, ихъ вдругъ освѣтили бенгальскими огнями. И безъ того колоссальныя, то исчеза, то ярко выдѣляясь изъ темнаго фона ночи, онѣ принимали фантастическіе образы и казались очарованному глазу еще втрое бѣльшими. Вслѣдъ затѣмъ сожгли фейерверкъ, который своими шутихами возбудилъ смѣхъ и веселье между нашими нукерами и жителями, пришедшими изъ города.

Предъ чаемъ Его Высочество пошелъ съ нами въ храмъ Юпитера посмотрѣть на свой шифръ,

высѣченный въ южной стѣнѣ противъ мѣста гдѣ, должно-быть помѣщался главный жертвенникъ. Дорогу освѣщали факелами; ихъ мерцающій красный свѣтъ терялся среди громадныхъ развалинъ, только вскользь выдѣляя изъ мрака какую-нибудь опрокинутую колонну, торчащій осколокъ, плиту, или груды камней.

Окончивъ свой дневникъ, я легъ и тотчасъ же крѣпко заснулъ, не смотря на вой шакаловъ и желаніе помечтать...

Утромъ встали въ шесть часовъ. Солнце уже поднялось, пока мы одѣвались, поспѣвая къ чаю. Палатки и вещи навьючивались на муловъ, при ужасной брани ихъ погонщиковъ. Глядя на нихъ, иногда мнѣ казалось, вотъ-вотъ подерутся, или схватятся за ножи. Ничуть не бывало; хватались, только не за ножи, а за вещи, и, быстро опрокидывая, убрали палатки. Предъ тѣмъ чтобы вскочить въ сѣдло, общество наше собралось у портала храма Юпитера и было очень удачно снято фотографомъ изъ Бейрута. Въ половинѣ девятого мы простились съ Геліополисомъ, и пройдя галерею, обогнали караванъ нашего обоза у каменоломень, въ которыхъ лежитъ чудовищный монолитъ, оставшійся отъ построекъ храма Солнца.

Сегодня мы должны, перевалить черезъ цѣпь Анти-Ливана до Зебедани, а завтра идти долиною Баррады къ Дамаску. Дорога тотчасъ же подымается въ горы, усыпана камнями, словно пескомъ; но привычныя лошади пробираются по ней какъ ни въ чемъ не бывало; только сиди да поддерживай поводъ, чтобы не споткнулись; въ болѣе трудныхъ мѣстахъ брось

поводъ и не мѣшай. Вначалѣ горы имѣють видъ не превышающихъ другъ друга холмовъ; идя, то поднимаешься, то опускаешься по ихъ круглымъ скатамъ, покрытымъ полями да тощею зеленью, по которой пасутся стада барановъ. Поля вспаханы. Часъ, два ходу, все то же скучное однообразіе. Но вотъ, наконецъ, предъ нами глубокая поперечная долина, съ лужайкою и быстрымъ ручьемъ, въ густоразросшейся зелени платановъ и тополей. Подъ тѣнью орѣховаго дерева, недалеко отъ ручья, палатка съ завтракомъ. Какъ манятъ прохладная тѣнь и мягкій коверъ палатки! Кажется, не далеко, но нѣтъ; чтобы добраться до цѣли, надо сначала спуститься по высохшему руслу громаднаго водопада. По крайней мѣрѣ такую казалась ведущая туда дорога. Слѣдуя примѣру другихъ, а отчасти и потому, что мнѣ надоѣло наклонное положеніе спины моей лошади, я слѣзъ съ коня и отдалъ его ѣхавшимъ сзади конвойнымъ. Прыгая съ камня на камень, чрезъ полчаса я добрался до завтрака и растянулся во всю длину на коврѣ. За завтракомъ мы обыкновенно получали холодное мясо, курицу, крутыя яйца, сыръ, виноградъ, изюмъ, миндаль и грецкіе орѣхи. Все это обильно орошалось краснымъ виномъ, хересомъ, коньякомъ и *моэ*, прелестнѣйшимъ кристалловиднымъ напиткомъ, называемымъ по-русски водою, а по-арабски *моэ*.

Обыкновенно къ завтраку мы приступали съ каннибальскимъ аппетитомъ и жаждою Тантала; подъ самый же конецъ пути сухая курица ужасно надоѣла. Но вотъ утолили голодъ и жажду. Отдыхаемъ. Ху-

дожникъ рисуеть. Я вытаскиваю изъ дорожной сумки дневникъ, чернильницу, перо и лѣнливо заношу все видѣнное по пути. Чрезъ часъ Великій Князь всталъ. На коней, и пошли къ ночлегу въ Зебеданъ. Съ этого мѣста долина стала живописна. Горы всевозможныхъ оттѣнковъ, между красно-бурымъ, желтымъ и синевато-сѣрымъ цвѣтами, близко сходились, образуя тѣснины, или разступались для полей и лужаекъ. На днѣ журчалъ и вился серебристою змѣйкой горный потокъ, пробиваясь по камешкамъ среди стройныхъ тополей и платановъ. Мы ѣхали гуськомъ. Тропа слѣдовала за направлѣнiемъ русла, подымалась на кручи; опускалась, то исчезая за глыбою выступавшей скалы, то пересѣкая обработанное поле, выбѣгала на лужайку, догоняя извивавшiйся въ сторонѣ ручей. Увлечшись такою лужайкой, я попалъ какъ бы въ западню, случайно устроенную каменными стѣнками. Мнѣ не хотѣлось возвращаться назадъ и потерять свое мѣсто въ ряду, а потому, не долго думая я взмахнулъ черезъ стѣнку, но конь мой упалъ. Я не успѣлъ вскочить, какъ онъ наступилъ мнѣ передними ногами на грудь. Къ счастью, я остался невредимъ, сѣлъ въ сѣдло и, не потерявъ своего мѣста, догналъ товарищей. Переѣхавъ два раза потокъ, мы очутились въ котловинѣ, у водяной мельницы; потомъ повернули направо и вышли къ деревнѣ, занимавшей входъ въ широкую долину. Съ лѣвой стороны ее окаймляли высокіе утесы, вершины которыхъ скрывались въ облакахъ. У входа въ долину мы встрѣтили нѣсколькихъ охотниковъ, которые

несли на шестахъ убитого медвѣдя. Долина эта такъ же плодородна, какъ и долина Бекаа, только въ ней больше виноградниковъ и садовъ, обращающихся у Зебедани въ цѣлые лѣса. Еще одна особенность: въ долинѣ Бекаа лежащіе на поляхъ камни имѣютъ форму плитняка, здѣсь же они бѣльшею частью овалны и сглажены какъ булыжникъ. Мѣстами они покрываютъ поля сплошнымъ слоемъ. Когда мы ѣхали, бѣльшая часть послѣднихъ была вспахана, а въ иныхъ мѣстахъ еще пахали на волахъ плугами и сѣяли по бороздѣ. Не далеко отъ Зебедани въ долину врѣзывается цѣпь холмовъ, какъ стрѣлка въ копытѣ. Мы держались лѣвой стороны и чрезъ часъ были въ Зебедани. Селеніе это лежитъ на скатѣ горы и издали походить на группу грудей, растущихъ плоскими шапками другъ изъ-подъ друга. Сады, окружающіе Зебеданъ, обнесены высокими изгородями; или же обсажены непроходимымъ терновникомъ различныхъ видовъ. Мы остановились у ручья на лужайкѣ. Обозъ пришелъ спустя два часа, усталый и измученный. Сырость и подымавшійся съ береговъ туманъ, заставили разбить лагерь на каменистомъ полѣ.

Въ ожиданіи обѣда, который поспѣлъ только къ 9 часамъ, развели костеръ и, разговаривая, отдыхали отъ утомительнаго перехода. Когда стемнѣло, неожиданно пріѣхалъ изъ Дамаска Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій ¹⁾ съ Фелейзенемъ, и

¹⁾ Его Высочество Принцъ Александръ Петровичъ торопился возвращеніемъ въ Петербургъ и не дѣлалъ съ нами путешествія по Сиріи и Палестинѣ.

привезли пакетъ на имя Великаго Князя съ первыми письмами. На другой день выступили въ половинѣ восьмага, послѣ часового хода; долина съ южнаго направленія круто своротила на востокъ. У самага поворота горы образуютъ тѣснину, а въ противоположной скалѣ, изъ двухъ пещеръ вытекаетъ двумя водопадами рѣка Баррады, орошающая нескончаемый рядъ садовъ до самага Дамаска. Дорога, обходя скалы вывѣтрившагося гранита и песчаника, проходитъ чрезъ узкіе корридоры, шириною не больше четырехъ аршинъ. Въ одномъ мѣстѣ мы взошли какъ бы въ лабиринтъ такихъ проходовъ, кончившійся котловиною. Представьте себѣ на первомъ планѣ зеленый лугъ, съ быстрымъ потокомъ; дальше переброшенный аркою мостъ; предъ мостомъ нагроможденные скалы, за нимъ роща со стройными тополями, наконецъ, за рощей, гранитный утесъ, образующій котловину. Для оживленія картины, вообразите себѣ нашъ пестрый поѣздъ, змѣйкой извивающійся по мосту и тропинкѣ. Казалось, вотъ заиграетъ музыка, изъ-за скалъ появятся воздушныя нимфы Армиды, плѣнятъ насъ танцами и опутаютъ волшебными чарами. За этою котловиною слѣдуетъ другая, гораздо большихъ размѣровъ. Въ ея отвѣсныхъ скалахъ вырублены пещеры и изсѣчены человѣческія фигуры. Намъ говорили, что въ нихъ обитали языческіе отшельники. Чтобы попасть въ нихъ, должно быть они спускались по веревкамъ. Съ этой котловины, Баррада становится шире и начинается непрерывный рядъ садовъ до самага Дамаска. Изъ деревьевъ преобладали: орѣховое, гра-

натовое, апельсинное и фиговое, но были и такія, которыхъ названія я не зналъ. На одной горѣ намъ показали могилу Хама. Черезъ три часа подошли къ Айнъ-Фиджи и остановились для завтрака. Около водопада стоитъ каменная часовня въ память посѣщенія Магометомъ, который, какъ рассказываетъ преданіе, дойдя до этого мѣста, напился у водопада воды и прельстившись роскошною растительностью, сказалъ: «Дальше не пойду, потому что если я переступлю въ земной рай, то не попаду въ небесный».

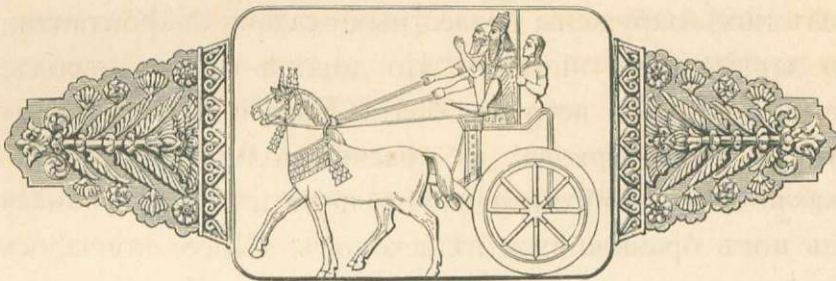
У подножія крутаго утеса, среди густо растущихъ тополей и орѣховыхъ деревьевъ, стоятъ неопредѣленнаго вида развалины съ темнымъ сводомъ. Изъ-подъ свода спокойною поверхностью вытекаетъ ключъ въ полукруглый бассейнъ, откуда, ниспадая каскадомъ, быстро несется въ Барраду. Уголочекъ этотъ такъ красивъ, что служитъ жителямъ Дамаска мѣстомъ увеселительныхъ поѣздокъ.

Отдохнувъ часа полтора, двинулись дальше, завернули въ первую поперечную долину и, среди рѣдкихъ рядовъ фиговыхъ плантацій, поднялись на площадку. Сады исчезли. Предъ нами плоская возвышенность съ оврагами, каменистою почвой и тощими остатками травъ выжженныхъ солнцемъ. Идемъ чась. Вдали показались какіе-то всадники. Все безжизненно и томить однообразіемъ. Мы, кажется, немного плуваемъ. Лошади измучились, еле поспѣваютъ за ходкимъ конемъ Его Высочества. Солнце калитъ. Нестерпимо жарко. Уже нѣкоторые изъ насъ стали терять терпѣніе, не предвидя конца, а тутъ говорятъ,

что мы слишкомъ взяли вправо и дѣлаемъ крюкъ по крайней мѣрѣ на часъ.

Наконецъ-таки достигли противоположныхъ горъ и выѣхали на шоссе у моста черезъ Барраду, которая обѣгаетъ съ юга пройденный нами путь.





ГЛАВА IX.

ВЪѢЗДЪ ВЪ ДАМАСКЪ. — НАШЕ ПОМѢЩЕНИЕ И ВНУТРЕННОСТЬ ДОМА ВЪ ДАМАСКЪ. — ИЗУВѢРНАЯ СЕКТА ШЕЙХА ИБРАГИМА. — ПРОКОЛОТЫЯ ЩЕКИ. — ВОЛЧОКЪ. — СКОРПИОНЫ. — ЖАРОВНЯ. — БАНЯ. — ВОЛШЕБНЫЙ САДЪ.

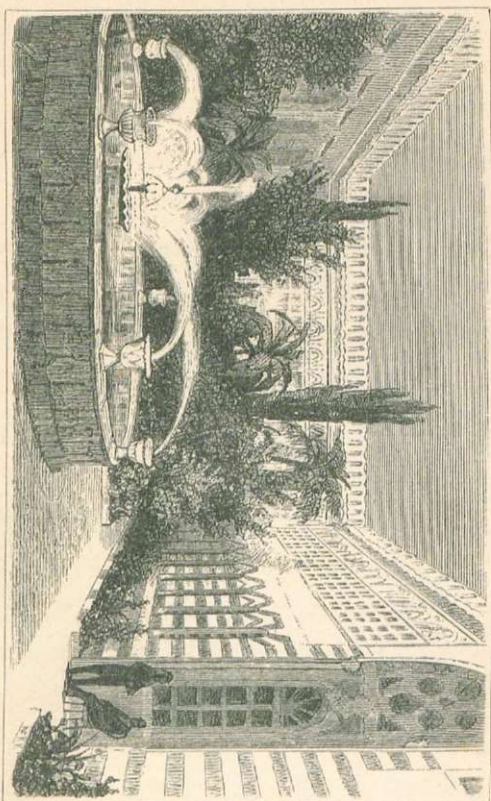


На мосту встрѣтилъ Его Высочество нашъ дамаскій консулъ Юзефовичъ, а чрезъ десять минутъ мы подъѣхали къ почетному караулу и палаткамъ, у которыхъ ожидали Великаго Князя генераль-губернаторъ, муширь¹⁾, консулы различныхъ державъ и эмиръ Абд-эль-Кадеръ²⁾. Послѣ представленія перешли въ палатку, гдѣ былъ накрытъ столъ съ фруктами и различными напитками. Къ великому удовольствію на встрѣчу намъ послали экипажи и послѣднія десять верстъ мы сдѣлали въ коляскахъ. Шоссе вдоль берега Баррады обстроено рядомъ дачъ. Многія

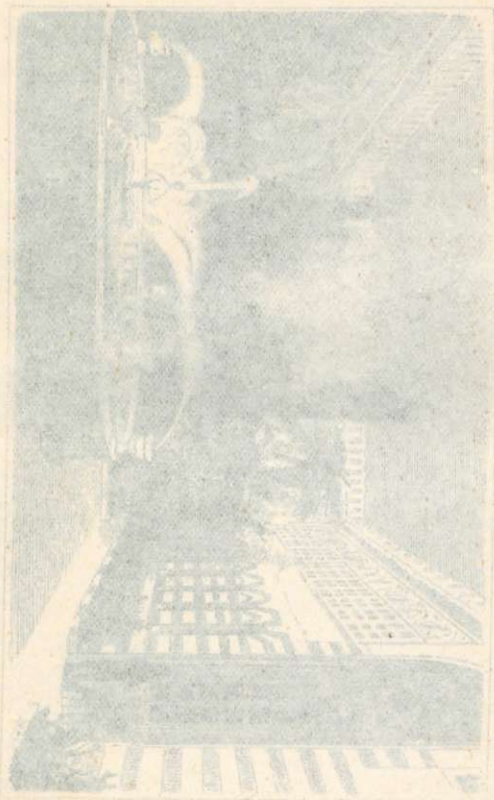
¹⁾ Командующій войсками.

²⁾ Абд-эль-Кадеръ произносятъ съ долгимъ *а*.

изъ нихъ окружены прелестными садами съ фонтанами и затѣйливыми кіосками. По дорогѣ стоялъ народъ, вышедшій для встрѣчи брата Бѣлаго Царя. Нѣкоторые были верхомъ, на красивыхъ лошадяхъ, лошакахъ, ослахъ, обгоняли другъ друга и скакали, сбивая съ ногъ бранившихся пѣшеходовъ. Шоссе кончалось открытымъ полемъ впереди Дамаска. Начиная отъ чисто-восточнаго характера города, съ плоскими крышами, пологими куполами, высокими минаретами и распушенными какъ зонтики пальмами, до войскъ и пестрой толпы народа — включительно, все характерно представляло Востокъ, яркій красками и солнцемъ. Ни одинъ европейскій костюмъ не нарушалъ картины. Турки, арабы, бедуины, негры, греки, армяне и даже евреи, всѣ были въ національныхъ костюмахъ; женщины, въ бѣлыхъ чадрахъ, украшали крыши и всѣ возвышенныя мѣста. Вдоль шоссе стояла бригада турецкой пѣхоты съ двумя баттареями, двумя эскадронами драгунъ на лошадяхъ, однимъ эскадрономъ на лошакахъ, и однимъ на верблюдахъ: на каждомъ верблюдѣ сидѣло по два драгуна. Когда мы проѣхали, то я видѣлъ, какъ они сдѣлали заѣздъ направо по три и пошли рысью. Площадь кончалась каменнымъ мостомъ чрезъ Барраду, который упирался въ городскія ворота. Не успѣли мы въ нихъ въѣхать, какъ надо было выйти изъ колясокъ и идти пѣшкомъ, потому что въ узкихъ глинобитныхъ улицахъ Дамаска экипажи не могутъ вездѣ проѣхать. Протолпившись чрезъ крытый базаръ, пройдя нѣсколько улицъ, шириною не болѣе трехъ шаговъ,



Въ одной сторонѣ, ближе ко входу, овальный бассейнъ съ фонтанами, бьющими
по четыремъ сторонамъ; дайте садъ.



Въ оной сторонѣ, ближе къ холу, омавний бассейнъ съ фонтаномъ, бывшимъ
по чистящей сторонѣ; дѣль садъ.

мы наконецъ остановились предъ маленькою дверью и вошли въ домъ. О, чудо! предъ нами дворецъ и волшебный садъ изъ *Тысячи и Одной Ночи*. Не выхожу изъ очарованія; все видѣнное съ утра представляется мнѣ какъ бы сказочнымъ сномъ.

Да что и говорить! Въ обыкновенные дни на Востокѣ оживлены только базары, на улицахъ же вонь и грязь, а вмѣсто всякихъ украшеній вымазанныя глиною стѣны; такой видъ вовсе не привлекателенъ для обыкновеннаго путешественника. Мы же видѣли Востокъ, такъ-сказать, въ парадномъ одѣянїи, оттого можетъ-быть и покажется, что я преувеличиваю. Приготовленный для насъ домъ былъ обставленъ всевозможною роскошью. Большой четырехсторонній дворъ выложенъ мраморомъ, кругомъ такія же стѣны украшены богатыми рисунками, въ особенности около оконъ, дверей и арокъ. Въ одной сторонѣ, ближе ко входу, овальный бассейнъ съ фонтанами, бьющими по четыремъ сторонамъ изъ пастей бронзовыхъ драконовъ; далѣе садъ изъ лимонныхъ, померанцевыхъ и лавровыхъ деревьевъ, граціозныхъ пальмъ, розъ, аканфовъ и мелкой зелени миртъ среди прелестныхъ цвѣтниковъ. По стѣнамъ и навѣсамъ раскинуты сѣти всевозможныхъ вьющихся и ползучихъ растений. Всѣ комнаты имѣютъ выходъ на дворъ, гдѣ чрезъ стеклянную галерею, гдѣ по причудливой лѣсенкѣ, гдѣ прямо на мраморный помостъ. Противъ большаго бассейна расположены прїемные покои. Съ правой стороны высокая арка и открытая комната, по сторонамъ которой устроены двѣ гостиныя. Изъ нихъ

одна съ маленькимъ фонтаномъ изъ розоваго мрамора, отдѣлана такого же цвѣта штофомъ, другая отличается только голубымъ цвѣтомъ обивки, усыпанной золотыми блестками. Съ лѣвой стороны большая зала съ двумя эстрадами ¹⁾ по концамъ и одною въ средней нишѣ: мебель стоитъ на эстрадахъ, отдѣлана краснымъ штофомъ и инкрустаціями ²⁾; полы на эстрадахъ покрыты толстыми коврами, стѣны — сплошными узорами; небольшой ниши заставлены блюдами и чашами китайскаго фарфора, каминъ въ зеркалахъ, а среди всего, само собою разумѣется, фонтанъ въ бассейнѣ изъ разноцвѣтнаго мрамора. Высокій сводчатый потолокъ, весь въ мелкихъ орнаментаціяхъ, пестро раскрашенъ и покрытъ позолотой. Всѣхъ насъ размѣстили по два въ спальняхъ, принадлежащихъ супругамъ нашего хозяина. Каждая имѣла высокій полъ съ широкими мѣдными постелями, подъ кисейнымъ балдахинномъ, мягкіе ковры, диваны, табуреты, умывальники и шкафы.

Рядомъ съ описаннымъ дворомъ, такой же мраморный дворъ, но гораздо проще: вмѣсто сада помѣщались около бассейна четыре лимонныя деревья, а стѣны были раскрашены въ два тона, коричневый

¹⁾ Въ восточныхъ домахъ всѣ комнаты устроены такимъ образомъ, что двѣ трети пола, или его половина приподняты (какъ эстрада) на футъ или на полтора фута и всегда покрыты коврами. На возвышенной части пола ставятъ мебель или отоманки; остальная же часть преимущественно выкладывается мраморомъ, плитамъ или оставляется съ землянымъ поломъ.

²⁾ Дамаскъ славится столярными работами съ инкрустаціей. Особенно изящно дѣлають табуреты. Мы видѣли улицу, въ которой занимаются этимъ мастерствомъ.

съ краснымъ. Въ одной изъ комнатъ, окружавшихъ дворъ, былъ накрытъ столъ. Послѣ обѣда, къ которому были приглашены генераль-губернаторъ и муширъ, нашъ консулъ предложилъ Его Высочеству посмотрѣть на служеніе послѣдователей секты шейха Ибрагима.

У магометанъ, кромѣ главнаго подраздѣленія на шіитовъ и суннитовъ, есть множество тайныхъ и явныхъ расколовъ ¹⁾; послѣдніе, болѣе или менѣе отступая отъ основныхъ положеній корана, иногда сопровождаютъ свои служенія какими-нибудь своеобразными обрядами и живутъ подъ главенствомъ старѣйшаго изъ рода основателей секты. Особенность секты шейха Ибрагима заключается въ томъ, что послѣдователи ея, во время пѣнія молитвъ во славу Бога и Его Пророка, добровольно претерпѣваютъ различныя мученія, которыя, «по милости Магомета», не оставляютъ послѣ себя никакихъ послѣдствій. Вѣрующій можетъ, за условную плату, заказать извѣстныя мученія, а такъ какъ дѣйствующія лица все больше одни и тѣ же, то можно подозрѣвать, что обманъ играетъ тутъ главную роль. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе весьма сильно и надо имѣть крѣпкіе нервы, чтобы спокойно глядѣть на всѣ ихъ продѣлки.

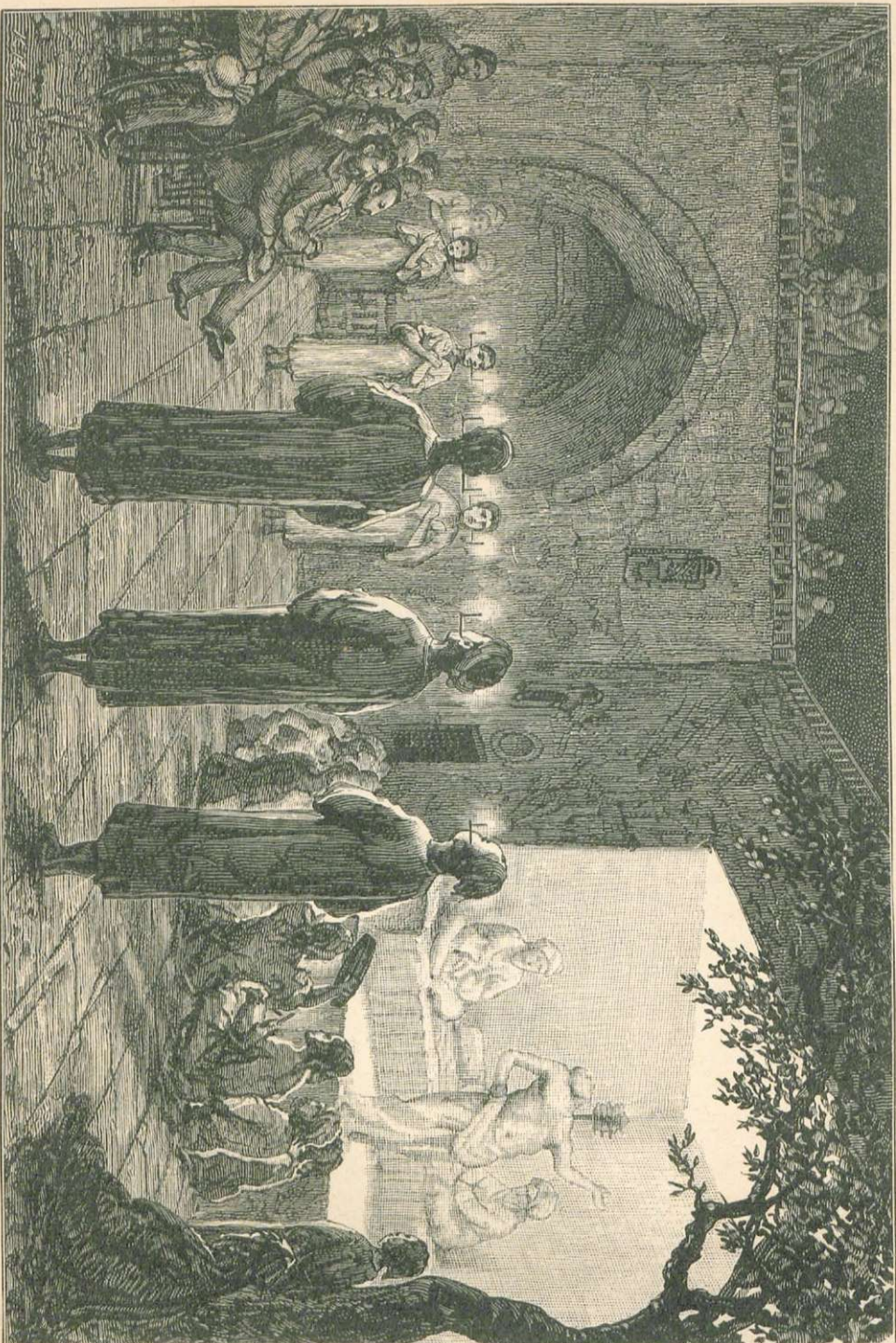
Мы отправились, предшествуемые кавассами и солдатами, которые несли большіе фонари и освѣщали путь. Путешествіе наше, длившееся полчаса, напоминало ночную прогулку по мрачнымъ закоул-

¹⁾ Около семидесяти извѣстныхъ сектъ.

камъ какого-нибудь средневѣковаго города, когда съ обходомъ ночнаго дозора, объявлявшаго *sonne* feu, огни тушились, улицы запирались воротами и загораживались рогатками, а запоздавшему горожанину приходилось или оставаться тамъ, гдѣ его застигли потемки, или, рискуя кошелькомъ и шеей, пробираться къ дому, освѣщая самому себѣ путь фонаремъ. Темныя, узкія улицы, шириною не больше трехъ шаговъ, казались какими-то крытыми ходами отъ сходящихся наверху навѣсныхъ балконовъ. Дурно вымощенныя, онѣ были такъ грязны, что мѣстами приходилось перепрыгивать съ камня на камень, натываясь на уличныхъ собакъ, которыя или подымали страшный лай и визгъ, если имъ приходилось уступать дорогу, или же не обращали на насъ никакого вниманія и мы шагали чрезъ нихъ. Въ одномъ мѣстѣ, перейдя площадку, пришлось идти чрезъ базаръ, казавшійся при мерцающемъ свѣтѣ фонарей какою-то непонятною постройкой изъ бревенъ и досокъ, сложенныхъ во всевозможныхъ направленіяхъ.

У воротъ каждый разъ подымали стукъ, чтобы разбудить сторожей, которые, послѣ краткихъ переговоровъ, отворяли тяжелые запоры и пропускали насъ. Наконецъ мы остановились предъ ярко освѣщеннымъ входомъ, гдѣ стоялъ караулъ.

Вошли. Дворъ съ мраморною площадкой, развѣсистыми деревьями, бассейномъ въ сторонѣ и рѣшеткой вокругъ крыши. Въ одной стѣнѣ ниша, съ гробницей основателя секты, почитаемаго за святаго; въ другой, на эстрадѣ, небольшая ком-



Затѣмъ насъ пригласили занять мѣста во дворъ противъ открытой комнаты, ярко освѣщенной висѣющими лампами.

ната съ диванами, которая со двора походила на открытую сцену.

Когда мы пришли, молодой человѣкъ, съ худымъ продолговатымъ лицомъ, орлинымъ носомъ и большими, но весьма обыкновенными глазами, встрѣтилъ Его Высочество на порогѣ и провелъ въ особую диванную, гдѣ мы должны были принять угощеніе, состоявшее изъ кофе и шербета. Затѣмъ насъ пригласили занять мѣста во дворѣ противъ открытой комнаты, ярко освѣщенной висячими лампами. Весь остальной дворъ былъ въ полумракѣ. На крышахъ можно было отличить много народу, устремившаго все свое вниманіе на Его Высочество и свиту.

Внизу кромѣ адептовъ секты не было никого; старѣйшіе изъ нихъ сидѣли на сценѣ, младшіе, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, стояли подъ деревьями. Пять человѣкъ расположились вокругъ жаровни на площадкѣ предъ эстрадою; сидя на козыхъ шкурахъ, они нагрѣвали свои огромные тамбурины. Когда мы усѣлись, они мѣрно забили въ тамбурины, и шесть человѣкъ взошли на возвышеніе, кланяясь шейху и цѣлуя его руки. Онъ бралъ изъ ящичка длинныя иглы и протыкалъ имъ щеки, вставляя на концы иголокъ зажженные восковыя свѣчи. Претерпѣвъ операцію, они сходили внизъ и становились другъ противъ друга на площадкѣ. Лица ихъ были словно изъ воску: открытый ротъ, сложенные крестомъ на груди руки и безжизненный взглядъ производили непріятное впечатлѣніе. Между ними одинъ мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, стоялъ недалеко отъ насъ. Я вста-

валь, какъ и многіе изъ насъ, разсматривалъ его щеки и утвердительно могу сказать, что иглы ихъ протыкали. Повидимому, это также возможно, какъ возможны серьги въ ушахъ и ноздрахъ. Дирочка была замѣтна для глаза; когда же у нихъ вынули иглы, то у мальчика изъ щеки сочилась капелька крови. Около этого мальчика стоялъ плотный, коренастый негръ; онъ былъ блѣденъ и трясся всѣмъ тѣломъ, чуть не падая въ обморокъ, но его ударяли ладонью въ носъ и такимъ образомъ приводили въ чувство. Приглядѣвшись и преодолевъ неприятное чувство, возбуждаемое этимъ зрѣлищемъ, я заподозрилъ негра въ притворствѣ, въ чемъ потомъ и убѣдился. Когда кончилось протыканіе щекъ, явился обнаженный человѣкъ съ птичьимъ лицомъ, волосами выбритыми до темени и длинными на затылкѣ. Завертѣвъ желѣзный волчокъ, длиною въ восемь вершковъ, со множествомъ побрякушекъ, онъ втыкалъ его въ лицо, грудь, животъ; при этомъ страшно кривлялся, какъ бы дѣлая усилія надъ собою, чтобы рѣшиться на производимую волчкомъ боль. Потомъ онъ взялъ саблю и сталъ ею стегать свое тѣло, а въ довершеніе легъ на полъ и воткнулъ ее въ животъ, на рукоятку же поставили какого-то старика, сидѣвшаго на самомъ почетномъ мѣстѣ. Во все время этихъ упражненій, пѣніе молитвъ, сопровождаемое ударами въ тамбурины, глядя по силѣ мученій, то замедлялось, то возрастало, то обращалось въ ужасный ревъ, который долженъ былъ возбуждать рѣшимость и заглушать боль.

Затѣмъ вынули изъ щекъ иглы, а негръ выпустилъ изъ своей фески трехъ скорпіоновъ, которые, почуя свободу и задравъ хвосты, побѣжали во всѣ стороны, но негръ хваталъ ихъ руками, и страшно крича и жестикулируя, двухъ изъ нихъ разжевалъ, а третьяго опять спряталъ на головѣ подъ фескою. Птичья же фізіономія принесла раскаленное до красна желѣзо, брала его въ зубы и лизала. Для заключенія втащили жаровню, въ родѣ большаго таза. Негръ выхватилъ горячій уголь и съѣлъ его, а субъектъ съ птичьимъ лицомъ снялъ туфли и сталъ метаться во всѣ стороны, хватаясь за голову, пряча лицо на груди подошедшаго къ нему старца. Наконецъ, при оглушительномъ ревѣ и боѣ тамбуриновъ, его подхватили подъ руки и поставили на горячіе уголья: онъ страшно корчился, пока чрезъ нѣсколько секундъ его не вынесли безъ чувствъ, что не помѣшало ему однако же явиться чрезъ минуту и получить нѣсколько золотыхъ.

Зная фанатизмъ Востока, меня сначала коробило, но потомъ я пришелъ къ убѣжденію, что это болѣе или менѣе ловкое жонглерство. Вѣрно лишь то, что негръ съѣлъ двухъ скорпіоновъ, птичья фізіономія держала въ зубахъ и лизала раскаленное желѣзо, и щеки прокалывались иглами.

Поблагодаривъ шейха и простившись съ нимъ, на возвратномъ пути мы зашли въ заранѣе приготовленную баню. При весьма роскошномъ устройствѣ, она имѣла громадный недостатокъ — была холодна.

Для русскаго челоуѣка холодная баня немислима, а потому и я остался холоденъ къ ея бассейнамъ, фонтанамъ, мраморнымъ поламъ и неискуснымъ баньщикамъ.

Возвратясь домой, мы были пріятно поражены освѣщеніемъ нашего волшебнаго пріюта. Кругомъ бассейна горѣлъ непрерывный рядъ лампъ, на деревьяхъ висѣли цвѣтные фонари, а по грядкамъ искрились крошечные шкалики. Отдохнувъ и напившись чаю съ товарищами, я вытащилъ свой дневникъ, чтобы сколько-нибудь занести въ него богатый впечатлѣніями день.

Выбравъ уютное мѣстечко, я принялся за дѣло, но усталость клонила меня ко сну, а фонтаны въ бассейнѣ непрерывно журчали, возбуждая своимъ серебристымъ говоромъ невольныя грезы. Напряженное съ утра воображеніе уже не признавало границъ; мечта смѣнялась мечтою и я болѣе не отличалъ дѣйствительности. То мнѣ представлялась голая степь съ ея палящимъ зноемъ, и я ѣхалъ въ рядахъ суровыхъ крестоносцевъ, томясь жаждою и тяжестью латъ, то безсвязный лепетъ ручейка, въ прохладной тѣни пальмъ и густой растительности, переносилъ меня въ волшебные сады съ восхитительными женщинами. Вотъ я въ Дамаскъ, окруженъ пестрою толпою арабовъ. Вотъ и мои излюбленные друзья дѣтства: Али, бѣдный Хассанъ; а тамъ черные невольники несутъ на могучихъ плечахъ тюки съ товарами, за ними идетъ статный юноша въ богатой шелковой одеждѣ, это вѣрно счастливый Синбадъ-

мореходецъ.... Странно, что́ это за черные глаза смотреть на меня изъ-подъ бѣлой чадры? Какъ жгучь ихъ взоръ.... я не могу его выносить.... онъ пронизываетъ все мое существо. Хочу бѣжать, но ноги словно изъ свинца.... дѣлаю страшное усиліе.... падаю.... подо мною сыплются камни.... разверзается темная пропасть.... и.... я просыпаюсь.

Отъ неловкаго положенія у меня затекла рука и по ней бѣгали мурашки. Дневникъ лежалъ на полу, перо далеко откатилось. Я посмотрѣлъ на фонтаны, они также журчали, а въ воздухѣ носился нѣжный ароматъ отъ окружавшихъ меня цвѣтовъ и деревьевъ.

Вотъ онѣ, чары Востока! Вотъ что́ усыпляетъ трезвый разумъ однообразнымъ нашептываніемъ, давая просторъ фантазіи. Вотъ оно, ядовитое, но сладостное дыханіе, опьяняющее сердце и горячащее кровь. Противъ ихъ союза трудно устоять; пойду лучше спать. Завтра допишу дневникъ.





ГЛАВА X.

ДАМАССКІЕ ТОВАРЫ. — БАЗАРЪ. — МЕЧЕТЬ ОМАЯДОВЪ. — ЧАСОВНЯ ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ. — ВИДЪ ДАМАСКА. — НЕВОЛЬНИЧІЙ РЫНОКЪ. — СЕКТА ВРАЩАЮЩИХСЯ ДЕРВИШЕЙ МЕВЛЕВИСЪ. — МУЗЫКА. — УЧЕНІЕ БРИГАДЫ АКИФЪ-ПАШИ. — ОБѢДЪ У ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА. — ФЕЙЕРВЕРКЪ. — ВЕЧЕРЪ НАШЕГО КОНСУЛА. — ЕВРЕЙКА СААДА. — СЛѢПОЙ ГУСЛЯРЪ. — ТАНЕЦЪ.

Ва послѣдніе четыре дня мы порядочно утомились, а потому сегодня отдыхали до 8 часовъ утра. Тѣмъ временемъ купцы разложили цѣлый магазинъ восточныхъ товаровъ въ открытой комнатѣ и на дворѣ. Тутъ были: дамасскія шелковыя матеріи, газы, ковры, шали, абаіе, кефіе ¹⁾; различные азіятскія вооруженія, мечи, копья, дротики, стрѣлы, кольчуги, щиты и бармы съ великолѣпною золотою насѣчкой; чубуки, бирюза, золотыя украшенія; фарфоровыя и серебряныя приборы для кофе; мѣдные тазы, кувшины

¹⁾ Шелковый полосатый платокъ, носимый на головѣ и служащій защитой отъ палящихъ лучей солнца.

и блюда съ орнаментациями, табуреты съ инкрустаціей и пр. и пр. Я нарочно перечислилъ всѣ эти предметы, чтобы намѣтить промышленность Дамаска. Не говоря о достоинствѣ матерій, которыя пользуются заслуженною славой, всѣ металлическія работы чрезвычайно хороши. Знаменитаяковка оружія прекратилась со времени покоренія Дамаска Тамерланомъ, за то теперь оружейники весьма искусно поддѣлываютъ старинное оружіе, въ особенности украшенное золотою насѣчкой.

Его Высочество и вся свита купили много вещей. Конечно, за все запрашивалось въ тридорога, но потомъ уступалось сравнительно за недорогую цѣну, въ особенности вещи изъ шелка, въ родѣ шалей, платковъ и тканей. Въ 11 часовъ мы пошли гулять по городу и осмотрѣть знаменитую мечеть Омаядовъ. Несмотря на свою древность, Дамаскъ не богатъ памятниками старины, къ тому же бѣольшая часть построекъ сдѣлана фасадами во дворъ, на улицу же выходятъ только глинобитныя стѣны. Оно и понятно: деспотизмъ Востока уважаетъ гаремъ и останавливается предъ его дверьми, а потому обыватели скрываютъ свои богатства во внутреннихъ недоступныхъ для всякаго комнатахъ и здѣсь окружаютъ себя всевозможною роскошью.

Сначала мы обошли базаръ: онъ весьма обширенъ, построенъ преимущественно изъ дерева, и подобно всѣмъ базарамъ на Востокъ въ немъ на тѣхъ же нарахъ и производство и торговля. За нѣкоторыми рядами устроены каравансарай, въ которыхъ останав-

ливаются заѣзжіе купцы. Торговля Дамаска весьма значительна, особенно во время сборовъ большаго каравана меккскихъ поклонниковъ. Въ это время населеніе города возрастаетъ отъ 120 до 170 тысячъ.

Обходя различные ряды, останавливаясь предъ искусными ремесленниками, мы, наконецъ, подошли къ высокимъ воротамъ, запиравшимъ улицу; насъ пропустили черезъ калитку во дворъ главной мечети, извѣстной подъ именемъ мечети Омаядовъ. У магометанъ она почитается священнѣйшимъ мѣстомъ послѣ Мекки, Медины и мечети калифа Омара въ Іерусалимѣ. Сначала это былъ христіанскій соборъ въ честь Св. Іоанна Крестителя, что подтверждается и формою его постройки. Когда же калифъ Омаръ завоевалъ Дамаскъ, то онъ занялъ половину собора подъ мечеть, а черезъ 72 года калифъ Валидъ I, изъ дома Омаядовъ, откупилъ у христіанъ и остальную половину. По преданію, въ мечети этой хранится голова Іоанна Предтечи, въ часовнѣ, устроенной среди главнаго нефа.

Говорятъ, что въ ней число оконъ соотвѣтствуетъ числу дней въ году, и будто каждое окно раздѣлено на двѣнадцать частей, показывающихъ часы дня. Окно, дѣйствительно, очень много, но это должно-быть вымыселъ, какъ и многое другое, рассказываемое о мечети, въ которую доступъ христіанамъ строжайше воспрещенъ. Главный дворъ очень обширенъ, по срединѣ его кіоскъ съ фонтанами, кругомъ аркады. Бывшій соборъ занимаетъ южную сторону и по наружному фасаду обнесенъ четырехугольными массив-

ными колоннами ¹⁾), на которыхъ покоятся арки, съ рядомъ продолговатыхъ оконъ. Предъ тѣмъ какъ насъ впустить въ храмъ, намъ одѣли туфли на сапоги.

Внутри два ряда четырехугольныхъ колоннъ поддерживаютъ своды. Съ правой стороны высокія окна во всю стѣну прекрасно освѣщаютъ внутренность. Съ лѣвой, окна идутъ только до половины. Стѣны оштукатурены; говорятъ, что подъ штукатуркой скрыты разноцвѣтные кафли, изразцы. Противъ середины входной стѣны слѣлана рѣшетка, за которою наставлены пюпитры съ огромными книгами. За ними сидѣли и читали взрослые и дѣти. При мечети библіотека со многими рукописями.

Пройдя мими часовни Іоанна Крестителя, въ которой за рѣшеткой стоялъ громаднѣй саркофагъ, покрытый шелковымъ одѣяломъ, мы взошли на минаретъ, чтобы полюбоваться видомъ Дамаска.

Дѣйствительно, стоило труда взбираться по крутымъ и высокимъ ступенямъ, чтобы поглядѣть съ высоты птичьяго полета на это царство садовъ!

Городъ лежитъ подобно громадному цвѣтнику овальной формы по обѣимъ сторонамъ скрывающейся въ немъ рѣки Баррады; между зеленью высокихъ деревьевъ стелятся какъ бѣлыя скатерти площадки различной величины плоскихъ крышъ; между ними видны выложенные узорами колодцы съ зелеными тычинками: это дворы съ ихъ красивою внутрен-

¹⁾ Каждая колонна украшена различнымъ рисункомъ и своеобразною капителью.

ностью и тѣнистыми садиками. Кругомъ города на далекое разстояніе золотистая равнина, а за нею охватывающая всю картину цѣпь Анти-Ливана со снѣжною вершиной горы Хермонъ, которая связываетъ какъ бы громадною жемчужиной двѣ расходящіяся вѣтви горъ.

Когда я спустился съ минарета съ двумя товарищами, то Его Высочество ушелъ уже домой завтракать. Н. Д. Макѣевъ попросилъ сопровождавшаго насъ турецкаго офицера показать намъ невольничій рынокъ. Любопытно, что официально торговля невольниками запрещена, но на дѣлѣ ихъ всегда можно купить въ извѣстныхъ каравансараяхъ, устроенныхъ, какъ выше было сказано, среди базара.

Мы были въ Дамаскъ въ глухое время года, потому въ двухъ каравансараяхъ ничего не нашли; но въ третьемъ продавались двѣ негритянки.

Войдя черезъ ворота въ четырехугольный дворъ, по тремъ сторонамъ котораго расположены жилища помѣщенія, съ четвертой же сараи для лошадей и верблюдовъ, мы поднялись въ лѣвомъ углу по лѣстницѣ въ башню: тамъ сидѣли двѣ негритянки, подъ приоткрытымъ шестнадцатилѣтняго евнуха. Одной цѣна была 60 рублей, другой 90 рублей на наши деньги; послѣдняя была стройнѣе и моложе первой. На стѣнѣ висѣли ручныя цѣпи и плеть, въ углу стояла кровать.

Послѣ завтрака, Его Высочество пожелалъ посмотрѣть на вертящихся дервишей, секты мевлевистъ. Мы отправились пѣшкомъ и черезъ четверть часа были въ монастырѣ.

На чистомъ дворѣ, обнесенномъ заборомъ, стояла мечеть съ пологимъ куполомъ и двумя минаретами. Ее окружалъ садъ съ кладбищемъ и жилыми покаями. На порогъ встрѣтилъ Великаго Князя шейхъ, сѣдой старикъ, въ темно-зеленой *абаіе*, спущенной до полу, и съ такого же цвѣта повязкой на бѣломъ тюрбанѣ. За нимъ стояли дервиши въ коричневыхъ плащахъ и высокихъ войлочныхъ шапкахъ.

Шейхъ выразилъ удовольствіе видѣть въ своей обители брата Бѣлаго Царя и прибавилъ: «посмотрите на наше служеніе Господу, хотя, можетъ-быть, оно Вамъ не ново, потому что мы знаемъ, что у васъ, русскихъ, нѣкоторые исполняютъ этотъ обрядъ». Должно-быть они слышали о нашихъ хлыстахъ и ихъ радѣніяхъ.

Внутри мечеть въ небольшихъ размѣрахъ походила на устройство нашихъ соборовъ и именно тою частью, надъ которою расположенъ куполъ. Подъ четырьмя арками между основныхъ колоннъ стояли диваны; пространство пола между ними огорожено невысокою рѣшеткой.

Насъ усадили въ сторонѣ противоположной входу. За нами была комната, въ которой стояли нѣсколько саркофаговъ (надъ могилами умершихъ шейховъ), отдѣлявшихся отъ насъ желѣзною рѣшеткой во всѣ вышины арки. Влѣво отъ насъ возвышались хоры, гдѣ сидѣли музыканты съ тамбуринами и гармоніумомъ. Когда мы усѣлись, взошли по-парно и сдва слышно человѣкъ двадцать босыхъ дервишей; сложя крестомъ руки на груди, они разошлись вдоль

рѣшетки и сѣли на полъ. Для шейха подостлали въ правомъ углу коверъ.

Служба началась молитвой шейха, которую онъ произнесъ стоя. Дервиши преклонились къ землѣ. Музыканты отвѣчали на распѣвъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ возгласовъ ударили въ тамбурины и начались тихіе переливы звуковъ на гармоніумѣ. Одновременно дервиши сдѣлали земной поклонъ, ударивъ ладошами по полу, затѣмъ встали, сбросили съ себя коричневые плащи и остались въ бѣлыхъ рубашкахъ и юбкахъ ¹⁾, спущенныхъ до полу. Потомъ повернулись направо, наклонили головы, скрестили руки на груди и шагъ за шагомъ стали подходить къ шейху. Поклонясь и поцѣловавъ его плечо, они получали благословеніе и опять кланяясь, какъ бы вдохновенные его прикосновеніемъ, начинали плавно вращаться, все подвигаясь вдоль рѣшетки. Между тѣмъ тихіе звуки гармоникорда, въ двухчетвертномъ тактѣ, переплетаясь между собою, мало-по-малу начали возрастать все быстрѣе и быстрѣе, смѣняя другъ друга. Тамбурины акомпанировали имъ ударами при началѣ каждого такта; потомъ удваивали, утраивали и, наконецъ, все усиливаясь, доходили до шести ударовъ въ продолженіе такта. Слѣдуя музыкѣ, дервиши продолжали свое круженіе, все увеличивая его скорость по мѣрѣ возрастанія звуковъ, до неожиданнаго рѣзкаго обрыва послѣднихъ, съ которымъ они останавливались какъ вкопанные. Послѣ краткой молитвы вращеніе повторя-

¹⁾ Внизу юбокъ вшиты тяжести.



Поклонясь и поцѣловавъ его плечо, они получили благословеніе и опять кланяясь какъ бы вдохновенные его прикосно-
веніемъ, начинали плавно вращаться.

лось въ томъ же порядкѣ, только съ бѣльшею скоростью и, кромѣ того, трое вертѣлись какъ волчки въ одной точкѣ по срединѣ общаго круга.

При третьемъ разѣ круженіе достигло бѣшенной скорости, причемъ и самъ шейхъ принялъ участіе, поднимая голову къ небу и граціозно придерживая правою рукою полы своей одежды. Остальные кружились въ различнѣйшихъ позахъ: кто скрестивъ руки и подобострастно наклоняясь; кто разведя руки или заложивъ правую за голову, а лѣвую держа у сердца. Многіе вращались съ большою ловкостью и даже граціей. У всѣхъ глаза были закрыты. У нѣкоторыхъ лица выражали блаженное состояніе. Подъ конецъ движеніе достигло такой быстроты, что фигуры принимали какіе-то неопредѣленные очертанія, а глядя на нихъ голова кружилась.

Служба окончилась молитвою шейха за здравіе Султана и Его Высочества. Не знаю какъ другимъ, но мнѣ понравились вращающіеся дервиши, въ особенности послѣ изувѣрныхъ фокусниковъ секты шейха Ибрагима. Къ тому же было такъ тепло, свѣтло, ничто не раздражало нервы, а напротивъ, вмѣсто дикаго рева, оригинальная музыка располагала къ созерцанію, а самый приступъ къ круженію не лишень былъ даже торжественности. Меня поразило какъ дервиши скоро приходятъ въ себя послѣ круженія. Впрочемъ, мнѣ сказали, что они начинаютъ упражняться въ немъ съ дѣтскаго возраста.

Происхожденіе этой секты относятъ къ 1273 году. Прежде круженіе производилось подъ звуки флейтъ,

которыя въ видѣнномъ нами служеніи были очень удачно замѣнены гармоніумомъ.

На другой день я видѣлъ нѣкоторыхъ дервишей этого монастыря на базарѣ, торгующихъ въ собственныхъ лавкахъ. Они раскланивались съ нами какъ добрые знакомые.

На слѣдующее утро насъ повезли на ученіе бригады пѣхоты, съ двумя батареями и двумя эскадронами драгуновъ.

Ученіе производилъ Акифъ-паша. Обойдя строй, Его Высочество вошелъ въ тутъ же раскинутые шатры. Сидя на мягкихъ диванахъ въ прохладной тѣни шатровъ, мы смотрѣли на весьма стройное ученіе съ продолжительною пальбой послѣ каждого перестроенія и атаками. Ученіе производилось полтора часа при 28° Р. въ тѣни и за все время Акифъ-паша далъ людямъ только разъ оправиться. Подъ конецъ ученія Его Высочество вышелъ изъ шатра и пропустилъ войска мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, отдавая честь знаменамъ, которыя преклоняли предъ Великимъ Княземъ.

По окончаніи смотра Его Высочество благодарилъ Акифъ-пашу и начальника штаба, и принялъ, по приглашенію военного начальства, приготовленный въ сосѣднемъ шатрѣ завтракъ.

Не успѣли мы, по приѣздѣ домой, отдохнуть, какъ пришлось идти обѣдать къ генераль-губернатору. Тутъ мы познакомились съ гражданскимъ начальствомъ, просидѣвъ часа два за столомъ, пока не были обнесены всѣ сорокъ перемѣнъ безконечнаго

обѣда. Я не рѣшаюсь описывать этотъ обѣдъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ сервированъ по-европейски и, за исключеніемъ баранины, пилава и начиненныхъ огурцовъ, не имѣлъ національнаго характера. Вечеромъ, на площади предъ домомъ генералъ-губернатора, сожгли фейерверкъ, самая интересная часть котораго была освѣщеніе бенгальскими огнями площади съ массами собравшагося на ней народа.

Съ обѣда мы отправились на вечеръ къ нашему консулу Юзефовичу.

Консульскій дворъ устроенъ также, какъ выше-описанные дворы. Въ диванной комнатѣ двѣ ниши съ эстрадами: въ одной мягкія оттоманки, въ другой фортепіано.

При входѣ Его Высочества, все общество встало и было ему представлено г. Юзефовичемъ. Это были болѣею частью жены православныхъ арабовъ зажиточнаго класса. Костюмы ихъ отличались яркими цвѣтами, между которыми преобладали зеленый съ малиновымъ и золотомъ.

Нельзя сказать, чтобы дамы эти отличались типичностью. За то весьма характерное лицо было у еврейки Саады, приглашенной для пѣнія вмѣстѣ съ акомпанировавшимъ ей слѣпымъ гусяромъ. Саада весьма красивая женщина, высокая, стройная, съ правильными чертами лица и большими сѣрыми глазами. На ней былъ лиловый шелковый халатъ, шитый золотомъ, малиновыя шаровары, желтыя туфли и черная бархатная шапочка съ брилліантовою діадемой, изъ-подъ которой падали двѣ черныя косы. Она пѣла

арабскія и еврейскія пѣсни, сопровождая пѣніе ударами въ тамбуринъ и незначительнымъ змѣеобразнымъ колебаніемъ торса.

Не понимая языка, я не могъ восхищаться однообразнымъ горловымъ пѣніемъ, но слѣдилъ за выраженіемъ лица и глазъ Саады. Все въ ней дышало страстью. Глаза ея выражали то нѣгу и упоеніе, то гордую, непреклонную волю и рѣшимость.

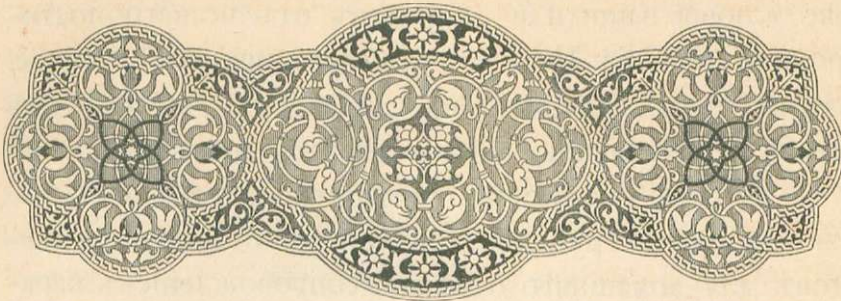
Акомпанементъ начинался съ прелюдіи, а потомъ шель въ унисонъ съ голосомъ и кончался ритурнелемъ, или фигурнымъ кадансомъ.

При Саадѣ была ея дочь, хорошенькій ребенокъ, лѣтъ девяти. По просьбѣ присутствующихъ ее заставили танцовать, что она и исполнила съ большою граціей.

Сѣвъ за фортепіано, я началъ играть; слѣпой гуслирь пробовалъ подлаживаться подъ мою мелодію. Замѣтивъ это, я заигралъ въ томъ тонѣ, въ которомъ приблизительно былъ настроенъ его инструментъ, и онъ тотчасъ же нашель мелодію, но не могъ удержаться отъ своихъ вставокъ и варіацій.

На слѣдующее утро намъ предстояла поѣздка въ степь къ бедуинамъ, а потому, поблагодаривъ любезныхъ хозяевъ, въ одиннадцать часовъ мы отправились домой.





ГЛАВА XI.

БЕДУИНЫ. — ИХЪ ЗАНЯТІЯ. — ХАРАКТЕРЪ. — РЕЛИГІЯ. — НРАВСТВЕННОСТЬ. — ПОѢЗДКА ВЪ КОЧЕВЬЕ ПЛЕМЕНИ ШЕЙХА МАГОМЕТЪ-ДУХИ. — ВЕРЬЛЮДЪ СО ЗНАМЕНЕМЪ ПЛЕМЕНИ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ДАМАСКЪ.



Бедуины принадлежатъ къ арабскому племени, раздѣлившемуся сообразно съ мѣстными условіями на двѣ части, изъ которыхъ меньшая заняла степи и обратилась къ пастушеской жизни; бѣольшая же часть поселилась въ плодородныхъ мѣстахъ, стала воздѣлывать почву, построила города и приняла блестящее участіе въ умственномъ и культурномъ развитіи человѣчества. Простота нравовъ, образъ жизни и привычки у бедуиновъ не измѣнились въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ *Библія* и исторія Востока. Какъ прежде, такъ и теперь они ведутъ жизнь кочевую, и, по условіямъ своего существованія, обречены на умственную косность и лишенія. За то, эти

же условія защитили бедуиновъ отъ всякаго посторонняго вліянія. По ихъ пустынямъ прошли египтяне, персы, греки, римляне, но для всѣхъ они остались столь же неуловимы, какъ вихрь ихъ родныхъ степей.

Занятія бедуиновъ ограничиваются пастьбой своего скота, грубою выдѣлкой нѣкоторыхъ предметовъ для домашняго обихода, сопровожденіемъ каравановъ, постоянными усобицами съ сосѣдными родами и, наконецъ, гдѣ возможно, грабежомъ. Всѣ предметы для жизненныхъ потребностей они извлекаютъ изъ стадъ, или приобрѣтаютъ мѣноюю торговлей на сосѣднихъ рынкахъ. Ихъ религія и нравственность крайне неопредѣленны и, вообще говоря, на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на неблаговоспитанныхъ дѣтей, у которыхъ хорошія наклонности остались неразвитыми. Окруженные ревностными поклонниками Пророка и находясь отчасти въ ихъ зависимости, они наружно приняли названіе магометанъ, усвоили нѣкоторые обряды и заучили, на сколько были въ состояніи, молитвы; затѣмъ, подобно цыганамъ, которые, живя среди христіанъ, сумѣли сохранить свои вѣрованія, они остались тѣми же язычниками. Магометъ тщетно старался отучить ихъ отъ идолопоклонства. Поклоненіе солнцу, при восходѣ, преслѣдуемое магометанами, и нынѣ почти повсемѣстно у бедуиновъ. И при этомъ большая часть бедуиновъ понимаетъ божество въ смыслѣ могущественнаго шейха, живущаго на солнцѣ. На вопросъ Пельгрева, обращенный къ одному юношѣ изъ племени Шераратъ: «что вы будете дѣлать, когда предстанете предъ Всевышнимъ?» Онъ отвѣчалъ: «Ну, мы

поѣдемъ къ нему и если онъ насъ хорошо приметъ, накормить и дастъ табаку, то мы останемся у него, въ противномъ случаѣ сядемъ на коней и куда-нибудь уѣдемъ».

Бедуины не кровожадны и избѣгаютъ убійства, даже въ битвахъ между собою. У нихъ нѣтъ ни національныхъ, ни религіозныхъ войнъ. Бедуинъ не сражается за свой домъ и дворъ: у него ихъ нѣтъ; ни за отечество — оно вездѣ и нигдѣ; ни за честь — онъ никогда объ этомъ не слыхалъ; ни за вѣру — у него ея нѣтъ и объ ней онъ не заботится. Его побуждаетъ къ битвѣ временной захватъ ничтожнаго клочка земли для пастбища, пользованіе колодцемъ съ затхлою водою, а также желаніе украсть чужихъ лошадей, или верблюдовъ; все причины, не возбуждающія ожесточенія, при легко-достижимыхъ цѣляхъ, и которыя ни въ какомъ случаѣ не сопровождаются яростью и жестокостью. Во всѣхъ мѣстахъ, находящихся подъ номинальною властью Турціи, бедуины противодѣйствуютъ всякой попыткѣ къ оживленію мѣстности, ревниво охраняютъ свои пастбища и не дозволяютъ садиться по близости, считая это посягательствомъ на свои права.

Понятіе это о бедуинахъ я составилъ себѣ еще предварительно, по свѣдѣніямъ доктора Петермана и Пельгрева, и могу подтвердить, что во время путешествія, разговаривая съ мѣстными жителями, и наблюдая бедуиновъ при всякой встрѣчѣ, я не разъ убѣждался въ справедливости всего сказаннаго.

Въ 8 часовъ утра мы отправились верхомъ; пройдя городъ, сѣли въ коляски и ѣхали въ нихъ до тѣхъ

поръ, пока дорога не выбѣжала въ степь. Часа два насъ окружали непрерывные сады, потомъ они стали рѣдѣть и смѣнились правильно разбитыми полями, которыя были обсажены рядами смоковницъ или маслинъ. Наконецъ коляски остановились у какой-то деревушки съ каравансараемъ. На лужайкѣ, предъ нею, стоялъ эскадронъ драгунъ. Намъ подали строевыхъ лошадей и мы отправились, не разбирая дороги, по полямъ, черезъ канавы и ручьи, мимо деревушекъ и одиночныхъ шатровъ бедуиновъ. Послѣ двухъ съ половиной часовъ хода, вдали показалась пыль. Всѣ обрадовались, полагая, что это кочевья бедуиновъ. Подъѣзжаемъ ближе — стадо барановъ. Но вотъ, кто-то скачетъ, вѣрно бедуинъ, посланный намъ на встрѣчу, чтобы ближе провести къ кочевью. Подъ нимъ гнѣдая лошадь. Предположеніе это оказалось вѣрнымъ; скоро онъ остановился, соскочилъ, поклонился Его Высочеству и отвѣчая на вопросы генераль-губернатора, указывалъ направленіе, въ которомъ находилось кочевье. Идемъ. Опять на встрѣчу намъ быстро несется клубочекъ пыли, все ближе, ближе. Бедуинъ говоритъ, что это его шейхъ Магометъ-Духи. Онъ подскочилъ на довольно статной гнѣдой кобылѣ, слѣзъ и подошелъ къ рукѣ Великаго Князя. Средняго роста, съ маленькими быстрыми глазами, коричневымъ цвѣтомъ лица, черною окладистою бородой и выбитыми передними зубами, — онъ говорилъ скороговоркой, размахивая лѣвою рукой. Правая рука висѣла безъ движенія, потому что высохла, отъ удара ятаганомъ въ плечо. На немъ былъ бѣлый съ голубыми



ШЕЙХЪ МАГОМЕДЪ-ДУХИ.

На немъ былъ бѣлый съ голубыми полосами халатъ, коричневая
абайя и такого же цвѣта *кефізъ* — все сильно затаскано.

полосами халатъ, коричневая *абаія* и такого же цвѣта *кефізъ* — все сильно затаскано.

Между тѣмъ, подвигаясь впередъ, мы стали различать стада пасущихся барановъ и верблюдовъ. Вообще довольно ровная степь мѣстами пересѣкалась небольшими холмиками, которые скрывали кочевье. На кряжѣ одного такого холма выстроился рядъ бедуиновъ съ копьями. Я насчиталъ тридцать семь всадниковъ. Когда Великій Князь подъѣхалъ, они бросились съ крикомъ во всѣ стороны и начали *джеридъ*. Въѣхавъ на холмъ, мы, наконецъ, увидѣли лагерь изъ черныхъ шатровъ, въ безпорядкѣ по степи. У самого большого изъ нихъ, принадлежавшаго шейху, намъ предложили остановиться и слѣзть.

У бедуиновъ шатеръ состоитъ изъ грубой шерстяной, или бумажной матеріи, сшитой въ видѣ громадной скатерти; подъ ея серединой становять колья, а стороны притягиваются къ землѣ, съ помощью колышковъ и длинныхъ веревокъ. Днемъ палатка либо приподнята со всѣхъ краевъ въ видѣ навѣса, либо открыта съ одной какой нибудь стороны и защищаетъ только отъ солнечныхъ лучей, а на ночь ея края притягиваютъ плотно къ землѣ. У шейха она была раздѣлена завѣсами на три части. Въ первой, самой обширной и устланной мягкими коврами съ подушками, принимались гости; во второй, уставленной тюками, сѣдлами, верблюжьими уборами и другимъ домашнимъ скарбомъ, сидѣли жены и дѣти; въ третьей готовили обѣдъ, т. е. варили рисъ и

баранину въ огромныхъ мѣдныхъ котлахъ, на разведенномъ по серединѣ очагѣ.

Конечно, бедуины и ихъ образъ жизни далеко не такъ привлекательны, какъ описываютъ многіе путешественники, но они имѣютъ своего рода прелесть, которая даетъ возможность поэтизировать ихъ бытъ. Вамъ представляется что-то давно знакомое, вы вспоминаете рассказы изъ Библіи, воображеніе переноситъ васъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ. И когда эти первобытные люди носятся предъ вами на типичныхъ лошадяхъ, безъ стремянъ, съ голыми ногами, въ развѣвающихся какъ плащи полосатыхъ *абаіяхъ*, въ шелковыхъ *кефіяхъ* или же безъ всякаго головного убора, съ заплетенными только прядями волосъ; когда, потрясая копьями, они мечутся во всѣ стороны, въ это время вы не можете не признать, что бедуины красивы и производятъ впечатлѣніе необычайной мужественности.

Отдавъ лошадей, мы легли на ковры и подушки въ пріемномъ отдѣленіи шатра. Вокругъ него собрались и сѣли на землю бедуины. Между ними были негры-невольники, которые, кромѣ цвѣта лица, ничѣмъ не отличались отъ своихъ хозяевъ. Они сидѣли, курили и разговаривали, какъ равные съ равными. Недалеко отъ шатра стояли наши люди съ лошадьми, между ними сновали верхомъ бедуины. Съ ними были два верблюда, съ огромными сѣдлами въ формѣ лодокъ на горбахъ. Эти лодки, покрытыя навѣсами изъ малиновой шелковой матеріи, были украшены кистями, бахромой и чапраками, узорчато расшитыми

золотомъ и бѣлыми раковинками. Въ такую лодку помѣщаютъ самую красивую изъ племени дѣвушку, а все вмѣстѣ изображаетъ какъ бы знамя племени. Во время междуусобицъ или воинственныхъ игръ, около такой лодки происходитъ самая отчаянная драка, возбуждаемая воинственными криками дѣвушки, и побѣда считается за тою стороною, которая овладѣетъ такимъ верблюдомъ, съ его прелестною ношей.

Торжественно спокойная, по временамъ бурная и величественная природа пустыни отражается на сея обитателяхъ. Пѣшкомъ, или сидя, бедуинъ спокоенъ, серьезенъ и медленъ въ своихъ движеніяхъ. За то на конѣ онъ ловокъ, увертливъ, энергиченъ и быстръ какъ вихрь, свободно прорѣзающій вдоль и поперекъ необозримыя степи.

Пока мы взаимно разсматривали другъ друга, пришли два негра и подали кофе и шербеть. Потомъ принесли огромныя мѣдныя блюда, болѣе аршина въ діаметрѣ. На нихъ былъ горою наложенъ рисъ съ кусочками баранины и какою-то зеленью, которую я сначала принялъ за лукъ, но потомъ увидѣлъ, что это пряное растеніе, собираемое въ степи. Самъ шейхъ принесъ въ кожаномъ мѣшкѣ *левантыши* ¹⁾ (у евреевъ *маца*, опрѣсноки), и разложилъ ихъ вокругъ блюда и предъ нами, какъ салфетки. Мы стали ѣсть руками, закусывая однимъ концомъ

¹⁾ Это продолговатыя тонкія лепешки изъ прѣснаго тѣста. Я называлъ ихъ левантышами совершенно произвольно, потому что въ первый разъ видѣлъ и ѣлъ такія лепешки на Кавказѣ, гдѣ онѣ носятъ это названіе.

левантыша и вытирая пальцы другимъ. Не знаю чему приписать, голоду ли, или оригинальности угощенія и сервировки, только я ѣлъ съ большимъ удовольствіемъ и аппетитомъ. Надо отдать справедливость, ристъ былъ отлично приготовленъ, разсыпчатъ и жиренъ; баранина нѣжна и безъ всякаго запаха или посторонняго вкуса, а зелень придавала всему пріятный ароматъ. Въмѣсто вина и воды подали верблюжье молоко. Оно жирнѣе коровьяго, гуще и имѣетъ соленый вкусъ. Какъ будто возмѣщая недостатокъ соли въ степи, заботливая мать-природа достаточно посолила главное питье бедуиновъ. Десертъ составили виноградъ и сочные арбузы.

Отдохнувъ такимъ образомъ часа полтора, Его Высочество пошелъ осматривать лошадей. Хорошихъ, въ смыслѣ кровности и годности въ производители, совсѣмъ не было. Всѣхъ лучше была гнѣдая кобыла, на которой шейхъ встрѣтилъ Великаго Князя, а при прощаніи просилъ принять ее на память. Мнѣ говорили, что лучшія лошади вѣроятно были спрятаны, такъ какъ генераль-губернаторъ и нѣкоторые изъ сопровождавшихъ Великаго Князя пашей содержатъ конные заводы и не прочь украсить ихъ хорошимъ пріобрѣтеніемъ, а шейхъ Магометъ-Духи находится въ постоянныхъ съ ними сношеніяхъ и даже отчасти въ зависимости, потому что промышляетъ со своимъ племенемъ конвоированіемъ большаго каравана, ежегодно отправляющагося въ Мекку.

Его Высочество отдалъ шейха нѣсколькими серебряными вещами и дорогою *абаіей*, которая осо-

бенно цѣнится бедуинами и изображаетъ нѣчто въ родѣ нашихъ почетныхъ отличій и орденовъ, а его сыну подарилъ ривольверъ. На прощаніе Великій Князь устроилъ скачку, назначивъ призы. Бедуины не имѣютъ никакого понятія о скачкѣ на короткое разстояніе. Они поскакали безъ оглядки, и Его Высочество предоставилъ шейху опредѣлить побѣдителей.





ГЛАВА XII.

ДРЕВНОСТЬ ДАМАСКА. — ОТЪЕЗДЪ. — СААСА. — РИМСКАЯ ДОРОГА. —
 КОНЕЙТРА. — ПУСТЫНЯ ХАУРАНА. — МНИМОЕ НАПАДЕНИЕ БЕДУИНОВЪ. —
 ДОЛИНА ИОРДАНА. — НАПАДЕНИЕ НА НАШЪ ЗАВТРАКЪ. — ДЖЕСЕРЪ-
 БЕНАТЪ-ЭЛ-ЯКУБЪ. — ИОРДАНЪ. — САВЕХЪ ИЛИ ТАНЕЦЪ САБЕЛЬ. —
 ПЛЯСКА КУРДОВЪ.



озвращаясь въ Дамаскъ, мы поѣхали другою
 дорогой и опять сбивались съ пути. Я съ
 наслаждениемъ сѣлъ въ коляску и любовался
 садами, съ прелестными экземплярами орѣхо-
 ваго дерева и платановъ, которые какъ бы
 соперничали между собою въ величинѣ, раз-
 вѣтвленіи и богатствѣ зелени. Не доѣзжая
 города, мы остановились у фонтана, устроеннаго
 подъ тѣнью подобныхъ же вѣковыхъ деревьевъ,
 и напились чистой свѣжей воды.

У магометанъ издавна существуетъ прекрас-
 ный обычай устраивать водопроводы и фонтаны
 въ память какого-либо событія, по обѣту, или ради
 добраго дѣла. И должно сознаться, они достигаютъ

цѣли, потому что всякій невольно помянетъ добрымъ словомъ этихъ общественныхъ благотворителей, когда освѣжится и утолитъ свою жажду у построенныхъ ими фонтановъ.

По городу пришлось опять ѣхать верхомъ, возбуждая любопытство и толки среди жителей, отдыхавшихъ у кофеенъ; а кофеень въ Дамаскѣ съ харчевнями около 400. Какъ на всемъ Востокѣ, въ нихъ собираются послѣ 4-хъ часовъ вечера отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ, послушать новости дня, или рассказы сказочниковъ; при этомъ курятъ трубки и наргиле (кальянъ), прихлебывая кофе изъ крошечной чашечки, въ видѣ яичной скорлупы.

Возвратясь домой, мы обѣдали съ Абд-эль-Кадеромъ и нѣсколькими пашами, которые участвовали съ нами въ поѣздкѣ къ бедуинамъ. За столомъ я сидѣлъ наискось противъ эмира Абд-эль-Кадера. Его лицо, важная осанка, мужественный взглядъ, преисполнены ума, достоинства, благородства и привѣтливости. Это типъ восточнаго рыцаря. Такимъ я представляю себѣ Саладина.

Послѣ обѣда я легъ на диванъ противъ фонтана. Завтра мы идемъ въ Іерусалимъ. При благоприятныхъ условіяхъ нашъ караванъ можетъ совершить этотъ путь въ десять дней, а потому, въ виду предстоящихъ трудовъ, я позволилъ себѣ полѣниться. Лежа на диванѣ, разговаривая съ товарищами, я мысленно припоминалъ исторію Дамаска. Восточные писатели утверждаютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ, былъ первоначально земной

рай. На горѣ Касьюнѣ, къ которой примыкаетъ посадъ Салахіэ съ 20.000 населеніемъ, по преданію Каинъ убилъ Авеля. Могилу его, равно какъ могилу Ноя, показываютъ около города. Во времена Авраама, Дамаскъ уже былъ значительнымъ городомъ. Время же его основанія неизвѣстно. Переходя изъ рукъ въ руки, истребляемый нѣсколько разъ пожарами, онъ постоянно возрождался изъ пепла, среди чудныхъ садовъ, сила растительности которыхъ, должно-быть, главнымъ образомъ, и поддерживала его существованіе. Братья и однолѣтки Дамаска — Вавилонъ, Нинивія, Мемфисъ, Оивы и пр., всѣ лежатъ въ развалинахъ и занесены пескомъ и землею, а Дамаскъ до сихъ поръ живетъ, и по своей торговлѣ и производительности занимаетъ даже видное мѣсто между городами Востока. Въ VII столѣтіи, при калифахъ изъ дома Омаядовъ, онъ былъ столицей Востока, а владѣніе его простиралось отъ Оксуса и Инда до Атлантическаго Океана.

Я упоминалъ уже, что въ Дамаскѣ не сохранилось памятниковъ глубокой старины; живымъ свидѣтельствомъ его прошлаго является разноплеменность его населенія, состоящаго изъ сирійцевъ, іудеевъ, армянъ, грековъ, арабовъ, турокъ и пр. Кажется, что всякая народность, когда-либо господствовавшая въ немъ, и понынѣ имѣетъ здѣсь своихъ представителей. Что же касается христіанскихъ сектъ, то ихъ не перечесть: сирійцы, несторіане, марониты, мельхиты, православные, уніаты, армяне-католики, армяне-грегоріане, протестанты и пр. и пр. и пр.

Послѣ чаю, по предложенію любезнаго хозяина, я пошелъ въ баню. Она была весьма роскошно устроена въ одномъ углу двора, въ подвальномъ этажѣ, конечно, вся изъ мрамора, съ тремя отдѣленіями.

Изъ Дамаска мы выступили въ 9 часовъ утра; по пути Его Высочество заѣхалъ въ православную церковь Св. Николая. Въ Дамаскѣ есть двѣ православныя церкви: Пресвятыя Дѣвы Маріи и Св. Николая, построенныя еще до распространенія магометанства. Давка была такъ велика, что я не слѣзъ съ коня, а поѣхалъ, съ нѣсколькими товарищами, впередъ. Несмотря на достаточное число собакъ, исполняющихъ должность мусорщиковъ, вонь и грязь въ нѣкоторыхъ улицахъ были нестерпимы, и мы обрадовались, когда вышли на широкую улицу, построенную и шоссированную Французскимъ Обществомъ. По сторонамъ ея тянутся различныя лавки; амбары со сводчатыми помѣщеніями, въ которыхъ лежитъ сваленный кучами зерновой хлѣбъ; бани съ вѣшаннымъ для просушки бѣльемъ; кофейни съ галереями, впереди обширной горницы, обставленной диванами, на которыхъ сидятъ, прихлебывая кофе и куря трубки, арабы. Нѣсколько, такъ-сказать, миниатюрныхъ мечетей, раскрашенныхъ цвѣтными узорами, разнообразятъ, и безъ того красивую, улицу. Между ними одна отличается богатствомъ фантазіи своего строителя и замѣчательно граціознымъ четырехугольнымъ минаретомъ. На одномъ поворотѣ улицы, у воротъ кладбища, мы встрѣтили похоронную про-

цессію, предшествуемую рядомъ убогихъ, слѣпыхъ и наемныхъ плакальщицъ. Кладбище отличалось совершеннымъ отсутствіемъ зелени; памятники имѣли видъ продолговатой сводчатой гробницы, выведенной изъ кирпича съ двумя вертикально поставленными въ головахъ и ногахъ досками, а на нѣкоторыхъ могилахъ возвышаются небольшія часовни съ куполомъ. На улицѣ было большое движеніе: караваны шли съ тяжестями; нехотя тащились ослики, навьюченные углемъ; проѣзжали всадники, бедуины; въ одномъ мѣстѣ строили домъ; рабочіе, на половину голые или въ однѣхъ рубашкахъ, таскали кирпичи, тесали камни, выводили стѣны и напоминали картины, на которыхъ изображаютъ построеніе древнихъ храмовъ и городскихъ стѣнъ.

У выѣзда стоялъ эскадронъ кавалеріи съ батареей. Въ оливковой рощѣ, которая смѣнила городскія постройки, сидя на коврахъ, ожидали Великаго Князя — генераль-губернаторъ и прочее начальство Дамаска. Простившись съ ними, мы продолжали путь по дорогѣ между садами. Когда сады стали рѣдѣть, смѣняясь обработанными полями, до насъ донеслись пушечные салюты въ честь проводовъ Великаго Князя.

Мы шли по извилистой полевой дорогѣ, мѣстами окопанной канавами; по сторонамъ виднѣлись селенія съ оливковыми рощицами; вправо тянулась цѣпь Анти-Ливана, влѣво оголенные холмы. Встрѣтивъ два, три каравана, мы вошли опять въ оливковую рощицу, проѣхали большую деревню, переѣхали чрезъ мостъ, ручей, поле и остановились для завтрака на

площадкѣ въ саду, около деревни Артусъ. Черезъ полчаса пріѣхалъ Великій Князь, и, позавтракавъ, мы поѣхали дальше; дорога обратилась въ необозримое поле камней; вся растительность исчезла. Къ сумеркамъ мы дошли до Сааса, одинокой фермы, построенной на холму и обнесенной какъ крѣпостца стѣнами. Во время послѣдней рѣзни христіанъ, турки пользовались ею какъ укрѣпленіемъ для дѣйствій противъ друзовъ. Послѣ обѣда всѣ пошли спать, утомившись продолжительнымъ переходомъ. Днемъ было страшно жарко, термометръ доходилъ до $+40^{\circ}$ по Реомюру; а послѣ заката, съ наступленіемъ ночи, упалъ до 5° ; такая рѣзкая переменѣна на 35° чрезвычайно чувствительна, къ тому же я такъ усталъ и озябъ, что легъ въ постель, не дописавъ дневника.

На утро насъ подняли еще до восхода солнца; одѣваясь, я уронилъ галстухъ и подымая его, невольно вздрогнулъ, — что-то черное, ракообразное ползло по ковру; сначала мнѣ показалось, что это скорпіонъ, но потомъ я убѣдился, что это былъ небольшой крабъ, который забрался въ нашу палатку, разбитую на самомъ берегу ручья. Напившись чаю, нѣкоторые изъ насъ согласились всегда, выступать немного раньше Его Высочества, въ видахъ сбереженія коней, а отчасти для того, чтобы не отставать отъ быстрого хода, которымъ шелъ Великій Князь. Возбравшись на холмъ, подъ стѣнами фермы, мы пошли по развалинамъ древней римской дороги, мѣстами вполнѣ сохранившейся, такъ, что видны глубокія колеи, мѣстами же взрытой, какъ бы

землетрясеніемъ. Мы слѣдовали по ней въ продолженіе двухъ часовъ; непонятно, какъ лошади ступали по этимъ осколкамъ, глыбамъ граниту, какимъ-то накипаемъ шлаковъ и невысокихъ кряжиковъ, то и дѣло, пересѣкавшихъ дорогу.

Послѣ шести часовъ ходу, не встрѣтивъ ни единой души, мы достигли развалинъ Конейтры. Лагерь нашъ разбили около колодца, съ мутною, затхлою водой, противъ селенія обращеннаго друзами въ груды камней. Мы были среди каменистой пустыни Хаурана. Говорятъ, что весной она покрывается богатою зеленью, въ которой исчезаютъ ея безчисленные камни, а безотрадный видъ мертвой пустыни смѣняется оживленнымъ движеніемъ прикочевывающихъ на свѣжія пастбища бедуиновъ, съ огромными стадами овецъ, лошадей и верблюдовъ. Мы только-что кончили обѣдъ, когда къ лагерю подѣхалъ, въ сопровожденіи десяти бедуиновъ, эмиръ-Хассанъ, владѣтельный князекъ изъ окрестностей Конейтры. Съ нимъ обошлись какъ съ почтенною особой: Великій Князь пригласилъ эмира въ палатку, приказалъ подать кофе, а затѣмъ расспрашивалъ о лошадяхъ, которыми обладаетъ его племя. Эмиръ обѣщалъ на утро опять пріѣхать и привести съ собой на показъ нѣсколько лошадей.

Утромъ я не дождался его возвращенія, а согласился опять идти часомъ впереди Великаго Князя. Двое изъ нашихъ товарищей уже отправились, когда Холу-паша, сопровождавшій Великаго Князя, въ качествѣ представителя гражданской власти, просилъ

не отдѣляться отъ каравана, въ видахъ того, что пустыня Хаурана не безопасна отъ нападенія и грабежей бедуиновъ. Д. И. Скобелевъ взялъ на всякій случай ружье и догналъ передовыхъ. Я, признаться, не обратилъ вниманія на предупрежденіе и спокойно дожидался доктора Обермюллера, который попросилъ меня не уходить безъ него. Осмотрѣвъ больного, онъ сѣлъ на своего лошака и прибавилъ ходу; мы думали скоро догнать товарищей. Предъ нами, напѣвая пѣсню, тащился турецкій солдатъ съ лошакомъ на поводу, который былъ навьюченъ офицерскими вещами. Скоро мы и его обогнали, а передовыхъ все еще не было видно. Я не сомнѣвался въ дорогѣ или тропѣ, по которой надо было направляться. Она обозначалась слишкомъ явственно, противу другихъ, свѣжими слѣдами; къ тому же мы шли на Иорданъ и Галилейскія горы, которыя, болѣе или менѣе, не скрывались изъ виду.

Между тѣмъ, докторъ сталъ беспокоится, а я вспомнилъ предупрежденіе Холу-паши. Тропинка все время перебѣгала пологія рытвины и холмы, покрытые мелкимъ, какъ верескъ и можжевельникъ, кустарникомъ. Прошелъ часъ, а товарищей нѣтъ какъ нѣтъ, и сзади ничего не видно. Въ одномъ мѣстѣ, выйдя на открытое плато, я замѣтилъ вдали группу всадниковъ и уже было обрадовался, но когда вглядѣлся попристальнѣе, мнѣ показалось что это бедуины и что они ѣдутъ намъ на встрѣчу.

Невольно закралось сомнѣніе. Что, если они вздумаютъ насъ ограбить? Или, еще хуже, увести въ

степь и потребовать выкупъ? Дѣло не хорошее! а, кажется, Холу-паша просилъ не отдѣляться! Ну, будь, что будетъ! А можетъ-быть и нечего беспокоиться, бедуины скрылись съ глазъ, и вѣроятно свернули куда-нибудь въ сторону. Разсуждая такимъ образомъ, я подвигался впередъ, пытая безлюдную даль и не желая тревожить Обермюллера, не сообщалъ ему своихъ опасеній. Вправо отъ насъ была глубокая рытвина; впереди отроги невысокихъ холмовъ незамѣтно пересѣкали пустыню, сливаясь для глазъ въ ровную поверхность своими вершинами.

Я было забылъ бедуиновъ, и сталъ опять, придерживаясь направленія на выдававшуюся группу Галилейскихъ горъ, разбирать знакомые слѣды подковъ и поступи лошадей, которые давали мнѣ возможность выбирать тропу. Какъ вдругъ, ничего не видя предъ собою, мы явственно услышали топотъ скачущихъ коней, а черезъ минуту, совершенно неожиданно, бедуины выскочили съ правой стороны изъ рытвины. Я только успѣлъ повернуть имъ на встрѣчу, а Обермюллеръ вскрикнулъ; «Ну! что теперь съ нами будетъ!» какъ мы были мигомъ окружены со всѣхъ сторонъ. Изъ рытвины они поднялись по тропинкамъ въ нѣсколько рядовъ, съ опущенными на перевѣсъ копытами, поровнявшись съ нами, нѣкоторые поклонились; а одинъ, даже, показалъ мнѣ рукою дорогу, и, затѣмъ, продолжая скакать, также быстро исчезли за холмами.

Все это произошло такъ скоро и неожиданно, что я успѣлъ только отвѣтить на поклонъ, свернуть

опять на тропу и расхохотаться не оправдавшемуся страху. Но, должно откровенно сознаться, что испугался, когда неожиданно увидѣлъ, что человѣкъ тридцать всадниковъ, съ опущенными копьями, выскочили изъ рытвины прямо на насъ. Оправившись отъ страха, я сталъ подтрунивать надъ докторомъ, которому эти похождения пришлись совсѣмъ не по сердцу.

— Подождите же! кричалъ онъ мнѣ. — Куда вы ѣдете? чортъ знаетъ что!

— Такъ что же дѣлать! вѣдь не оставаться же здѣсь, не назадъ же идти? Легко можетъ случиться, что Великаго Князя проведутъ другою дорогою, такъ, что мы его даже не увидимъ. Съ тропы я не собоюсь. А что тутъ стоять, что впередъ идти, все также подвергаешься возможности нападенія. Такъ поѣдемте лучше впередъ!

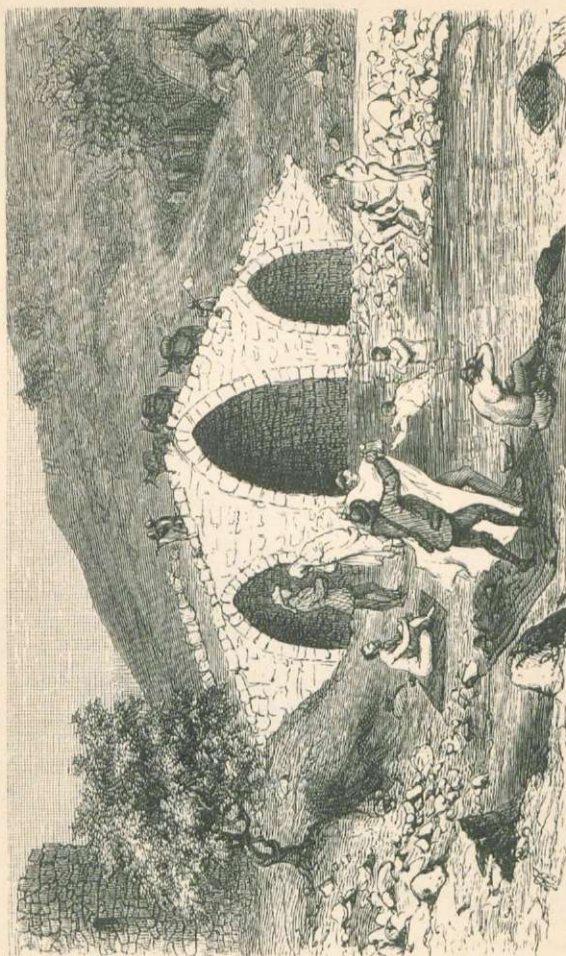
Мы продолжали путь; черезъ нѣкоторое время обогнали спѣшившагося заппія (такъ называютъ составленную изъ курдовъ земскую полицію); лошадь его чуть волочила ноги. Между тѣмъ тропа спустилась въ небольшую долину, по которой изрѣдка возвышались вѣковые дубы, низкорослые, съ корявымъ стволомъ и густою макушкой мелкой листвы. Мы остановились въ ней, чтобъ оправить лошадей и осмотрѣться.

Я въѣхалъ на пригорокъ и увидѣлъ, что мы находимся недалеко отъ нашего привала. Предо мной разстилалась долина Іордана, эта глубочайшая впадина, низменность которой у Мертваго моря опускается до 1.300 футовъ ниже поверхности океана. Я могъ

окинуть взоромъ только часть этой гигантской морщины земной коры; начиная отъ горы Хермонъ, откуда беретъ свое начало Иорданъ, вдоль горъ Галилеи и до Генисаретскаго озера. Далѣе, очертанія песчаного и раскаленнаго Гора ¹⁾ исчезали въ голубой завѣсъ сгущеннаго испареніями воздуха.

Съ особенною любовью я всегда хранилъ и лелѣялъ въ памяти впечатлѣнія дѣтства, когда училъ священную исторію; когда, и случайно познакомившись изъ дѣтскихъ повѣстей съ крестоносцами, увлекся ихъ подвигами и мысленно сопутствовалъ моимъ героямъ по Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ. Прошли годы, и вотъ... какъ забилось мое сердце, когда я различилъ сквозь густую синеву воздуха бирюзовую поверхность Генисаретскаго озера, любимаго мѣстопробыванія Христа Спасителя. Меня охватило невыразимо отрадное чувство!... я видѣлъ предъ собою Обѣтованную Землю, гдѣ съ ранняго дѣтства витало мое воображеніе. Мои первыя грезы и мечты, посѣтить ее — исполнились! я стою на порогѣ страны, гдѣ жилъ Божественный Учитель, у колыбели христіанскаго ученія. Какъ ярко свѣтитъ солнце, какъ нѣжно очерчены контуры гористой Галилеи и зеркальныя поверхности озеръ, между которыми, по дну долины, Иорданъ изрѣдка сверкаетъ, какъ разсыпанная нитка брилліантовъ.

¹⁾ На западъ отъ Эвфрата подымается известковое плоскогорье, которое постепенно доходить до 2000 футовъ и потомъ круто обрывается въ большую продольную впадину или трещину земной коры. Ее вообще называютъ Горъ. По ней на сѣверъ течетъ Оронтъ, а на югъ Иорданъ.



Послѣ привала, чрезъ полтора часа ходу, мы спустились къ Йордану и останови-
лись у моста „Дочерей Іакова“.

Черезъ малое время мы добрались до привала и рассказали товарищамъ наши походы. Каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, что шайка пѣшихъ бедуиновъ напала на людей, слѣдовавшихъ съ припасами, но была отбита и разогнана не замѣченнымъ ею конвоемъ, который слѣдовалъ сзади и успѣлъ переловить изъ нихъ четырехъ человѣкъ. А предъ тѣмъ за двѣ недѣли были ограблены англичане, путешествовавшіе въ числѣ двухъ мужчинъ и трехъ дамъ; ихъ раздѣли до нага и оставили на произволъ судьбы. Можно себѣ представить, что испытали эти путешественники.

Послѣ привала, чрезъ полтора часа ходу, мы спустились къ Іордану и остановились у моста «Дочерей Іакова» съ развалинами предмостнаго укрѣпленія и сторожевой башни, римской еще постройки. Названіе моста «Дочерей Іакова» дано ему по народному преданію, будто праотецъ Іаковъ, возвращаясь изъ Месопотаміи, переправлялся чрезъ Іорданъ въ этомъ мѣстѣ.

Первымъ моимъ дѣломъ было подойти къ священной рѣкѣ и омыть себѣ голову. При ширинѣ около 6—7 сажень, она быстро течетъ, образуя по иловатому дну глубокіе яры, или каскады, на небольшихъ пересѣкающихъ ее порогахъ. Лагерь былъ разбитъ на лѣвомъ берегу, найдя который сырымъ, Его Высочество приказалъ спальныя палатки перенести на правую, каменистую сторону.

Пока мы перебирались, пригнали захваченныхъ конвоемъ бедуиновъ. Паши послали за ближайшимъ шейхомъ. Когда онъ пріѣхалъ, выкурили съ нимъ

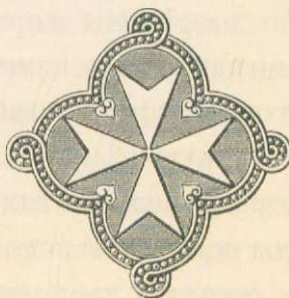
трубки, угостили кофеемъ, а грабителей жестоко отодрали и отпустили домой. Кромѣ того они вынесли не мѣньшее наказаніе, пока ихъ гнали по каменистой дорогѣ, скрученныхъ и привязанныхъ къ лошадямъ.

Предъ обѣдомъ многіе изъ насъ купались въ затонѣ у моста противъ башни; а когда стемнѣло, Великій Князь пошелъ гулять по бивуаку. Лошади и выючныя животныя уже выѣли кормъ; у одного костра нукеры пѣли и плясали подъ звуки рожка. Съ приходомъ Его Высочества кругъ расширился и два нукера — арабъ съ негромъ, стали танцовать, при дружныхъ ударахъ въ ладоши, притоптывая ногами и переминаясь, съ одной стороны круга на другую. За ними вышелъ другой арабъ, большаго роста, въ курткѣ и шароварахъ; ему подали двѣ обнаженные сабли и онъ сталъ танцовать *Сабѣхъ*, *Sabeh*, или танецъ сабель. Описывая круги блиставшими при свѣтѣ костра клинками, онъ скрещивалъ ихъ надъ головой, за спиной, у ногъ, подвигался вдоль круга, все скорѣй и скорѣй вращая сабли, которыя подъ конецъ, какъ молніи, сверкали около его туловища.

Перейдя на тотъ берегъ, мы были встрѣчены пляской курдовъ, исполнявшихъ при нашемъ караванѣ должность запѣевъ. Обнимая другъ друга за плечо и поясъ, они составляли какъ бы подвижную стѣну, пѣли воиственную пѣснь, пристукивали каблукками, выбрасывая правую ногу, подавались впередъ всѣмъ корпусомъ, и, затѣмъ, твердо ударяя о-земь

ногою, выпрямлялись. Впереди этой фаланги двое танцевали, играя саблями. На курдахъ былъ очень живописный нарядъ: красная куртка, съ широкими бѣлыми рукавами, шаровары въ сапоги и тюрбанъ. Этотъ характерный танецъ чрезвычайно оригиналенъ и красивъ, въ особенности при свѣтѣ факеловъ, озарявшихъ своимъ неровнымъ пламенемъ мужественныя лица и бѣлую одежду курдовъ.

Къ десяти часамъ лагерь нашъ уснулъ и только вой неугомонныхъ шакаловъ, да журчанье Иордана, стѣсняемаго въ своемъ быстромъ теченіи мостомъ и порогами, прерывали ночную тишину. Всякій вечеръ, предъ тѣмъ, чтобы лечь спать, я писалъ дневникъ и любилъ прислушиваться къ ночнымъ звукамъ, наблюдая ихъ почти неумолкаемый говоръ. Всякая мѣстность имѣетъ свой способъ выраженія, передающій ее характеръ, ее жизнь. Вникая въ эти, съ виду, безсвязныя рѣчи, скоро замѣтишь ихъ удивительное разнообразіе и станешь понимать этотъ таинственный языкъ. А говорятъ они о томъ, чего, какъ музыки, не передашь словами...





ГЛАВА XIII.

ГЕНИСАРЕТСКОЕ ОЗЕРО. — КАПЕРНАУМЪ. — МАГДАЛА. — МѢСТО НАГОРНОЙ
ПРОПОВѢДИ. — ТИВЕРІАДА. — ЭММАУСЪ. — ОАВОРЪ. — ПАТРИАРХЪ
КИРИЛЪ. — НАЗАРЕТЪ. — ЦЕРКОВЬ АРХАНГЕЛА ГАВРИЛА.



еще солнце скрывалось за горами, когда, пользуясь утреннею прохладой, мы уже были на коняхъ и пробирались по горамъ и доламъ къ Генисаретскому озеру. Послѣ развалинъ, носящихъ имя «колодца Іосифа» (въ которомъ завистливые братья спрятали прекраснаго отрока, предъ продажей его египетскимъ купцамъ), цѣлая покато́сти и разсѣлины горъ, были покрыты ноздреватыми какъ губки каменьями (буро-краснаго и сѣраго цвѣта), которые походили на розлитую шоколадную пѣну. Лошади съ трудомъ выбирали дорогу между этими вулканическими шлаками и мы порядочно истомились, въ особенности, отъ духоты спертаго въ долину́ воздуха, котораго дуновѣніе напоминало какъ бы близость очага.

Послѣ четырехчасоваго хода, дорога пошла на спускъ и обойдя скалу, вышла у развалинъ Капернаума на берегъ Генисаретскаго или Тиверіадскаго озера, называемаго также Галилейскимъ моремъ (Матѣ. IV, 18). Палатка стояла на лужайкѣ у источника, вытекавшаго изъ-подъ отвѣса скалы, среди зарослей и темнозеленыхъ олеандровъ. Предъ нами покоился зеркальный овалъ Галилейскаго моря, окруженный отражавшимся въ его поверхности кольцомъ горъ. За развалинами Капернаума цѣпь горъ отступала отъ берега, образуя долину по формѣ близкую къ квадрату. На противоположномъ ей уступѣ, у самаго берега, можно было отличить селеніе Магдалу, по направленію которой, между двухъ разступившихся вершинъ, высилась гора Ѡаворъ.

Я имѣлъ при себѣ маленькое Евангеліе и отмѣчалъ въ немъ всѣ мѣста проходимыя нами.

Отдохнувъ на привалѣ, я съ однимъ изъ спутниковъ пошелъ впередъ, стараясь разглядѣть развалины Капернаума, приморскаго, какъ его называетъ Евангелистъ Матѣей (Матѣ. IV, 13), и гдѣ Спаситель поселился послѣ сорокадневнаго поста, начавъ свою проповѣдь въ окрестностяхъ Генисаретскаго озера. Слѣды Капернаума замѣтны только въ грудахъ камней и глубокихъ ямахъ, скрытыхъ между зеленою олеандровъ, различныхъ миртовыхъ и пальмовидныхъ кустовъ.

Мы пробирались вдоль песчанаго берега, по тѣмъ мѣстамъ гдѣ Спаситель, «ходя при морѣ Галилейскомъ» (Матѣ. IV, 18), началъ проповѣдывать «слѣдовавшему за Нимъ множеству народа изъ Галилеи и

десятиградія, и Іерусалима, и Іудеи и изъ-за Іордана» (Матѣ. IV, 25). Здѣсь же «Онъ увидѣлъ двухъ братьевъ, Симона, называемаго Петромъ, и Андрея, брата его, закидывавшихъ сѣти въ море, ибо они были рыболовы» (Матѣ. IV, 18), а теперь едва замѣтный прибой тихо ропталъ, боясь пробудить какъ бы заснувшее царство; по всему горизонту озера не было видно ни одного паруса, ни одной лодки рыболова и въ теченіе сутокъ, которые мы провели на его берегахъ, намъ не довелось замѣтить даже слѣдовъ лодокъ или какихъ-либо рыболовныхъ снастей.

Въ тѣ времена «земля Завулонова и Невеалимова, Галилея языческая» (Матѣ. IV, 15) была оживлена густымъ населеніемъ. Теперь же это пустыня, не смотря на теплый климатъ, тропическій характеръ растительности, живописную природу и изобиліе рыбъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ горы опять подходятъ къ берегу, стоитъ убогое селеніе Магдала, сбитое въ кучу мазанокъ съ плоскими крышами и двумя-тремя пальмами, — это родина Маріи Магдалины.

Не доходя этого селенія, на самомъ берегу, стоитъ одинокая могила, подъ развѣсистую смоковницей. Вокругъ нея, молча, сидѣли нѣсколько темнолицыхъ арабовъ, куря трубки и не обращая на насъ никакого вниманія. Въ Магдалѣ женщины занимались хозяйствомъ около своихъ пороговъ, а въ озерѣ купались три мальчика, цвѣтомъ кожи напоминавшіе жареный кофе.

А вотъ и та священная гора, съ которой Спаситель произнесъ проповѣдь о блаженствѣ и выска-

заль сущность Своего ученія: «Любить, благословлять, благотворить и молиться за враговъ нашихъ, и совершенствоваться, какъ совершенъ Отецъ нашъ небесный». (Матѳ. V, 1, 44, 48).

Отъ Магдалы мы поднялись въ гору и ѣхали около часа по обрывамъ надъ озеромъ, жарясь на раскаленныхъ скалахъ. Можно было идти и по берегу озера, но, къ сожалѣнію, я это поздно замѣтилъ, а опуститься внизъ съ утесовъ не было никакой возможности. Чрезъ часъ мы подошли къ Тиверіадѣ. Построенная Иродомъ Агриппой, она была однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Галилеи. Послѣ взятія Іерусалима Веспасіаномъ, въ ней поселились знаменитѣйшіе еврейскіе ученые и толковники. Теперь въ городѣ считаютъ около 2000 жителей, изъ которыхъ половина еврейскихъ выходцевъ изъ Испаніи и Польши.

Не смотря на то, что Тиверіада много пострадала отъ землетрясеній, ея базальтовые стѣны достаточно сохранились, и, хоть сколько-нибудь, оживляютъ мѣстность. Въ городѣ много пальмъ, которыя своими граціозными формами напоминаютъ путнику о тропическомъ характерѣ климата. Тиверіада и Генисаретское озеро лежатъ какъ бы въ пазухѣ земли, на глубинѣ 700 фут. ниже уровня океана. Жители ея не пользуются плодородіемъ ея почвы; большинство населенія изъ выходцевъ, живетъ, въ ожиданіи Мессіи, на счетъ пожертвованій своихъ единовѣрцевъ.

Подходя къ городу, я издали замѣтилъ знакомыя фигуры польскихъ евреевъ, въ длинныхъ,

засаленныхъ и лоснящихся сюртукахъ; они сидѣли, ничего не дѣлая, по два и по три, на стѣнахъ и у городскихъ воротъ.

Заглянувъ въ Тиверіаду, мы обратились къ нимъ по-нѣмецки съ вопросомъ:

— Гдѣ расположенъ нашъ лагерь?

Они отвѣчали:

— Южнѣе города, по дорогѣ въ Эммаусъ.

Черезъ десять минутъ мы слѣзли съ лошадей и вошли подъ зеленый шатеръ, гдѣ уже отдыхали нѣкоторые изъ нашихъ товарищей.

Жара была такъ велика, что при всемъ желаніи я не рѣшился сходить пѣшкомъ въ Эммаусъ, хотя до него было не болѣе версты.

Эммаусъ издревле славится своими цѣлебными сѣрными ключами, которые почти одного состава съ Ахенскими минеральными водами. До самаго вечера предъ нами проходили больные, возвращавшіеся изъ Эммауса въ Тиверіаду; между ними было особенно много фигуръ, напоминавшихъ нашихъ русско-польскихъ евреевъ.

Когда жара стала спадать, мы пошли купаться, а потомъ сѣли на камни у берега, полюбоваться солнечнымъ закатомъ. Едва только солнце скрылось за горами, какъ началась безконечно-разнообразная игра цвѣтовъ на небѣ, въ водѣ и на горахъ противоположнаго берега. Живопись не въ состояніи передать силу и яркость этихъ переливовъ, происходящихъ отъ низкаго уровня долины (700 фут.) и отъ густоты въ ней воздуха. (Обыкновенно мы

наслаждаемся этимъ чуднымъ зрѣлищемъ съ мѣстностей лежащихъ выше поверхности моря). Глядя на этотъ закатъ, я пришелъ въ восторгъ и не могъ достаточно имъ налюбоваться. Онъ напоминалъ игру электрическихъ цвѣтовъ въ струяхъ и брызгахъ фонтана, когда такъ и кажется, что бьетъ не вода, а рассыпающаяся струя драгоценныхъ камней. Совершенно то же и здѣсь, — противоположный берегъ, отражаясь въ водѣ, мѣнялъ цвѣта и казался, сначала будто вылитымъ изъ золота, а потомъ, какъ бы гигантскою разноцвѣтною кристаллизаціей, то аметистовъ, то сафировъ, то изумрудовъ...

Во время обѣда стемнѣло и зажгли свѣчи; какъ вдругъ, среди оживленнаго разговора, совершенно неожиданно, съ озера налетѣлъ шквалъ, заревѣлъ вѣтеръ, свѣчи разомъ потухли, насъ окружила темнота, а на берегу начался сильный прибой... Всѣ на минуту замолкли... и мнѣ невольно вспомнилось Евангеліе отъ Матѳея (гл. VIII, 16, 18, 23, 24, 26): «Когда же насталъ вечеръ, Іисусъ велѣлъ отплыть на другую сторону и вотъ сдѣлалось великое волненіе на морѣ, такъ что лодка покрылась волнами; а Онъ спалъ». Должно-быть эти вечерніе шквалы и бури, болѣе или менѣе, постоянны на Генисаретскомъ озерѣ, и происходятъ отъ сильнаго нагрѣванія окрестныхъ горъ, которыя, быстро охлаждаясь послѣ заката, производятъ движеніе въ воздухѣ и разводятъ, какъ сказано у Евангелиста, «великое волненіе на морѣ».

Изо всѣхъ мѣстъ Галилеи и Израиля, берега Генисаретскаго озера, конечно, принадлежатъ къ самымъ живописнымъ, самымъ поэтическимъ.

Я, по крайней мѣрѣ, считаю счастливѣйшимъ днемъ въ моей жизни день, проведенный въ любимомъ изъ мѣстъ пребыванія Иисуса Христа.

Дописавъ дневникъ, я легъ, и еще долго прислушивался къ мѣрному прибою озера, мечтая о чудной судьбѣ этого священнаго для насъ уголка земли...

На другой день четверо изъ насъ опять отправились впередъ; но на этотъ разъ мы прогадали, — проводникъ пошелъ по горамъ, и когда мы уже были на самой высотѣ, то увидѣли, что Великій Князь съ остальными идетъ по долинѣ. Я чувствовалъ, что мы должно-быть дали маху, но было поздно. Путь нашъ все время шелъ по плоскогорьямъ и высокимъ долинамъ, съ великолѣпными полями, судя по виду земли, величинѣ и толщинѣ жнитва. Въ одной разсѣлинѣ мы остановились, чтобы напоить лошадей у колодца, и увидѣли цѣлый выводокъ каменныхъ куро-патокъ. А. А. Галль сдѣлалъ по нимъ нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ и спугнулъ большого орла.

Черезъ три часа показался Оаворъ и мы увидѣли подходившій къ его подошвѣ поѣздъ Его Высочества.

Оаворъ стоитъ среди долины, знаменитой своимъ плодородіемъ и множествомъ битвъ. Онъ возвышается на 1000 футовъ надъ окружающею мѣстностью и со всѣхъ сторонъ имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, скаты котораго покрыты различнымъ кустарни-

комъ, дикимъ фисташникомъ, акаціей съ чрезвычайно крупнымъ листомъ и дубовымъ, рѣдкимъ корявымъ лѣсомъ.

Пока мы добрались только къ подножію горы, Великій Князь уже подходилъ, по безчисленнымъ зигзагамъ, къ вершинѣ. Дорога очень камениста и крута, а съ полгоры она дѣлаетъ повороты на каждый 15—20 саженьяхъ. Палатка для привала была раскинута предъ греческимъ монастыремъ, котораго церковь первоначально построена императрицею Еленою, какъ говорятъ, на мѣстѣ Преображенія Господня. Обойдя монастырскій дворъ и церковь, самой простой архитектуры съ выбѣленными внутри гладкими стѣнами, я присоединился къ нашему отдыхавшему обществу. Великій Князь былъ встрѣченъ на дорогѣ предъ Ѳаворомъ восьмидесятипятилѣтнимъ іерусалимскимъ патріархомъ Кирилломъ, противъ котораго возстала вся греческая іерархія за то, что онъ не подписалъ отлученія болгарской церкви и не хотѣлъ мѣшать интересамъ іерархическихъ съ религіозными. Съ виду, патріархъ Кириллъ, сѣдой, какъ лунь, коренастый старецъ, средняго роста, съ орлинымъ носомъ, добродушною улыбкой и быстрымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, еще полныхъ энергіи и выраженія. Его сопровождали митрополитъ назаретскій, замѣчательный красавецъ, и два діакона, изъ которыхъ одинъ довольно чисто говорилъ по-русски.

Привалъ продолжался два часа. Его Высочество приказалъ мнѣ прочесть изъ Евангелія тѣ мѣста, гдѣ упоминается о Преображеніи. Во всѣхъ трехъ Еванге-

ліяхъ стоитъ: «Іисусъ возвелъ ихъ на высокую гору» (Матѣ. XVII, 1; Марка IX, 2; Луки IX, 28); но нигдѣ не сказано, чтобы это былъ Ѡаворъ. За разрѣшеніемъ вопроса, мы обратились къ патріарху. Онъ указалъ на 2 посланіе апостола Петра, гл. I, ст. 16—19, но и тамъ Ѡаворъ не названъ, а сказано: «будучи на святой горѣ». Во всякомъ случаѣ, съ первыхъ вѣковъ христіанства преданія и отцы церкви указываютъ на Ѡаворъ, какъ мѣсто Преображенія Господня, а въ Ветхомъ Завѣтѣ гора эта связана со священными воспоминаніями евреевъ, вотъ почему можетъ-быть такъ и назвалъ ее апостоль Петръ.

Отдохнувъ подъ тѣнью шатра, я пошелъ искать мѣсто съ возможно болѣе открытымъ кругозоромъ и набрелъ на грудѣ развалинъ какого-то города. Вершина горы имѣетъ видъ плоскаго овала и покрыта кустарникомъ и лугами; площадь ея весьма значительна.

Но какой восхитительный видъ открывается съ Ѡавора, удивительнѣйшимъ образомъ поставленнаго среди широкой долины Эсдрелонской, которая постепенно ниспадаетъ къ Средиземному морю съ высоты 440 футовъ. Мнѣ пришло въ голову закрыть глаза и, стараясь забыть только-что пройденную дорогу, мысленно перенестись съ береговъ Генисаретскаго озера на вершину Ѡавора. Если тамъ я чувствовалъ, что нахожусь въ нѣдрахъ земли, окруженный неразрывнымъ кольцомъ горъ, то послѣ такого быстрого перелета на крыльяхъ мысли, когда я открылъ глаза, мнѣ почудилось, будто я высоко поднялся надъ землею, вмѣстѣ съ выдѣлившимся изъ нея

Оаворомъ, а замкнутое кольцо опустилось и обозначились очертанія горныхъ цѣпей и глубокихъ долинъ Палестины. Съ сѣвера въ плодородную долину врѣзывается широкій кряжъ гористой Галилеи, а по ту ея сторону тянется неразрывная цѣпь высокихъ плоскогорій Самаріи и Іудеи, перерѣзанная отдѣльными хребтами. За Галилейскими горами видно южное очертаніе долины, кончающееся у берега горою Кармель, за которою, правѣе, видна полоса Средиземнаго моря, сливающегося на дальнемъ горизонтѣ съ синевою неба.

Когда Великій Князь сталъ спускаться съ горы, его провожали колокольнымъ звономъ. Мы давно уже не слышали благовѣста и теперь онъ отрадно отзывался въ сердцѣ роднымъ отголоскомъ.

Послѣ прохода нѣсколькихъ поперечныхъ отроговъ Галилейскихъ горъ, спускавшихся къ Эсдрелонской долины, черезъ часть предъ нами показался Назаретъ, занимающій западный склонъ прекрасной долины, образованной мѣловыми холмами на высотѣ 1030 футовъ. Мы подошли съ сѣверной стороны города и остановились противъ церкви Св. Гавріила. Греческое духовенство встрѣтило Великаго Князя съ крестомъ и хоругвями, а жители привѣтствовали его крикомъ и выстрѣлами. Сойдя съ коней, мы пошли черезъ маленькій дворъ, обнесенный стѣною и вымощенный плитнякомъ, въ церковь Архангела Гавріила. Она украшена иконостасомъ великолѣпной рѣзбы изъ темнаго кипариса съ живописью древняго византійскаго стиля. Въ противоположной входу стѣнѣ сдѣланъ проходъ съ лѣстницею, спускающеюся въ

корридоръ и маленькую часовню, гдѣ находится обнесенный мраморомъ колодезь, у котораго благо-
вѣствовалъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи архангелъ Гавріиль. Вправо отъ него устроено окно съ желѣзною рѣшет-
кой и видна высѣченная въ скалахъ лѣстница, по
которой, какъ говорятъ, спускалась къ источнику
Богоматерь. Патріархъ отслужилъ молебень. Мы всѣ
испили воды изъ колодца и вернулись въ лагерь,
раскинутый непосредственно за церковью.

Къ обѣду Его Высочество приказалъ подать
лѣнвивыя щи, приготовленныя въ Петербургѣ и взя-
тыя съ собой въ видѣ консерва. Можно себѣ пред-
ставить, какое удовольствіе доставило намъ это блюдо.

Во время сумерокъ мы опять пошли въ церковь
и Его Высочество приказалъ отслужить панихиду по
своей въ Бозѣ почивающей родительницѣ, импера-
трицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которой кончина со-
впала со днемъ нашего вступленія въ Назаретъ.

На слѣдующій день была назначена дневка, чтобы
дать отдыхъ нашимъ утомившимся лошадямъ и выюч-
нымъ животнымъ съ ихъ погонщиками, которые весь
путь совершили пѣшкомъ. Между ними было нѣ-
сколько мальчиковъ, назначенныхъ для ухода за нашими
лошадьми. Послѣ перехода въ Дамаскъ, мы подарили
имъ по полному костюму и это удвоило ихъ ревность.
Бывало, не успѣемъ слѣзть съ коня на привалѣ или
на ночлегѣ, а уже они тутъ какъ тутъ.

Послѣ чаю мы долго не расходились и, сидя за
столомъ, вели оживленную бесѣду. Разговаривая такимъ
образомъ, Его Высочество Князь Евгенийъ Максими-

ліановичъ положилъ руку на край стола и случайно накрылъ ею скорпіона, незамѣтно взобравшагося по скатерти на верхъ. Почувствовавъ гадину, онъ успѣлъ быстро отдернуть руку и избѣжалъ ядовитаго укола. Само собою разумѣется, что этого непрошеннаго гостя тотчасъ поймали и закупорили въ банку съ масломъ для настоя, считающагося лучшимъ противоядіемъ отъ укола этого насѣкомаго. Скорпіонъ съ виду похожъ на рака, только съ тонкимъ, загнутымъ къ верху, хвостомъ, который кончается остріемъ съ ядовитою железой. Если не принять мѣръ, то уколъ скорпіона можетъ быть смертельнымъ; во всякомъ же случаѣ онъ производитъ сильную опухоль шейныхъ железъ и горячечное состояніе, длящееся три дня съ большими страданіями. Скорпіонъ чрезвычайно распространенъ по Сиріи и Палестинѣ, живя бѣльшею частью подъ камнями, въ развалинахъ, или въ оградахъ кактуса, которыми окружены всѣ сады и селенія. Намъ рассказывали, что за Іорданомъ есть долина, въ странѣ моавитовъ, которая необитаема по причинѣ ужаснаго въ ней множества скорпіоновъ.





ГЛАВА XIV.

ЦЕРКОВЬ НА МѢСТѢ СИНАГОГИ. — МОНАСТЫРЬ ФРАНЦИСКАНОВЪ И ЦЕРКОВЬ
БЛАГОВѢЩЕНІЯ. — ПЕЩЕРЫ ВЪ КОТОРЫХЪ ЖИЛА ПРЕСВЯТАЯ ДѢВА МАРІЯ. —
СВАДЕБНОЕ ГУЛЯНЬЕ. — НАЗАРЯНКИ У ВОДОЕМА.



а слѣдующее утро мы встали, не торопясь, и послѣ чая занялись письмами, которыя были отправлены съ нарочнымъ въ Сень-Жанъ д'Акръ. Потомъ пошли осматривать достопримѣчательности города.

Сначала насъ повели въ греческую церковь, построенную на мѣстѣ синагоги, гдѣ Спаситель началъ проповѣдывать назарянамъ, по возвращеніи изъ Капернаума и возбудилъ противъ себя такую ярость, что они выгнали Его изъ города и повели на вершину горы, чтобы свергнуть съ нея.

За молебномъ діаконъ прочелъ по-славянски Евангеліе отъ Луки, гдѣ говорится объ этомъ событіи. Изъ церкви, имѣющей видъ выбѣленной комнаты съ иконостасомъ, насъ пригласили въ домъ митрополита,

украшенный двумя террасами съ цвѣтами и растеніями. Приѣмная комната обнесена диванами; въ ней угощали насъ, по существующему повсемѣстно на Востокѣ обычаю, шербетомъ и прохладительными напитками. На стѣнахъ висѣли лубочныя гравюры съ изображеніями монастырей и скитовъ; между ними находился видъ и нашей Кіево-Печерской лавры.

Здѣсь же намъ показывали вырубленныя въ скалѣ пещеры, гдѣ жили и до сихъ поръ живутъ бѣднѣйшіе назаряне. Пещеры эти весьма малыхъ размѣровъ и освѣщаются черезъ открытый входъ.

Далѣе насъ повели осматривать монастырь францискановъ, возстановленный полтора ста лѣтъ тому назадъ изъ развалинъ греческаго храма, сооруженнаго при Константинѣ Великомъ, императрицею Еленой, когда она разыскивала и обновляла христіанскія святыни.

По существующему въ тѣ времена преданію, царица Елена построила его на томъ мѣстѣ, гдѣ обитала въ пещерѣ Пресвятая Дѣва Марія и гдѣ архангелъ Гавріиль благовѣствовалъ Ей зачатіе и рожденіе Іисуса Христа. Храмъ, разрушенный Саладиномъ, когда онъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ короля Іерусалимскаго Гвидо Лузиньяна, съ той поры лежалъ въ развалинахъ до XVII столѣтія, пока Католическое Общество Святой Земли не испросило разрѣшенія на его обновленіе.

Великаго Князя встрѣтилъ настоятель монастыря, худенькій старичокъ французъ и остальная братія (преимущественно испанцы). Монастырь обне-

сень высокою оградой, ворота которой выходятъ на площадку.

Надъ пещерами выстроень храмъ Благовѣщенія. По широкой лѣстницѣ, съ пятнадцатю ступенями, опускаешься въ продолговатую просторную церковь; въ противоположной широкой стѣнѣ устроены два алтаря съ пролетомъ между ними, за которымъ видна довольно обширная пещера, раздѣленная поперекъ перегородкой, съ ажурнымъ мраморнымъ алтаремъ и дверью, ведущую въ полукруглую половину пещеры. Здѣсь, по преданію, жила Пресвятая Дѣва Марія. Мѣсто у колонны, возлѣ входныхъ дверей, черезъ которыя проникалъ свѣтъ въ пещеру, почитается мѣстомъ Благовѣщенія. Въ глубинѣ второй половины пещеры, вырублена лѣстница, которая ведетъ въ двѣ маленькія пещеры расположенныя выше первой.

Изъ монастыря Его Высочество возвратился въ лагерь, а я пошелъ съ Обермюллеромъ къ протестантскому пастору Зейдлеру, который живетъ уже семнадцать лѣтъ въ Назаретѣ. Въ разговорѣ онъ замѣтилъ, что греки вообще вѣротерпимы и живутъ съ протестантами въ согласіи; но латиняне, напротивъ того, гдѣ только возможно, прибѣгаютъ къ насиліямъ. По его словамъ, большинство христіанъ въ Назаретѣ арабы; почти все населеніе живетъ въ безысходной бѣдности, несмотря на относительное трудолюбіе и производительность почвы; причина тому кроется въ управленіи турецкихъ властей, которыя существуютъ лишь для того, чтобы выжимать и вымогать

изъ края денежныя средства, нисколько не заботясь о будущемъ. И населеніе въ такихъ условіяхъ трудится не для увеличенія своего благосостоянія, а только для насущнаго хлѣба.

Внутри городъ довольно чистъ. Видъ этой чистоты придаетъ ему мѣловая пыль, сплошь покрывающая всѣ улицы и площадки.

По словамъ пастора, вслѣдствіе этой пыли, рѣдкій изъ жителей не страдаетъ глазами болѣзнями и въ городѣ и окрестностяхъ множество слѣпыхъ.

Нѣкоторые путешественники называютъ Назаретъ «Цвѣткомъ Галилеи» и рассказываютъ, что его окрестности изобилуютъ цвѣтами; но, осенью, когда все уже выжжено солнцемъ, нечего искать слѣдовъ флоры въ этихъ окрестностяхъ; къ тому же было такъ жарко, что мы съ трудомъ волочили ноги, а потому и рѣшились возвратиться въ лагерь.

Полагаю, читатель замѣтилъ, что на Благовѣщеніе я указываю въ двухъ мѣстахъ, но этимъ не должно смущаться; въ Палестинѣ, на каждомъ шагу готовы что-нибудь да показать. Предпринимая путешествіе въ Святую Землю, конечно, идешь туда, чтобы видѣть мѣста освященныя пребываніемъ и жизнію Божественнаго Учителя, но время и люди почти что истребили матеріальные слѣды, которыхъ непремѣнно ищетъ человѣкъ, и только при видѣ ихъ находитъ удовлетвореніе своему религіозному чувству. Я тоже ихъ искалъ, и, по-моему, вотъ гдѣ эти слѣды: это горы, воды, долины, растительность, поля; однимъ словомъ, вся природа страны, которая одна не измѣ-

нилась, и которую не могли истребить ни гоненія язычниковъ, ни дикій фанатизмъ мусульманъ. Спаситель также ступалъ на эту почву какъ и мы; предъ Нимъ открывались тѣ же виды, что и предъ нами, Онъ пилъ изъ тѣхъ же ключей, солнце также согрѣвало въ Его время, и Онъ искалъ прохлады въ тѣни той же смоковницы. Мы знаемъ, сколь долгое время Спаситель прожилъ въ Назаретѣ, хотя въ городѣ не осталось ни малѣйшаго видимаго слѣда Его пребыванія. Но развѣ недостаточно знать, что Господь прожилъ здѣсь такъ долго, и что конечно здѣсь нѣтъ и клочка земли, на который бы Онъ не ступилъ. А эти горы, дома, поля, сады, развѣ они измѣнились съ того времени? Не та ли маслина и смоковница упоминаются въ Евангеліи? Не тѣ ли самыя пещеры и каменные дома съ плоскими крышами составляютъ городъ? А эти горы и вся окрестность! Сколько разъ взоръ Спасителя останавливался на нихъ?.... И теперь, глядя на эту мѣстность, видишь то же самое, что и Ему представлялось. Разсуждая такимъ образомъ, ничто не нарушитъ достовѣрности впечатлѣній, и не придется огорчаться тѣмъ, что самыя священныя воспоминанія служатъ средствомъ для поборовъ.

Когда стемнѣло, до нашего стана донеслись звуки рожка, бубенъ и пѣнія; это было свадебное гулянье, приближавшееся въ нашемъ направленіи изъ города. Сначала освѣтилась краснымъ свѣтомъ факеловъ улица и шедшая по ней толпа народа; по выходѣ ея изъ города на площадь, противъ нашего

лагеря, выступили изъ мрака окружающіе площадь сады, съ заборами вѣковыхъ кактусовъ и храмъ Св. Гавріила. Впереди плясали мужчины съ обнаженными саблями; за ними, полукругомъ, подвигался нога за ногу рядъ молодыхъ парней, громко запѣвавшихъ однообразную пѣсню, которая сопровождалась рожкомъ, тамбуринами и ударами въ ладоши. За ними шла толпа народу и женщинъ; послѣднія по бѣльшей части были маленькаго роста, но нѣкоторыя отличались миловидностью. Когда шествіе остановилось предъ нами, женщинъ заставили танцовать. Переплетаясь руками, онѣ составили хороводъ вокругъ двухъ плясавшихъ дѣвушекъ, и обходя ихъ покачивались тѣломъ, то въ середину, то въ наружную сторону. Потомъ одну дѣвушку попросили протанцовать *сабехъ* (танецъ съ саблей) впереди мужчинъ, плясавшихъ уже извѣстный намъ курдскій танецъ. Это было ею исполнено съ большою ловкостью и даже граціею.

Затѣмъ шествіе повернуло обратно въ городъ и еще долго доносились до насъ то усиливавшіеся, то мало-по-малу замиравшіе, голоса и звуки тамбуриновъ.

Весь этотъ день и наступившая затѣмъ ночь отличались необыкновенною жарой и духотой.

Съ восходомъ солнца мы отслужили молебень въ церкви, еще разъ испили святой воды, сѣли на коней и выступили изъ Назарета въ Дженинъ, по Эсдрелонской долины.

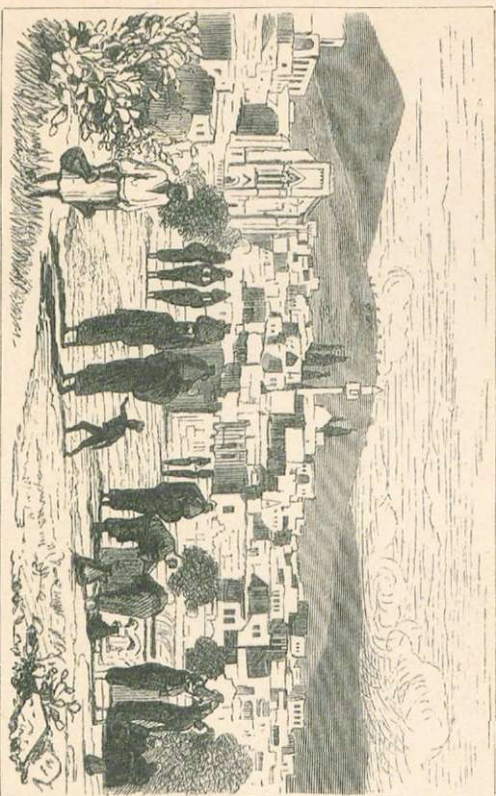
У выхода изъ города на лужайку, окруженную съ двухъ сторонъ садами, выбѣгаетъ ключъ, течетъ

по желобамъ сильною струей въ водоемъ, а затѣмъ обратившись въ ручей, скрывается въ окрестныхъ садахъ. У этого водоема стояли нѣсколько женщинъ и дѣтей. Онѣ были одѣты въ темно-синія рубашки, съ широкими открытыми рукавами, съ бѣлыми платками на головѣ, спущенными вдоль спины такимъ образомъ, что не закрывали ушей и падавшихъ по плечамъ косъ. Ихъ руки и ноги были въ серебряныхъ запястьяхъ, а кувшины, которые онѣ, наполняя водою, ставили на плечи — сохранили свою форму со временъ глубокой древности. И какъ красива, какъ картинна фигура такой женщины, когда она поставитъ кувшинъ на голову или на плечо! Широкий рукавъ падаетъ на складкахъ, а обнаженная рука съ запястьемъ вытягиваетъ къ ручкѣ кувшина. Голова обыкновенно наклоняется въ сторону, а лѣвая рука придерживаетъ рубашку или дно кувшина.

При стройности восточныхъ женщинъ, глядя на нихъ, мнѣ часто приходила на память *Письнь* Соломона, великолѣпно переданная нашимъ поэтомъ Л. А. Меемъ:

Нѣтъ ея стройнѣй пальмы на Энгади....

Я убѣжденъ, что одежда народа не измѣнилась за двѣ тысячи лѣтъ, до того она первобытна въ своемъ покроѣ. Да и отчего бы ей было измѣниться? напримѣръ, въ Назаретѣ, какъ тогда, такъ и теперь, бѣднѣйшее населеніе живетъ въ вырубленныхъ въ скалахъ пещерахъ; какъ тогда, такъ и теперь жены и дѣвы сходятся у водоема, съ тѣми же кувшинами



Нѣкоторые путешественники называютъ Назаретъ „Лѣтъкомъ Галилеи“, —
у этого водоема стояли нѣсколько женщинъ и дѣтей.

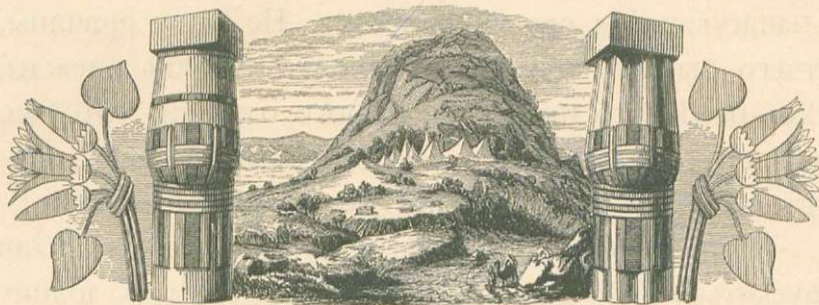


Много же интересных названий, например, «Левый Гайдан»
У этого названия стоял писатель-женщина и др. сл.

и запястьями на рукахъ и ногахъ. Не вижу причины, отчего бы имъ нужно перемѣнить покроемъ одежды, тѣмъ болѣе что на Востокѣ много одѣяній, которыя, судя по барельефамъ и другимъ историческимъ свидѣтельствамъ, положительно не измѣнились.

Отъ водоема мы повернули въ скалы и стали спускаться по очень крутому склону горы въ долину Эсдрелона. Влѣво отъ насъ виденъ былъ отвѣсный утесъ, съ вершины котораго озлобленные Назаряне хотѣли было сбросить Спасителя, послѣ Его проповѣди въ синагогѣ, «но Онъ прошедъ посреди ихъ, удалился». (Луки IV, 30).





ГЛАВА XV.

ДОЛИНА ІЕЗРАИЛЬ ИЛИ ЭСДРЕЛОНА. — ДЖЕНИНЪ. — ПОЛОЖЕНІЕ ЗЕМЛЕ-
ДѢЛЬЦА И КАПИТАЛИСТА ВЪ СІРІИ И ПАЛЕСТИНѢ. — НАБЛУСЪ. — СТА-
РѢЙШИНА САМАРЯНЪ. — МОГИЛА ІОСИФА. — КОЛОДЕЗЬ.



аходясь въ Эсдрелонской долинь, покры-
той пашнями, мы могли любоваться див-
нымъ мѣстоположеніемъ Оавора; онъ
стоялъ подобно престолу въ величествен-
ной залѣ, составленной изъ толпившихся
вокругъ его вершинъ Галилейскихъ и
Ефраимовыхъ горъ.

Весь путь нашъ пролегалъ по этой
долинь, славящейся своимъ плодородіемъ
со временъ библейскихъ. Эсдрелонская
долина орошается рѣкой Киссономъ и по ширинѣ
своей напоминаетъ скорѣй равнину, пересѣченную
нѣсколькими кряжами холмовъ; но несмотря на ви-
димое богатство почвы, селенія поражаютъ гнетущею
бѣдностью, а смазанныя изъ глины, булыжника и

плитняка, жилища, въ видѣ клѣтушекъ, напоминають снаружи постройки людей каменнаго вѣка.

Ихъ обитатели возбуждаютъ жалость своимъ оборваннымъ видомъ и едва прикрытою, какими-то тряпками, наготой. Большинство между ними страдаетъ глазами.

Мы остановились для привала въ такой деревнѣ, у ручья, подъ сѣнью лимонной рощи. Деревья были такихъ роскошныхъ размѣровъ, что, переплетаясь сучьями, образовали навѣсъ, украшенный по темной зелени листьевъ желтыми какъ янтарь плодами. Какъ хорошъ отдыхъ въ такомъ естественномъ шатрѣ, особенно послѣ перехода подъ палящимъ зноемъ! Въ немъ воздухъ освѣжается прохлагою ручья, а листья не пропускаютъ жары до такой степени, какъ холстъ палатки, въ которой всегда душно.

Чрезъ три часа послѣ привала мы подошли на ночлегъ къ Дженину. Городъ лежитъ на противоположныхъ Назарету склонахъ Эсдрелонской долины и окруженъ садами, со множествомъ финиковыхъ пальмъ.

Мы расположились въ оливковой рощѣ, немного выше города и неподалеку отъ большаго водоема, который наполняется ключомъ, замѣчательнымъ по своему изобилію. Вправо отъ насъ стоялъ высокій заборъ изъ кактусовъ съ краснѣвшими на нихъ зрѣлыми плодами, похожими по величинѣ и внутренности на наши огурцы, но только въ красной жесткой кожѣ, съ желтымъ мясомъ и зернами. Мы попробовали ихъ. Но надо осторожно употреблять эти плоды въ пищу, такъ какъ внутренность кожи

покрыта тончайшими иглами, которыя, впиваясь въ языкъ и нѣбо, причиняють боль. На вкусъ они очень сладки, сочны, питательны и по своему изобилію служатъ пищею для бѣднѣйшихъ жителей.

Въ Дженинѣ мы неожиданно нашли капусту. Его Высочество съ Д. И. Скобелевымъ лично занялись варкой лѣннихъ щей и картофельнаго соуса. Когда спала жара и наступили сумерки, мы сѣли въ кружокъ, на сложенныхъ подъ маслинами вещахъ, и стали пѣть хоромыя пѣсни. Странно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятно было слышать такіе напѣвы какъ — «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» и «Вдоль по улицѣ мятелища мететь», въ далекой Іудеѣ, между палатками, подъ корявыми стволами вѣковыхъ маслинъ, при мерцающемъ свѣтѣ факеловъ и костровъ, освѣщавшихъ необычный для глаза бивуакъ турецкой кавалеріи, а нашихъ нукеровъ съ лошаками и хлопотавшихъ около очага поваровъ, рядомъ съ неподвижными фигурами арабовъ, пришедшихъ изъ города посмотреть на нашъ шумный лагерь.

Не успѣли мы разойтись по палаткамъ и еще не замолкли голоса товарищей, призывавшихъ своихъ людей, какъ шакалы затаили свою нескончаемую пѣснь, съ жалобнымъ воемъ и дикими руладами.

Выйдя съ восходомъ солнца изъ Дженина, мы перешли черезъ три часа на привалъ въ деревню Сили, а оттуда, послѣ перехода въ три часа съ четвертью, въ Наблусъ или древній Сихемъ, столицу Самаріи.

До Сили дорога была немного болѣе гориста, чѣмъ до Дженина и все время пролежала по неболь-

шимъ плоскогоріямъ и плодороднымъ пашнямъ въ долинахъ.

Поля были запаханы подъ озимый хлѣбъ; на нѣкоторыхъ еще работали поселяне, одѣтые въ бѣлыя до колѣнъ подпоясанныя рубашки безъ рукавовъ; на головѣ кефіе, а на ногахъ кожаныя сандаліи. Каждый изъ пахарей имѣлъ въ рукахъ саженную палку, которою погонялъ своихъ воловъ, впряженныхъ въ плугъ парой.

Я подѣхалъ къ Н. Д. Макѣеву и сталъ спрашивать его, какъ старожила, о бытѣ здѣшняго населенія. Сѣютъ два раза въ годъ, безъ пару: въ октябрѣ передъ зимними дождями, и снимаютъ этотъ посѣвъ въ февралѣ, потомъ въ мартѣ и снимаютъ въ іюнѣ, а если годъ благопріятенъ и перепадаютъ дожди, то снимаютъ и третій хлѣбъ, отъ іюля до сентября. Средній урожай считается самъ-сорокъ, но доходитъ иногда и до двухсотъ. При этомъ надо замѣтить, что въ большинствѣ не обращаютъ особеннаго вниманія на плодоперемѣнность, придерживаясь только соотвѣтствующему времени года и сѣютъ много масличныхъ растеній, даже подъ оливковыми деревьями (такъ напримѣръ изъ Яффы вывозятъ до трехъ милліоновъ *окъ* сѣмени, идущаго на маслобойни).

Земледѣлецъ, имѣющій до 3000 р. с. капитала, считается богатымъ и оборачиваетъ свой капиталъ частью въ землѣ, частью давая въ займы между своими. Торговецъ съ капиталомъ въ 7000 р. с. считается зажиточнымъ; владѣющій же 35 или 40 тысячами — богатымъ.

Законный процентъ 12; но само правительство даётъ 24%. Посему капиталисты и отдаютъ свои деньги займы правительству, стараясь только скрыть свое имя, а дѣйствуя какъ маклеръ между правительствомъ и подставнымъ лицомъ. Лица эти обыкновенно избираются изъ иностранцевъ, или пользующихся покровительствомъ консуловъ. Турецкій подданный никогда не ссужаетъ своему правительству, рискуя, въ противномъ случаѣ, потерять и капиталъ и проценты. Проценты полагаются законные двѣнадцать, а двѣнадцать приписываются къ суммѣ векселя. Къ мелкимъ займамъ у частныхъ лицъ прибѣгаютъ мѣстные власти, для удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ управляемаго ими края, такъ какъ большая часть налоговъ и повинностей забирается впередъ и вносится въ казначейство, а на жалованье по управленію и на расходы по постою войскъ приходится занимать до слѣдующихъ поборовъ.

До послѣдней рѣзни христіанъ, безпорядки въ Сиріи и Палестинѣ достигли крайнихъ предѣловъ; вся страна страдала отъ разбоевъ, междоусобицъ и неповиновенія властямъ до того, что даже такіе города, какъ Дамаскъ, не отправляли рекрутской повинности. Правда, что съ тѣхъ поръ, какъ Фуаль-паша перевѣшалъ и перестрѣлялъ, послѣ дамаскаго возмущенія, предводителей шакъ, извѣстныхъ своимъ открытымъ грабежомъ, даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ долина Бекаа, Эсдрелона и окрестности Яффы и Іерусалима, турки уничтожили разбой и междоусобицу, но жители отъ этого нисколько не вы-

играли, потому что ихъ тотчасъ же обложили несо-
размѣрными податями и налогами, такъ что не видя
исхода изъ своего положенія, они свыклись съ нимъ
и относятся ко всему апатично, коснѣя въ бѣдности
и невѣжествѣ, среди богатства и изобилія почвы.
И можетъ ли быть иначе, когда земледѣлецъ долженъ
уплатить налоги съ полей при посѣвѣ, а съ фрук-
товыхъ деревъ при ихъ цвѣтѣ....

Бедуины же и друзья до сихъ поръ не несутъ
никакихъ повинностей и не подчиняются власти сул-
тана. Тѣ же которые ее признаютъ, находятся на
службѣ у правительства, какъ напримѣръ видѣнное
нами племя шейха Магометъ-Духи, получающаго до
пятнадцати тысячъ въ годъ за сопровожденіе кара-
вана меккскихъ поклонниковъ.

Отъ Сили до Наблуса мы ѣхали три часа съ
четвертью. Дорога пролегаетъ по довольно живопис-
ной и населенной мѣстности, безпрестанно пересѣкая
долины и огибая горы. За то каменистый ея грунтъ
часто вынуждалъ насъ вытягиваться по одному, и
затѣмъ нагонять Великаго Князя. Знойный вѣтеръ
дулъ сзади. Жара стояла нестерпимая. Подходя къ
Наблусу, мы спустились въ долину; по ней тянулась
оливковая роща; издали казалось что вотъ, вздохнемъ
свободнѣй, но томкая зелень маслинъ мало даетъ
тѣни, а напротивъ того, только удерживаетъ жаръ
и какъ въ рѣшето пропускаетъ жгучіе лучи солнца.

Наблусъ, древній Сихемъ, или Сихаръ, лежитъ
въ узкой долинѣ, образуемой съ юга покрытой зе-
ленью горой Гаризимъ, а съ сѣвера голымъ и кру-

тымъ Геваломъ, на которомъ «Исусъ Навинъ, поставивъ жертвенникъ съ надписью всѣхъ словъ закона и прочитавъ народу благословеніе и проклятіе», обращался къ плодоносному Гаризиму и къ бесплодному Гевалу, какъ къ эмблемамъ благодати и проклятія. По завоеваніи Ханаана іудеями, Сихемъ достался левитамъ, и сюда было перенесено тѣло Іосифа. Здѣсь же находится несомнѣнный колодезь Іакова, у котораго Исусъ Христосъ бесѣдовалъ съ самарянкою.

Въ Наблусѣ считается отъ пятнадцати до восемнадцати тысячъ населенія и преимущественно фанатиковъ—магометанъ, между которыми живутъ 800 христіанъ и остатки самарянъ ¹⁾, въ числѣ 134 человекъ, считая вмѣстѣ съ дѣтьми. Ихъ старѣйшина — высокій, здоровый мужчина, съ сѣдою, подстриженною бородой и округленными чертами лица — представился Его Высочеству. Онъ объяснялся по-англійски; на немъ былъ обыкновенный костюмъ: шаровары, куртка и феска. Съ его показанія я и записалъ число живущихъ еще въ Наблусѣ самарянъ.

Самаряне показываютъ, что они отдѣлились отъ іудеевъ въ то время, когда первосвященникъ Ілія оставилъ храмъ, воздвигнутый на горѣ Гаризимѣ Исусомъ Навиномъ, и построилъ другой алтарь въ Силомѣ. Евреи же считаютъ самарянъ помѣсю отъ оставшихся въ странѣ израильтянъ и язычниковъ, поселенныхъ въ этихъ долинахъ завоевателями.

¹⁾ Самаряне называютъ себя шомримъ, то-есть „хранителями закона“.

Вражда и ненависть между самарянами и іудеями началась съ того времени, какъ послѣдніе отстранили участіе самарянъ въ возстановленіи Іерусалимскаго храма, и когда, по проискамъ послѣднихъ, возобновленіе храма было отложено на 20 лѣтъ. Самаряне признають только книги Моисея и Іисуса Навина. Замѣчательно, что Веніаминъ Тудела, отыскивая своихъ единовѣрцевъ, въ 1173 году показываетъ въ Наблусѣ 100 самарянъ; докторъ Петерманъ, проживавшій тамъ въ 1852 году два мѣсяца, чтобы собрать о самарянахъ болѣе точныя свѣдѣнія, считалъ ихъ 122, а намъ старѣйшина показалъ 134 человѣка. Во времена Тудела самаряне жили: въ Дамаскѣ въ числѣ 400 человѣкъ; въ Аскалонѣ 300 человѣкъ, Кесаріи 200 и еще была одна цвѣтушая колонія въ Египтѣ, поселенная Александромъ Македонскимъ; теперь же самаряне остались только въ одномъ Наблусѣ ¹⁾).

Пройдя городъ, въ десяти минутахъ отъ гробницы Іосифа и колодца Іакова, мы стали лагеремъ. Здѣсь встрѣтилъ Великаго Князя нашъ іерусалимскій консулъ, Кожевниковъ, и архимандритъ тамошняго страннопріимнаго дома, отецъ Антоній. Отдохнувъ немного, мы пошли ко гробницѣ Іосифа, куда взялся насъ проводить самарянинъ.

Гробница Іосифа обнесена оградой, въ правомъ углу которой стоитъ выложенная изъ кирпича про-

1) Петерманъ рассказываетъ, что между ними есть преданіе, будто, нѣсколько столѣтій тому назадъ, 3000 самарянъ отплыли изъ Аскалона и поселились въ Англіи.

долговатая сводчатая могила. Дворъ въ оградѣ вымощенъ плитами, а по стѣнамъ разстилается зелень виноградной лозы. Тутъ находятся еще двѣ могилы, но самарянинъ не зналъ кто въ нихъ покойся, а только съ достовѣрностью указалъ на могилу Іосифа.

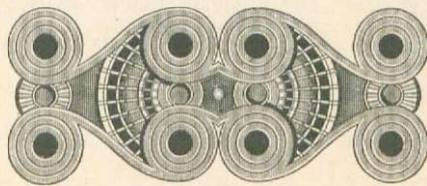
Отсюда, перейдя поле и двѣ, три канавы, мы подошли къ колодцу Іакова, гдѣ Спаситель бесѣдовалъ съ самарянкой. Надъ колодцемъ стоятъ развалины греческой церкви. Воды въ немъ не было, не смотря на глубину 75 футовъ, потому что лѣтомъ онъ изсякаетъ и наполняется водой только въ теченіе зимы.

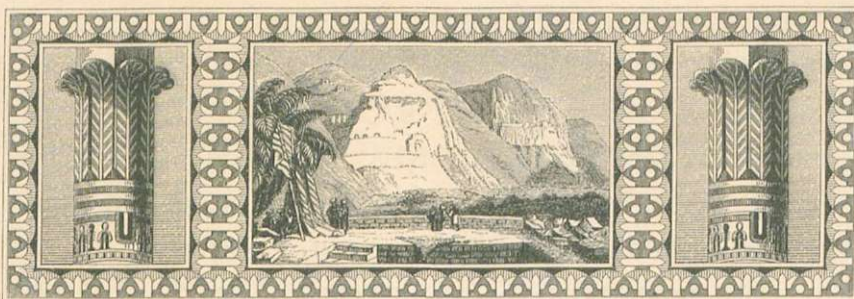
Обойдя развалины, я сталъ приискивать въ Евангеліи отъ Іоанна мѣсто, въ которомъ онъ рассказываетъ бесѣду Іисуса Христа съ самарянкой, когда «утрудившись отъ пути» изъ Іудеи въ Галилею, Спаситель подошелъ и сѣлъ у колодезя (Іоан. IV, 6). Прочитавъ Евангеліе, я посмотрѣлъ на долину. Около меня стоялъ самарянинъ. Гора Геваль освѣщалась солнцемъ, рѣзко выдѣляясь своими красноватыми обрывами и утесами, въ противоположность пологимъ и зеленѣющимъ склонамъ Гаризима, у подножія котораго раскинулся Наблусъ, окруженный рощами маслинъ и гранатовъ. Пока мы ходили и осматривали эти мѣста, лучи солнца, наклоняясь къ западу, теряли свою жгучесть, переставали накаливать утесы и скалы долины; а медленно охлаждавшійся воздухъ, приходя въ движеніе, освѣжалъ насъ легкимъ дуновеніемъ, возвращая нашимъ усталымъ членамъ силу и бодрость.

Я умилился душой... Спаситель, бесѣдуя съ самарянкой, какъ и мы, «утрудившись отъ пути», озиралъ ту же картину, и, оставаясь затѣмъ, по просьбѣ самарянъ, въ Наблусѣ, вѣроятно переживалъ тѣ же впечатлѣнія въ наступавшей мало-по-малу прохладѣ, послѣ дневнаго зноя и духоты.

Мы возвратились въ лагерь обѣдать. Въ эту ночь шакалы задали страшный концертъ, отличаясь въ изобрѣтеніи самыхъ ужасныхъ диссонансовъ, и бродили такъ близко около палатокъ, что часовые отгоняли ихъ саблями и камнями.

Изъ Наблуса идетъ прямой путь въ Іерусалимъ, но Великій Князь желалъ сначала посѣтить Іорданъ и Мертвое Море, а потомъ уже войти въ священный городъ по дорогѣ изъ Вифаніи. Послѣ долгихъ совѣщаній, Холу-паша наконецъ нашелъ проводника, который брался провести чрезъ Еффраимовы горы въ долину Іордана, по тропамъ и русламъ пересохшихъ въ это время года горныхъ рѣчекъ, такъ какъ въ избранномъ Его Высочествомъ направленіи нѣтъ прямой дороги.



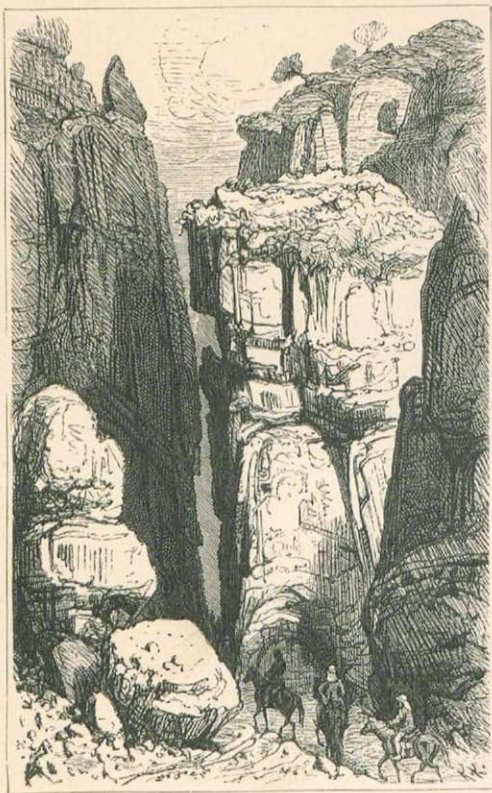


ГЛАВА XVI.

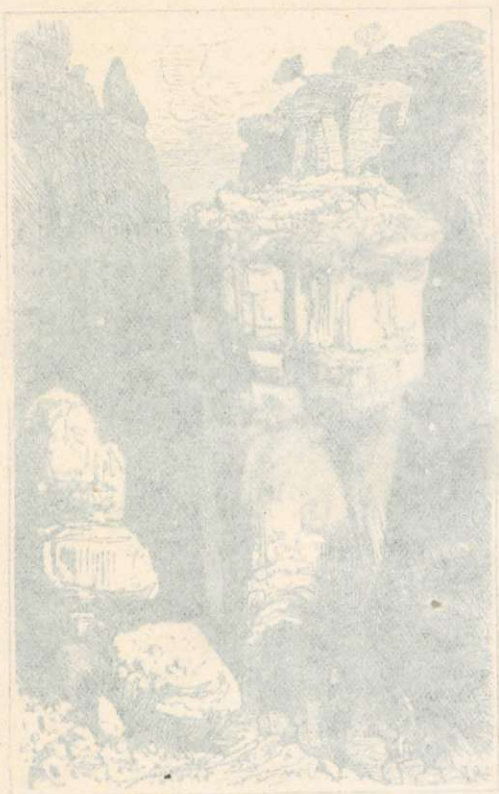
КОЛОДЕЗЬ ІАКОВА. — ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ЕФРАИМОВЫ ГОРЫ. — ПУСТЫНЯ НА РАВНИНѢ ІОРДАНА. — ИСТОЧНИКЪ ПРОРОКА ЕЛИСЕЯ. — МЕРТВОЕ МОРЕ. — ІОРДАНЪ. — КУПАНЬЕ. — ОАЗИСЪ ІЕРИХОНА. — ГОРА Сорокадневнаго поста. — ДЕРЕВНЯ РАХА И ДРЕВНІЙ ІЕРИХОНЪ.



Васъ подняли еще до разсвѣта и мы были уже на коняхъ, когда первые лучи солнца позолотили вершины горъ, разгоняя сумракъ долины. Это былъ самый трудный и утомительный переходъ нашего путешествія. Пролегая чрезъ нѣсколько пересѣкающихъ кряжей Еффраимовыхъ горъ, тропы по временамъ совершенно исчезали. Мы нѣсколько разъ спускались въ необитаемыя долины съ отвратительными спусками по гранитнымъ плитамъ, съ которыхъ привычныя лошади, составивъ вмѣстѣ ноги, скользили какъ на конькахъ. Затѣмъ слѣдовали по русламъ горныхъ потоковъ, подымались на кручи и переваливали иногда чрезъ самыя вершины



Не доходя двухъ верстъ до долины Иордана, мы очутились въ узкой разщелинѣ, стѣны которой въ иныхъ мѣстахъ сходились на пять, много на шесть шаговъ.



На высоте двух верст до долины Иордана, мы очутились въ
узкой долине, стѣны которой въ нѣкихъ мѣстахъ сходились
на пять, много на шесть шаговъ.

Ефраимовыхъ горъ, не превышающихъ 3000 футовъ отъ поверхности моря.

Не доходя двухъ верстъ до долины Иордана, мы очутились въ узкой расщелинѣ, стѣны которой въ иныхъ мѣстахъ сходились на пять, много на шесть шаговъ, а при заворотахъ расщелина эта казалась просто глубокимъ колодцемъ. Къ тому же она была запружена камнями различной величины и формы, которые цѣлыми грудами преграждали и затрудняли путь.

Послѣ такого утомительнѣйшаго хода, мы, подѣ конецъ, вышли на песчаную равнину, гдѣ протекаетъ Иорданъ. Шатеръ для завтрака былъ разбитъ у ручья, въ тѣни развѣсистыхъ теребинтовъ.

Мы совершили этотъ переходъ въ шесть часовъ времени. По нашему пути не было видно никакихъ слѣдовъ населенія. Одиѣ только эти горы, пропасти, долины и разсѣлины казались какъ бы нѣмыми памятниками тѣхъ страшныхъ вулканическихъ переворотовъ, которые были въ этой мѣстности, когда силой внутренняго огня разрывалась земная кора. Надо замѣтить, что хотя весьма интересно подыматься на эти кручи и опускаться съ нихъ въ пропасти и трещины, подобныя застывшему гигантскому морскому волненію, но должно также сознаться, что это стоить и не малаго физическаго труда.

Когда пробирались по дну послѣдней разсѣлины, невольно представлялась моему воображенію та страшная сила громовыхъ раскатовъ и ударовъ, какими долженъ былъ оглашаться воздухъ во время

страшныхъ вулканическихъ измѣненій земной коры. Сомнѣваюсь, чтобы теперь что-либо могло уподобиться этой силѣ, и должно думать, что нынѣ земля сравнительно молчаливо и тихо плыветъ въ мировомъ эфирѣ, не смотря на всю хлопотню, которую силится произвести на ней безпокойный человѣкъ своими взрывами и колоссальными орудіями.

Во время отдыха, къ нашему привалу подѣхало нѣсколько бедуиновъ. Подъ однимъ изъ нихъ была гнѣдая арабская кобыла идеально красивыхъ формъ. Ничего подобнаго мы не встрѣчали во все время путешествія. Его Высочество пожелалъ ее пріобрѣсти. Какъ ни уговаривали бедуина продать кобылу, онъ сначала было согласился, на минуту соблазнился золотомъ, которое ему сыпали въ подолъ, но замѣтивъ, что такимъ образомъ можно лишиться своего сокровища, вскочилъ на кобылу и былъ таковъ!...

Чрезъ два часа мы пошли дальше, по пустынной и песчаной равнинѣ Гора, какъ называютъ долину Іордана, поросшей какимъ-то сѣроватымъ верескомъ. Иногда ее пересекали покрытые чахлою зеленью небольшіе овраги, по которымъ стекаетъ въ Іорданъ дождевая вода съ Іудейскихъ горъ, а въ иныхъ мѣстахъ слѣды этихъ потоковъ кончались на равнинѣ цѣлыми пространствами опаленнаго солнцемъ камыша, гдѣ водятся кабаны и, какъ говорятъ, изрѣдка появляются пантеры, спускающіяся съ горъ на охоту за антилопами. Я отсталъ съ нѣкоторыми товарищами отъ Великаго Князя и переѣзжая такіе камыши, зорко оглядывался по сторонамъ, хотя былъ

увѣренъ, что ничего не встрѣчу; но мнѣ нравилось настраивать и пугать свое воображеніе, чтобы, развлекаясь такимъ образомъ, сколько-нибудь сокращать безконечную дорогу подъ палящими лучами солнца.

У источника, предназначеннаго для ночлега, не оказалось воды и намъ пришлось искать другаго. Солнце уже закатилось, когда, наконецъ, нашъ караванъ достигъ ущелья съ небольшимъ ручейкомъ, поросшимъ камышами и деревьями.

Итакъ, мы странствовали въ этотъ день отъ восхода до заката по горамъ, долинамъ, ущельямъ, пустынямъ, въ духотѣ и жарѣ, которая въ особенности тяготила насъ послѣ полудня, когда пришлось идти песками по равнинѣ Гора, лежащей отъ 1000 до 1200 футовъ ниже поверхности Океана. Между тѣмъ, этотъ ужасный путь совершилъ съ нами и патріархъ Іерусалимскій Кириллъ, маститый старецъ, 85 лѣтъ, возбуждавшій собою общее наше удивленіе, въ особенности когда мы узнали, что онъ страдаетъ ракомъ въ груди.

Окаймляющія эту пустыню горы вывѣтриваются и обсыпаются, издали образуя своими узорчатыми очертаніями разнообразнѣйшіе виды; такъ напримѣръ, подходя къ ночлегу, мы обогнули выдавшійся въ долину гранитный утесъ, который имѣлъ видъ громадной, полуразвалившейся постройки титановъ.

За этотъ переходъ, не смотря на то, что я не особенно томился жаждой, мнѣ стало понятно, что даже глаза могутъ жаждать зрѣлища воды, этого доб-

раго генія пустыни; и дѣйствительно, гдѣ только она коснулась своею благодѣтельною влагой, тамъ, какъ бы чуднымъ мановеніемъ волшебства, оживляется окрестность, появляются деревья, кусты, поля, луга и вообще, такъ-сказать, готовый пріютъ для человѣка.

Большая часть нашего каравана пришла къ ночлегу, когда уже стемнѣло. Чтобы собрать остальныхъ, зажгли на горѣ маякъ, развели огромный костеръ, стрѣляли изъ ружей, кричали и трубили сигналы.

Въ ожиданіи приготовленія обѣда, намъ разостлали на травѣ ковры. Лежа на нихъ, мы отдыхали и смотрѣли на громадное пламя костра, поддерживаемаго сухимъ камышомъ. Онъ ярко освѣщалъ близлежащую мѣстность около ручья, погружая все остальное въ загадочную для глаза тьму, изъ которой, по временамъ, какъ китайскія тѣни, выдѣлялись черными силуэтами пробиравшіеся къ ручью фигуры нукеровъ, солдатъ, лошадей... Какъ будто тьма принимала формы и перебѣгала съ одной стороны на другую, предъ огнемъ пылавшимъ и вытягивавшимся длинными языками.

Ночью было чрезвычайно душно; не смотря на всю усталость, спалось дурно. Моего товарища по палаткѣ душилъ во снѣ кошмаръ. Шакалы не подходили къ лагерю и только два слышенъ былъ съ горъ ихъ удивленный вой, что въ тѣхъ пустыняхъ, которые они сами рѣдко посѣщаютъ, раскинулся нашъ огромный лагерь.

Не трудно себѣ представить, какъ заморились наши лошади, люди и выючныя животныя, послѣ

такого усиленного перехода. Когда, утромъ, мы опять должны были сѣсть верхомъ, то мой бѣдный конь имѣлъ такой заморенный видъ, что я даже усомнился, выдержать ли онъ предстоящую поѣздку къ Мертвому морю и на Иорданъ. Онъ едва переступалъ ногами, переходя постоянно въ какой-то неопредѣленный алюръ.

Добравшись, черезъ два часа, до Айнъ-Султане, или источника Пророка Елисея, бьющій изъ скаль въ оазисѣ древняго Іерихона, я пришелъ почти въ отчаяніе: лошадь моя окончательно отказывалась служить. Видя мое затрудненіе и думая, что я томлюсь жаждой, ко мнѣ подѣхалъ молодой и красивый турецкій солдатъ, предлагая напиться; но я поблагодарилъ его и попросилъ взять мою лошадь на поводъ, самъ же пошелъ впередъ и сдѣлалъ добрыхъ три версты пѣшкомъ, разминая уставшія отъ понуканія лошади ноги. На наше счастье тучи заволокли небо и воздухъ посвѣжѣлъ. Я опять сѣлъ верхомъ, подаривъ доброму солдату *меджидіе*, и къ удивленію почувствовалъ, что мой конь ободрился и даже лягнулъ кого-то.

Пройдя по нѣсколькимъ оврагамъ, между холмами бѣлаго и сѣроватаго песку, мы наконецъ достигли пустыннаго берега Мертваго моря.

Какъ боковыя кулисы театра, такъ горы и долины, справа и слѣва, врѣзались острыми мысами въ свинцовую поверхность Мертваго моря, отдѣляясь другъ отъ друга постепенною яркостью цвѣтовъ и ясностью очертаній, которыя мало-по-малу вдали

сливались съ облаками и водою въ одну туманную завѣсу.

Мертвое море или Асфальтовое озеро (называемое арабами Биркетъ-Лутъ, то-есть море Лота) лежитъ на 1235 футовъ ниже поверхности океана, въ глубочайшей на землѣ впадинѣ. Въ сѣверной части оно достигаетъ глубины отъ 500 до 1000 и даже 1200 футовъ, а въ южной оконечности, гдѣ находятся залежи каменной соли, всего 16 футовъ. На его юго-западномъ берегу указываютъ развалины Содома, Гоморры и другихъ вмѣстѣ съ ними погибшихъ городовъ, которые, судя на изысканіяхъ французскаго ученаго Саси, не были поглощены водами Асфальтоваго озера, а только истреблены вулканическими изверженіями, обратившими всю плодородную долину въ солено-сѣрнистую пустыню.

По указаніямъ Риттера, Мертвое море на сто частей воды содержитъ 42,8 солей и асфальтоваго, или горнаго масла. Она такъ густа, что погрузиться въ нее нѣтъ никакой возможности. Названіе Мертваго моря какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ наружному виду этого озера, не говоря о томъ, что въ немъ нѣтъ ни единаго живаго существа и что его солонцеватые берега лишены всякой растительности; самый цвѣтъ воды какъ бы подернуть мертвенной блѣдностью.

Когда я подъѣхалъ, то Великій Князь и многіе изъ товарищей уже раздѣлись и собирались входить въ воду. Я живо сбросилъ платье и послѣдовалъ за ними. Дѣйствительно, нельзя себѣ представить

какимъ образомъ, лежишь на водѣ, высовывая руки и ноги во всевозможныхъ положеніяхъ и не идешь ко дну. Это совершенно своеобразное чувство, ни съ чѣмъ несравнимое. Я попробовалъ окунуть лицо, но тотчасъ же отскочилъ, такъ щиплетъ и жжетъ этотъ разсолъ въ ноздряхъ и глазахъ. Мы поплыли къ лежавшему противъ насъ острову, съ трудомъ подвигаясь впередъ, потому что перемѣщеніе въ этой водѣ сопряжено съ большими усиліями. Она чрезвычайно прозрачна; вездѣ видно каменистое дно. Его Высочество Князь Евгенийъ Максимиліановичъ уронилъ свое кольцо съ рубиномъ; на глубинѣ, по крайней мѣрѣ, трехъ футовъ, оно лежало какъ на ладони и мнѣ удалось его достать, причемъ меня тискали за плечи въ воду, а я противъ воли сопротивлялся, какъ бычачій пузырь и, наконецъ, держась за ногу Евгения Максимиліановича, добрался правою рукой до дна и вытащилъ кольцо. Тѣло скоро обсыхаетъ и покрывается, какъ пылью, мелкими кристаллами соли и весьма непріятнымъ, липкимъ жиромъ. Проглотить глотокъ этой воды кажется невозможнымъ, такъ отвратителенъ на вкусъ этотъ горько-соленый и жирный разсолъ. Когда выйдешь изъ воды и одѣваешься, кажется, что все тѣло смазано липкимъ жиромъ и посыпано пескомъ. Чтобъ избавиться отъ этого непріятнаго чувства, надо было выкупаться въ Іорданѣ.

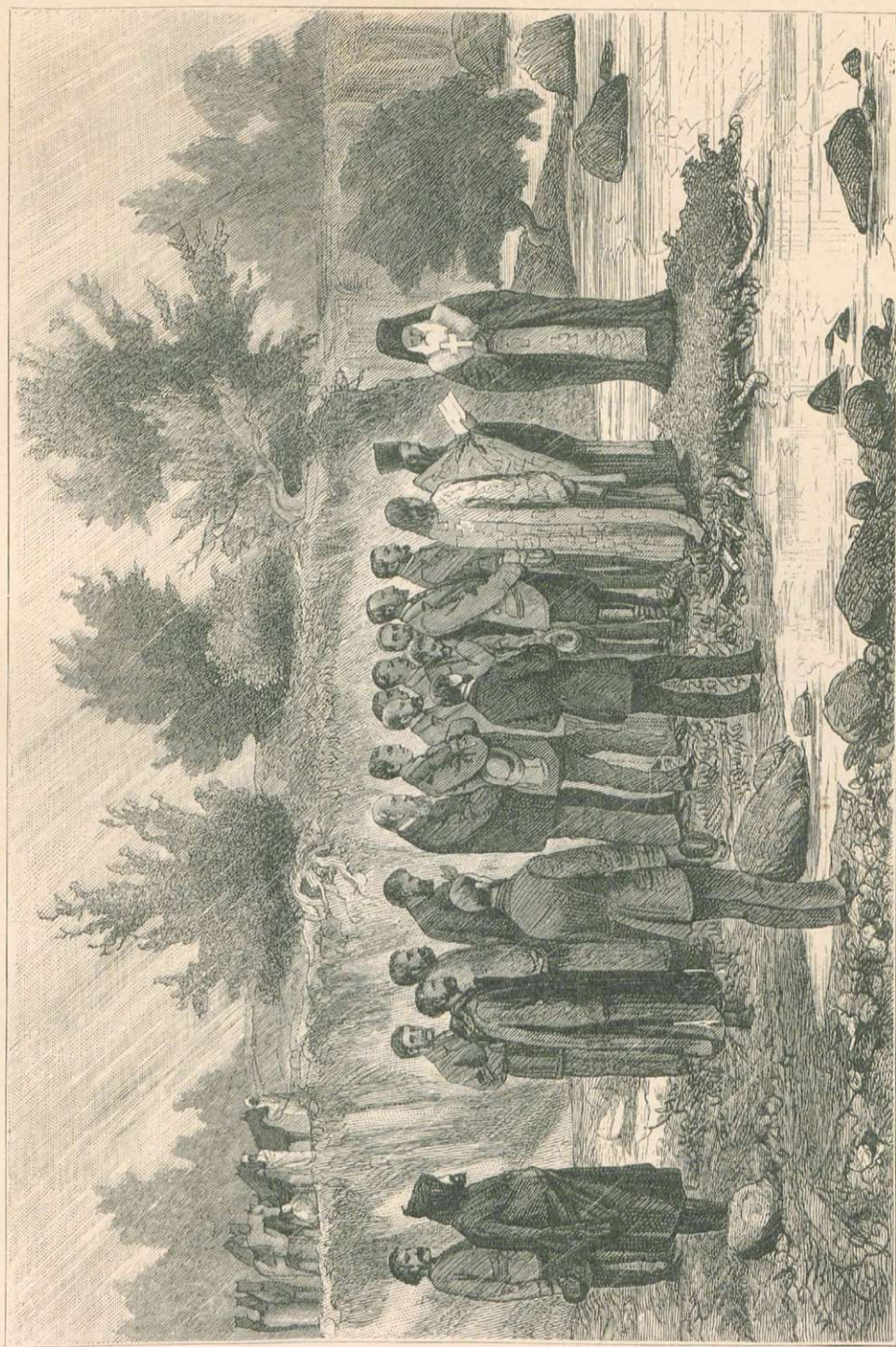
Одѣвшись, мы опять сѣли верхомъ, проѣхали на Іорданъ, безъ дороги, песками и остановились у того мѣста, гдѣ, по преданію, проповѣдывалъ и крестилъ

народъ Іоаннъ Креститель и гдѣ принялъ святое крещеніе Самъ Господь Іисусъ Христосъ. На этомъ мѣстѣ, въ небольшомъ затонѣ Іордана, былъ сдѣланъ отъ берега помостъ изъ свѣжаго хвороста и патріархъ Кириллъ совершилъ съ него службу Богоявленія Господня. Во время молебна пѣли по-русски архимандритъ и его церковнослужители. Чрезвычайно отраднo было находиться на томъ мѣстѣ, гдѣ установилось священное таинство, подѣ благодатною сѣнью котораго мы, христіане, вступаемъ въ жизнь.

Подойдя ко кресту, мы отправились купаться, немного выше по рѣкѣ. Противоположный берегъ отвѣсно подымался надъ водою сажень семь, а со стороны, гдѣ мы раздѣвались, онъ поросъ невысокимъ лѣсомъ и кустарникомъ.

Иначе какъ лежать и держась за каменистое дно, купаться нельзя и то сносить въ середину теченія, изъ котораго трудно выбиться. Вода Іордана тепла; но несется такъ быстро, что отъ скорости бѣга охватываетъ тѣло пріятною прохладой. Въ этихъ мѣстахъ глубина его не превышаетъ трехъ футовъ, а у берега одного фута, при ширинѣ около десяти сажень. Противъ мѣста, гдѣ крестился Спаситель, въ плоскихъ берегахъ, покрытыхъ густымъ кустарникомъ, рѣка описываетъ дугу, въ вогнутой части которой остается тихая заводь. На видъ Іорданъ мутенъ, какъ горный потокъ, быстро несется, и, какъ говорятъ географы, безслѣдно сякнетъ въ Мертвомъ морѣ.

Среднимъ числомъ въ Іорданѣ считаютъ на 1000 футовъ 16 футовъ паденія. Наибольшая его



Мѣсто гдѣ, по преданію, проповѣдывалъ и крестилъ народъ Іоаннъ Креститель и гдѣ принялъ святое крещеніе Самъ Господь Іисусъ Христосъ.

ширина 540 футовъ, находится лишь у впаденія; но въ библейскія времена, когда горы Ливана и Анти-Ливана еще были покрыты лѣсами, онъ, вѣроятно, имѣлъ гораздо бѣльшую глубину и ширину.

Во время нашего завтрака пошелъ дождь. — Съ противоположнаго берега, за которымъ начинается страна моавитовъ, подошли бедуины съ навьюченными животными и стали переправляться въ бродъ, но это стоило имъ не малаго труда; теченіе сбивало съ ногъ, а лошаки упирались и не хотѣли идти въ стремнину.

Когда дождь прошелъ, мы сѣли на коней и пошли въ лагерь, раскинутый въ оазисѣ Іерихона у Айнъ-Султане. За нимъ высилась цѣпь Кварантана, съ горою сорокадневнаго поста, на которой Спаситель готовился къ своему земному служенію постомъ и молитвою. На сѣ восточномъ склонѣ, обращенномъ въ долину Іордана, видны пещеры. Въ этихъ пещерахъ, до сего времени, копты предъ принятіемъ священства обязательно должны провести въ постѣ и молитвѣ сорокъ дней.

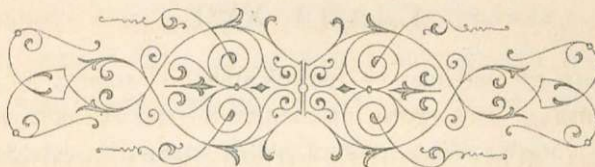
Дорога послѣ дождя стала такъ бойка, что на глинистыхъ спускахъ въ небольшія рытвины лошади падали, увлекая въ грязь своихъ сѣдоковъ. Эти паденія безъ ушибовъ только возбуждали веселый смѣхъ и остроты надъ выпачкавшимися въ грязи товарищами.

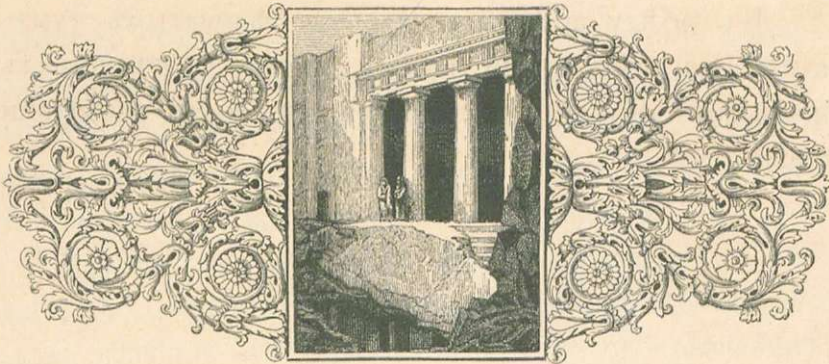
Между тѣмъ небо заволакивалось со всѣхъ сторонъ; иногда перепадаль дождь; тучи, набѣгая, клубились по скатамъ, какъ дымомъ закрывали цѣлыя

кряжи и сливались съ очертаніями горъ; или разрываясь, онѣ то погружали въ тѣнь, то освѣщали отдѣльные мѣста долины, пропуская снопы лучей солнечнаго свѣта, которые, скользя по нимъ, рѣзко выдѣляли изъ тѣни крутыя голыя вершины и плоскости.

Черезъ часъ и сорокъ минутъ мы были у деревни Раха, на мѣстѣ древняго Іерихона, носившаго также названіе «города пальмъ». Отъ его развалинъ осталась одна башня, и та неизвѣстно какого времени. Послѣ нашествія евреевъ на Ханаанъ, при Іисусѣ Навинѣ, Іерихонъ былъ разрушенъ; спустя долгое время, опять обстроился при царѣ Ахавѣ и послѣ Іерусалима былъ значительнѣйшимъ городомъ Іудеи. Затѣмъ, вмѣстѣ съ нимъ, палъ при Веспасіанѣ; былъ возстановленъ Адріаномъ и, наконецъ, окончательно разрушенъ и сожженъ крестоносцами. Теперь на его мѣстѣ пріютилась маленькая арабская деревенька Раха. Мы подошли къ ней вмѣстѣ съ возвращавшимся съ пастбища стадомъ курдючныхъ овецъ съ висячими ушами. Ихъ гнали пастухи въ поколѣнныхъ рубашкахъ съ длинными посохами и широкополою соломенною шляпой на спинѣ. Строгія лица арабовъ выглядывали среди скученныхъ около башни жилищъ, обвитыхъ виноградною лозой и окруженныхъ деревьями, которыхъ зелень посвѣжѣла отъ крупныхъ капель дождя, еще падавшихъ съ ея листьевъ. Въ воздухѣ, вмѣсто грозныхъ звуковъ трубъ, обрушившихъ нѣкогда стѣны и башни древняго Іерихона, раздавалось веселое щебетаніе птишекъ, пріютившихся въ листьяхъ и на заборахъ.

Къ обѣду долина покрылась бѣловатымъ туманомъ, а въ наступившіе затѣмъ сумерки опять пошелъ проливной дождь, съ грозою и сильными раскатами грома.





ГЛАВА XVII.

ОТЪ ПЕРИХОНА ВЪ ВИОАНЮ. — ИЕРУСАЛИМЪ. — ДОЛИНА ИОСАФАТА. — КРЕСТНЫЙ ПУТЬ. — У ГРОБА ГОСПОДНЯ. — ХРАМЪ ВОСКРЕСЕНИЯ. — ГОЛГОДА. — У ПАТРИАРХА. — ГЕОСИМАНСКАЯ ДОЛИНА. — ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ. — ПЕЩЕРА АПОСТОЛОВЪ. — ГЕОСИМАНСКИЙ САДЪ. — ЕЛЕОНСКАЯ ГОРА. — ДОМЪ РУССКОЙ МИССИИ. — ГАЛЕРЕЯ МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ. — КНЯГИНЯ ЛАТУРЪ Д'ОВЕРНЪ. — ГРОБНИЦЫ ЦАРЕЙ ИУДЕЙСКИХЪ. — ЗОЛОТЫЯ ВОРОТА. — МЕЧЕТЬ ОМАРА. — ЗАМОКЪ ОРДЕНА ІОАННИТОВЪ. — ЕВРЕИ У СТѢНЫ СОЛОМОНОВА ХРАМА. — ОСВЯЩЕНИЕ СОВОРА ВЪ РУССКОМЪ ПОДВОРЬѢ. — ПЛОСКАЯ КРЫША ГОРОДА. — ЦИСТЕРНЫ.



Двадцать шестаго октября, въ 8 часовъ, караванъ нашъ выступилъ къ Іерусалиму. Дорога исправлена какою-то благодѣтельницей англичанкой, пожертвовавшею на это 500 золотыхъ. Въ настоящее время дорога безопасна и, по возможности, расширена; во многихъ мѣстахъ уступами поднимается на кручи, и ограждена заборами отъ пропастей; но, тѣмъ не менѣе, иначе какъ верхомъ проѣзду по ней нѣтъ. Путь идетъ по каменистымъ и дикимъ горамъ, какъ

во многихъ мѣстахъ Сиріи и Палестины, и нельзя не благодарить за доброе дѣло, такъ много облегчившее переходъ этихъ двадцати пяти верстъ многочисленнымъ караванамъ богомольцевъ. Горы во многихъ мѣстахъ напомнили мнѣ Ливанъ на переходѣ изъ Бейрута въ долину Бекаа.

Черезъ три часа мы остановились для привала у палатокъ, разбитыхъ въ сторонѣ отъ дороги, у фонтана. Здѣсь Великій Князь былъ встрѣченъ іерусалимскимъ консуломъ, г. Кожевниковымъ, губернаторомъ Іерусалима и другими военными и гражданскими властями. Великій Князь былъ въ мундирѣ стрѣлковъ Императорской фамиліи; послѣ отдыха, Его Высочество сѣлъ на сѣраго жеребца въ богатомъ уборѣ изъ синяго бархата, съ золотымъ шитьемъ и украшеніями. Впереди ѣхалъ отрядъ кавалеріи, потомъ три консульскіе каваса, одѣтые въ запорожское казачье платье, съ кривыми саблями и огромными булавами, за ними знамя Великаго Князя съ подручными; Его Высочество, окруженный своею свитой, и нашъ конвой съ Акифъ-пашой во главѣ.

Скоро мы подошли къ Виѳаніи, гдѣ Господь воскресилъ Лазаря. Этотъ крошечный городокъ имѣетъ очень ветхій видъ и похожъ на каменное гнѣздышко, прижавшееся къ отвѣсному утесу. Но я былъ такъ поглощенъ мыслью близости Іерусалима, что почти не замѣтилъ Виѳаніи и съ лихорадочнымъ жаромъ смотрѣлъ впередъ; я томился безсиліемъ моего взгляда, который отставалъ отъ мысли, и не могъ проникнуть сквозь какія-нибудь двѣ-три скалы, заслонявшія

намъ видъ Святаго Града. Но вотъ, еще одинъ выступъ горы..... мы въ долинѣ Іосафата, и съ широкой площадки видимъ, наконецъ, Іерусалимъ. Соскочивъ съ коней, Великій Князь и мы пали на колѣни и до земли поклонились Святому Граду.

Весь спускъ съ Елеонской Горы въ долину Іосафата, дорога до Золотыхъ Воротъ и до воротъ Св. Стефана, стѣны и башни города, все было занято войсками и народомъ, вышедшимъ на встрѣчу Великаго Князя, и все залито яркимъ свѣтомъ полуденнаго солнца.

Какъ описать тѣ чувства, которыя охватываютъ душу, умъ и сердце въ торжественную минуту, когда въ первый разъ увидишь Іерусалимъ!.... Исходный центръ христіанской вѣры! Іерусалимъ, гдѣ совершилась искупительная жертва спасенія; городъ, къ которому, изъ вѣка въ вѣкъ, миллионы вѣрующихъ стремились и обращали свои помыслы, находя здѣсь неисчерпаемую пищу для души и сердца!... Трижды священный городъ! Въ тебѣ стоялъ алтарь Всемогушему Богу Израиля. Тебя оросили слезами и облили своею кровью христіане. Оставляя родину и все съ ней связанное, они претерпѣвали страшныя мученія, и попадая въ рабство или сражаясь шагъ за шагомъ, охотно шли на вѣрную смерть, — чтобы только поклониться тебѣ, освободить изъ рукъ невѣрныхъ мѣста страданій Іисуса Христа. Наконецъ сами магометане называютъ Іерусалимъ Домомъ Господнимъ. Ожидаютъ въ немъ страшнаго суда и считаютъ его мѣстомъ, откуда ихъ Пророкъ вознесся



Весь спускъ съ Елеонской Горы въ долину Иосафата, дорога до Золотыхъ Воротъ и до воротъ Св. Стефана, стѣны и башни города, все было занято войсками и народомъ, вышедшимъ на встрѣчу Великога Князя, и все залито яркимъ свѣтомъ полуденнаго солнца.

12

на небо, чтобы повѣдать правовѣрнымъ блаженство седьмаго рая.

Торжественно было наше шествіе. Кажется все разноплеменное мужское и женское населеніе города вышло на встрѣчу Великому Князю. Тутъ были турки, греки, армяне, арабы, бедуины, евреи, абиссинцы, копты и пр. и пр. и пр.

Первыми встрѣтили насъ русскіе богомольцы и богомолки, между которыми мы узнали старыхъ знакомыхъ съ парохода *Владиміръ*.

Слѣдуя дальше, Великій Князь остановился у палатки, гдѣ собрались консулы иностранныхъ державъ; потомъ поѣхалъ между народомъ и войсками, стоявшими въ различныхъ мѣстахъ вдоль дороги. Войска отдавали честь, музыка играла нашъ гимнъ, а женщины, съ наброшенными на голову и плечи бѣлыми чадрами, во многихъ мѣстахъ разбрасывали цвѣты.

Такимъ образомъ мы ѣхали среди толпы по той самой дорогѣ, по которой Спаситель въ вербное воскресеніе вошелъ въ Іерусалимъ, встрѣчаемый множествомъ прославлявшаго Его народа (Матѳея XXI, 1—10; Марка XI, 1—11; Луки XIX, 29—37; Іоанна XII, 1—12). Мысленно переживая все это, словно въ чудномъ снѣ, вошли мы въ Святый Градъ.

Отъ преторіи, гдѣ жилъ Пилатъ и начался крестный ходъ Христа Спасителя, мы слѣзли съ лошадей и до церкви Святаго Гроба шли пѣшкомъ.

У входа въ храмъ встрѣтилъ Великаго Князя патріархъ Кириллъ въ полномъ облаченіи, окру-

женный соборомъ духовенства, и привѣтствовалъ Великаго Князя слѣдующею рѣчью на греческомъ языкѣ: «Ваше Императорское Высочество! Іерусалимская церковь земнаго сего града Небеснаго Царя, съ пламеннымъ желаніемъ и материнскою любовью нынѣ пріемля Ваше Императорское Высочество и сопутствующихъ Васъ высокихъ принцевъ преславной отрасли богохранимаго Императорскаго дома благословенной Россіи, облекается во славу превеликую и наслаждается веселіемъ и радостью неизреченною. Но, не менѣе, и Ваше Императорское Высочество, стоя сію минуту подѣ кровомъ сего святилища величія Божія, вѣроятно, чувствуете необычайное и неизреченное веселіе..... Итакъ, преклони, благовѣрный Князь, колѣна души и тѣла предѣ священными стопами Богочеловѣка и Искупителя міра. Преклони чело предѣ страшною Голговою, окропленною за насъ честною кровью. Поклонись съ сокрушеннымъ сердцемъ всесвятому Гробу, источнику нашего воскресенія, и принеси жертву благопріятную слезою о себѣ и о здравіи Августѣйшаго Монарха, о святой Россіи и о всемъ Царствующемъ домѣ. Распятый за насъ, погребенный и воскресшій Іисусъ Христосъ да благословитъ трудъ Твой; да истечетъ отъ святыхъ Его стопъ новая сила въ вѣрѣ! да пошлетъ Тебѣ помощь отъ святаго и отъ Сіона заступитъ Тебя и дастъ Тебѣ блага Іерусалима не столько земныя, сколько небесныя. Аминь.»

Затѣмъ, предшествуемые пѣвчими и духовенствомъ, приложившись къ плитѣ, на которой обви-

вали пеленами и миропомазали тѣло Іисуса Христа, мы вошли въ часовню Святаго Гроба.

Слезы текутъ невольно! Наконецъ мы преклонили колѣна у Гроба Господня!

Душа какъ бы вырывается изъ своихъ оковъ!... блаженная минута!... такихъ немного въ жизни!... а кому довелось ихъ извѣдать, тому онѣ глубоко западаютъ въ сердце и въ дальнѣйшихъ испытаніяхъ на жизненномъ пути обращаются въ несокрушимыя опоры вѣры.

Когда всѣ помолились и приложились ко Святому Гробу, патріархъ раздалъ намъ восковыя свѣчи (слишкомъ аршинъ длины) и при пасхальномъ пѣніи «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ» повелѣ по всѣмъ придѣламъ различныхъ исповѣданій, устроеннымъ въ мѣстахъ, напоминающихъ страданія Іисуса Христа.

Пока мы были во храмѣ, на дворѣ прошелъ ливень и воздухъ посвѣжѣлъ. Не помню, какою дорогой насъ провели въ патріаршій домъ; знаю только, что мы поднялись по широкой лѣстницѣ во второй этажъ и, поклонившись его блаженству, сѣли на диваны въ обширной горницѣ, устланной коврами. Я еще не совсѣмъ пришелъ въ себя послѣ только-что испытанныхъ сильныхъ душевныхъ ощущеній, а потому и не замѣтилъ хорошо обстановки дома. Помню, что намъ подавали чай и лимонадъ съ шербетомъ, что помѣщеніе очень обширно, вездѣ ковры, а на стѣнахъ портреты патріарховъ, такой же живописи, какъ портреты епископовъ въ нашихъ архіерейскихъ домахъ. Выйдя на улицу, мы сѣли

верхомъ и отправились черезъ Яфѣскія ворота въ наше русское Іерусалимское подворье, гдѣ помѣщаются: консульство, духовная миссія, вновь выстроенный соборъ и страннопріимный домъ. Это цѣлое предмѣстье, построенное на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли ставки Тита Веспасіана, а потомъ Готфрида Бульйонскаго, во время знаменитѣйшихъ осадъ Іерусалима. Одноэтажный консульскій домъ, съ плоскою крышей, съ одной стороны окруженъ садомъ. Внутри комнаты просторны и удобно размѣщены. Противъ дома и рядомъ тянутся флигеля съ безконечными корридорами, соединяющими келіи, гдѣ останавливаются богомольцы. Кромѣ того, есть и общія залы для отдыха и обѣда бѣдныхъ поклонниковъ. Платы за помѣщеніе не взимаются, но всякій при отъѣздѣ дѣластъ посильное пожертвованіе въ корридорную кружку. Всѣ эти постройки занимаютъ большое пространство; между ними улицы и площади такъ просторны и велики, что въ сравненіи со скученнымъ и сбитымъ Іерусалимомъ бросаются въ глаза.

Іерусалимъ, считающій себѣ сорокъ вѣковъ, лежитъ на двухъ каменныхъ холмахъ, на высотѣ 2400 футовъ надъ уровнемъ моря. Съ запада, юга и востока онъ окруженъ долинами, соединяющимися на юго-востокѣ. О происхожденіи Іерусалима нѣтъ положительныхъ свѣдѣній и только полагаютъ, что первыми его жителями были Іевуситы. Исторія Іерусалима представляетъ рядъ осадъ, завоеваній, разрушеній, построекъ и перемѣнъ властителей. Осада Іерусалима Титомъ Веспасіаномъ въ 68 году по Р. Х.

самая славная осада по той упорной защитѣ, которою встрѣтило римлянъ іудейское племя. Въ Іерусалимѣ сосредоточились тогда остатки евреевъ на защиту своей самостоятельности и пали геройскою смертію, подъ неотразимыми ударами римлянъ, послѣ борьбы, славной, почти безпримѣрной по упорству. Читая ходъ этой осады, нельзя не удивляться героизму евреевъ, полныхъ величія въ минуты предсмертныхъ содроганій своего погибавшаго царства. Затѣмъ замѣчательна осада Іерусалима крестоносцами въ 1099 году, когда подъ его стѣнами собралось одушевленное вѣрою христіанское воинство изъ представителей почти всей Европы. И эта осада окончилась поголовнымъ истребленіемъ мусульманъ, защищавшихъ городъ. Въ цвѣтущее время народонаселеніе Іерусалима доходило до громаднаго числа; теперь оно не превышаетъ 15,000, изъ которыхъ 3500 христіанъ и 3000 евреевъ. Въ настоящее время весь городъ можно объѣхать въ одинъ часъ; во времена же царства Іудейскаго Іерусалимъ окружали три стѣны съ цитаделями: на Сіонской горѣ замокъ Давида, на горѣ Маріахъ храмъ Соломона, выстроенный на террасѣ и представлявшій собою трудно доступную крѣпость, соединенную крытыми ходами съ цитаделью Антонія на горѣ Визеѣ, сѣвернѣе Маріаха.

Изъ Русскаго подворья мы проѣхали въ Геосиманскую долину, къ церкви Успенія Божіей Матери, въ которой покоятся Іоакимъ и Анна. Снаружи храмъ имѣетъ чрезвычайно простой видъ, и похожъ на каменный амбаръ. Четыре стѣны съ плоскою

крышей одною стороною примыкають къ горѣ; со стороны входа окованная желѣзомъ дверь въ трехъ готическихъ аркахъ. Трещины между цоколями обросли лишаями и мхомъ; въ иныхъ мѣстахъ торчатъ цѣлыя пучки какихъ-то растеній. Переступивъ порогъ, тотчасъ же начинаешь спускаться по широкой лѣстницѣ съ площадками въ обширную пещеру. Со свѣта все кажется погруженнымъ во тьму, которую прорѣзають гирлянды огоньковъ отъ висящихъ вдоль стѣнъ и сводовъ лампадокъ. У входа намъ дали восковыя свѣчи, и мы спустились въ пещеру съ пѣніемъ шедшаго впереди Великаго Князя духовенства. Гробъ, или мѣсто, гдѣ почилъ Божія Матерь, высѣчено въ скалѣ также, какъ и всѣ могилы Палестины, только вокругъ него можно обойти. Во многихъ мѣстахъ устроены алтари, а въ мѣстѣ противоположномъ гробу, богатый армянскій алтарь, гдѣ совершалась служба. Поклонившись святынь, мы пошли дальше; глазъ уже привыкъ къ полусвѣту и ясно различалъ стѣны и украшенія храма, исключительно составленныя изъ висящихъ гирляндами всевозможныхъ лампадъ.

На одной площадкѣ показали намъ гробницы Іоакима и Анны. Немного выше церкви Успенія построена францисканами каплица, на томъ мѣстѣ, гдѣ спали Апостолы въ Страстной четвергъ, и гдѣ Іуда Искаріотъ предалъ Спасителя. А нѣсколько шаговъ дальше, обнесенный каменною оградой, Геосиманскій садъ, гдѣ Спаситель молился «о чашѣ». Садикъ чисто содержитъ и украшенъ цвѣтами; въ немъ растутъ

восемь громадныхъ маслинъ съ вѣковыми корявыми стволами. Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ деревья, подъ которыми молился Спаситель, были срублены еще во время осады Іерусалима Титомъ Веспасіаномъ; но и эти маслины такъ стары и громадны, что докторъ Петерманъ, въ описаніи своего путешествія, считаетъ возможнымъ допустить, что деревья эти современны Спасителю. Во внутренней сторонѣ ограды подѣланы часовни, величиной не больше двухъ аршинъ, съ рельефными изображеніями страданій Іисуса Христа. Обойдя садъ, мы поднялись на Елеонскую гору къ мѣсту Вознесенія. За высокою оградой стоитъ магометанская часовня, изъ четырехъ гладкихъ стѣнъ подъ куполомъ надъ камнемъ, съ котораго вознесся на небо Спаситель. Вдоль внутреннихъ стѣнъ ограды, расположены каменные алтари всевозможныхъ исповѣданій; на нихъ совершаютъ богослуженіе. Сопровождавшіе насъ магометане преклоняли колѣна и цѣловали, вмѣстѣ съ нами, обнесенный мраморною рамкой камень, на которомъ остался слѣдъ ноги Спасителя.

Спустившись съ горы, мы проѣхали въ домъ нашей миссіи, построенный, судя по надписямъ на остаткахъ великолѣпныхъ мозаикъ, на мѣстѣ стариннаго кладбища какого-то армянскаго семейства. Въ пещерахъ подъ домомъ сохранились гробницы, куда клали на извѣстное время усопшихъ; послѣ истлѣнія, кости ихъ обмывались и складывались въ одну общую могилу.

Изъ дома миссіи мы поѣхали къ княгинѣ Латуръ д'Овернъ, выстроившей капеллу съ галереей вокругъ

того мѣста, гдѣ, по преданію, Спаситель научилъ Апостоловъ молитвѣ «Отче нашъ». Галерея построена колоннадою внутрь, а въ нишахъ окружной стѣны написана молитва Господня на 36 языкахъ. Княгиня Латуръ д'Овернь — типъ аристократки со всѣми феодальными традиціями, должно-быть въ свое время была, въ полномъ смыслѣ слова, красавицей; теперь, какъ видно, живетъ воспоминаніями далекаго прошлаго и, кажется, старается воскресить вокругъ себя обстановку средневѣковыхъ дамъ. Держитъ она себя и говоритъ съ удивительно непринужденнымъ достоинствомъ и даже граціей. Великій Князь зашелъ къ княгинѣ въ ея шале и былъ приглашенъ во внутренніе апартаменты. Мы же смиренно посидѣли въ пріемной, заставленной картинами, археологическими находками, музыкальными инструментами и заваленной книгами. Раскланявшись съ княгиней, мы спустились съ горы и поѣхали вдоль Иосафатовой долины, мимо гробницы царей Іудейскихъ, къ мечети Омара.

Гробницы царей высѣчены въ скалахъ въ видѣ перекрещенныхъ ходовъ, съ покоемъ по сторонамъ. Снаружи входъ украшенъ двумя, или четырьмя колоннами съ фронтономъ. Изъ всѣхъ гробницъ только одна построена отдѣльнымъ четырехугольнымъ памятникомъ съ карнизомъ, колоннами и конусообразною вершиной; ее называютъ гробницей Авессалома.

Отъ могилъ царей Іудейскихъ, черезъ ворота Св. Стефана, мы поѣхали къ мечети Омара. Она построена на горѣ Маріяхъ, на колоссальной мрамор-

ной террасѣ, въ 450 футовъ ширины и 550 футовъ длины, уцѣлѣвшей отъ развалинъ Соломонова храма. Представьте себѣ огромный куполь въ 20 футовъ вышины и 60 футовъ въ поперечникѣ, который покоится на цилиндрѣ, поставленномъ на плоскомъ восьмигранникѣ, каждая сторона котораго равна 67 футамъ; таковъ общій наружный видъ зданія. Внутри вся постройка опирается на множество мраморныхъ колоннъ. Какъ снаружи, такъ и внутри мечеть покрыта великолѣпнѣйшими изразцами, тончайшаго рисунка и работы, обрамленными бѣлымъ и голубымъ мраморомъ. Въ рѣшетчатыхъ окнахъ, по семи на каждой сторонѣ, изъ которыхъ по три глухихъ, вставлены цвѣтныя стекла, окрашивающія внутренность мечети безчисленными нѣжными тонами; словомъ, глаза разбѣгаются и каждый уголокъ можетъ заинтересовать изяществомъ и оконченностью. Почти минутное посѣщеніе такихъ зданій, къ сожалѣнію, оставляетъ только самое смутное впечатлѣніе общей красоты и художественности постройки, отличающейся необыкновенною фантастичностью и оригинальностью архитектуры, поражающей воображеніе, но въ частности неувовимою для памяти. Только въ послѣднее время мечеть калифа Омара сдѣлалась доступною христіанамъ и то за большую плату. Не смотря на то, что эта мечеть считается у магометанъ величайшею святыней, она приходитъ въ видимый упадокъ.

Противъ мечети калифа Омара, въ сѣверо-западномъ углу древней храмовой стѣны, на мѣстѣ церкви «Внесенія во храмъ Іисуса Христа», принадлежавшей

тампіерамъ, стоитъ мечеть Эль-Акса, построенная калифомъ Абдуль-Меликомъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ нея главную святыню магометанъ. Достоинно замѣчанія, что мечеть эта построена въ видѣ христіанской базилики, при длинѣ въ 272 фута и ширинѣ 189 футовъ. Подъ нею сохранились еще своды Соломонова храма, сложенные изъ огромныхъ монолитовъ.

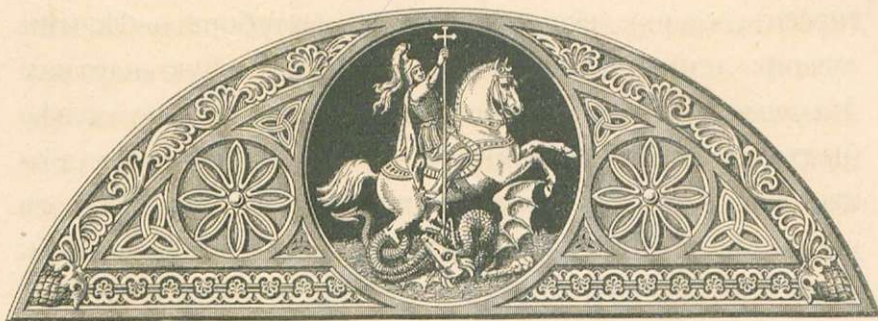
Послѣ обѣда я успѣлъ осмотрѣть вмѣстѣ съ Бергомъ замокъ ордена Іоаннитовъ, подаренный султаномъ Абдуль-Азисомъ принцу Фридриху-Карлу. Замокъ этотъ стоитъ почти противъ площадки, ведущей ко храму Гроба Господня, и до сихъ поръ лежалъ полузаваленный мусоромъ; во время нашего посѣщенія значительная часть его была уже раскопана: входный дворъ, лѣстницы, галереи, церковь, келіи. Постройка очень велика и мѣстами хорошо сохранилась. Между тѣмъ уже стало смеркаться. Была пятница, и я вспомнилъ, что въ этотъ вечеръ евреи собираются на молитву у стѣны Соломонова храма. Мы взяли проводника и пошли шагать по неровнымъ, извилистымъ и гористымъ улицамъ. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось проходить подъ сводами, при быстро наступающей темнотѣ, намъ казалось, что мы идемъ длинными тоннелями. Но вдругъ, совершенно неожиданно, мы остановились... Предъ нами возвышалась громадная стѣна, сложенная изъ монолитовъ и обросшая въ скважинахъ между кладкой пучками растений, висящихъ какъ клочья гигантской бороды; снизу стѣна была освѣщена красноватымъ пламенемъ отъ лампадъ и свѣтъ въ рукахъ молившейся толпы

евреевъ, сверху вся посеребрена голубовато-бѣлыми лучами луны. Я хорошо зналъ прекрасную картину *Молитва евреевъ* Поль-де-Роша, но тѣмъ не менѣе былъ пораженъ дѣйствительностью. У основанія стѣны, евреи въ мѣховыхъ шапкахъ и длинныхъ съ широкими рукавами кафтанахъ восточнаго покроя, подъ предводительствомъ раввина, усердно молились, почти съ ожесточеніемъ покачиваясь, потрясая руками, головой и жалко взывая на различные голоса.

Сколько противорѣчія въ этой картинѣ!... По видимому забитый, ничтожный, разбросанный по лицу всей земли народъ, вспоминая о минувшемъ могуществѣ и величїи — жалобно взываетъ у стѣнъ своего прежняго храма, а въ дѣйствительности, разойдясь по всѣмъ странамъ свѣта, этотъ же, съ виду угнетенный, народъ захватилъ въ свою власть капиталъ и въ сущности сталъ неизмѣримо могучѣе своихъ предковъ.

На слѣдующее утро освящали церковь въ русскомъ подворьѣ. Она построена, какъ всѣ наши пятиглавые соборы, съ продолговато-круглыми куполами. Внутри весьма изящны паникадила изъ массивной золоченой бронзы, со стеклянными плоскими чашами для масла и съ нѣсколькими огнями отъ свѣтиленъ. Освящаль патріархъ Кириллъ со всѣмъ соборомъ греческаго и нашего духовенства. Тѣмъ временемъ я отправился съ Бергомъ въ городъ, чтобы въ подробности осмотрѣть храмъ Гроба Господня.





ГЛАВА XVIII.

ПОДРОБНЫЙ ОСМОТРЪ ХРАМА ГРОБА ГОСПОДНЯ. — МЕЧЪ ГОТФРИДА
БУЛЬЙОНСКАГО. — НОЧНОЕ БДѢНІЕ У ГРОБА ГОСПОДНЯ И НА ГОЛГОЕѢ. —
ПОѢЗДКА ВЪ ВИФЛЕЕМЪ. — МОНАСТЫРЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. — ПРИУТЪ
ДЛЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ДѢТЕЙ. — ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ІЕРУСАЛИМА ВЪ ЕММАУСЪ. —
ГАМЛЕ. — ПѢНІЕ МУЭДЗИНОВЪ. — ЛИДА. — ХРАМЪ СВ. ГЕОРГІЯ ПОБѢДО-
НОСЦА. — ЯФФА. — МОРЕ.



По распоряженію турецкихъ властей, во все время пребыванія Великаго Князя, двери храма были открыты; въ обыкновенное же время, ихъ открываютъ только въ извѣстные часы дня и вечера, а такъ какъ служба происходитъ по ночамъ, то вѣрующіе остаются въ немъ всю ночь, отчего во многихъ мѣстахъ храма невыносимый воздухъ. Снаружи храмъ застроенъ домами, и только на сѣверной сторонѣ, выходящей на небольшую квадратную площадку, виденъ фасадъ изъ двухъ рядовъ поставленныхъ другъ на друга арокъ, маленькаго купола надъ ними и

полуразрушенной башни съ правой стороны. Въ лѣвой нижней аркѣ входная дверь, а въ верхнихъ двухъ, по окну. Большой куполь виденъ только издали. Внутренность храма чрезвычайно запутана и о ней безъ чертежа не возможно составить себѣ яснаго понятія, а потому всего лучше прослѣдимъ его расположеніе по прилагаемому плану. Вообразите себѣ кругъ, соединенный съ продолговатымъ четырехугольникомъ, закругленнымъ съ противоположной стороны; надъ круглою частью храма выведенъ куполь, а въ срединѣ стоитъ мраморная часовня Гроба Господня. Продолговатая часть храма, или корабль, принадлежитъ грекамъ и называется храмомъ Воскресенія Господня; онъ очень богато украшенъ и отдѣланъ цвѣтнымъ мраморомъ. Эти двѣ основныя части зданія обнесены эллипсообразно галереями и различными пристройками; соединяющая же ихъ высокая арка называется императорскою; въ ней становится католическое духовенство во время службы у Гроба Господня.

Если войти во храмъ, то прямо предъ вами лежитъ на полу мраморная плита X, подъ нею находится камень, на которомъ муропомазали тѣло Спасителя. Влѣво отъ входа диванъ Y, для турецкихъ привратниковъ; они обыкновенно курятъ трубки и прихлебываютъ кофе. Въ прежнее время здѣсь собирали деньги за право входа, вслѣдствіе чего бѣдный людъ оставался во храмѣ по нѣскольку дней; теперь же это отмѣнено и сторожа получаютъ только подарки отъ различныхъ конгрегацій. Вправо отъ входа находится Голгоѳа (въ двухъ этажахъ R, S), CC и

DD; на нее поднимаются по узкой каменной лѣстницѣ. Это древнѣйшая часть зданія. Надъ мѣстомъ гдѣ стоялъ Крестъ Господень *CC*, устроенъ греческій алтарь, а гдѣ Спаситель былъ распятъ, *DD*—латинскій. Стѣны расписаны и реставрированы греками, и только въ сводѣ надъ латинскимъ алтаремъ сохранилась древнѣйшая мозаика, изображающая ликъ Спасителя. Яма, въ которую былъ вставленъ Крестъ, выложена серебрянымъ кругомъ съ барельефами; отъ нея вправо показываютъ трещину въ скалѣ. Подъ Голговою алтарь Адама *R* и диванная грековъ *S*.

Пройдя влѣво мимо плиты, на которой обвивали пеленами тѣло Господне, и мѣста *N*, гдѣ потеряла сознаніе Божія Матерь во время распятія, входишь въ ротонду подъ большимъ куполомъ, гдѣ находится *A*, часовня Гроба Господня.

Куполь покоится на широкихъ столбахъ простой каменной кладки и имѣетъ въ поперечникѣ 65 футовъ. Часовня, въ настоящемъ своемъ видѣ, выстроена греками послѣ пожара 1808 года и состоитъ изъ двухъ частей: часовни Ангела и собственно пещеры Гроба Господня. Посреди первой стоитъ камень, на пьедесталѣ въ 3 фута вышины, почитаемый остаткомъ отъ камня, которымъ закрывался входъ къ Св. Гробу.

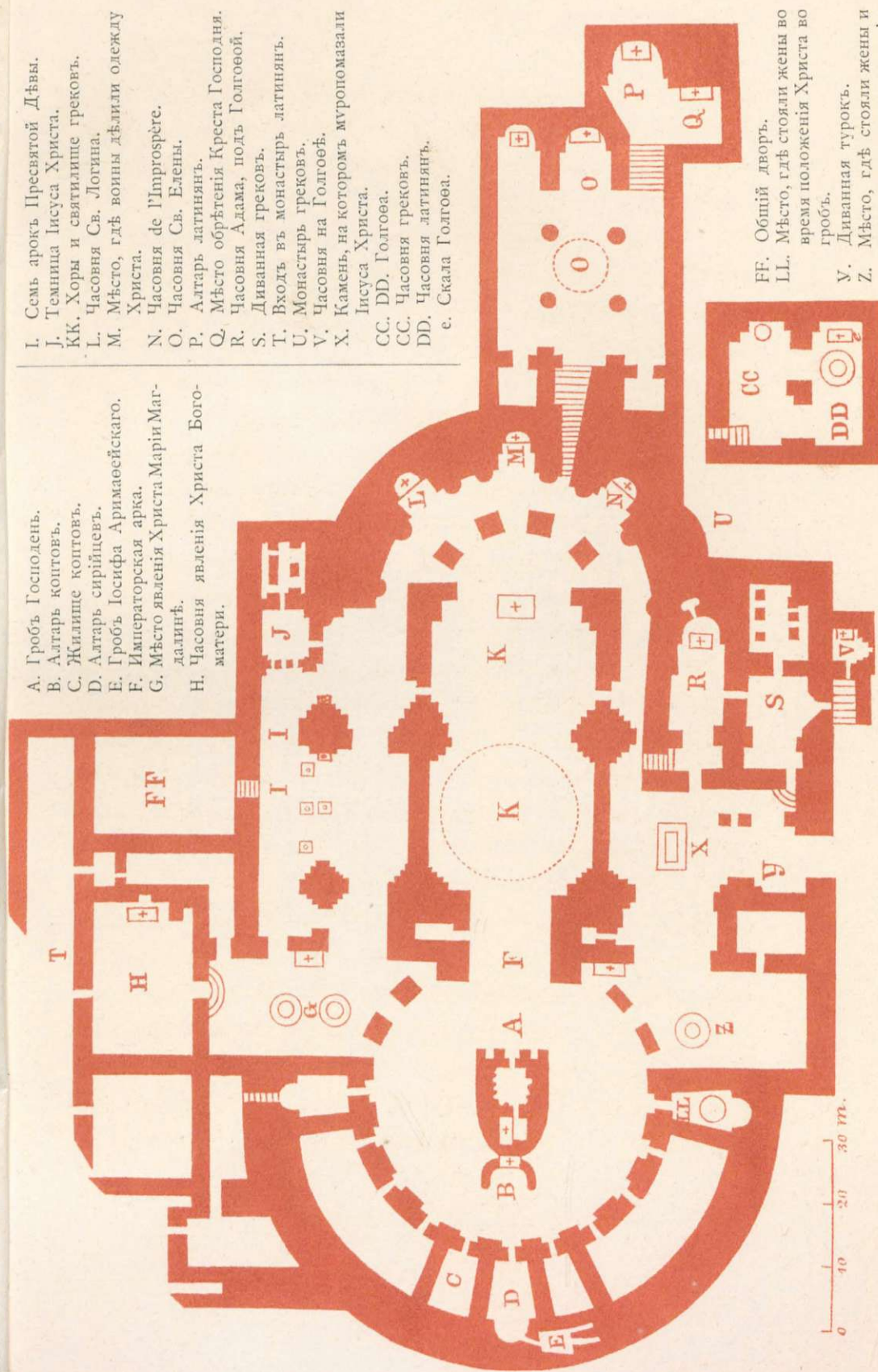
Вначалѣ здѣсь были двѣ пещеры, высѣченныя Св. Іосифомъ Аримаѳейскимъ для своего семейства и для себя самаго; во время безчисленныхъ разрушеній и реставрацій, первая пещера была уничтожена и сохранилась только вторая, или собственно часовня Св. Гроба. Въ нее вступаютъ черезъ низкій входъ.

- А. Гробъ Господня.
 В. Алтарь южный.
 С. Жаланде южный.
 Д. Алтарь северный.
 Е. Гробъ Исаафа Арикейского.
 F. Императорская гробница.
 G. Мѣсто жительства Христа Марии Магдалины.
 H. Часовня святаго Христа Боже-милостиваго.

- I. Свѣтъ пророкъ Пресвятой Дѣвы.
 J. Тенища Иисуса Христа.
 KK. Хоръ и свѣтлыя гробницы.
 L. Часовня Св. Ангела.
 M. Мѣсто, гдѣ стояла Афанасійская гробница.
 N. Часовня св. Ангела.
 O. Часовня св. Ангела.
 P. Часовня св. Ангела.
 Q. Часовня св. Ангела.
 R. Часовня св. Ангела.
 S. Часовня св. Ангела.
 T. Часовня св. Ангела.
 U. Часовня св. Ангела.
 V. Часовня св. Ангела.
 W. Часовня св. Ангела.
 X. Часовня св. Ангела.
 Y. Часовня св. Ангела.
 Z. Часовня св. Ангела.

- FF. Общий дворъ.
 LL. Мѣсто, гдѣ стояли жены во время погребения Христа во гробъ.
 U. Дѣлаемый турокъ.
 Z. Мѣсто, гдѣ стояли жены и ученики во время распятія.

ПЛАНЪ ЦЕРКВИ СВ. ГРОБА ГОСПОДНЯ.



- А. Гробъ Господень.
 В. Алтарь коптовъ.
 С. Жилище коптѣвъ.
 D. Алтарь сирійцевъ.
 Е. Гробъ Іосифа Аримавѣйскаго.
 F. Императорская арка.
 G. Мѣсто явленія Христа Маріи Магдалинѣ.
 Н. Часовня явленія Христа Богоматери.

- І. Семь арокъ Пресвятой Дѣвы.
 J. Темница Иисуса Христа.
 КК. Хоры и святилище грековъ.
 L. Часовня Св. Логина.
 М. Мѣсто, гдѣ воины дѣлили одежду Христа.
 N. Часовня de l'Improprie.
 O. Часовня Св. Елены.
 P. Алтарь латинянъ.
 Q. Мѣсто обрѣтенія Креста Господня.
 R. Часовня Адама, подъ Голговою.
 S. Диванная грековъ.
 T. Входъ въ монастырь латинянъ.
 U. Монастырь грековъ.
 V. Часовня на Голгобѣ.
 X. Камень, на которомъ муропомазали Иисуса Христа.
 CC. DD. Голгова.
 CC. Часовня грековъ.
 DD. Часовня латинянъ.
 e. Скала Голгова.

- FF. Общій дворъ.
 LL. Мѣсто, гдѣ стояли жены во время положенія Христа во гробъ.
 U. Диванная турокъ.
 Z. Мѣсто, гдѣ стояли жены и ученики во время распятія.

ПЛАНЪ ЦЕРКВИ СВ. ГРОБА ГОСПОДНЯ.

Внутри она имѣетъ 8 футовъ длины и 7 ширины. Полъ и стѣны выложены мраморомъ; у сѣверной стѣны высѣченъ саркофагъ, какъ скамья, 6 футовъ въ длину и 3 фута въ ширину. Здѣсь было положено тѣло Господа. Уже съ давнихъ временъ самый саркофагъ прикрытъ мраморомъ, чтобы предохранить отъ пилигримовъ, старавшихся выламывать изъ него частицы и уносить съ собою. Надъ нимъ виситъ образъ Воскресенія, стоятъ подсвѣчники и вазы со свѣжими цвѣтами. Потолокъ увѣшанъ богатыми лампадами. Верхняя плита, къ которой прикладываются, изъ бѣлаго мрамора, треснувшего по срединѣ; она постоянно окропляется розовою водою. Снаружи часовня состоитъ изъ колоннъ, пилястровъ и нишъ, а надъ Святымъ Гробомъ небольшой сдавленный куполь. Къ западной сторонѣ часовни примыкаетъ маленькій и бѣдный алтарь коптовъ.

Въ *D* церковь сирійскихъ христіанъ, въ *E* гробница Іосифа Аримаѣйскаго.

Въ *LL* мѣсто, гдѣ находились женщины во время положенія во гробъ Спасителя. Въ *G* мѣсто явленія Іисуса Христа Магдалинѣ, въ *H* Богоматери, съ латинскими алтарями. Противъ *У* находится хоръ съ органомъ. Въ *I* семь арокъ Пресвятой Дѣвы, сохранившіяся отъ первыхъ построекъ.

Въ *I* темница, въ которой содержали Спасителя. Дальше идетъ галерея со сводомъ.

Въ *Z* алтарь Св. Логина.

Въ *M* мѣсто, гдѣ раздѣлили одежду Спасителя. За этимъ алтаремъ спускаются, по расходящейся въ

ширину лѣстницѣ, въ церковь Св. Елены, на мѣстѣ «Обрѣтенія животворящаго Креста». Здѣсь проходилъ старый городской ровъ, въ который сбросили крестъ Господень *Q*.

О принадлежитъ армянамъ, *Р* латинянамъ. Поднявшись опять на верхъ, пройдя мимо алтаря въ *N*, галерея выводитъ ко входу. Часовня Св. Гроба принадлежитъ всѣмъ исповѣданіямъ; богослуженіе въ ней совершается поочереди; при этомъ съ давнихъ поръ между послѣдователями различныхъ исповѣданій возникаютъ раздоры, доходящіе иногда до возмутительныхъ сценъ и дракъ, какъ въ 1846 году между греками и латинянами, когда многіе были смертельно ранены кадилами и подсвѣчниками.

Всѣхъ богаче греческія постройки и алтари; украшающая ихъ живопись совершенно вѣрна себѣ, хотя по исполненію гораздо хуже извѣстнаго у насъ византійскаго письма. Не знаю, чему приписать, что католическіе образа весьма плохи и богатства въ убранствѣ алтарей не видно.

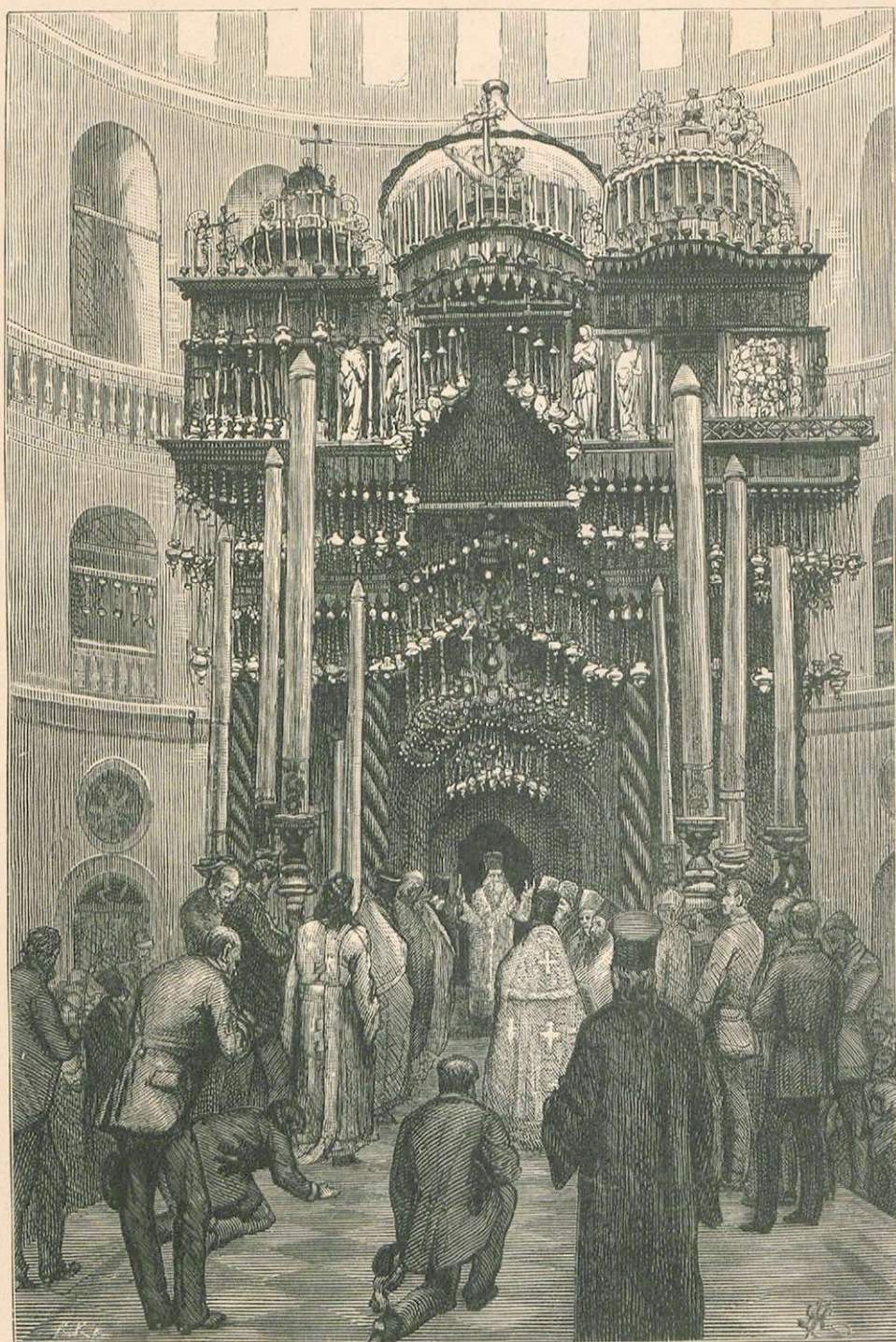
Въ придѣлѣ явленія Спасителя Богоматери показываютъ мечъ и шпоры Готфрида Бульйонскаго. Подлинны ли они или нѣтъ, не знаю; но говорятъ, что принесены они во храмъ потомками героя. На мой взглядъ, хотя мечъ и вѣсокъ, но немного коротокъ, въ особенности если припомнить, что при осадѣ Никеи Готфридъ срубилъ саррацина съ сѣдла и въ городскія ворота лошадь прискакала съ нижнею частью туловища съ всадника. Сомнѣваюсь, чтобъ это было возможно сдѣлать этимъ мечемъ. Могилы Готфрида

и брата его Балдуина находятся во храмѣ, но достоверно не извѣстно гдѣ, такъ какъ греки при каждомъ удобномъ случаѣ ухищрялись скрыть ея слѣды, напоминавшіе права латинянъ.

Возвратясь домой, остальную часть дня мы писали письма, покупали четки, крестики, вырѣзанные на перламутрѣ образа, и тому подобныя вещицы; наконецъ отдыхали и готовились къ ночной службѣ у Гроба Господня, чтобъ исповѣдаться и приобщиться Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Около 7 часовъ разразилась сильная гроза, затихнувшая только къ 9 часамъ, когда пришло время идти во храмъ. Небо было пасмурно, на улицахъ темно; мы слѣдовали за фонарями кавассовъ, едва разбирая залитую дождемъ дорогу. Главныя части храма были ярко освѣщены лампадами и восковыми свѣчами. Особенно красивы были огни въ трехъярусныхъ галереяхъ, расположенныхъ за четырехугольными колоннами, на которыхъ покоится куполь. Неосвѣщенные арки галерей, а равно и нѣкоторые алтари и придѣлы въ полусвѣтѣ постепенно сливались съ темнотой въ безчисленныхъ углахъ и закоулкахъ, которыми такъ изобилуетъ это зданіе. Мы поднялись на Голгоѳу, гдѣ архимандритъ Антоній служилъ заутреню, по окончаніи которой исповѣдывались. Ярко горѣли свѣчи предъ алтаремъ, отражаясь на позолотѣ ризъ, парчей и орнаментовъ свода; за столбомъ, принадлежащая католикамъ часть церкви не была освѣщена; вдоль ея нижней стѣны сдѣлана каменная скамейка и я сѣлъ на нее подлѣ старушекъ и убогихъ богомольцевъ.

Между тѣмъ служба окончилась, всѣ исповѣдывались и получили отпущеніе грѣховъ. Затѣмъ патріархъ Кириллъ отслужилъ соборне обѣдню и пріобщилъ Святыхъ Таинъ Великаго Князя и православную братію его дружины. На Гробѣ Господнемъ совершалась жертва, а вмѣсто алтаря служилъ камень въ часовнѣ Ангела, покрытый серебрянымъ столомъ, пожертвованнымъ Мазепой. Рисунокъ образа сдѣланъ чернью, должно-быть италіянскимъ художникомъ. Во время службы, на Гробѣ Господнемъ лежали четки наши и крестики, набранные въ подарокъ роднымъ и знакомымъ.

Служба окончилась въ три часа. На слѣдующій день шелъ проливной дождь; тѣмъ не менѣе Великій Князь и большинство изъ насъ поѣхали въ Виѣлеемъ. Дорога, по случаю проѣзда Его Высочества, была уравнена и приспособлена такъ, что можно было ѣхать по ней довольно быстро. Во весь путь шелъ дождь и не смотря на то, что мы были въ гуттаперчевыхъ плащахъ, многіе совершенно промокли. Теперь мнѣ стало понятно, какимъ образомъ въ три-четыре дождевыхъ мѣсяца, цистерны города такъ наполняются, что снабжаютъ жителей водою на цѣлый годъ. У насъ такихъ ливней, въ полномъ смыслѣ слова, почти не бываетъ. Чтобы уяснить себѣ всю силу этого дождя, стоитъ припомнить, что въ Петербургѣ дождя и снѣгу выпадаетъ въ году до семнадцати дюймовъ на квадратный футъ и дождевыхъ дней почти полгода; въ поясѣ зимняго дождя, въ которомъ лежитъ Іерусалимъ, падаетъ



ХРАМЪ ГРОБА ГОСПОДНЯ.

Затѣмъ патриархъ Кирилль отслужилъ соборноѣ обѣдню и пріобщилъ Святыхъ Таинъ
Великаго Князя и православную братію его дружины.

сорокъ пять дюймовъ воды и притомъ въ теченіе только трехъ или четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ.

Послѣ часа съ четвертью ѣзды въ гору, мы увидали Виѣлеемъ. Онъ, какъ Назаретъ, лежитъ въ долинѣ, лѣпясь своими постройками къ горѣ, воздѣланной по террасамъ плантаціями масличнаго дерева. Наружная сторона города идетъ какъ бы набережною, вдоль дороги и около лежащихъ внизу садовъ; въ концѣ этой набережной громоздится масса высокихъ каменныхъ стѣнъ безъ оконъ — это монастырь Рождества Христова. Дождь на время пересталъ; воздухъ былъ насыщенъ парами, по свинцовому фону тяжелыхъ тучъ проносились съ неимоверною быстротой легкія какъ дымъ облака; природа будто забавлялась, отрывая клочья тумановъ и пуская ихъ въ перегонку по вѣтру между землей и нависшими тучами. Близъ города, влѣво отъ дороги, стоитъ старое масличное дерево на Гороховомъ Полѣ, названнымъ «гороховымъ», потому что богомольцы собираютъ на немъ кругленькіе камушки, величиной и формою похожіе на горохъ. Легенда рассказываетъ, что однажды Богоматерь, проходя этимъ мѣстомъ, попросила у земледѣльца, убиравшаго съ поля горохъ, нѣсколько зеренъ, но онъ жестокосердно отказалъ и вся жатва его обратилась въ камушки. Недалеко отъ Гороховаго Поля, вправо отъ дороги, стоитъ каменный склепъ: это могила Рахили.

Въ Виѣлеемѣ отъ 3000 до 4000 жителей, исключительно христіанъ; они промышляютъ выдѣлкой

всевозможныхъ четокъ, образовъ изъ перламутра, дерева и т. п. вещами, раскупаемыми богомольцами. Мы остановились на площадкѣ предъ монастыремъ, который по своей недоступной наружности походить скорѣе на грозную твердыню, чѣмъ на мирную обитель. У входа Великій Князь былъ встрѣченъ митрополитомъ Агапомъ; намъ роздали свѣчи и повели сквозъ низенькую и узкую дверь въ пещеру Рождества Христова.

Она находится подъ великолѣпною базиликой огромнаго размѣра, построенною еще при Св. Еленѣ и до сихъ поръ уцѣлѣвшею во всѣхъ частяхъ и подробностяхъ. Въ ней 48 каменныхъ колоннъ, поддерживающихъ крышу помощью деревянныхъ стропилъ. Главный алтарь принадлежитъ грекамъ; армянамъ боковой, а латинскій въ притворѣ.

Въ пещеру спускаются двумя лѣстницами, въ 15 ступеней каждая, идущими по обѣ стороны главнаго придѣла. Пещера очень мала; длиною 37 $\frac{1}{2}$ футовъ, при ширинѣ 11 футовъ и вышинѣ въ 9, высѣчена въ скалѣ, и теперь обшита мраморомъ. Въ восточной ея сторонѣ находится углубленіе съ алтаремъ; здѣсь мѣсто Рождества; надъ нимъ виситъ серебряная звѣзда ¹⁾, а на полу сдѣлана надпись: «*Hic de virgine Maria Jesus Christus natus est*». Вправо, къ югу, за колонной, подпирающею сводъ, другое углубленіе, почитаемое мѣстомъ, въ которомъ стояли ясли. Весь потолокъ увѣшанъ драгоценными лампадами, освѣ-

¹⁾ Говорятъ, подарокъ султана Абдулъ-Меджида, чтобы разрѣшить споръ между греками и латинянами.

щающими пещеру. Митрополитъ Агапъ отслужилъ молебенъ и прочелъ Евангеліе отъ Матѳея. Помолвившись и поклонясь святынѣ, мы обошли рядомъ находящіяся пещеры, соединенныя ходами. Въ одной устроенъ алтарь надъ костями виѳлеемскихъ дѣтей, избіенныхъ повелѣніемъ Ирода; въ другой жилъ Св. Еремей, переведшій Евангеліе на латинскій языкъ; въ третьей Св. Павелъ; въ четвертой Ангелъ повелѣлъ Іосифу идти въ Египетъ и т. д. Вездѣ устроены католиками алтари. Обойдя всѣ пещеры, мы прошли на верхъ, въ церковь и ризницу латинянъ. При входѣ Великаго Князя органъ заигралъ торжественный маршъ. Въ ризницѣ намъ показали вещи, присланныя въ даръ императоромъ Максимиліаномъ и большое золотое кресло. Потомъ мы перешли рядомъ галерей, террасъ и лѣстницъ въ греческій монастырь, къ митрополиту Агапу. насъ сопровождали настоятели армянскій и латинскій съ нѣсколькими монахами. Во время угощенія кофеемъ и шербетомъ, я сидѣлъ около настоятеля католическихъ монаховъ Францисканскаго ордена, еще очень молодаго, красиваго и симпатичнаго италіянца. Въ разговорѣ онъ сознавался мнѣ, что въ то время года, когда бываетъ мало пилигримовъ, жизнь тянется весьма однообразно и не смотря на все утѣшеніе служить и находиться при такомъ святомъ мѣстѣ, трудно противостоять влеченію къ далекой родинѣ.

Поблагодаривъ за пріемъ и простившись, мы поѣхали черезъ городъ въ лежащее рядомъ селеніе, въ которомъ устроенъ пріютъ на счетъ Государыни

Императрицы для дѣвочекъ православнаго исповѣданія. При нашемъ посѣщеніи число ихъ доходило до 58; между ними было много хорошенькихъ головокъ, въ особенности одна критянка, лѣтъ пяти. Но каково было наше удивленіе, когда мы узнали со словъ начальницы, что нѣкоторыя изъ этихъ семи-восьмилѣтнихъ дѣтей уже замужемъ. Таковъ обычай страны; сначала ихъ повѣнчаютъ съ такимъ же мальчикомъ, а потомъ до зрѣлости отдаютъ въ училище. Въ Виолесмѣ, какъ и вездѣ, Великаго Князя встрѣчало все населеніе, но на этотъ разъ бросалась въ глаза красота и миловидность многихъ женщинъ. На головѣ у нихъ были кокошники съ полукруглымъ верхомъ, въ родѣ тѣхъ, которые носили у насъ въ старину дѣвушки и молодицы, и до сихъ поръ еще носятъ по деревнямъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи; только эти немного больше размѣромъ. Черты лица у виолесемскихъ женщинъ не поражаютъ рѣзкостью и однообразіемъ; какъ почти на всемъ Востокѣ, овалъ лица у нихъ круглѣе, не такъ вытянутъ и нѣтъ вѣчныхъ клювообразныхъ носовъ и рисованныхъ бровей, напротивъ того, лица ихъ отличаются правильностью и граціей.

Назадъ въ Іерусалимъ мы ѣхали очень скоро и были дома черезъ часъ времени. Послѣ обѣда готовились къ выступленію въ Яффу. Въ семь часовъ утра всѣ собрались въ залъ консула. На дворѣ шелъ сильный дождь. Поэтому просили Великаго Князя отложить выступленіе на день, но Его Высочество не согласился. Наконецъ, черезъ полтора часа, послѣ

напутственного молебна, мы двинулись въ путь, заѣхали во храмъ Гроба Господня, еще разъ приложились къ святынѣ, затѣмъ выѣхали черезъ Яфѣскія ворота, мимо нашего подворья, и стали спускаться въ долину, сопровождаемые салютами изъ пушекъ съ башни Давида.

Въ долинахъ стоялъ туманъ, и большая часть горъ была завѣшана облаками. Дорога, по которой мы шли, была хороша для всадниковъ, но видимо запущена; дѣйствительно, предмѣстникъ настоящаго губернатора устроилъ эту дорогу для колесной ѣзды и даже завелъ дилижансы, но настоящій паша счелъ это излишнею роскошью, продалъ дилижансы на сломъ, а дорогу запустилъ. На часть пути отъ Іерусалима, вправо отъ дороги, видно было селеніе древній Еммаусъ, на пути къ которому Апостолы встрѣтили Спасителя и не узнали Его.

Черезъ три съ половиной часа ѣзды мы дошли до привала. Завтракъ былъ приготовленъ уже не подъ шатромъ, а въ хатѣ. Здѣсь же насъ догналъ патріархъ, пожелавшій проводить Великаго Князя до парохода. Въ послѣдній разъ мы отвѣдали сухой курицы, сыру, яицъ, вина и прочихъ закусокъ, неизмѣнно утолявшихъ нашъ голодъ и жажду. Акифъ-паша былъ молчаливъ и мы всѣ, дѣлая этотъ предпослѣдній переходъ, не были расположены къ веселости.

Отъ привала дорога пошла вдоль берега широкаго ручья. Мы въѣхали въ ущелье, поросшее кустарникомъ, и въ немъ обогнали русскую богомолку.

Старушка сидѣла верхомъ на ослѣ, за нею шель проводникъ изъ мѣстныхъ арабовъ. «Что это ты, родная, пустилась одна въ дорогу?» спросилъ я ее. «Прослышала, что Великій Князь сегодня ѣдетъ, вотъ и думала добратся какъ-нибудь за вами, да ужъ больно тихо ѣду. А что, батюшка», прибавила она, со страхомъ поглядывая на своего молчаливаго проводника, «онъ меня не убьетъ? Погляди, вѣдь какой черный!»

Вскорѣ мы выѣхали изъ ущелья на равнину Саронскую, воспѣтую еще Соломономъ, и черезъ три часа послѣ привала были въ Рамлѣ. Городокъ этотъ, съ 2000 жителей, греческимъ и латинскимъ монастырями, служитъ станціей богомольцамъ на пути изъ Яффы въ Іерусалимъ. Въ немъ устроены для странниковъ подворья. Хотя городъ и окруженъ садами и пальмами, но съ виду онъ очень бѣденъ, грязенъ и полуразрушенъ. Мы остановились въ русскомъ страннопріимномъ домѣ, большомъ каменномъ зданіи съ плоскою крышей, вокругъ которой подѣланы келіи, накрытыя, какъ опрокинутыми чашками, рядомъ маленькихъ куполовъ. Противъ восточной стороны дома стоитъ мечеть, устроенная въ развалинахъ церкви Іоанна Крестителя, сохранившейся отъ временъ крестоносцевъ. Влѣво высилась башня Сорока Мучениковъ, которую нашъ архимандритъ считалъ арабскою постройкой, между тѣмъ какъ по другимъ свѣдѣніямъ она служила колокольною въ монастырѣ тамплиеровъ. Въ Рамлѣ много пальмъ и зелени, отчасти скрывающихъ бѣдный видъ домовъ

и развалинъ. До обѣда мы гуляли по плоскимъ крышамъ подворья; забавлялись прыганьемъ по вер-хушкамъ маленькихъ куполовъ; бросали мелкія монеты на улицу, между нашимъ домомъ и мечетью, гдѣ толпились и дрались изъ-за нихъ оборванные мальчишки. Затѣмъ, въ послѣдній разъ, обѣдали съ нашими мѣстными спутниками. Акифъ-паша былъ чрезвычайно милъ и выражалъ неподдѣльную грусть по случаю близкой разлуки. Тѣмъ временемъ смеркалось и виды съ нашихъ крышъ приняли совершенно театральнѣй характеръ. Было тихо. Темно-синее небо играло звѣздами какъ разбросанными брилліантами, луна серебрила и выдѣляла изъ тѣни стѣны, площадки и купола домовъ и развалинъ, между ними величественно подымались кудрявыя шапки пальмъ, а на четырехъ городскихъ минаретахъ горѣли нитками шкалики, зажженные по случаю наступившаго поста Рамазана. Мы пошли отдыхать.

Около 3 часовъ я проснулся отъ пѣнія муэдзиновъ. Первымъ запѣлъ муэдзинъ на минаретѣ Іоанна Крестителя, подлѣ насъ. Его полный, звучный голосъ торжественно пронесся среди ночной тишины; ему въ отвѣтъ раздался высокій грудной теноръ съ сосѣдняго минарета и они стали пѣть вмѣстѣ; по временамъ голоса ихъ сливались или потрясали воздухъ продолжительными сильными звуками, срывая которые, то вверху, то внизу, они дѣлали рядъ фіоритуръ, кончавшихся отрывисто нѣсколькими ступенями гаммы. Потомъ къ нимъ присоединились еще два голоса и всѣ четверо пропѣли широкій мотивъ съ

риемомъ марша; наконецъ, одинъ за другимъ закончили свое пѣніе, какъ начали, первымъ мотивомъ. Послѣ службы у вращающихся дервишей, это было въ первый и послѣдній разъ, что восточная музыка поразила меня; я вслушивался, вслушивался — и, подѣ влияніемъ восхитительной картины ночи, которою незадолго предъ тѣмъ наслаждался, впечатлѣніе, произведенное на меня этими голосами, было такъ сильно, что и до сихъ поръ еще, припоминая этотъ вечеръ, я переношусь въ невѣдомый міръ.

Утромъ выступили въ 8 часовъ на Лиду, родину Св. Георгія Побѣдоносца. Городъ лежитъ въ трехъ миляхъ на востокъ отъ Яффы; съ IV столѣтія въ немъ была епископская кафедра, зависѣвшая отъ Іерусалимскаго патріарха, и церковь въ честь Св. Георгія Побѣдоносца, построенная Юстиніаномъ. Крестоносцы возстановили храмъ и кафедру, уничтоженную съ распространеніемъ владычества магометанъ. Въ настоящее время церковь раздѣлена пополамъ между греками и магометанами, которые также почитаютъ Св. Георгія святымъ и потому въ ихъ половинѣ устроена мечеть. Греки недавно заново отдѣляли церковь и мраморную раку, въ которой подъ спудомъ покоятся мощи Св. Георгія. Патріархъ Кириллъ благословилъ Великаго Князя частицею этихъ мощей.

Осмотрѣвъ храмъ, я поторопился съ нѣкоторыми товарищами ѣхать впередъ. Мы поскакали галопомъ по широкой дорогѣ черезъ рѣдкій, но довольно обширный пространствомъ лѣсъ. Вскорѣ я отсталъ

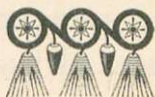
отъ моихъ спутниковъ. Еще верстъ за семь началась Соронская плоская равнина, южнѣе которой лежитъ ветхозавѣтная страна филистимлянъ. Равнина эта обладаетъ большими пастбищами и весьма плодородна; поля безъ камней окружаютъ деревни, скрытыя въ непроницаемыхъ оградахъ кактуса и плодовыхъ деревьевъ, изъ которыхъ выдѣляются группы и отдѣльные экземпляры финиковыхъ пальмъ. Природа послѣ вчерашняго дождя нѣжилась въ теплыхъ лучахъ солнца; въ полѣ щебетали птички и заливались жаворонки; около селеній ребятишки играли въ бары и завидѣвъ меня останавливались, съ любопытствомъ оглядывая полуевропейскій, полуазіатскій костюмъ. Часа черезъ два я вѣхалъ въ сады, окружающіе Яффу; они начинаются уже версты за четыре до города и состоятъ изъ апельсинныхъ, лимонныхъ, гранатовыхъ и орѣховыхъ деревьевъ, финиковыхъ пальмъ и банановъ.

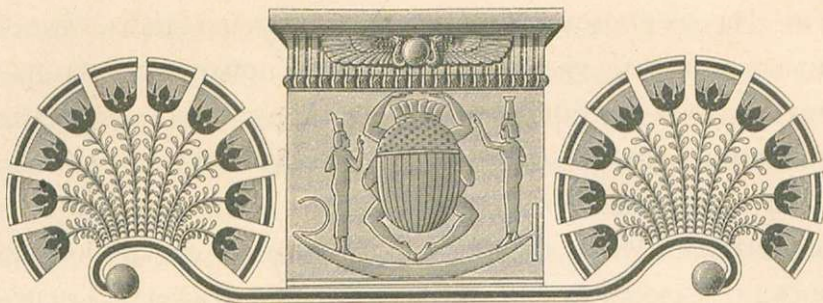
Изъ этихъ плодовъ по приѣздѣ въ Яффу мы пробовали апельсины громадной величины и сладкіе лимоны, которые были не больше грецкаго орѣха. Яффа, одна изъ древнѣйшихъ гаваней міра, построена на скалѣ и лежитъ, какъ каменный холмъ, среди зеленого ковра садовъ; предъ городомъ тянется гряда рифовъ, о которые сердито разбивается бѣлою пѣной море. При сильныхъ вѣтрахъ суда не могутъ останавливаться на открытомъ рейдѣ, а лодки проѣхаютъ между рифами, поэтому гавань доступна только въ тихую погоду. Черезъ часъ приѣхалъ Великій Князь; на берегу встрѣтили Его Высочество

Ратибъ-паша и Артимъ-бей, присланные Египетскимъ хедивомъ, чтобы сопровождать Великаго Князя во время его пребыванія въ Египтѣ. На рейдѣ ожидала насъ огромная паровая яхта хедива, для переѣзда въ Портъ-Саидъ. На маленькой набережной толпился народъ; наши лошади и люди, служившіе намъ во время путешествія, простились съ нами.

Я поцѣловалъ моего добраго «Сѣрко», который хотя медленно, но вѣрно переносилъ меня по горамъ, долинамъ и степямъ каменистой Сиріи и Палестины. Размѣстившись въ лодкахъ, мы переѣхали на пароходъ, салютовавшій Великому Князю 21 выстрѣломъ. Между рифами насъ буксировалъ маленькій пароходикъ. Патріархъ Кириллъ, митрополитъ Назаретскій, Акифъ-паша, Хаджимъ-бей, Халиль-бей, Тимолеонъ и Піетро провожали насъ на яхту. Холу-паша, какъ чистый бедуинъ, простился на берегу, признавшись, что боится моря и не рѣшается сѣсть въ лодку. Мы позавтракали, пока развели пары, подняли якорь и яхта стала удаляться отъ берега. Пробывъ въ Сиріи и Палестинѣ нѣсколько дней, много видѣли мы трудовъ, отъ чего иногда даже роптали, но за то сколько новыхъ впечатлѣній, сколько воспоминаній далекаго прошлаго! сколько воспоминаній въ будущемъ. Я глядѣлъ на удалявшійся берегъ, и въ мысляхъ смѣнялась одна картина другою и теплое радостное чувство согрѣвало мнѣ душу, когда я сознавалъ, что мои завѣтныя мечты перешли въ дѣйствительность: я былъ въ Святой Землѣ, я поклонился Гробу Господню.

На яхтѣ вице-короля Египетскаго намъ довелось прожить трое сутокъ. Мнѣ приходятъ на память слова Акифъ-паши: «Египетъ, въ сравненіи съ нами, это только-что распускающійся бутонъ, а мы — увядшая роза, у которой того гляди всѣ листья осыпятся». Море было тихо, яхта шла со скоростью восьми узловъ въ часъ или, иначе сказать, черепашьимъ ходомъ. Хорошо море, когда нѣтъ качки и пароходъ плавно подвигается впередъ. На палубѣ играетъ хоръ военной музыки; матросы производятъ работы, безпрестанно раздаются свистки, командныя слова или бьетъ барабанъ съ маленькою флейтой, напоминая третье дѣйствіе *Африканки*; люди лазятъ по вантамъ и реямъ; то ставятъ паруса, то тянутъ веревки и канаты. Уже солнце закатилось; отпили чай и отужинали, когда я рѣшился идти спать, такъ трудно оторваться отъ вида моря, когда вѣтеръ тихъ и едва надувая паруса, скользитъ по поверхности воды, подымая только мелкую зыбь, вмѣсто волнъ бушующихъ въ непогоду.





ГЛАВА XIX.

СУЭССКИЙ КАНАЛЪ. — ПОРТЪ-САИДЪ. — ПАРОХОДЪ ШЕНДИ. — ДАХАБИЭ. —
ОЗЕРО МЕНЦАЛЕ. — ФЛАМИНГИ. — МИРАЖЪ. — МОРСКОЙ КАНАЛЪ. — ОЗЕРО
ТИМСА. — ИЗМАИЛИЯ. — НОЧНАЯ ПРОГУЛКА. — САДЪ. — ГОРЬКІЯ ОЗЕРА. —
МѢСТО ПРЕДПОЛАГАЕМАГО ПЕРЕХОДА МОИСЕЯ. — СУЭСЪ. — АНГЛИЙСКИЙ
ПАРОХОДЪ, СОДЕРЖАЩИЙ СООБЩЕНИЕ СЪ ИНДІЕЙ. — ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА
ВЪ КАИРЪ. — КАНАЛЪ ПРѢСНОЙ ВОДЫ.



Море и на этотъ разъ не измѣнило къ намъ
своего расположенія; благодаря штилю,
мы отлично выпались. Когда около
7 часовъ я вышелъ на рубку, Портъ-
Саидъ былъ уже въ виду, а въ киль-
ватерѣ за нами слѣдовалъ другой паро-
ходъ Хедива «Шенди», предназначенный
провести насъ по каналу. Онъ былъ
гораздо меньше Харбія по водоизмѣсти-
мости, чуть-ли въ четыре раза; слѣдова-
тельно плата за право проѣзда по каналу
сокращалась въ такомъ же размѣрѣ; хотя, какъ потомъ
намъ рассказывали, Хедивъ остался очень недоволенъ,

что Его Высочество долженъ былъ перейти на мѣньшій пароходъ.

Итакъ мы простились съ Азією; передъ нами плоскій, едва замѣтный, берегъ Африки. Синевя моря отдѣлена отъ неба лишь тоненькою буроватою полоскою; въ одномъ мѣстѣ подымается, какъ одинокій перстъ маякъ; около него чуть пестрѣетъ группа домиковъ — это Портъ-Саидъ.

На мой вопросъ отвѣтили, что ходу еще добрыхъ два часа. Значитъ, черезъ малое время мы будемъ въ Африкѣ, на этомъ старѣйшемъ, какъ доказываютъ геологи, континентѣ. Я сталъ перебирать въ памяти, что было мнѣ болѣе или менѣе извѣстно о немъ: казалось, немного, во всякомъ случаѣ поверхностно. Акифъ-паша говоритъ, что Египетъ — это едва распускающійся бутонъ; положимъ, онъ справедливъ... и это весьма интересно; но меня влечетъ и чаруетъ не столько настоящее Египта, сколько его прошедшее. Таинственность, своеобразность, самобытность, особенно — величественность и колоссальность, съ которыми неразрывно связываются всѣ представленія о древней землѣ фараоновъ, необыкновенно возбуждаютъ воображеніе, а отдаленность и неизвѣстность способствуютъ къ опoэтизированію, болѣе или менѣе, всего, что касается Египта.

Къ тому, если вспомнить, что, по свидѣтельству Геродота, въ царствованіе Амазиса въ Египтѣ, при населеніи въ $7\frac{1}{2}$ милліоновъ, было до 20,000 населенныхъ городовъ на 750 миль обитаемаго и воздѣлываемаго пространства, которое, какъ и нынѣ,

тянется вдоль рѣки узкою полосой, вообще не шире четырехъ—пяти часовъ пути, или отъ 1½ до 2 миль, то какъ не призадуматься надъ невообразимою производительностью этой страны, способной, на относительно ничтожномъ пространствѣ, съ избыткомъ прокормить такое населеніе.

Поражающее плодородіе долины Нила и климатъ, были двумя главнѣйшими условіями цивилизаціи древняго Египта; интересно, что эти условія не измѣнились, а, тѣмъ не менѣе въ настоящее время, страна находится сравнительно въ жалкомъ положеніи.

Удивительно, какимъ образомъ въ столь отдаленную историческую эпоху, когда уровень цивилизаціи сосѣднихъ странъ былъ такъ низокъ, Египетъ, уединенный въ самомъ себѣ, достигъ такой высокой культуры, и—обратно, сохранивъ свое плодородіе и климатъ, вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи у сосѣдей, постепенно все падалъ ниже и ниже и въ настоящее время, вопреки вѣрованію Акифъ-паши, врядъ ли распустится пышнымъ цвѣткомъ.

Должно быть кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ условій необходимо еще и третье, а именно — государственный строй.

Меня ужасно интересовало увидѣть наконецъ эту загадочную страну, тѣмъ болѣе, что она вполнѣ сохранила слѣды пережитого ею, и потому нигдѣ нельзя такъ наглядно сравнить мертвый ликъ прошедшаго съ живымъ лицомъ настоящаго.

Пока мы пили чай, полоска земли приблизилась и можно было ясно различить два искусственныхъ

мола, образующихъ портъ; верфи, различные соору-
женія, должно быть у входа въ каналъ; домики, зда-
нія и множество разноцвѣтныхъ консульскихъ фла-
говъ. Вотъ появились и указатели фарватера — бочки;
пароходы наши тоже расцвѣтились флагами и мы
вошли въ портъ. Большой фрегатъ и еще нѣсколько
военныхъ судовъ салютовали изъ пушекъ, а команды
разошлись по реямъ.

Съ фрегата доносились стройные аккорды нашего
народнаго гимна. Это уже второй египетскій хоръ,
который, въ противоположность отчаянной турецкой
музыкѣ, хорошо играетъ.

На берегу стояли войска. Его Высочество про-
шелъ прямо въ греческую церковь, около которой
была такая давка, что я не рѣшился войти, къ тому
же съ улицы можно было видѣть ся внутренность,
украшенную гирляндами зелени и цвѣтовъ, размѣрами
похожую скорѣе на часовеньку, чѣмъ на церковь.

Въ ожиданіи, я сталъ глядѣть по сторонамъ, и
едва переносился мыслями въ Египетъ, такъ Портъ-
Саидъ напомнилъ мнѣ, въ уменьшенномъ и сокра-
щенномъ видѣ, Нижегородскую ярмарку, что на косѣ
и достославный Кунавинъ. Городъ построенъ изъ
лѣсу какъ бы однимъ архитекторомъ: ряды лавокъ,
а все остальное трактиры и консульскіе дома; мосто-
вой совсѣмъ нѣтъ, а ходятъ по раскаленному сы-
пучему песку.

По улицамъ встрѣчаемъ все больше однихъ
поденщиковъ съ тяжестями и матросовъ. Кромѣ не-
избѣжныхъ англичанъ, жители собрались со всѣхъ

земель, омываемыхъ Средиземнымъ моремъ, какъ бы звѣри въ Ноевъ ковчегъ, понемногу отъ всякихъ разновидностей.

Обходя городъ, заходили въ нѣсколько лавокъ, думая найти индійскіе и китайскіе товары и бездѣлушки, но ничего не встрѣтили достойнаго вниманія, а что намъ показывали, то скорѣе напоминало французскія поддѣлки.

У русскаго консула Его Высочество принималъ иностранныхъ консуловъ, которые поразили насъ причудливостію своихъ костюмовъ; у многихъ были генеральскіе эполеты и различные шнуры, шляпы съ перьями и разноцвѣтные мундиры, они очень напоминали «швейцарскихъ адмираловъ»; но мнѣ объяснили, что это необходимо на Востокѣ для представительности и надо было этимъ удовольствоваться, хотя наши консулы одѣты очень просто.

Отъ русскаго консула мы отправились осматривать морскія сооруженія и гавань. Во многихъ мѣстахъ еще стояли всевозможныя землечерпательныя машины и паровики, съ помощью которыхъ прорытъ былъ каналъ, и до сихъ поръ въ немъ поддерживается необходимая глубина. Около 11 часовъ небольшой, но все-таки очень помѣстительный пароходъ Хедива «Шенди», который назначенъ былъ провести насъ по каналу въ Суэсъ, снялся съ якоря и мы вошли въ каналъ.

Какое это величественное сооруженіе! Слабая человѣческая рука провела по землѣ глубокую борозду, которою отдѣлила два материка и связала два океана.

Обыкновенно всѣ наши представленія какихъ-либо предметовъ знакомыхъ, лишь по книгамъ, или по наслышкѣ, далеко не согласны съ дѣйствительностью; въ особенности понятія о предметахъ подлежащихъ большимъ измѣреніямъ, какъ напримѣръ: горы, глубина океановъ, величина рѣкъ, необъятность пустыни... Также точно и объ этомъ сооруженіи, не видя его, нельзя получить понятія о немъ изъ однихъ описаній.

И безъ того уже Египетъ, этотъ уголокъ земли, издревле славился своими колоссальными сооруженіями, какъ напр. Меридово озеро, лабиринтъ, пирамиды, храмы, подобный же каналъ; пришлось же, чтобы и эта поразительнѣйшая работа человѣка, требовавшая приложенія такой громадной физической силы — умѣстилась въ томъ же Египтѣ!

Каналъ, шириною въ 100 метровъ, при глубинѣ въ 8 метровъ, идетъ совершенно прямо между песчаными берегами. Въ началѣ, съ правой стороны, узкая коса отдѣляетъ его отъ кишатаго птицами озера «Менцале», по которому, во всѣхъ направленіяхъ, скользятъ барочки длинной и граціозной формы (дахаоіэ), каждая съ высокимъ треугольнымъ парусомъ, нагруженная бѣльемъ хлопкомъ; по косѣ мѣрно выступаютъ караваны верблюдовъ съ пшеницею. День великолѣпный; очень тепло, но не жарко, потому что дуетъ свѣжій вѣтерокъ.

Озеро, длиною въ 56 верстъ при ширинѣ въ 21 версту, покрыто островами съ рѣдкими пальмами и изобилуетъ рыбою и пернатыми; съ нашего борта можно было отличать во множествѣ утокъ, гусей,

цаплей, не говоря уже о чайкахъ, пеликанахъ и въ особенности несчетныхъ стай фламинговъ; послѣдніе вдали сливались въ розоватыя неподвижныя полосы, или же, перелетая, вытягивались въ продолговатыя тучки. Въ подзорную трубку можно было разсмотрѣть, что эти розоватыя полоски весьма оживлены и составлены изъ движущихся фламинговъ. Въ это время, когда они спускаются отдыхать на водѣ, около камышей, туземные охотники подкрадываются къ нимъ съ тыковою на головѣ и хватаютъ ихъ за длинные ноги. Бремъ рассказываетъ, что по его вычисленію для прокормленія этихъ стай ежедневно нужно по крайней мѣрѣ до 60.000 фунтовъ рыбы. Кромѣ того на островахъ и по берегамъ живутъ рыболовы, какъ говорятъ, остатки гиксовъ, прежнихъ покорителей Египта; которые кормятся исключительно этимъ промысломъ. Такимъ образомъ можно себѣ представить, какое здѣсь несмѣтное количество птицъ и рыбы. Въ древности, озеро не было такъ обширно и берега его были обработаны и густо населены, тѣмъ болѣе, что во время разлива великая рѣка Египта и здѣсь оставляла свой благодѣтельный иль. На южномъ берегу Менцале находятся развалины древняго Таниса, мѣстопробываніе фараона Менефта, который, преслѣдуя евреевъ, погибъ въ волнахъ Чермнаго моря.

При переходѣ на лѣвый бортъ, передъ глазами плавателей разстилалась, сливаясь съ горизонтомъ, безконечная песчаная пустыня съ передвижными холмами сыпучаго песку, представляя поразительный контрастъ

съ оживленною картиною озера. Но, мѣстами, зрѣніе обманывалось чудесною игрою миража, рисовавшего вдали озера, невысокія горы съ зеленѣющими скатами и скалы. Сначала мы и не подозрѣвали, что это былъ миражъ, такъ все казалось отчетливо и обыкновенно; но потомъ, по мѣрѣ пристальнаго взгляда, понятенъ становился разсказъ, о томъ, что это явленіе обманываетъ истомленного жаждою и усталостью путника, которому призрачныя картины кажутся несомнѣнною дѣйствительностью.

Послѣ озера Менцале каналъ пролегаетъ среди пустыни до горькихъ озеръ; хотя наибольшая его глубина и равна 8 метрамъ или 26 футамъ, но это только по срединѣ дна и при ширинѣ въ 22 метра, назначенной для прохода судовъ — затѣмъ на 39 метрахъ въ каждую сторону идутъ откосы. Грунтъ, по которому проходитъ каналъ, состоитъ на большомъ протяженіи изъ песку, а потому и было необходимо дать откосамъ такое значительное заложеніе въ три высоты и установить правило, чтобы суда проходили медленно, не выше 10 километровъ въ часъ; тѣмъ не менѣе откосы сильно размываются волненіемъ, производимымъ движеніемъ судовъ, вслѣдствіе чего, дно засоряется до такой степени, что требуетъ непрерывной работы замлечерпательныхъ машинъ.

При незначительной ширинѣ фарватера одновременно можетъ идти только одно судно; потому, на разстояніи каждыхъ 10 километровъ, на берегу канала устроены станціи съ разъѣздами и телеграфомъ. Они обязаны извѣщать другъ друга о времени

прохода судовъ, контролировать ихъ скорость и наблюдать за разѣздами. Я еще забылъ сказать, что колеснымъ пароходамъ проходъ черезъ каналъ вовсе запрещенъ, потому что производимое ими волненіе слишкомъ разрушительно дѣйствуетъ на откосы.

По всѣмъ этимъ причинамъ и не смотря на соблюдаемыя предосторожности, землечерпательныя машины дѣйствуютъ круглый годъ.

Часа за два до озера Тимса, на берегу котораго расположенъ городъ Измаилія, «Шенди» получилъ приказаніе остановиться, чтобы пропустить три встрѣчныхъ судна. Его Высочество воспользовался маленькимъ компанейскимъ пароходомъ, на которомъ насъ довезли до Измаиліи. Къ закату солнца мы вышли въ озеро, на правомъ берегу котораго лежитъ городъ.

Погружаясь за горизонтъ, солнце озарило всю мѣстность жгучими, яркожелтыми лучами: все будто превратилось въ золото различныхъ оттѣнковъ, даже наши лица и руки казались металлическими; мало-по-малу желтые тоны начали багровѣть и, превращаясь въ теплый темно-малиновый тонъ, стали уступать мѣсто наступавшей съ востока ночи съ нѣжнымъ свѣтомъ луны, взошедшей значительно надъ горизонтомъ. Мы вышли на берегъ и пошли по шоссе, обсаженному густыми рядами акацій; у шлюзовъ перешли по мосту черезъ каналъ прѣсной воды, за которымъ начинается чистенькій, опрятный, усаженный роскошною растительностью, городъ Измаилія. Онъ правильно разбитъ; улицы шоссированы. Многіе дома лежатъ въ садахъ, обнесенныхъ красивыми чу-

гунными рѣшетками; между ними особенно отличается построенный въ видѣ шале и окруженный прелестнымъ садомъ, съ голубятнею, домъ Лессепса. Къ сожалѣнію, самаго строителя канала не было дома и насъ принялъ управляющій, италіянецъ, съ дочерью, очень красивою, стройною и миловидною дѣвушкою. Она только что вернулась съ верховой прогулки, а потому была одѣта амазонкою и вполнѣ сумѣла заставить насъ не замѣтить отсутствія хозяина. Познакомившись и обойдя съ нами садъ и домъ, она предложила ѣхать кататься и показать намъ городъ и окрестности.

Всѣ съ благодарностью приняли любезное предложеніе; Его Высочество поѣхалъ верхомъ съ нашимъ хорошенькимъ гидомъ, а мы слѣдовали за ними, размѣстившись въ охотничьемъ докартѣ и кабриолетѣ. Черезъ четверть часа мы остановились въ саду, окружавшемъ большое зданіе съ паровою водокачальною, снабжающею прѣсною водою Портъ-Саидъ и станціи по морскому каналу.

Садъ разбитъ съ большимъ вкусомъ и искусствомъ; на немъ видна необычайная сила плодородія песчаной почвы, если только она орошена прѣсною водою. Давно ли возникъ въ мертвой пустынѣ городъ Измаилія и уже въ садахъ его деревья приняли весьма значительные размѣры. И что за чудная растительность, особенно этотъ садъ! Освѣщенный мечтательнымъ свѣтомъ луны, онъ разнуздывалъ и увлекалъ воображеніе... Тополи, сикоморы, агавы, широколиственные грандіозные бананы, громадныя латаніи съ

листьями, граціозно раскинутыми подобно окаймленнымъ длинною бахромою зонтикамъ; платаны, аллеи изъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, а выше всѣхъ этихъ кущъ роскошной листвы, стройныя финиковыя пальмы. Надъ нѣкоторыми дорожками были перекинута веранды съ виноградомъ, который мы срывали вмѣстѣ съ сочными мандаринами.

Мы перешли черезъ мостикъ; онъ привелъ насъ къ бассейну съ лotosовыми цвѣтами. Я отсталъ и остановился, наслаждаясь невообразимою, по своимъ очарованіямъ, ночью.... И что это была за ночь!... такая ночь, красоты которой не поддаются описанію... и какъ передать очарованіе необъяснимыхъ вѣяній, которыми переполняется душа, поддаваясь упоительнымъ чарамъ природы!.... Едва переводя духъ, я стоялъ какъ вкопанный, всматриваясь въ дивную картину египетской ночи.... Вдали, между темными силуэтами роскошной растительности, качаясь и разсыпаясь въ лучахъ мѣсяца, какъ таинственное, неуловимое привидѣніе, взметалъ фонтанъ и падалъ мелкою серебряною пылью... Мнѣ мерещилась чудная сцена Пушкина: «Ночь, садъ, фонтанъ» или разговоръ «Лоренцо съ Джессикой» въ «Венеціанскомъ купцѣ» Шекспира. Если бы меня не позвали и не прервали моихъ заоблачныхъ мечтаній, я бы долго простоялъ очарованный красотою этой ночи и въ особенности поразительною тишиною воздуха.

Мы опять сѣли въ экипажи и въ томъ же порядкѣ объѣхали городъ и рынокъ, освѣщенный

свѣчами, которыя горѣли въ лавкахъ и на лоткахъ торговцевъ какъ бы въ комнатѣ, и вернулись въ домъ Лессепса.

Пока мы пребывали въ Измаилии, задержанные проходомъ трехъ купеческихъ судовъ, «Шенди» самъ набѣжалъ на подошву откоса, сойдти съ котораго ему потребовалось не мало времени. Въ ожиданіи его прихода, а также обѣда, мы развлекались музыкой и разговорами съ хорошенькою амазонкою. Наконецъ, около 9 часовъ, мы вернулись на подошедшій къ Измаилии пароходъ, который долженъ былъ здѣсь остановиться, потому что по ночамъ движеніе по каналу воспрещается.

Утромъ насъ разбудили салютами; «Шенди» снялся съ якоря и далъ ходъ. Каналь тянется также однообразно какъ вчера; на всемъ этомъ пути только два интересныхъ мѣста — это горькія озера и каменный кряжъ, по которому также, какъ предполагають, прошелъ Моисей съ евреями. Другое мѣсто указываютъ у Суэса.

Горькія озера существовали во времена фараоновъ и были продолженіемъ Краснаго моря, съ которымъ, по всей вѣроятности, соединялись во время приливовъ. Неизвѣстно когда, должно быть вслѣдствіе геологическихъ причинъ, приливъ пересталъ доходить до озеръ и они испарились, оставивъ на днѣ пластъ соли, перемѣшанный съ тонкими пластами ила. Въ бѣльшемъ озерѣ остался пластъ вышиною отъ 6 до 10 метровъ при 12,000 метровъ длины и 5000 ширины, составляя морской осадокъ

въ 360 милліоновъ кубическихъ метровъ. Поверхность этого огромнаго пласта соли отъ времени совершенно остеклилась, такъ что теперь и подъ водою остается безъ измѣненія.

Намъ рассказывали, какъ была торжественна минута, когда открыли шлюзы и потоки одновременно спущенной воды, изъ Средиземнаго и Краснаго морей, смѣшались, разливаясь широкими волнами, а дикая пустыня, мало-по-малу, стала исчезать, превращаясь въ лазуревое озеро, благодаря настойчивымъ трудамъ человѣческаго генія.

Мѣстность, по которой, какъ предполагають, шелъ Моисей, состоитъ изъ каменистой низменности, и какъ говорятъ, представила много затрудненій во время работъ по прорытію канала.

Около двухъ часовъ мы увидѣли Суэсъ, на песчаной косѣ, и спокойную поверхность Краснаго моря. Влѣво разстилалась степь съ песчаными холмами, среди которыхъ у самаго берега зеленѣлъ крошечный оазисъ съ группою пальмъ, орошаемый, какъ рассказываютъ, еще и теперь, ключами, чудесно вызванными изъ скалы Моисеемъ. Вправо — городъ, гавань, рейдъ съ судами, разцвѣченными флагами; вдали — песчанья полосы теплаго красноватаго цвѣта и горы.

«Шенди» тихо скользилъ по зеркальной поверхности воды чистѣйшаго ультра-марина, который въ волнахъ, производимыхъ движеніемъ парохода, измѣнялся въ зеленые тоны. Выйдя изъ канала въ море, пароходъ описалъ широкій кругъ и бросилъ якорь, пройдя между военными судами, которые салютовали, вызвавъ

людей по вантамъ и реямъ и привѣтствовали Великаго Князя мѣрнымъ, троекратнымъ крикомъ.

До пристани насъ довезъ маленькій пароходъ; Великаго Князя встрѣтили губернаторъ, портовое начальство и войска.

Обходя гавань и осматривая новый докъ, мы зашли на громадный англійскій пароходъ въ 600 силъ, содержащій срочное сообщеніе съ Индіей. Это цѣлый пятиэтажный домъ, замѣчательно удобный и, притомъ, просто и чисто содержанный. Только ванны изъ мрамора; но это скорѣе требованіе опрятности, а не роскоши. На палубѣ стояла съ четырьмя коровами, которыя содержатся для молока и сливокъ, затѣмъ — всякая живность: бараны, овцы, телята, гуси, куры, утки — все это везется въ видѣ провизіи. Для ростбифа устроены отдѣльная кухня и мраморный прилавокъ, на которомъ рѣжутъ и отпускаютъ. Болѣе всего насъ заняла команда парохода; она была составлена почти исключительно изъ индійцевъ, негровъ, китайцевъ и японцевъ; словомъ, изъ жителей южныхъ оконечностей Азіи и Африки. Капитанъ говорилъ, что кочегарами на суднѣ служатъ исключительно негры, потому что другіе съ трудомъ выдерживаютъ страшный жаръ до 60 градусовъ, котораго достигаетъ температура въ топкѣ.

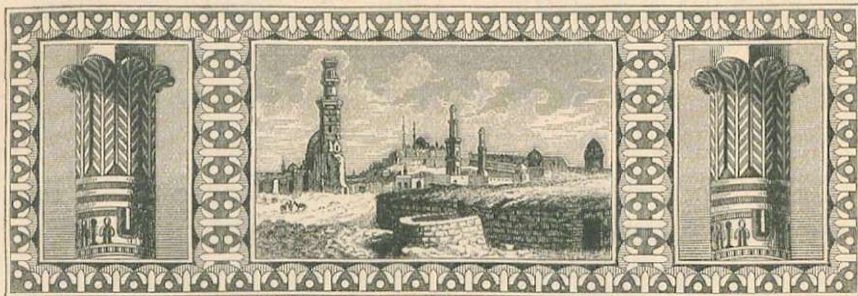
Послѣ осмотра гавани, мы сѣли на поѣздъ желѣзной дороги и пріѣхали въ городъ, лежащій всего въ какой нибудь верстѣ отъ гавани.

Суэсъ по наружности бѣденъ, хотя по своему положенію казалось бы долженъ былъ принять зна-

чительные размѣры. Онъ тѣсно построенъ, съ узкими улицами между высокими деревянными домами; нѣкоторыя улицы сверху закрыты, или дырявыми парусами, или, ни на что негодными старыми досками.

Иногда въ Суэсѣ не бываетъ дождя по три года, а разъ залило и затопило городъ такимъ проливнемъ, который продолжался девять сутокъ. Посѣтивъ русскаго консула, мы прошли черезъ городъ и выждали отхода поѣзда въ гостиницѣ для путешественниковъ, ѣдущихъ изъ Европы, черезъ Каиръ, въ Индію. Среди двора гостиницы устроенъ садъ и галереи, гдѣ укрываются отъ дневнаго зноя.

Въ 4 часа тронулся поѣздъ и мы полетѣли песчаною степью со скоростью 60 верстъ въ часъ. Справа желѣзная дорога подходила вплотъ къ каналу прѣсной воды; замѣчательно, что вдоль канала въ той же пустынѣ, на томъ же сыпучемъ пескѣ, но только орошенномъ нильскою водою, принимается и развивается прекрасная растительность. Когда стемнѣло и взошла луна, мы въѣхали въ дельту. Потянулись зеленныя изгороди кактусовъ-великановъ; селенія, пальмовыя рощи, плантаціи, городки; въ одномъ мы остановились на станціи и обѣдали, а въ 9^{1/2} часовъ вечера прибыли въ Каиръ. Его Высочество былъ помѣщенъ во дворцѣ хедива, построенномъ въ родѣ дачи, въ началѣ большой платановой аллеи, ведущей въ загородный дворецъ «Шудру», а нѣкоторые изъ насъ помѣстились въ громадной Европейской гостиницѣ.



ГЛАВА XX.

КАИРЪ. — САИСЫ. — ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХЕДИВУ. — ИЗМАИЛЬ-ПАША. — СТАРЫЙ И НОВЫЙ ГОРОДЪ. — МЕЧЕТЬ ХАССАНА. — ЦИТАДЕЛЬ. — МЕЧЕТЬ И ГРОБНИЦА АЛИ-ПАШИ. — ИЗБИЕНИЕ МАМЕЛЮКОВЪ. — ЭМИНЪ-БЕЙ И ЕГО ЗНАМЕНИТЫЙ СКАЧЕКЪ. — БАЗАРЪ. — УЛИЦЫ КАИРА. — АЛЛЕЯ ШУБРЫ. — ГУЛЯНЬЕ. — ДВОРЕЦЪ ШУБРА. — КАЗАРМА КАФЪ-ЭЛЬ-НИЛЬ. — ПОѢЗДКА ПО НИЛУ. — ДАХАБИЭ. — РАЗЛИВЪ НИЛА. — БАРАЖИ. — УКРѢПЛЕНИЯ. — ВЫЗОВЪ ПО ТРЕВОГѢ ДВУХЪ БАТТАРЕЙ. — ОБРАТНОЕ ПЛАВАНІЕ. — ОСТРОВЪ РАУДДА. — КОНЮШНИ ХЕДИВА. — ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ. — ПОСѢЩЕНІЕ ТЕФИКЪ-ПАШИ. — ПАРАДНЫЙ СПЕКТАКЛЬ. — ОСОБЕННОСТЬ КАИРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.



Съ утра мы принарядились, чтобы представиться хедиву. Въ 10 часовъ Его Высочество сѣлъ въ парадный четырехмѣстный ландо, запряженный въ уносъ четверкою великолѣпныхъ нормандскихъ лошадей. Кучеръ и ливрейные лакеи были одѣты во французское платье, ярко краснаго цвѣта съ золотыми галунами; Востокъ напоминали только два впереди бѣжавшіе скорохода, которыхъ на мѣстномъ нарѣчїи называютъ саисы.

Саисы почти необходимая принадлежность всякаго выѣзда, начиная отъ самаго хедива и

до наемныхъ колясокъ. Они съ необыкновенною выдержкою и легкостью бѣгутъ впереди экипажа, разгоняя и отстороня крикомъ и длинными тросточками встрѣчныхъ верблюдовъ, ословъ, лошаковъ, идущихъ обыкновенно караванами или цѣлыми партіями съ однимъ провожатымъ; а то, какъ мнѣ нѣсколько разъ случалось замѣчать, маленькіе умные ослики, нагруженные углемъ или зерномъ, пробираются и одни, безъ погонщика, вѣроятно по наторенной дорогѣ, до извѣстнаго и постояннаго мѣста.

Насъ размѣстили тоже въ четырехмѣстныхъ ландо, но вся упряжь и прислуга были англійскія.

Дворецъ Измаила-паши снаружи чрезвычайно невзраченъ и похожъ на самую заурядную казарму; внутри обширный дворъ съ гауптвахтою и параднымъ крыльцомъ; лѣстница и комнаты во дворцѣ богато убраны и отдѣланы, но очень обыкновенны и ничѣмъ особеннымъ или своеобразнымъ не отличаются.

Измаиль-паша встрѣтилъ Великаго Князя на подѣздѣ, и проведя въ гостиную, разговаривалъ съ добрыхъ полчаса; затѣмъ вышелъ къ намъ и во время представленія любезно поговорилъ съ каждымъ на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ. Вся обстановка двора европейская; говорятъ, ходятъ, смотрятъ другъ на друга и на другихъ — по людски; это не то, что у султана, гдѣ всѣ превращены въ истукановъ со сложенными накрестъ руками, которыя при появленіи падишаха приходятъ въ минутное движеніе, но лишь съ тѣмъ, чтобы этимъ выразить передъ нимъ свое ничтожество.

Кстати, вотъ что намъ извѣстно о повелителѣ страны фараоновъ. Измаиль-паша получилъ воспитаніе во Франціи. Его дѣятельности Египетъ обязанъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ въ различныхъ направленіяхъ Дельту съ Каиромъ, и сѣтью телеграфовъ по всему верхнему и нижнему Египту; при немъ много сдѣлано для уничтоженія торговли невольниками; вновь проложены дороги и устроены сообщенія въ Верхнемъ Египтѣ; заложены и проведены новые шлюзы и каналы для орошенія полей, между прочимъ, возстановленъ древній каналъ фараоновъ, соединяющій Ниль съ Чермнымъ моремъ, у Суэса, вызвавшій къ жизни цѣлую провинцію Вади-Тумилатъ; разведенъ сахарный тростникъ и созданъ важнѣйшій предметъ отпускной торговли — сахаръ, добываемый на многочисленныхъ паровыхъ фабрикахъ по берегамъ Нила; наконецъ оконченъ Суэскій каналъ. Ему же обязанъ Каиръ оздоровленіемъ, перестройкою цѣлыхъ кварталовъ, новыми водопроводами, разведеніемъ роскошныхъ садовъ, тѣнистыхъ аллей и насажденіемъ деревьевъ. Кажется не мало!... Что это стоить странѣ и какими пожертвованіями достигнуто — это другой вопросъ, на который отвѣтитъ время.

Возвратясь тѣмъ же порядкомъ въ отведенный Его Высочеству дворецъ, мы ожидали минутъ съ десять отвѣтнаго визита хедива; затѣмъ, позавтракавъ и переодѣвшись, поѣхали смотрѣть городъ и цитадель.

Не берусь описать Каиръ; онъ произвелъ на многихъ изъ насъ такое прелестное впечатлѣніе и

мы нашли въ немъ столько привлекательнаго для продолжительнаго пребыванія, что настоящее посѣщеніе скорѣе походило на кратковременный сонъ съ видѣніями не вполне опредѣлившимися. Въ Египетъ стоитъ пріѣхать на два, на три, зимнихъ мѣсяца, и навѣрно не замѣтишь, какъ пройдетъ время; столько разнообразія, столько новизны и интереса представляетъ эта страна; къ тому же осматривать ее можно не терпя лишеній, а напротивъ того со всѣми возможными удобствами.

Какъ выше упомянуто, часть города перестроена на европейскій ладъ, примѣняясь къ требованію палящаго лѣтняго солнца.... часть ломается и строится, а наибольшая часть — продолжаетъ свое существованіе, со всѣми неудобствами и грязью на улицахъ, достойными Востока, но за то и со всею его своеобразною красотою, какъ-то особенно способнаго возбуждать и очаровывать воображеніе.

Вице-король, со своей стороны, сдѣлалъ все, чтобы пересоздать городъ, не останавливаясь ни передъ предразсудками, ни передъ какими-либо денежными затрудненіями. Надо проложить новую улицу: неимущимъ хозяевамъ дается ссуда, или просто перестраивается заново домъ, съ удержаніемъ его въ залогъ, до постепенной уплаты забраннаго капитала; бѣднѣйшимъ даруется вспомошествованіе. Мѣшаетъ ли какая нибудь мечеть, которыхъ не меньше въ Каирѣ, чѣмъ церквей въ Москвѣ — запретъ корана, касающійся закрытія мечетей не иначе какъ за ихъ ветхостью, грозящею опасностью разрушенія — обходится ком-

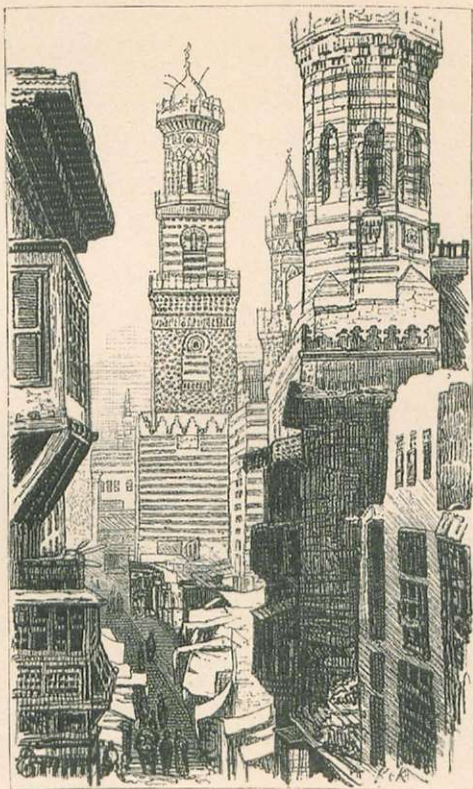


NEW YORK CITY

мало столько привлекательного для
пробы, что настоящее посв-
исходило на кратковременный сонъ
и вполне опредѣлившимся. Въ Египетъ
на два, на три, зимнихъ мѣсяца, и
вѣтъ, какъ пройдетъ время, только
только новизны и интереса предстан-
на; къ тому же осматривать ее можно
нѣтъ, а напротивъ того со всѣми воз-
ствами.

е упомянуто, часть города перестроена
ладъ, примѣняясь къ требованію палат-
солнца. . . . часть ломается и строится, и
тъ — продолжаетъ свои существующіе
бствами и грядущимъ, и т. д. . . .
но за то и со своимъ . . .
то особенно способнымъ возбуждать
воображеніе.

ль, со своей стороны, сдѣлать все,
тъ городъ, не останавливаясь ни передъ
ни передъ какими-либо денежными
Надо проложить новую улицу: не-
амъ дается суза, или просто пере-
ово ломъ, съ удержаніемъ его въ
епенной уплате забраннаго капитала,
уется вспомошествованіе. Мѣшаетъ
четь, которыхъ не меньше въ Каирѣ,
Москвѣ — запретъ . . . касно-
четей не иначе какъ въ ихъ вѣстостью,
стью разрушенія — обходится ком-



Улица въ Каирѣ.

миссіею, которая признаетъ стоящую на пути мечеть ненадежною, и ее сносятъ.

Проѣхавъ по строящимся и старымъ частямъ города, мы выѣхали на обширную площадь у подножія горы, на которой высится, подобно Кремлю, цитадель, построенная еще Саладиномъ, и остановились передъ мечетью калифа Хассана, самою оригинальною по постройкѣ и древнѣйшею изъ четырехъ сотъ мечетей Каира.

Мечеть Хассана построена изъ облицовки хеопсовой пирамиды, и при своей величинѣ отличается, какъ легкостью и изяществомъ постройки, такъ и пропорціональностью размѣровъ. Особенно поразителенъ куполь, который можно отнести къ чудесамъ зодчества. Кажется какъ будто онъ виситъ на воздухѣ. Глядя на него, не скоро поймешь, какимъ образомъ его установили, такъ какъ сквозь всѣ четыре угла между квадратными стѣнами, на которыхъ куполь покоится, просвѣчиваетъ небо и они заполнены ажурными украшеніями. Дѣло въ томъ, что отъ середины верхняго карниза каждой стѣны перекинуть, въ видѣ мостика, пологій полукрутой сводъ, упирающійся въ соотвѣтственное мѣсто смежной стѣны; на этихъ-то мостикахъ лежитъ кольцо, служащее основаніемъ фонарю купола; но на первый взглядъ какъ сводъ, такъ и кольцо, искусно скрыты, и кажется, что вся постройка купола содержится на четырехъ точкахъ.

Изъ мечети Хассана насъ повезли въ цитадель, построенную на вершинѣ послѣдняго уступа Мока-

тамскаго хребта, который упирается въ городъ съ юго-восточной стороны. Цитадель обнесена стѣнами старинной постройки, вооружена гладкостѣнными орудіями и вполне можетъ держать городъ въ повиновеніи.

Въ настоящее время она входитъ въ цѣпь отдѣльныхъ фортовъ, возведенныхъ для обороны города; но чтобы она могла соотвѣтствовать этой цѣли, ее слѣдовало бы предварительно совершенно перестроить. Цитадель занимаетъ довольно обширную площадку, на которой помѣщаются арсеналъ, военное министерство, типографія, монетный дворъ, чеканящій до 1½ милл. рублей золотомъ, дворецъ и мечеть Али-паши съ его гробницею.

Мечеть и ея обширный дворъ съ фонтаномъ отдѣланы желтымъ алебастромъ, который своимъ отблескомъ очень напоминаетъ мраморъ. Сама по себѣ мечеть хороша; но, сравнительно съ константинопольскими, уступаетъ имъ въ изяществѣ отдѣлки; не смотря на то, что она построена по образцу Св. Софіи. Гробница Мехмета-Али покрыта великолѣпнымъ голубымъ бархатнымъ ковромъ съ роскошнымъ золотошвейнымъ рисункомъ.

При осмотрѣ двора цитадели, намъ показали мѣсто, съ котораго соскочилъ одинъ изъ 480 беевъ, во время избіенія мамелюковъ. Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ Мехметъ-Али паша рѣшился избавить себя и страну отъ своеволія и притѣсненій не признававшихъ никакихъ властей мамелюковъ; тѣмъ болѣе интересно посмотрѣть мѣсто, на которомъ разыгра-

ласть еще не такъ давно эта кровавая сцена, и 480 великолѣпнѣйшихъ и храбрѣйшихъ наѣздниковъ были безъ сопротивленія избиты. Площадка, на которую они вѣхали, окружена съ трехъ сторонъ каменными постройками, четвертая сторона примыкаетъ къ отвѣсной скалѣ съ парапетомъ. Перваго марта 1811 г. Мехметъ-Али пригласилъ беевъ на пиръ, и когда послѣдній изъ нихъ вѣхалъ на площадку, раздался сигнальный выстрѣлъ, ворота цитадели затворились, и укрытые за недоступными стѣнами албанскіе наемники исполнили жестокій приказъ Мехмета-Али, перебивъ всѣхъ гостей. При первыхъ выстрѣлахъ, увидѣвъ павшихъ товарищей, мамелюки рванулись, ища противниковъ, но они были неуязвимы за недоступными каменными стѣнами и осыпали ихъ градомъ пуль. Исходу не было, пришлось безъ сопротивленія дать себя перебить. Одинъ Эминъ-бей избѣгъ кровавой бани, рѣшившись на отчаянно-смѣлый скачокъ, черезъ каменный парапетъ на площадь къ сторонѣ мечети Хассана. Уцѣлѣвъ какимъ-то чудомъ, онъ успѣлъ высвободиться изъ-подъ своего издыхавшаго скакуна и укрыться въ мечети. При одномъ взглядѣ внизъ, голова кружится, и трудно вѣрится въ возможность подобнаго скачка, а между тѣмъ это фактъ.

Съ этого же мѣста, какъ на ладони, виденъ весь Каиръ, съ его четырьмя стами мечетей и безчисленными минаретами; за нимъ блещетъ Нилъ, окаймленный зеленымъ уборомъ полей, садовъ и пальмовыхъ рощъ, а далѣе бурѣтъ полоса Ливійскихъ горъ, съ величественными въ своемъ вѣковомъ

непоколебимомъ спокойствіи пирамидами, и — наконецъ, сливается съ горизонтомъ безбрежная Сахара.

Изъ цитадели мы проѣхали черезъ базаръ и весь городъ въ Шубру, загородный дворецъ хедива, окруженный фруктовыми садами, гдѣ, въ августѣ 1849 года, умеръ Мехметъ-Али-паша.

Проѣхавъ по нѣсколькимъ изгибистымъ улицамъ съ навѣсными балконами, общественными кухнями, мелочными и зелеными лавками, узенькими и косыми переулками, мечетями, раскрашенными въ двѣ широкія полосы, какъ плащи бедуиновъ, мы наконецъ попали на базаръ, совсѣмъ не похожій на крытый сводчатый базаръ Константинополя. Онъ расположенъ въ тѣхъ же улицахъ, которыя только мѣстами покрыты рѣшетками, съ натянутыми на нихъ рогожами, или парусиной. Лавки, вообще больше и, повидимому, лучше константинопольскихъ; въ новомъ же городѣ много великолѣпныхъ магазиновъ, гдѣ торгуютъ преимущественно французы и италіянцы. Въ этихъ магазинахъ мы нашли склады всевозможныхъ произведеній Индіи, Китая и Японіи, сравнительно по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Улицы въ Каирѣ чрезвычайно оживлены; кромѣ европейскаго способа возки тяжестей на колесахъ, рядомъ съ нимъ въ полномъ ходу способъ выючный, на верблюдахъ, ослахъ, лошакахъ и мулахъ; во вновь же строящемся кварталѣ мы увидѣли даже новостъ для насъ: перевозку строительныхъ матеріаловъ съ помощью большого локомобиля. При встрѣчахъ съ караванами, подымается страшный гамъ, съ одной



Житель Каира.



Каиръ. — Мусульманка и коптка.

стороны впереди экипажей расчищаютъ дорогу хлыстами и криками саисы, съ другой отвѣчаютъ ругательствами погонщики; къ нимъ присоединяются мальчишки съ осликами, употребляемыми вмѣсто пролетокъ, такъ какъ во всемъ Каирѣ мы не встрѣчали экипажей въ одиночку, а исключительно однѣ коляски и ландо, съ непремѣннымъ спутникомъ, саисомъ.

На осликахъ, сидя верхомъ, ѣдутъ всѣ, начиная съ почтенныхъ фигуръ представителей мѣстнаго духовенства, до иностранцевъ, и, закутанныхъ въ длинныя черныя чадры, женщинъ. Проѣхавъ вновь строящійся кварталъ, гдѣ, между прочимъ, плотники, каменщики, мусорщики работали совершенно голые, напоминая египетскіе барельефы — мы вѣхали въ тѣнистую, защищаемую отъ палящаго солнца вѣковыми платанами, аллею Шубры, которая ведетъ къ старому загородному дворцу и служить городскому населенію любимымъ мѣстомъ прогулокъ. Ежедневно послѣ 4 часовъ и до заката солнца, здѣсь происходитъ катанье до садовъ и обратно: это своего рода парижскій Булонскій лѣсъ, или Пратеръ въ Вѣнѣ.

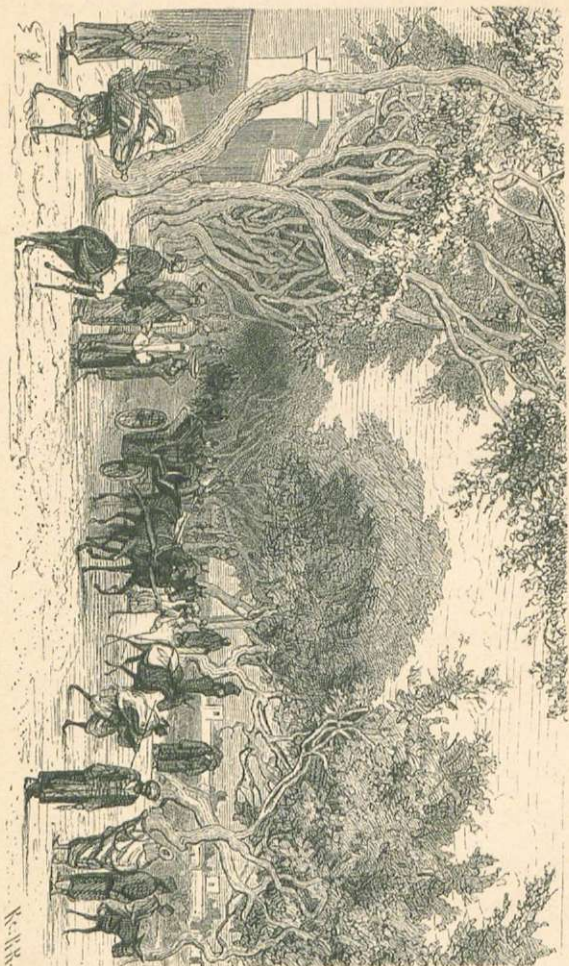
Однажды, расположась на вынесенныхъ намъ стульяхъ, у входа въ дворецъ, гдѣ остановился Его Высочество, мы имѣли случай вполне полюбоваться на это гулянье.

Вся упряжь въ экипажахъ шорная, много хорошихъ лошадей и выѣздовъ, принадлежащихъ иностраннымъ негоціантамъ; единственное, что напоминало при нихъ Востокъ, это саисы, одѣтые въ цвѣтныя курточки — безрукавки поверхъ бѣлыхъ рубахъ

съ широкими рукавами и въ бѣлые по колѣно шаровары. Курточка и нагрудникъ всегда роскошно вышиты золотомъ или серебромъ, цвѣта же подобраны въ тонъ съ отдѣлкою экипажа. Кромѣ пѣшеходовъ, здѣсь катаются много верховыхъ на осликахъ и красивыхъ арабскихъ лошадяхъ; между всадниками особенно отличаются евнухи, сопровождающіе экипажи гаремныхъ дамъ.

По сторонамъ аллеи торгуютъ продавцы букетовъ, сластей, сахарнаго тростника и прохладительныхъ напитковъ. Продажею фруктовъ занимаются всего больше подгородныя женщины, между которыми бросаются въ глаза коптянки, напоминая, характернымъ окладомъ смуглаго лица, всѣмъ извѣстный, по сфинксамъ и барельефамъ — древне-египетскій типъ. Между ними особенно выдѣлялась одна продавщица апельсиновъ; нельзя было не засмотрѣться на ея чудные большіе глаза, отѣненные длинными густыми рѣсницами, въ особенности же, когда, поставивъ плоскую корзину на голову, она поддерживала ее обнаженною рукою, украшенную серебряными запястьями.

Хотя Каиръ во многомъ походитъ на европейскій городъ, и, относительно удобствъ помѣщенія и жизни, далеко опередилъ Константинополь, но мусульманки въ послѣднемъ показываются на улицу почти съ открытымъ лицомъ, здѣсь же они носятъ черныя чадры съ чернымъ шелковымъ платочкомъ, который выкроенъ продолговатымъ треугольникомъ, такъ что совершенно закрываетъ всю нижнюю часть лица.



Мы въѣхали въ тѣнистую, защищаемую отъ палящаго солнца вѣковыми платанами,
дѣло Шубры.

Дворецъ Шубра лежитъ на берегу Нила, напоминающая италіянскія виллы; за нимъ разбитъ отлично содержимый фруктовый садъ, съ густыми лимонными и апельсинными аллеями, куртинамъ сладкихъ мандариновъ, вѣковыми орѣховыми деревьями, финиковыми пальмами, широколиственными бананами и цѣлымъ моремъ цвѣтовъ. Любуясь разнообразіемъ послѣднихъ, мнѣ пришло на память донесеніе, посланное халифу Омару его полководцемъ, который, покоривъ страну, мѣтко описалъ ее тремя сравненіями: «Египетъ подобенъ великому морю пыли; затѣмъ — морю сладкой воды и, наконецъ, морю цвѣтовъ».

Въ одной сторонѣ сада устроенъ купальный кіоскъ съ громаднымъ квадратнымъ бассейномъ въ двѣсти шаговъ длины; онъ окруженъ широкою галереею, съ выступами по срединѣ, которые обставлены цвѣтами и растеніями; по угламъ галереи построены комнаты, украшенныя отоманками, коврами и вообще восточнымъ убранствомъ.

Въ саду намъ подали букетики изъ розъ и предложили полакомиться фруктами съ любого дерева. Обойдя садъ и надышавшись ароматомъ цвѣтовъ, мы поѣхали обратно.

Между тѣмъ солнце сѣло, оставивъ вмѣсто себя яркую полосу цвѣта чистаго кармина; потомъ полоса стала разростаться, разстилаясь по всему впереди лежащему горизонту. Передъ нами, отражая на своей поверхности цвѣта заката, какъ бы багровымъ потокомъ протекалъ Ниль; дальше обрисовы-

вались узорчатые очертания противоположного берега, над которымъ, двумя темными силуэтами, выросли, въ геометрически строгихъ линияхъ — пирамиды. Кажется, незатѣйлива ихъ архитектура, но эта, доведенная до послѣдней возможности, простота, при необычайныхъ размѣрахъ, среди разнообразія и неправильности формъ окружающей природы, производитъ поразительное впечатлѣніе.

На утро слѣдующаго дня Его Высочеству было предложено проѣхать по Нилу внизъ до баражей. Въ девять часовъ мы остановились у пристани, рядомъ съ трехэтажною казармою Кафъ-эль-Ниль, что значитъ «дворецъ Нила». Она построена въ видѣ буквы Ш, флигеля упираются въ набережную; часть нижняго этажа средняго флигеля занята покоями вице-короля; дворы весьма просторны; внутренніе фасады обнесены въ два этажа галереями; казарма содержится въ отличномъ видѣ.

На пристани уже дымилась небольшая паровая яхточка съ рубкою, роскошно отдѣланною зеркалами и зеркальными стеклами. Мы спустились на ней, внизъ по теченію, до баражей, т. е. до шлюзной системы, управляющей возвышеніемъ воды въ Ниль и находящейся въ полутора часахъ пути, или около 20 верстъ, отъ Каира.

Вотъ, мы плывемъ по священнымъ водамъ Яро, какъ называли египтяне Ниль. Слева городъ; справа сады, кіоски, пальмовыя роши. За тѣмъ, видъ рѣки болѣе расширяется; сады смѣняются селеніями, полями; на однихъ жнутъ, на другихъ пашутъ; третьи

зеленѣютъ молодыми всходами; здѣсь молотятъ паровыми молотилками, рядомъ — первобытнымъ способомъ, буйволами или быками.

Цвѣтъ Нила буро-красный, похожій на кофе съ молокомъ; во время низкаго уровня вода въ немъ чиста, прозрачна, пріятна на вкусъ и очень здорова. По берегамъ кипитъ дѣятельность, снуютъ пароходы, лодки и красивыя нильскія барки, называемыя «дахабіэ», на которыхъ обыкновенно совершаютъ путешествіе вверхъ по рѣкѣ до первыхъ водопадовъ. Дахабіэ построены очень граціозно; ихъ продолговатый корпусъ приподнятъ къ кормѣ, на которой устанавливается рубка; нѣкоторыя оснащены двумя мачтами, но самыя характерныя имѣютъ одну коротенькую мачту въ носовой части, къ вершинѣ которой наискось прикрѣплена длинная саблеобразная рея, и съ нея спускается треугольный парусъ.

Между тѣмъ какъ берега, отступая, бѣгутъ отъ насъ плоскою лентою съ невысокимъ узоромъ селеній и садовъ, надъ которыми выдѣляются лишь верхушки пальмъ, да изрѣдка мечети съ минаретами, вниманіе мое остановилось на разлитіи Нила, воды котораго впрочемъ въ это время были уже на спадѣ. Что это за могучая рѣка!.... Какая масса воды!.... Три мѣсяца въ году она затопляетъ всю долину.... Впрочемъ, оно не удивительно, если принять въ соображеніе, что это единственный истокъ для дождевой воды, собирающейся на площади, превышающей въ восемь разъ поверхность Германіи. Отъ разлива Нила зивиситъ все существованіе страны, а потому

можно себѣ представить, съ какимъ напряженіемъ всѣ ожидаютъ поднятія воды, такъ какъ бываетъ, что наводненіе запаздываетъ, а въ одинъ злосчастный годъ, въ двѣнадцатомъ столѣтіи, вода почти вовсе не прибывала. Обыкновенно прибыль нильскихъ водъ въ Верхнемъ Египтѣ начинается съ послѣднихъ чиселъ мая, и только черезъ 18 дней, т. е. въ серединѣ іюня, замѣчается въ дельтѣ.

Въ концѣ іюля ниломѣръ показываетъ 13 футовъ, въ серединѣ августа вода подымается до 20 футовъ, выступаетъ изъ береговъ и, затопляя страну, достигаетъ къ концу сентября отъ 27 до 29 футовъ; съ октября начинается спадъ, въ половинѣ ноября рѣка входитъ въ свои берега; въ концѣ декабря стоитъ на 18-ти, въ январѣ 13-ти, въ февралѣ 9-ти; въ іюнѣ не превышаетъ 5-ти.

Вслѣдствіе наибольшихъ осадковъ ила по сторонамъ рѣки, берега ея постоянно возвышались и теперь Нилъ течетъ въ самомъ высокомъ мѣстѣ долины, такъ что вода, выступающая изъ береговъ, не возвращается обратно, а поглощается землею, сообщая ей на столько влаги, что во время засухи для посѣвовъ достаточно одного орошенія изъ каналовъ.

Для регулированія воды во время спада, Мехметъ-Али-паша приказалъ выстроить знаменитые шлюзы, извѣстные подъ именемъ «барражей». У острова Роде рѣка раздѣляется на два рукава, непосредственно за нимъ слѣдуетъ островъ «Grand-Ilot», къ которому и примыкаютъ съ обоихъ береговъ два гигантскихъ шлюза. Подѣхавъ къ нимъ, мы

сѣли на приготовленныхъ для насъ верховыхъ лошадей съ арабскаго отдѣленія конюшни хедива, и переѣхали черезъ правый Даміеттскій рукавъ, съ шестидесяти четырьмя пролетами, которые запираются подъемными металлическими щитами. Розеттскій рукавъ нѣсколько короче.

На сколько барражи удовлетворяють предположенной цѣли, не знаю, но съ виду они очень красивы и представляютъ великолѣпную работу. Быки, въ которыхъ двигаются щиты, возведены изъ большихъ гранитныхъ камней, устоя увѣнчанъ круглою башенкою съ бойницами и зубчатымъ верхомъ; на оконечностяхъ построены ворота, между двумя высокими четырехугольными башнями, напоминающими вѣзды въ средневѣковые города и замки.

Барражи обнесены съ обѣихъ сторонъ укрѣпленіями бастіоннаго начертанія, разбитыми, начиная отъ лѣваго и праваго рукавовъ Нила, полукругами, до южной оконечности острова Роде, а на Grand Plot расположено центральное укрѣпленіе съ двумя стами орудій.

Образуемый такимъ образомъ укрѣпленный лагерь, на площади въ шесть квадратныхъ верстъ, имѣетъ двойное назначеніе — защитить шлюзы и служить въ качествѣ передоваго укрѣпленія Каира. Фортификаціонныя работы исполнены замѣчательно отчетливо, но профилями не соотвѣтствуютъ настоящему состоянію артиллеріи.

Въ центральномъ укрѣпленіи стоитъ артиллерійская казарма; Его Высочество выразилъ желаніе

посмотрѣть расположенныя въ ней двѣ баттарей съ 4-хъ и 6-ти ф. французскими орудіями. Сопровождавшій Великаго Князя Ратибъ-паша вызвалъ ихъ по тревогѣ, предупредивъ заблаговременно, что старые люди распущены по домамъ, много новобранцевъ и они выйдутъ не такъ какъ слѣдуетъ. Слова его оправдались, вышелъ переполохъ; артиллеристы этого вовсе не ожидали: поднялась суета, бѣготня въ конюшни, въ цейхгаузы за снаряженіемъ, возня съ разгорячившимися лошадьми, между которыми было много жеребцовъ, вырывавшихся изъ рукъ, — словомъ, прошло долгое время, пока баттарей были готовы, и смотрѣ вышелъ не совсѣмъ удачный.

На обратномъ пути мы позавтракали и снова любовались прелестными берегами Нила; въ довершеніе и безъ того оригинальнаго ландшафта, плывущіе въ разныхъ направленіяхъ дахабіа, съ ихъ треугольными парусами, издали сливались въ черныя очертанія, съ громадными, распростертыми крыльями, принимая видъ какихъ-то гигантскихъ птицъ. Такъ какъ, подѣзжая къ Каиру, оказалось еще достаточно времени до обѣда, то Его Высочество пожелалъ подняться вверхъ по Нилу до ниломѣра, утвержденного на островѣ Раудда.

Островъ Раудда обстроенъ дачами богатыхъ мусульманъ, съ прелестными садами. Кстати о садахъ, — въ Турціи садами называютъ всякія насажденія фруктовыхъ деревьевъ, которыя далеко не удовлетворяютъ нашимъ понятіямъ о садахъ; здѣсь же совершенно обратно: они далеко превосходятъ

наши сады необычайною роскошью и разнообразіемъ своихъ растительныхъ формъ.

Передъ обѣдомъ мы еще успѣли осмотрѣть конюшни хедива. Намъ показали три отдѣленія: арабское, состоящее изъ мѣстныхъ кровныхъ лошадей, и нѣсколькихъ замѣчательныхъ рысаковъ одnogорбыхъ верблюдовъ, которые бѣгутъ вдвое скорѣе противу скачущей лошади; французское, съ отличными першеронами, нормандскими, арденнскими и венгерскими шорными лошадьми; англійское, съ всевозможными лошадьми упряжного сорта. Конюшни и лошади образцово содержатся; главное, всякій уходъ по своему, что для сравненія очень интересно. Если сказать по совѣсти, англійское отдѣленіе содержимо лучше всѣхъ, потомъ французское и, наконецъ — мѣстное. Но въ защиту послѣдняго надо замѣтить, что его помѣщеніе менѣе удобно и менѣе роскошно.

Вечеромъ многіе изъ насъ бродили по городу. Наше пребываніе въ Каирѣ совпало съ рамазаномъ, отъ этого улицы были гораздо болѣе оживлены, чѣмъ въ обыкновенное время: всѣ мечети украшены горящими шкаликами, вокругъ кофеенъ толпа народа, вездѣ говоръ, шумъ, ѣзда, встрѣчи.... И что это за благодать, эти египетскія ночи!.... тепло, въ воздухѣ тихо; ходишь какъ по заламъ съ безконечнымъ темно-синимъ сводомъ, усыпаннымъ блестящими звѣздами. Вотъ кофейня, — внутри идетъ говоръ, — снаружи, на прилавкѣ широкаго окна, сидятъ два слѣпца и поютъ, сопровождая свое пѣніе мѣр-

ными ударами по струнамъ своеобразной бандуры; одинъ изъ нихъ, въ бѣломъ турбанѣ, вытянувъ свою жилистую шею и закативъ мутные глаза, усиленно выводитъ высокіе горловые звуки, срывая ихъ движеніемъ назадъ головы, чтобы, забравъ воздухъ, начать снова.... Что они поютъ, не знаю, и некого было спросить; должно быть легенды о своихъ герояхъ, а можетъ быть и что-нибудь свѣтскаго содержанія изъ безчисленныхъ арабскихъ пѣсень. Толпа сидитъ вокругъ пѣвцовъ, многіе курятъ кальяны и трубки, прихлебывая изъ крошечныхъ чашечекъ кофе.

Въ другомъ мѣстѣ слушатели окружали сказочника; тутъ и мы постояли, слѣдя за выразительными жестами и безостановочнымъ потокомъ рѣчи разскащика. Въ общественномъ саду играла музыка и по извилистымъ дорожкамъ, среди великолѣпнѣйшихъ кущъ зелени и прудовъ, освѣщенныхъ вдоль берега газовыми огоньками, гуляла многочисленная разноплеменная толпа. Между гуляющими было очень много европейскихъ одѣяній, но и много простаго народа.

Конечно, и въ Египтѣ не рай; есть свои невзгоды: саранча, хамсинъ, слѣпота, повальныя болѣзни, заразы и падежи на скотъ; въ особенности послѣ обильныхъ наводненій, когда поля, не смотря на громадныя стаи птицъ, покрыты гніющими рыбами, гадами и трупами затонувшихъ животныхъ; но если принять во вниманіе благодатный климатъ, не принуждающій простолюдина заботиться о защитѣ отъ

холода и непогоды, дешевизну насущнаго хлѣба и вообще необыкновенно легкое удовлетвореніе повседневныхъ потребностей бѣднѣйшаго класса, то глядя, какъ послѣ четырехъ часовъ пополудни всѣ базары и работы прекращаются и, вслѣдъ за симъ, населеніе до 8-ми часовъ слѣдующаго утра предается полному отдыху, — начинаешь понимать, почему условія, въ коихъ проходитъ жизнь здѣшняго рабочаго люда, кажутся не только сносными, но даже предпочтительными въ сравненіи съ жизнью большихъ промышленныхъ центровъ Европы.

На слѣдующее утро Его Высочество осматривалъ конный заводъ хедива, но не нашелъ его соотвѣтствующимъ своимъ ожиданіямъ. Извѣстно, что Мехметъ-Али, во время похода противъ вахабитовъ, вывелъ изъ Неджета самыхъ высокопородныхъ арабскихъ лошадей, отличающихся при бѣльшемъ ростѣ необыкновенною сухостью, силою и красотою формъ; но съ такими исключительными достоинствами въ заводѣ лошадей не оказалось.

Въ 3 часа Великій Князь поѣхалъ съ визитомъ къ Тефикъ-пашѣ, старшему сыну вице-короля, наслѣднику престола. Онъ живетъ въ загородномъ дворцѣ, довольно далеко отъ Шубры; мы ѣхали съ добрыхъ сорокъ минутъ, по окраинамъ города, мимо большихъ казармъ, военнаго училища и множества садовъ, обнесенныхъ высокими каменными оградами. Всего интереснѣе на этомъ пути было кладбище съ цѣлою вереницею мечетей, поставленныхъ въ видѣ памятниковъ надъ могилами халифовъ.

Многіе изъ нихъ полуразрушены временемъ и, вообще говоря, запущены.

Тефикъ-паша, вмѣстѣ съ братомъ Хассаномъ, встрѣтилъ Великаго Князя въ саду на террасѣ, поднявшись по которой мы всѣ взошли въ гостиную, убранную со вкусомъ.

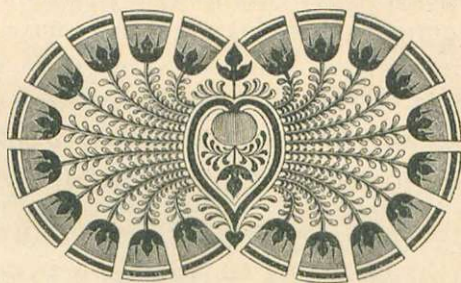
Оба молодые принцы повидимому весьма образованы. Сколько можно судить на взглядъ, Тефикъ-паша молчаливъ и немного застѣнчивъ; при среднемъ ростѣ онъ, для своихъ лѣтъ, довольно полонъ. Братъ его, принцъ Хассанъ, совершенная противоположность: худенькій, подвижный, развязный и весьма разговорчивый.

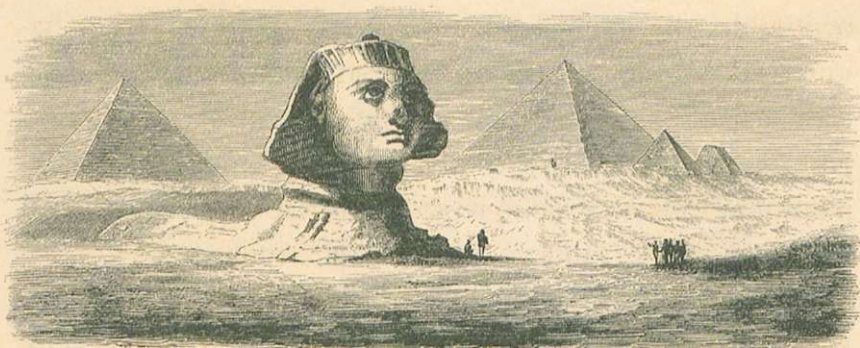
Вечеромъ въ честь Великаго Князя былъ парадный спектакль въ оперномъ театрѣ, давали «Аиду», Верди. Такъ какъ на слѣдующій день мы должны были осматривать египетскіе памятники, то представленіе Аиды оказалось весьма кстати, тѣмъ болѣе, что въ первоначальной постановкѣ этой оперы принималъ участіе знаменитый Маріетъ-бей, вслѣдствіе чего всѣ костюмы и аксессуары исторически вѣрны. Опера, при отличномъ оркестрѣ, хорахъ и знакомыхъ намъ по Петербургу солистахъ, прошла очень дружно и весьма намъ понравилась.

Въ Каирѣ два театра: въ бѣльшемъ даютъ оперы и балеты, въ мѣньшемъ играетъ очень хорошая французская труппа. Балетъ отличается живымъ исполненіемъ танцевъ и подборомъ необыкновенно красивыхъ молоденькихъ танцовщицъ, преимущественно вѣнокъ и италіяннокъ. Бросающуюся въ глаза

особенность каирских театровъ составляютъ закрытыя бѣлою кисеею ложи во всѣхъ ярусахъ, для гаремныхъ дамъ, а въ корридорахъ ихъ стражи. Въ большемъ театрѣ фойѣ устланъ смирнскими коврами, по стѣнамъ золоченые, обитые бархатомъ, диваны, въ простѣнкахъ громадныя зеркала.

Спектакли начинаются около 9-ти часовъ, да и вообще городъ оживляется только къ вечеру, когда спадаетъ дневная жара.





ГЛАВА ХХІ.

ЕГИПЕТСКІЯ ДРЕВНОСТИ. — ПОѢЗДКА КЪ ПИРАМИДАМЪ. — ПИРАМИДЫ ХЕОПСА И СЕФРЕМА. — ИХЪ ВЕЛИЧИНА. — НА ВЕРШИНѢ ХЕОПСОВОЙ ПИРАМИДЫ. — ПИРАМИДА СЕФРЕМА. — ВНУТРИ ХЕОПСОВОЙ ПИРАМИДЫ. — ЗАВТРАКЪ. — СФИНКСЪ. — ПИРАМИДА САХАРА. — ДОМИКЪ МАРИЕТЪ-БЕЯ. — МАРИЕТЪ-БЕЙ. — ПОСТРОЙКА ПИРАМИДЪ. — НЕОБЫЧАЙНАЯ ДРЕВНОСТЬ ЕГИПЕТСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ. — ФАРАОНЪ ТУТМЕСЪ IV И СФИНКСЪ. — ЗНАЧЕНИЕ СФИНКСОВЪ. — СЕРАПЕУМЪ. — СМЕРТЬ АПИСА. — ПОМИНАЛЬНЫЯ ПЛИТОЧКИ. — ГАЛЕРЕЯ. — ГРОВНИЦЫ АПИСОВЪ. — АПИСЪ. — ГРОВНИЦА ВТАОТЕПА. — ЕГИПЕТСКІЕ БАРЕЛЬЕФЫ И СТѢННЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ. — ПАЛЬМОВЫЙ ЛѢСЪ. — ДРЕВНІЙ МЕНФИСЪ. — ЗАГОРОДНЫЙ ДВОРЕЦЪ ДЖЕЗИРЕ. — БУЛАКСКІЙ МУЗЕЙ. — ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ КАИРА. — АЛЕКСАНДРІЯ. — ПЕРЕѢЗДЪ ПО СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ. — БУРЯ. — СВѢТЯЩІЯСЯ ВОЛНЫ. — БРИНДИЗИ.



Раннимъ утромъ, 6-го ноября, мы уже были одѣты и сидѣли у подѣзда, въ ожиданіи сбора всей нашей кампаніи, для поѣздки къ пирамидамъ и въ Сахару. Городъ уже проснулся и прибирается: подметають и поливають улицы, орошаютъ бульвары и сады; на выюкахъ везутъ на рынки провизію, мясо, овощи,

фрукты и сахарный тростникъ, подъ зеленую котораго видны только семящія ножки осликовъ; показываются партіи рабочихъ; выѣзжаютъ коляски; проѣзжаютъ лошадей въ различныхъ закладкахъ. Вотъ, слышенъ веселый звонъ маленькихъ бубенчиковъ; изъ-за угла показался верховой въ костюмѣ французскаго почтаря, только съ охотничьимъ ножомъ, за нимъ два восьмимѣстныхъ шарабана, заложенныхъ шестериками коренастыхъ нормандскихъ лошадей, съ почтальонами, въ сопровожденіи двухъ верховыхъ конюховъ за каждымъ. Ну! выѣздъ!... на чистоту, до мельчайшихъ подробностей.

Размѣстившись, мы покатили черезъ Ниль, по большому желѣзному мосту, который перекинутъ сначала на островъ Булакъ, а потомъ на лѣвый берегъ рѣки, далѣе, по дорогѣ, обсаженной деревьями бѣлой акаціи, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, выѣхали на прямое шоссе, проложенное къ подножію известковаго кряжа Ливійскихъ горъ, на которомъ стоятъ пирамиды.

Туманъ и легкія облака закрываютъ небо и окрестность. Влѣво отъ нашего пути остался загородный дворецъ хедива Джезире, съ большимъ зоологическимъ садомъ. Я обратилъ вниманіе на какую-то оригинальную, какъ бы съ огромнымъ зонтикомъ, постройку; мнѣ объяснили, что это оранжерея, гдѣ сохраняются растенія изъ болѣе сѣверныхъ широтъ, не выдерживающія здѣшняго лѣтняго зноя.

Мало-по-малу небо стало проясняться отъ тумана, который уносился въ даль и въ видѣ обла-

ковъ сгушался на горизонтѣ; передъ нами открылись поля, еще частью залитыя наводненіемъ, частью покрытыя свѣжею зеленью молодыхъ всходовъ; кое-гдѣ пахали полунагіе феллахи.

Нашъ великолѣпный шарабанъ казался движущимся амфитеатромъ, съ покойныхъ мѣстъ котораго мы любовались чудесными картинами. Вотъ и облака, скопившіяся на горизонтѣ, начали рѣдѣть, становиться воздушнѣе, прозрачнѣе, а надъ самымъ концомъ аллеи показались какъ бы дымящіяся вершины пирамидъ; наконецъ и онѣ вполнѣ обозначились, облака разлетѣлись легкою дымкой, небо очистилось и солнце залило своими яркими лучами всю окрестность.

Читалъ я когда-то, и припомнилъ, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ, въ эти же часы, изъ храмовъ древняго Египта, ежедневно возносились молитвы къ божеству, прославлявшія торжество свѣта надъ тьмою, которая, не выдерживая борьбы, уступала его сіяющей силѣ и скрывалась вмѣстѣ со всѣми своими спутниками: мглою, вредоносными туманами и облаками.

У подножія пирамидъ, въ долинѣ, лежитъ маленькая арабская деревня Гизехъ, жители которой промышляютъ тѣмъ, что служатъ проводниками путешественникамъ, осматривающимъ пирамиды. Ея ничтожнымъ именемъ — пирамидами Гизехъ — называютъ, какъ бы въ насмѣшку, и эти два колоссальнѣйшихъ сооруженія.

Дорога дугою подымается на гребень кряжа. Экипажи наши остановились у маленькаго каменнаго

павильона, построеннаго вице-королемъ ко времени посѣщенія Египта императрицею Евгеніею.

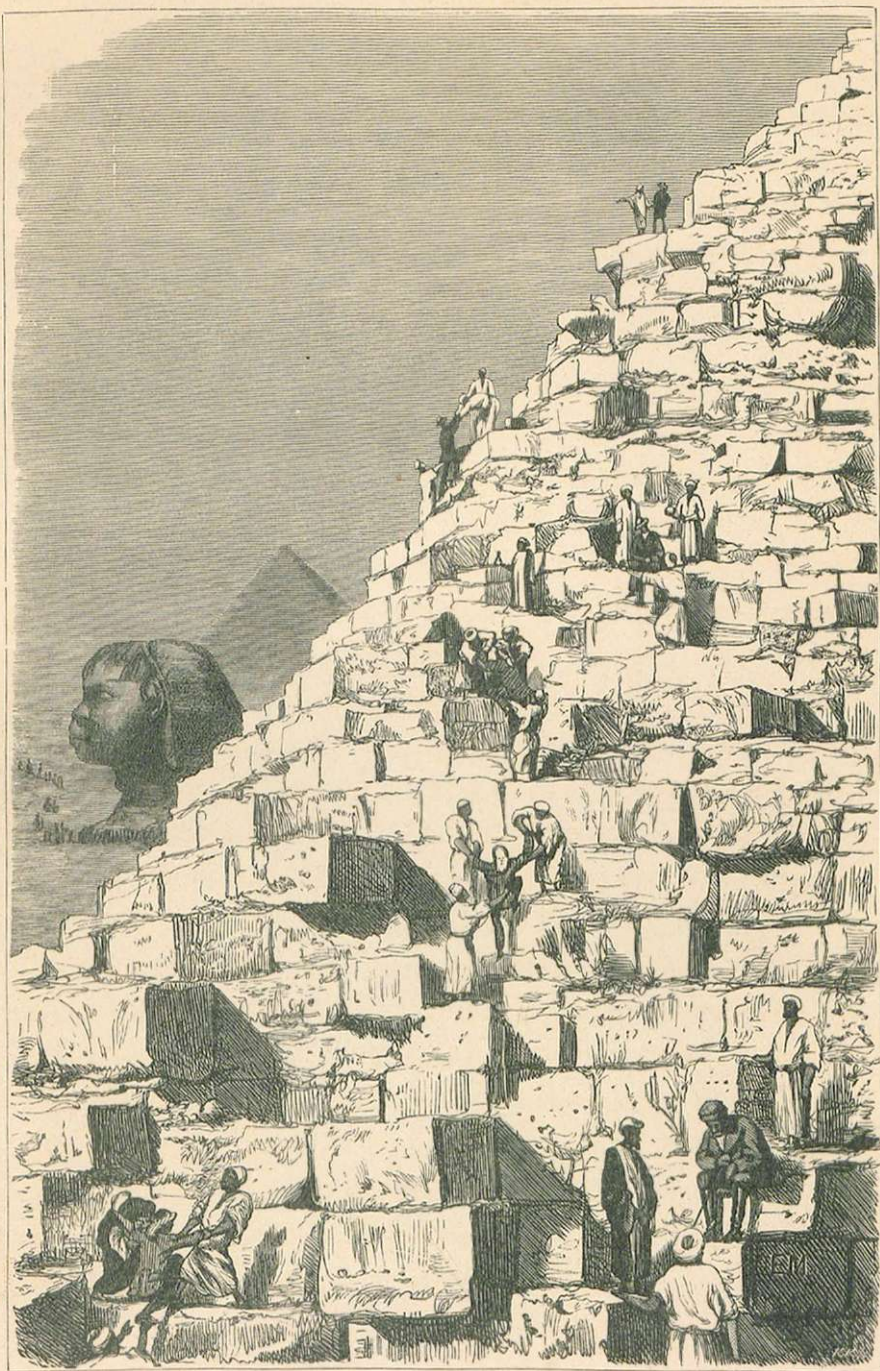
Только у основанія пирамидъ можно постигнуть ихъ величину.... Какъ не прійти въ изумленіе отъ подавляющихъ размѣровъ этого чуда рукъ человѣческихъ!... Понятно становится извѣстная поговорка, что «все боится времени, но время боится пирамидъ».

Кряжъ, на которомъ стоятъ пирамиды Хеопса и Сефрема имѣетъ 140 футовъ высоты. Пирамида Хеопса достигаетъ высоты 514 футовъ; длина одной стороны основанія равна 716 футамъ; объемъ равенъ 114.643,245 кубическимъ футамъ. Соборъ Св. Петра въ Римѣ помѣщается въ ней, не касаясь ея поверхностей; всѣхъ слоевъ камней было 205; теперь осталось 203; обѣ пирамиды были облицованы полированнымъ гранитомъ; стороны каждой изъ нихъ съ большою точностью обращены къ четыремъ странамъ свѣта; ни одно зданіе въ мірѣ не потребовало столько матеріаловъ и не представляетъ такой массы, какъ Хеопса пирамида; изъ составляющихъ ее каменныхъ глыбъ можно возвести стѣну по границѣ всей Франціи; пуля изъ пистолета, при прямомъ выстрѣлѣ съ ея вершины, падаетъ на половинѣ ея высоты.

Не теряя времени, мы начали карабкаться по сѣверо-восточному углу, чтобы подняться на вершину Хеопсовой пирамиды; при каждомъ изъ насъ было по два араба и мальчикъ съ кувшиномъ холодной воды. Всходить очень тяжело; снаружи стороны

пирамидъ имѣютъ видъ гигантской лѣстницы, у которой ступени вышиною отъ 2-хъ до 3-хъ футовъ; мѣстами камни вывѣтрились, такъ что можно поставить ногу, но бѣльшею частью арабы, съ легкостью кошекъ, сами вскакиваютъ на слѣдующую площадку, и держа васъ за руки, помогаютъ взобраться. Я три раза отдыхалъ, пока добрался; сначала храбрился, легко вскакивалъ на уступы и до половины взошелъ сразу; но дальше ноги и дыханіе измѣнили, горло пересохло и пришлось остановиться, чтобы перевести духъ. Мои вожаки Мухамметъ и Али, смѣясь надъ моимъ безсиліемъ, впередъ зная, что оно наступитъ, усадили меня и стали растирать колѣни и икры, предложивъ освѣжить ротъ полосканіемъ и выпить не больше двухъ-трехъ глотковъ. Исполнивъ въ точности ихъ предписаніе и передохнувъ, послѣ третьяго отдыха, я, наконецъ, добрался до верхней площадки, при крикѣ ура! моихъ вожаконъ. Его Высочеству помогали взбираться четверо молодцевъ; когда Великій Князь взошелъ на вершину, всѣ мы, вмѣстѣ съ арабами, по существующему обычаю, прокричали трократное ура на славу нашего Государя Императора.

Легко себѣ представить, какой чудный видъ открывается съ вершины пирамиды Хеопса, но особенно сильное впечатлѣніе производитъ въ этомъ видѣ близость между изобилующею жизненными силами долиною Нила и мертвымъ царствомъ Сахары. Эти двѣ противоположныя картины отдѣлены другъ отъ друга лишь рѣзкою гранью, означенную уступомъ къ долинѣ Ливійскаго кряжа.



Не теряя времени, мы начали карабкаться по сѣверо-восточному углу, чтобы подняться на вершину Хеопсовой пирамиды.

На высотѣ Хеопсовой могилы стоишь, какъ бы отдѣлившись отъ земли, на рубежѣ между царствомъ жизни и смерти: въ одну сторону далеко протянулись изгибы Нила, среди полей, луговъ, садовъ, пальмовыхъ рощей — вездѣ видны слѣды жизни: тамъ городъ, тутъ селеніе; здѣсь, между тонкими полосками каналовъ, правильныя очертанія пашень; вотъ бѣлыя пятнушки на серебристой поверхности рѣки — это паруса многочисленныхъ барочекъ; на дорогахъ, протянувшихся тоненькими ленточками, то отдѣльно, то группами, чернѣютъ какія-то подвижныя точки — это люди; даже въ воздухѣ оживленіе, и въ различныхъ мѣстахъ можно распознать стаи летящихъ птицъ. Въ другую же сторону, взору не на чемъ остановиться; безпредѣльна кажется пустыня: одинъ красноватый песокъ и тотъ будто замеръ, сгрудившись широкими валами и курганами; въ воздухѣ не шелохнется, а по окраинѣ этого безмолвнаго царства, на сколько видитъ глазъ, протянулись отдѣльныя группы пирамидъ, обозначая собою городъ мертвыхъ, въ которомъ покоятся фараоны, державные мертвецы, со своими царицами, сподвижниками, полководцами, управителями, воинами, жрецами и милліонами вѣрныхъ подданныхъ. Есть надъ чѣмъ призадуматься!...

Рядомъ стоящая пирамида Сефрема сохранила на вершинѣ свою облицовку; она очень трудно восходима для непревычныхъ путешественниковъ, но арабы сбѣгаютъ съ вершины Хеопсовой пирамиды и взбираются на нее въ четверть часа. При насъ одинъ изъ нихъ продѣлалъ это въ 14-ть минутъ. Само

собою разумѣется, что это возможно только при необыкновенной сухости сложенія и силѣ легкихъ.

У кого голова не кружится, тому спускаться легче; мнѣ на примѣръ довелось исполнить это въ десять минутъ съ однимъ только роздыхомъ; спускаешься скачками, разумѣется съ поддержкой арабовъ. Надъ тринадцатымъ рядомъ камней, прямо противъ полярной звѣзды, открывается входъ въ пирамиду. Передохнувъ немного, нѣкоторые изъ насъ рѣшились осмотрѣть ея внутренность. Нельзя сказать, чтобы это было легко!... Сначала надо согнувшись спуститься узкимъ и низкимъ ходомъ, длиною въ 75 футъ, не превышающимъ при этомъ трехфуттовой высоты; потомъ, обойдя стоящую поперекъ хода гранитную глыбу, подняться вверхъ на 117 фут.; здѣсь, на небольшой площадкѣ, можно выпрямиться и перевести духъ; затѣмъ, вскарабкавшись на отвѣсную стѣну, подъ которою идетъ прямой ходъ въ гробницу царицы, попадаешь въ просторный, идущій вверхъ, корридоръ, на протяженіи 143 футовъ, при вышинѣ въ 29 и ширинѣ въ 7 футовъ; наконецъ еще одинъ узкій, но небольшой, ходъ приводитъ въ гробницу фараона Хеопса. Склепъ имѣетъ размѣры обыкновенной комнаты, высотой въ $18\frac{1}{2}$ футовъ, длиною 32 фута и шириною 16 футовъ. Замѣчательны потолокъ, образуемый девятью гранитными монолитами; для того чтобы облегчить лежащую на нихъ тяжесть, надъ склепомъ устроено пять пустыхъ помѣщеній. Обратный путь труднѣе; по корридору пожалуй одинъ и не спустишься; проводники-арабы

сажали насъ на спину и такимъ образомъ спускали верхомъ на площадку. Побывавъ въ гробницѣ царицы, которая гораздо меньше царскаго склепа и имѣетъ трехугольный потолокъ, мы наконецъ выползли, гдѣ задомъ, гдѣ бокомъ, на свѣтъ божій.

Внутри ужасно душно!... Погребъ въ Египтѣ, а точно также и помѣщенія въ пирамидахъ, сохраняютъ постоянно среднюю годовую температуру страны, т. е. $+ 21^{\circ} \text{R.}$; по этому можно себѣ представить, какъ утомительно, согнувшись, чуть не ползкомъ, подыматься по ея узкимъ и низкимъ ходамъ.

Послѣ осмотра пирамиды мы позавтракали въ вышеупомянутомъ павильонѣ, построенномъ для пріѣзда Императрицы Евгеніи, причемъ намъ подали превосходныя щи изъ кислой капусты, заготовленныя по желанію Его Высочества еще въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы ихъ подать здѣсь. Кажется вздоръ! а между тѣмъ, всѣхъ несказанно потѣшила и обрадовала неожиданность, похлебать нашего излюбленнаго, народнаго кушанья у подножія Хеопсовой пирамиды, на окраинѣ Сахары.

Послѣ завтрака мы сѣли верхомъ на лошадей и верблюдовъ и поѣхали къ сфинксу и далѣе пустынею, мимо пирамиды Сахара къ Серапіуму и домику Маріэтъ-бея, знаменитаго французскаго ученаго египтолога.

Сфинксъ лежитъ недалеко отъ пирамидъ, всего въ какой нибудь полуверстѣ. Онъ засыпанъ пескомъ выше плечъ, до шеи, такъ что въ настоящее время видна только голова, имѣющая болѣе 80 футъ

въ окружности. Въ нашемъ столѣтіи его три раза отрывали, причемъ убѣдились, что, при высотѣ въ 74 фута отъ основанія до темени, онъ былъ изсѣченъ на мѣстѣ изъ цѣльной скалы, равно и окружающее его пространство вырублено въ той же скалѣ въ видѣ двора; между его лапами помѣщался алтарь, за которымъ утверждена вполнѣ сохранившаяся, полированная гранитная плита съ іероглифическою надписью; около сфинкса въ пещерахъ жили жрецы и аскеты, отрѣшавшіеся отъ міра. Лицо сфинкса и вообще вся фигура, по свидѣтельству древнихъ писателей, были замѣчательно соразмѣрны; арабскій писатель Абд-эл-Латифъ особенно восхищается выраженіемъ его лица и привлекательностью улыбки; въ настоящее же время онъ обезображенъ ударами ядеръ мамелюковъ, которые практиковали на немъ свою артиллерію и отбили носъ, одну щеку, часть лѣваго глаза и волосъ.

Пріѣхавшіе изъ Каира фотографы сняли съ насъ группу передъ лицомъ сфинкса; затѣмъ мы продолжали путь. Саисы сопровождали насъ своею легкою поступью, не смотря на палящій зной и сыпучіе пески пустыни. Мѣстами торчали обтесанныя глыбы, указывая на слѣды безконечнаго кладбища. Черезъ два слишкомъ часа, мы подошли къ пирамидѣ «Сахара», или, какъ иначе ее называютъ, «Чернаго быка». Она замѣчательна тѣмъ, что имѣетъ по сторонамъ шесть уступовъ, или этажей и по нѣкоторымъ доказательствамъ считается едва ли не старѣйшею, чѣмъ пирамиды Гизеха; кромѣ того, въ отличіе отъ всѣхъ

другихъ пирамидъ, основаніе ея не квадратъ, а прямоугольникъ; стоитъ она не по направленію странъ свѣта, и внутри сдѣланы помѣщенія, въ которыхъ найдены саркофаги и щебень отъ разбитыхъ сосудовъ; наконецъ, изъ четырехъ ея входовъ одинъ съ южной стороны.

Черезъ полчаса мы остановились у одинокаго каменнаго домика, знаменитаго египтолога Маріэтъ-бей, который построенъ имъ во время его замѣчательныхъ, по достигнутымъ результатамъ, трудовъ и открытій, сдѣланныхъ при раскопкахъ, именно въ этой мѣстности. Домикъ не великъ; съ сѣверной стороны устроена тѣнистая веранда, на которой уже былъ накрытъ столъ и ожидалъ нашего пріѣзда роскошный обѣдъ.

Самъ почтенный хозяинъ Маріэтъ-бей встрѣтилъ Его Высочество и любезно предложилъ свои услуги, чтобы показать открытый имъ Серапеумъ и устроенный въ Каирѣ Булакскій музей.

Обѣдъ прошелъ незамѣтно, походя на трапезную лекцію египтологіи. Его Высочество и многіе изъ насъ закидывали интереснаго хозяина вопросами относительно только что видѣнныхъ нами памятниковъ. Маріэтъ-бей все объяснялъ со свойственною французамъ легкостью и удобопонятностью; описывая при этомъ бытъ древнихъ египтянъ въ весьма привлекательныхъ краскахъ.

«Если мнѣ показываютъ два механизма», говорилъ онъ, «изъ которыхъ одинъ прослужилъ всего десять, а другой проработалъ сотню лѣтъ, то я не

задумаясь долженъ буду признать, что устройство послѣдняго механизма было лучше и болѣе соотвѣтственно своему назначенію. Также точно, погружаясь въ изслѣдованія быта и государственнаго строя древнихъ египтянъ, въ сравненіи съ другими народами, нельзя не признать замѣчательную жизненную силу ихъ законовъ и пригодность для существованія государства въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Это заставляетъ невольно относиться съ особымъ уваженіемъ къ народу, который во всемъ, что ни создавалъ, проявлялъ такую поразительную устойчивость и прочность.»

«Однако постройки такихъ чудовищныхъ сооружений, какъ пирамиды», замѣтилъ кто-то, «развѣ не доказываютъ, что масса народа была подъ ужаснымъ гнетомъ?»

«Это далеко еще не рѣшенный вопросъ», отвѣчалъ Маріэтъ-бей, «сооруженіе пирамидъ могло считаться народомъ богоугоднымъ дѣломъ, потому что египтяне чтили своего властителя и видѣли въ немъ земное проявленіе божества. Къ тому же по смерти фараона народъ призывался къ суду надъ умершимъ, и отъ него зависѣло признать его достойнымъ погребенія, или нѣтъ. Вообще судъ надъ умершимъ имѣлъ необыкновенно сильное вліяніе на нравственность египтянъ; лишиться погребенія, было равносильно вѣчной смерти; эта мысль чрезвычайно сдерживала страсти. Какимъ же образомъ, при такихъ вѣрованіяхъ, допустить, что въ надеждѣ на вѣчную жизнь, фараонъ, угнетая народъ, строилъ бы себѣ

усыпальницу, когда тотъ же народъ, будучи озлобленъ, могъ не допустить его прахъ въ имъ же воздвигнутый мавзолей, и лишить его погребенія, т. е. вѣчной жизни, или воссоединенія съ Озирисомъ.»

«Значить, пирамиды не имѣли другаго назначенія, какъ служить гробницами фараонамъ?» спросилъ Великій Князь.

«Теперь это съ достовѣрностью признано.»

«А извѣстно ли, какимъ образомъ онѣ строились?»

«Въ Египтѣ было обыкновеніемъ», объяснилъ Маріэтъ-бей, «что тотчасъ по восшествіи на престолъ фараоны приступали къ постройкѣ своей гробницы. Вначалѣ она закладывалась въ незначительныхъ размѣрахъ, въ видѣ усѣченной пирамиды; на слѣдующій годъ ее надстраивали на ту же величину вверхъ и вокругъ заложенія и перваго уступа, и т. д., до смерти фараона; тогда завершали пирамиду острымъ верхомъ и заканчивали постройку, закладывая уступы сверху внизъ, и облицовывая ее полированными плитами. Понятно, что въ зависимости отъ заложенія и долголѣтія фараона, ростъ пирамиды вверхъ влекъ за собою колоссальную работу при соотвѣтственномъ возведеніи уступовъ. Иногда преемникъ фараона не считалъ для себя обязательнымъ докончить пирамиду своего предшественника и тогда она оставалась недостроенною, съ незаложенными уступами, какъ напр. пирамиды въ Сахарѣ и Дашурѣ».

«Слѣды полированной облицовки сохранились еще, какъ вы видѣли, на пирамидѣ Сефрема и на многихъ другихъ пирамидахъ, между прочимъ на

особенно замѣчательной по чистотѣ работы, третьей по своей величинѣ, пирамидѣ фараона Мен-ка-ра, которая облицована краснымъ полированнымъ гранитомъ ¹⁾).

«Каменные глыбы для постройки пирамидъ вырубались въ каменоломняхъ Мокатамскаго кряжа, у Турра и Масара, южнѣе Каира. По Нилу, ихъ сплавляли до пристани у Мемфиса. Отъ пристани же была выстроена гать, которая вела съ берега рѣки къ мѣсту постройки пирамидъ. Слѣды ея до сихъ поръ видны. Въ продолженіе десяти лѣтъ 200 тысячъ рабочихъ были постоянно заняты ея возведеніемъ. Что же касается сооруженія самихъ пирамидъ, то Геродотъ рассказываетъ, что 100 тысячъ человѣкъ постоянно были заняты въ теченіе тридцати, или болѣе лѣтъ, смѣняясь черезъ каждые три мѣсяца. Одной рѣдьки, луку и чесноку было съѣдено на 600 талантовъ, что на наши деньги составляетъ 2.190,000 рублей = 7.300,000 марокъ.»

«А кто», обратился я къ Маріэтъ-бею, «поставилъ колоссальнаго сфинкса, который лежитъ около пирамидъ?»

Маріэтъ-бей отвѣчалъ, что «онъ начатъ при Хеопсѣ и оконченъ при Сефремѣ, какъ показываетъ надпись, сдѣланная на большой 14-ти футовой гра-

¹⁾ Съ этою пирамидою связаны легенды о красавицѣ Никотрисѣ, супругѣ фараона, гречанки, прозванной „Розовыми щеками“, которая и до сихъ поръ по разсказамъ арабовъ показывается на вершинѣ пирамиды, облетаетъ ее, и встрѣчаясь, такъ улыбается, что улыбка ея навсегда врѣзается въ память.

нитной плитѣ, утвержденной за алтаремъ между лапами сфинкса. Судя по этой надписи, въ которой сказано, что сфинксъ начатъ при Хеопсѣ и оконченъ при Сефремѣ, можно убѣдиться въ необычайной древности египетскихъ памятниковъ. Надпись сдѣлана фараономъ изъ XVIII династїи, Тутмесомъ IV, въ 1552 году до Рождества Христова, при слѣдующихъ упомянутыхъ въ ней обстоятельствахъ. Сфинксъ и окружающій его дворецъ съ храмами уже въ то время былъ почти занесенъ пескомъ. Возвращаясь съ охоты, Тутмесъ остановился въ тѣни, бросаемой сфинксомъ, совершилъ молитву, легъ отдохнуть и заснулъ. Во снѣ ему привидѣлось, будто сфинксъ заговорилъ съ нимъ, какъ отецъ съ сыномъ, и требовалъ своего высвобожденія изъ песку. Тутмесъ исполнилъ его волю, возстановилъ храмъ и служеніе, а въ память чуднаго сна, приказалъ поставить упомянутую плиту съ надписью.»

Дѣйствительно! если подумаешь.... сфинксъ былъ поставленъ почти за три тысячи лѣтъ до Рождества Христова и для Тутмеса время его построения должно было казаться болѣе отдаленнымъ, чѣмъ для насъ пришествіе Рюрика съ варягами. Вотъ, съ какою древностью приходишь въ соприкосновеніе, глядя на памятники Египта!

«А что такое изображалъ изъ себя сфинксъ?» спросилъ опять кто-то.

«Сфинксъ съ бараньей головой», продолжалъ Маріэтъ-бей, «служилъ символомъ Нефа, т. е. боже-

ственного духа: въ родѣ того, какъ у насъ Св. Духъ изображается голубемъ. Если же сфинксъ имѣлъ львиный торсъ и человѣческую голову — соединеніе высшей силы съ мудростью, то изображалъ Горуса или Ра — бога солнца: символъ побѣды свѣта надъ царствомъ Тифона, т. е. тьмы. Видѣнный вами большой сфинксъ въ городѣ мертвыхъ, обращенный лицомъ на востокъ, названъ въ надписи Гор-ем-ху, т. е. Горусъ въ минуту восхожденія, выражая этимъ вѣру въ воскресеніе мертвыхъ. А такъ какъ всякій фараонъ считался земнымъ проявленіемъ бога солнца, то фараоны иногда дѣлали свое изображеніе въ видѣ сфинкса, чтобы этимъ символически выразить божественность своей природы; такъ напр. два сфинкса, находящіеся у васъ въ Петербургѣ, представляютъ портреты фараона Аменофиса III изъ 18-й династіи, жившаго за 1350 лѣтъ до Рождества Христова.»

Когда окончился завтракъ, Маріэтъ-бей предложилъ Его Высочеству посѣтить открытый имъ въ пятидесятыхъ годахъ Серапеумъ, т. е. могилу Сераписа, или аписовъ. Онъ говорилъ, что «въ 1856 году, вспоминая указанія Страбона о существованіи въ этой мѣстности греческаго храма и гробницъ аписовъ, послѣ значительныхъ трудовъ и поисковъ, при раскопкахъ слѣжавшагося отъ времени песку, попалъ на аллею сфинксовъ, которыя привели его къ греческому храму и къ могиламъ аписовъ».

Отъ домика Маріэтъ-бея до Серапеума всего какихъ нибудь сто шаговъ по сыпучему песку. Мы

вошли въ пещеру, просторную, слабо освѣщенную проникавшимъ черезъ входъ свѣтомъ, Маріэтъ-бей предложилъ всѣмъ обождать минутъ десять, закрывъ глаза. Это необходимо для того, поясняя онъ, что рѣзкій переходъ отъ ослѣпительнаго египетскаго солнца, къ мраку пещеръ, чрезвычайно губительно дѣйствуетъ на глаза и порождаетъ «офтальмію» — болѣзнь глазъ, весьма распространенную въ Египтѣ, благодаря которой, а также и ѣдкой пыли во время лѣта, многіе лишаются зрѣнія. Полагаю, и вы», прибавилъ онъ, «имѣли уже случай видѣть множество слѣпыхъ на улицахъ Каира?»

Дѣйствительно, это явленіе слишкомъ бросается въ глаза, чтобы не обратить на него вниманія.

«Въ этомъ притворѣ», продолжалъ Маріэтъ-бей, «я нашелъ множество полированныхъ плиточекъ, которыя служили поминальными синодиками. Со смертию аписа, на всю страну налагался трауръ, а его погребеніе совершалось съ необыкновенною торжественностью, сопряженною съ громадными денежными затратами. Со всей страны стекались паломники; при этомъ, кто былъ побогаче, дѣлалъ вклады и прикрѣплялъ къ стѣнамъ Серапеума упомянутыя плиточки съ поминальною молитвою о своихъ родственникахъ. Замѣчательнѣе всего, что на каждой плиточкѣ упоминалось, при какомъ фараонѣ, а равно годъ, мѣсяцъ, число, въ которые родился, обрѣтенъ и погребенъ посѣщаемый имъ аписъ; съ помощью этихъ достовѣрныхъ указаній въ точности опредѣлены года царствованія и порядокъ престоло-

наслѣдія фараоновъ изъ многихъ династій. Ну, теперь», пригласилъ Маріэтъ-бей, «откройте глаза и пойдѣмте!»

Мы вошли въ середину обширной галереи; уходя далеко вправо и влѣво отъ насъ, она была освѣщена сотнями свѣчей, горѣвшихъ въ высокихъ деревянныхъ шандалахъ и въ рукахъ арабскихъ мальчиковъ, которые стояли какъ вкопанные. Красноватый свѣтъ огней отражался на бурой поверхности стѣнъ и высокихъ сводовъ; вблизи, по сторонамъ галереи, выдѣлялись, черными пятнами, открытыя пещеры, гдѣ помѣщались гробницы аписовъ. Вся постройка высѣчена въ скалѣ; галерея имѣетъ нѣсколько заворотовъ; часть ея недоступна, потому что обрушилась; всѣхъ пещеръ-гробницъ 80; въ 24-хъ сохранились саркофаги, которые стоятъ посреди пещеръ. Всѣ саркофаги изъ гранита и діорита, великолѣпно отполированные; они отличаются колоссальными размѣрами и средній вѣсъ ихъ доходитъ до 3½ тысячъ пудовъ; на трехъ изъ нихъ сдѣланы гіероглифическія надписи. Въ VI столѣтіи христіане уничтожили Серапеумъ и истребили муміи аписовъ; однако же одна могила ускользнула отъ общей участи.

«По необъяснимымъ для меня самого обстоятельствамъ», рассказывалъ Маріэтъ-бей, «грабители не нашли одну могилу аписа, замуравленную въ тридцатый годъ царствованія Рамзеса II, и мнѣ посчастливилось открыть ее въ полной неприкосновенности; все въ ней сохранилось, какъ было за 3700 лѣтъ

тому назадъ; въ одномъ углу на песчаномъ слоѣ даже остались уходящіе слѣды голыхъ ногъ; на замуравленномъ входѣ въ известкѣ видны были оттиски пальцевъ рабочаго, закладывавшаго послѣдній камень!....»

«А какое значеніе имѣло поклоненіе быку?» спросилъ кто-то.

«Конечно, чисто символическое», отвѣчалъ Маріэтъ-бей, потому что въ Египтѣ кромѣ каменныхъ изваяній, символически изображавшихъ божество, содержались и живые символы, какъ напр.: священные кошки, представляя богиню Сехетъ; крокодилъ Суки — бога Себека или вѣчность; также точно чествовался Озирисъ, или иначе Озирapi (что значитъ «озири», судья), которому предоставлялся судъ надъ умершими, откуда и названіе быка, апи, т. е. судья. Аписъ не былъ простой быкъ; онъ долженъ былъ имѣть двадцать восемь точныхъ отмѣтинъ, какъ напр.: черную масть; бѣлый треугольникъ на лбу; на спинѣ изображеніе орла; на правомъ боку мѣсяцъ въ первой четверти; двухцвѣтный хвостъ; подъ языкомъ наростъ въ видѣ священнаго жука и пр., и пр. Когда такое чудо нарождалось и жрецы признавали точность всѣхъ отмѣтинъ, вся страна праздновала живое проявленіе Озириса и смотрѣла на то, какъ на особую милость божества къ людямъ.

«Аписъ содержался въ храмѣ бога Пта въ Мемфисѣ, въ особомъ отдѣленіи, съ огромнымъ числомъ жрецовъ и служителей; при немъ состоялъ гаремъ коровъ, а также чествовалась отелившаяся имъ ко-

рова. Къ нему обращались тоже какъ къ оракулу, получая отрицательный, или утвердительный отвѣтъ, глядя по тому, принималъ ли онъ приносимую пищу, или нѣтъ.»

Мы обошли всю галерею, заглядывая въ гробницы; въ одной стоялъ великолѣпный саркофагъ изъ темно-зеленаго камня съ іероглифами; къ нему была приставлена лѣстница, такъ что можно было опуститься во внутрь саркофага. Онъ такъ вмѣстителенъ, что шестеро могутъ свободно сидѣть вокругъ стола. Всѣхъ такихъ саркофаговъ доходитъ до 3½ тысячъ пудовъ.

Обойдя Серапеумъ, мы вышли опять на свѣтъ божій, съ тѣмъ чтобы осмотрѣть находящіяся недалеко отъ Серапеума гробницы Втаотеба и Мастаба-Ти.

Обѣ гробницы великолѣпно отдѣланы вполне сохранившимися, изсѣченными изъ камня, барельефами. Они принадлежали египетскимъ богатымъ и знатымъ вельможамъ, которые по обыкновенію еще при жизни выстраивали себѣ эти чудесные мавзолеи.

Такими, болѣе или менѣе, роскошными могилами покрыта вся мѣстность Ливійскаго края, вокругъ и между группами пирамидъ. Въ верхнемъ же Египтѣ безчисленныя гробницы вырубались въ скалахъ.

Обыкновенно стѣны могилъ украшались барельефами или рисунками, изображавшими образъ жизни, частную дѣятельность, имущество покойнаго; различныя производства: земледѣліе, охоту, рыбную ловлю, игры — словомъ, всю бытовую картину жизни древнихъ египтянъ. Изображенія эти чрезвычайно

характерны, живы, отчетливы, а иногда не лишены и юмора.

Мы успѣли спуститься лишь въ гробницу Втаотепа. Видно, что это былъ богатый и знатный вельможа, потому что барельефы исполнены съ большимъ мастерствомъ и, должно быть, лучшими художниками.

Втаотепа изображенъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ крупныхъ размѣрахъ, совершенно несоотвѣтственныхъ со всѣми остальными фигурами, и это потому, какъ объяснилъ Маріэтъ-бей, что египтяне вѣровали, будто душа умершаго соединялась нераздѣльно съ великимъ Озирисомъ, вслѣдствіе чего умершему воздавались божескія почести, и онъ изображался божествомъ. Въ надписяхъ на барельефахъ, обращаясь къ нему, всѣ прибавляютъ къ его имени имя Озириса, такъ напр.: управители пригоняютъ скотъ и докладывая умершему численность его стадъ, называютъ его Озирисъ Втаотепа; то же самое дѣлаютъ рыболовы, земледѣльцы, охотники, винодѣлы, домашніе слуги и пр. Всѣ эти люди изображены среди своихъ занятій, или приносящими свои произведенія, и при всѣхъ находятся надсмотрщики съ палками. Управители, приходя на поклоненіе къ своему бывшему хозяину, докладываютъ, по сколько и чего у него есть.

Позы изображенныхъ весьма разнообразны, а при внимательномъ осмотрѣ замѣтенъ даже юморъ и необыкновенно просто выраженная повседневная правда, такъ напр.: гонятъ гуртъ рогатаго скота;

нѣкоторые быки нагибаются и шиплють траву, пастухи замахиваются, либо бьютъ отстающихъ палками. Или: переходить стадо черезъ рѣчку; впереди пастухъ несетъ на плечахъ теленка, который оглядывается назадъ, запуская свой языкъ въ нось; одна изъ коровъ выдѣляется изъ стада и обнюхиваетъ его; рыбаки тянутъ на берегу неводъ, веревка у одного крыла рвется и они падаютъ назадъ верхъ ногами; на охотѣ, борзые въ различныхъ движеніяхъ; въ одномъ мѣстѣ левъ хватаетъ за голову быка, который съ перепуга страдаетъ желудкомъ и т. п.

Маріэтъ-бей, поясняя барельефы, между прочимъ замѣтилъ, что судя по могиламъ окружающимъ пирамиды Гизехъ, время ихъ постройки было временемъ продолжительнаго мира, и вотъ можетъ быть одна изъ причинъ, по которымъ избытокъ народныхъ силъ расходовался на такія громадныя сооруженія.

Когда мы вышли изъ могилы Втаотепа, солнце уже видимо стало склоняться къ западу, и надо было поспѣшить до темноты добраться на ближайшую станцію желѣзной дороги. Путь нашъ лежалъ черезъ пальмовый лѣсъ, растущій на мѣстѣ древняго Мемфиса. Какъ въ вѣковомъ сосновомъ бору, стволы деревъ стоятъ обнаженные съ низу и только вершины ихъ покрыты иглистыми шапками, такъ же точно и въ этомъ лѣсу — могучіе стволы пальмъ, достигая до 70-ти и болѣе футъ высоты, увѣнчаны великолѣпными кудрявыми главами.

Лѣсъ этотъ очень старъ; пальмы стоятъ на довольно значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ;



Путь наш лежалъ черезъ пальмовый лѣсъ, растущій на мѣстѣ
древняго Мемфиса.

есть нѣкоторыя деревья въ два или три обхвата и до 70-ти и болѣе футъ высоты, оттого должно быть они такъ рѣдко стоятъ; обыкновенно же въ пальмовыхъ рощахъ, приносящихъ неимовѣрное количество финиковъ, считаютъ отъ 600 до 800 корней на десятину. Дико растущая въ Египтѣ финиковая пальма представляетъ одну изъ особенностей страны, обусловливающихъ дешевизну пищи; находятся мѣстности, въ которыхъ ими питаются не только люди, но и домашнія животныя.

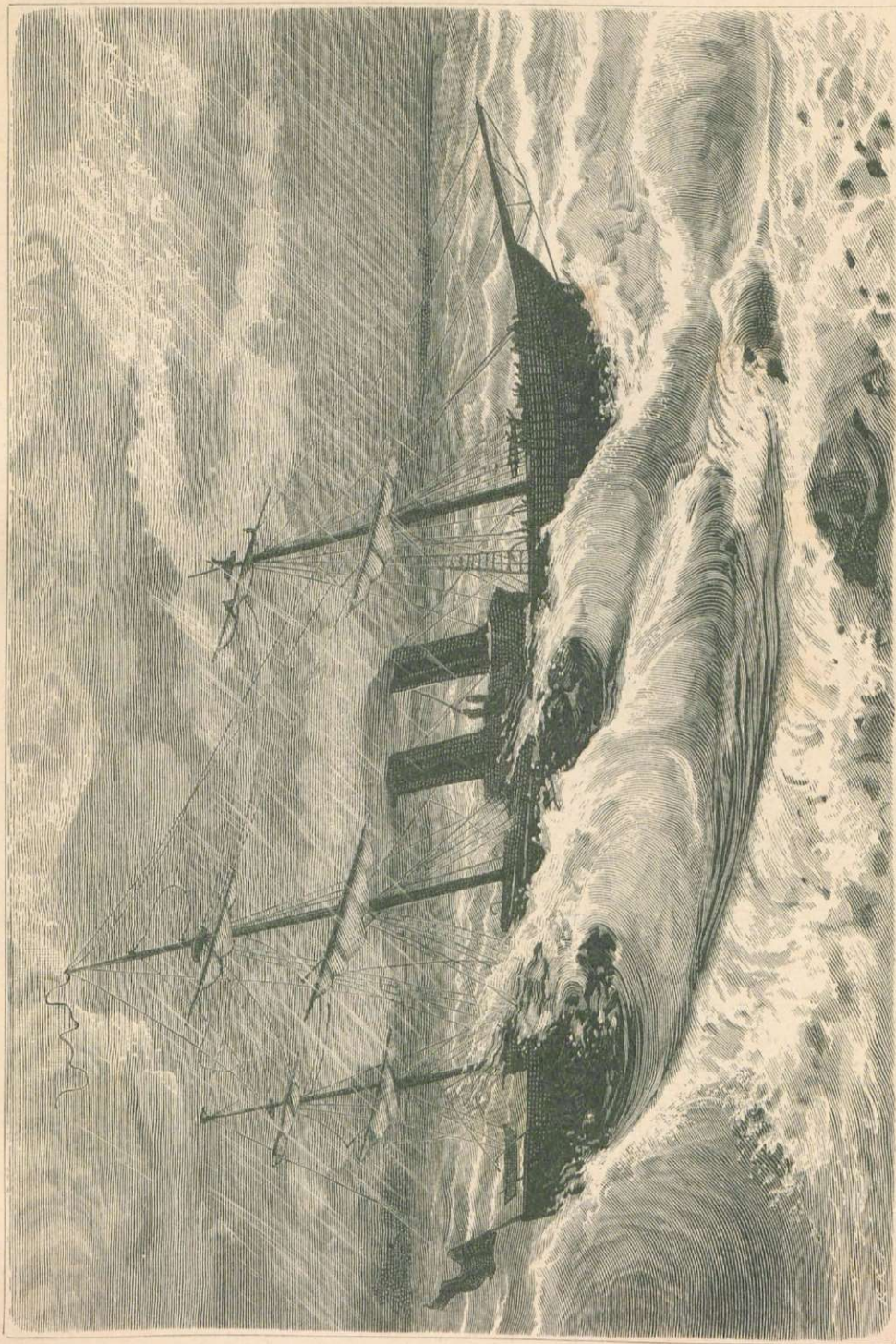
Въ настоящее время отъ Мемфиса почти не осталось слѣдовъ, кромѣ кучъ мусора, и только въ одномъ мѣстѣ, между пальмами, лежитъ обезображенная колоссальная статуя Рамзеса II, а между тѣмъ это былъ громаднѣйшій городъ съ миллионнымъ населеніемъ, и считался гаванью Египта. Финикійскіе купцы имѣли даже свой отдѣльный кварталъ съ храмомъ Астарты, т. е. Венеры чужеземцевъ. Свидѣтельства о необыкновенныхъ размѣрахъ города и поражающемъ величій его памятниковъ, дошли до насъ благодаря арабскимъ писателямъ, которые еще видѣли его развалины. Мемфисъ сталъ приходить въ упадокъ съ той поры, какъ Александръ Великій заложилъ Александрію.

Во время насильственнаго введенія христіанства, чрезвычайно пострадали памятники по всей странѣ; между прочимъ при Θεодосіи было разбито однихъ статуй до 14,000; затѣмъ, когда арабы покорили Египетъ, предводители ихъ заложили новый городъ Каиръ, на правомъ берегу, а Мемфисъ обратили въ

каменоломню, изъ мрамора и алебастра которой жгли известку; колонны шли если не на украшенія, то на фундаменты; къ тому же страсть поисковъ за кладами обуяла пришельцевъ и городъ былъ систематически изрытъ; при этомъ разбивались даже статуи въ предположеніяхъ, что въ нихъ могло быть скрыто золото. Такимъ образомъ чудная столица фараоновъ окончательно перестала существовать.

Было совершенно темно, когда мы добрались до станціи и возвратились въ городъ. День этотъ пришлось прожить среди памятниковъ глубокой старины и мысленно переноситься за пятьдесятъ столѣтій!... Всѣ порядочно утомились и рады были отдохнуть. На слѣдующій день намъ предстояла прогулка въ садахъ и обѣдъ у хедива. Послѣ завтрака мы поѣхали въ Джезире и пробыли тамъ часа три. Описывать все это въ подробностяхъ почти невозможный и неблагодарный трудъ, къ тому же всякое описаніе покажется увлеченіемъ. Дворецъ весьма изященъ и поражаетъ роскошью, но въ немъ нѣтъ живописи и скульптуры, отчего, на мой взглядъ, всѣ комнаты страдаютъ однообразіемъ и похожи другъ на друга.

Недалеко отъ дворца стоитъ отдѣльное зданіе гарема; въ немъ внизу помѣщается прислуга, а верхній этажъ раздѣленъ во всю длину широкимъ коридоромъ, изъ котораго направо и налево идутъ двери въ отдѣльныя помѣщенія съ двумя и тремя просторными комнатами для женъ хедива. Въ одномъ такомъ отдѣленіи намъ показали богато-убранную и обитую голубымъ штофомъ комнату, въ которой



Около двухъ часовъ налетѣлъ шквалъ и сломалъ верхушку фокъ-мачты.

гостила императрица Евгенія; въ ней, между прочими вещами, замѣчательна большая серебряная кровать подъ балдахиномъ, съ мелкою чеканкою орнаментовъ. Всѣ остальные комнаты просты и обыкновенны.

Мы не долго останавливались въ нихъ, а поспѣшили въ садъ, который поражаетъ богатствомъ своихъ растительныхъ формъ и разнообразіемъ кіосковъ, гротовъ, прудовъ, каскадовъ, мостиковъ, пригорковъ, искусственныхъ скалъ и прочихъ затѣй; кромѣ того, по всему саду, устроены огромныя помѣщенія для птицъ и всевозможныхъ животныхъ: тутъ живутъ стада газелей, дикихъ козъ, ламъ, строусовъ; тамъ — слоновъ и жирафовъ (послѣднихъ было штукъ до двадцати), здѣсь неимовѣрное количество разновидностей фазановъ; тамъ павлиновъ, между которыми особенно выдѣляются бѣлые, своею ослѣпительною бѣлизною. Обезьяны и хищные звѣри занимаютъ отдѣльный уголъ сада. Всѣ птицы и животныя отлично содержатся, чему должно быть много способствуетъ климатъ и просторное размѣщеніе.

Любуясь и гуляя по саду, не смотря на дневной свѣтъ, можно было вообразить себя въ плѣнительныхъ садахъ Армиды; казалось, природа спорила съ воображеніемъ, и побѣждала самыя смѣлыя его мечты необычайнымъ разнообразіемъ и красотою растительности.

Къ шести часамъ мы опять пріѣхали въ Джезире, къ парадному обѣду. Вице-король принялъ Его Высочество въ большомъ кіоскѣ, который извѣстенъ какъ великолѣпнѣйшій образчикъ мавританской архи-

тектуры. Тонкій столъ, чудное вино, любезные собесѣдники, все способствовало самому пріятному времяпровожденію. Вечеромъ мы посѣтили театры и еще успѣли погулять по городу.

Восьмого ноября, въ десять часовъ утра, насъ опять усадили въ парадныя кареты и мы поѣхали проститься съ вице-королемъ и поблагодарить его за радушный пріемъ. Въ свою очередь и онъ пріѣхалъ къ Его Высочеству благодарить за посѣщеніе его страны. Выйдя отъ Великаго Князя, хедивъ любезно обратился къ намъ съ сожалѣніемъ, что мы слишкомъ мало погостили въ Каирѣ. «Надѣюсь», замѣтилъ онъ, «что Вы еще разъ пріѣдете на болѣе продолжительное время, зимою, которая очень хороша въ Каирѣ, хотя, конечно, Петербургъ представляетъ болѣе удобствъ и увеселеній».

Простившись съ хедивомъ и получивъ на память отъ него большіе фотографическіе портреты, мы поѣхали посмотреть еще Булакскій музей. Маріэтъ-бей встрѣтилъ Великаго Князя и сталъ показывать свое дѣтище. Собранныя имъ коллекція египетскихъ древностей чрезвычайно замѣчательна и поражаетъ множествомъ высоко-художественныхъ произведеній, созданныхъ за три, за четыре и болѣе столѣтій до нашей эры. Но поразительнѣе всего, что лучшіе произведенія принадлежатъ отдаленнѣйшимъ эпохамъ. Маріэтъ-бей это объяснялъ, переходя отъ одной вещи къ другой, говоря при этомъ, что до сихъ поръ — «изслѣдованы памятники Египта, въ которыхъ мы наблюдаемъ упадокъ и зрѣлый возрастъ въ жизни этого народа, но юношескій его періодъ и младен-

ческій еще не найдены». Особенно наше вниманіе обратили на себя: чрезвычайно законченная, изъ чернаго нефрита, голова фараона Менефта, — того самаго, который погибъ, преслѣдуя израильтянь; управитель съ палкой — рѣзанный изъ дерева и при томъ такой работы, что любой бы скульпторъ съ гордостью подписалъ на немъ свое имя; жрецъ Изиды, которая изображена въ видѣ коровы, при чемъ у жреца сдѣланъ двойной подбородокъ — чудо по тонкости и совершенству работы. Всѣ осматривающіе музей считаютъ долгомъ провести пальцемъ подъ его подбородкомъ, до того онъ аппетитенъ. Женскія украшенія, ожерелья, запястья, кольца, ларцы для драгоценностей, поражаютъ мелкою отдѣлкою деталей и изяществомъ вкуса, но есть конечно и множество вещей, которыя имѣютъ цѣну только для археолога. Съ тѣхъ поръ, какъ основанъ Булакскій музей, помимо его никто не имѣетъ права что-либо вывезти изъ Египта, и вещь выпускается изъ страны только въ томъ случаѣ, если въ музеѣ уже находится подобный пріобрѣтенному экземплярь. На базарѣ въ Каирѣ торгуютъ египетскими древностями и ихъ можно найти въ изобиліи, но все это по преимуществу болѣе или менѣе искусныя поддѣлки.

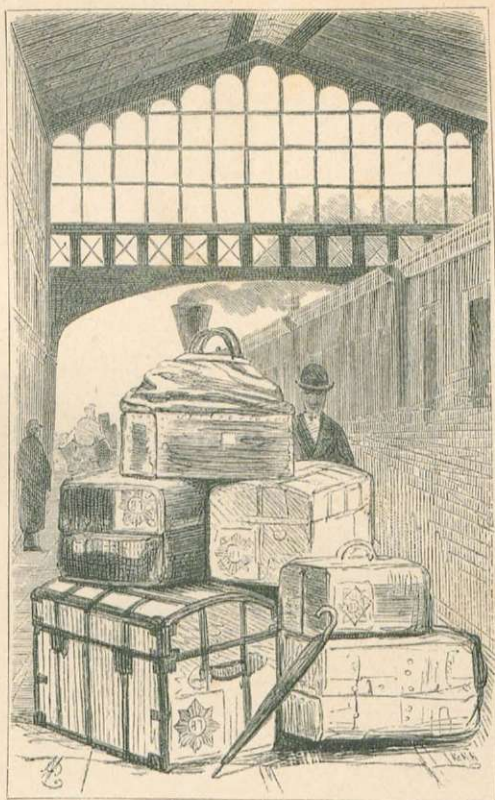
Девятаго ноября, въ семь часовъ утра, мы были на станціи желѣзной дороги, и черезъ полчаса поѣздъ понесъ насъ въ обратный путь къ далекой родинѣ. Оба принца Тефикъ и Хассанъ провожали Великаго Князя. Переѣздъ отъ Каира до Александріи, Нильскою дельтою, мы совершили въ 4 часа времени.

Мимо насъ проносились: деревушки, сады, города, каналы, канавы; мы переѣхали черезъ Даміэттскій рукавъ Нила и къ полудню были въ Александріи.

Александрію, мы, въ буквальныймъ смыслѣ слова, пролетѣли. Подѣзжая, видѣли множество загородныхъ виллъ въ садахъ; намъ называли ихъ хозяевъ — все больше сановниковъ и богатыхъ негоціантовъ; самый городъ обѣхали въ коляскахъ, полюбовались на иглу Клеопатры, заѣхали въ домъ и садъ одного грека-негоціанта изъ Одессы, русскаго подданнаго, подивились его богатству и роскоши; прокатились по площади, украшенной конною статуею Мехметъ-Али; затѣмъ, позавтракавъ въ отелѣ, пройдя черезъ дворецъ, сѣли въ катера и къ 3½ ч. были на Харбіе. Александрія оставила впечатлѣніе далеко не восточнаго, а всего скорѣе уже европейскаго города; только пальмы и бананы противорѣчили впечатлѣнію и напоминали, что намъ предстоитъ еще трехдневный переѣздъ до Бриндизи.

Черезъ малое время начались салюты съ военныхъ судовъ и крѣпости; мы подняли якорь, повернули на кливерахъ и вышли въ открытое море.

Вѣтеръ былъ довольно свѣжъ; многихъ стало укачивать; къ обѣду собралось всего десять человекъ, но послѣ супа и эти стали исчезать, въ томъ числѣ я изъ первыхъ выскочилъ на палубу, взобрался на рубку и часа три сидѣлъ, боясь пошевелиться, глядя все больше въ небо, да на верхушки мачтъ. Кстати на палубѣ кипѣла работа, подымали и крѣпили паруса, строились, расходились, тянули веревки, лазали по



вантамъ и реямъ и все это, то по барабану, то по командѣ, то по непрерывнымъ свисткамъ. Собравшись наконецъ сойти въ каюту, я только разъ взглянулъ за бортъ и быстро спустившись внизъ, успѣлъ лечь въ постель и заснуть.

На слѣдующій день погода разыгралась не на шутку; насъ такъ и кидало; проснувшись, я захотѣлъ одѣться и встать, но не тутъ-то было, за попытку поплатился и — пришлось покориться неизбѣжной судьбѣ.

Что за отвратительное ощущеніе морская болѣзнь! Я хоть не очень страдалъ, однако же и на меня она навела полнѣйшую апатію. Лежишь какъ пласть и становишься равнодушнымъ ко всему; никакія мысли хоть на минуту не въ состояніи развлечь — все противно; хорошо, если нападетъ отъ слабости дремота или полузабытье, а то каждое движеніе судна внизъ просто выворачиваетъ всю внутренность.

Около двухъ часовъ дня налетѣлъ шквалъ и сломалъ верхушку фокъ-мачты. Отъ треска при ея паденіи на палубу, мы встревожились, а С прибѣжалъ внизъ и кричить «вставайте ребята!»

«Что такое?»

«Гибель фрегата Медузы!» Фокъ-мачту уже сломало! — Чего вы тутъ! вставайте! но нѣтъ! всѣмъ намъ было не до шутокъ, никто изъ насъ не потревожился и даже не любопытствовалъ подняться на верхъ, чтобы посмотрѣть на бурю. Около трехъ часовъ стало тише. Мы подошли къ острову Кандіи и укрылись отъ вѣтра. Я почув-

ствовалъ голодъ; попросилъ ѣсть, поѣлъ, а вскорѣ затѣмъ всталъ и вышелъ на воздухъ, гдѣ пробылъ до вечера.

На другой день, одиннадцатаго, меньше качало; мало-по-малу стали появляться на палубѣ измятыя фizioноміи товарищей. Весь день провели на верху; по временамъ вѣтеръ разводилъ волненіе, покачивало сильнѣе, даже раза два обладало палубу, но вообще было на столько сносно, что почти у всѣхъ разыгрался аппетитъ и всякій по мѣрѣ силъ и возможности ѣлъ. Передъ обѣдомъ игралъ хоръ музыки и мы забавлялись, слушая переложенія мѣстныхъ мелодій на европейскій ладъ, нѣчто въ родѣ масла съ водою. Двѣнадцатаго море совсѣмъ стихло, все оживилось, у всѣхъ движенія стали развязнѣе, перестали покачиваться и хвататься за что попало, чтобы не упасть; и говоръ сталъ шумнѣе, а за завтракомъ всѣ, собравшись въ столовой каютѣ, ѣли и пили уже съ удовольствіемъ.

Наша Харбія между тѣмъ скользила вдоль берега Іоническихъ острововъ, подходя къ нимъ по временамъ довольно близко. Проѣхали островъ Цанте, Кефалонію, — вершины ихъ горъ скрывались въ облакахъ; мы различали селенія и города, но небо все еще хмурилось и море было окрашено въ свинцовый цвѣтъ. Общество наше, расположившись на палубѣ, занялось чтеніемъ и игрою въ шахматы, дамки и трикъ-тракъ. Между нами рѣзвилась хорошенькая кошечка «le chat du bord», любимица всей команды.

Макаровъ рисуетъ. Я пишу. Музыка играетъ. Солнце клонится къ закату; еще ночь — и мы будемъ у восточныхъ береговъ Италіи.

Какъ хорошо море, когда оно спокойно.... и какъ непріятно, когда непрошено и насильно начинаетъ оно васъ укачивать. Передъ закатомъ мы было встревожились, завидя на сѣверо-западѣ темную тучу. Чего добраго, разыграется погода и Харбія не въ состояніи будетъ войти въ гавань!... Какъ мрачно глядитъ на насъ эта туча! какъ безпокойно летаютъ чайки! Отъ бѣлизны ихъ крыльевъ туча кажется еще темнѣе.... но капитанъ не даетъ ей значенія, говоря, что это туманъ. Какъ понятно у моряковъ чувство суевѣрія; они находятся подъ непосредственнымъ подавляющимъ вліяніемъ стихійнаго вида природы, который невольно внушаетъ чувство страха, удивленія, безсилія и сознанія въ своемъ ничтожествѣ передъ ея величіемъ.

Не смотря на безпокойство, мы исправно и весело пообѣдали. Уже смерклось. На палубѣ мы были пріятно удивлены мелкимъ дождикомъ, который однако не мѣшалъ намъ любоваться свѣтящимся моремъ. Дѣйствительно, это прелестное явленіе!... Весь корабль окруженъ аршина на полтора свѣтлою полосой матовой бѣлизны, на которой искрятся и перебѣгаютъ электрическаго вида блестки. За кормой отъ оборотовъ винта слѣдуетъ цѣлый столбъ свѣтящейся воды и блестки обращаются въ змѣекъ; на носу и въ томъ мѣстѣ, гдѣ машина выбрасываетъ воду, искрамъ и змѣйкамъ нѣтъ числа.

Двѣнадцатаго ноября мы вышли на берегъ въ Бриндизи. Послѣ чудныхъ лѣтнихъ дней, пережитыхъ въ Египтѣ, южная оконечность Италіи показалась намъ холоднымъ сѣверомъ: обнаженныя деревья, пожелтѣлыя лужайки, сѣренькое небо, свѣжая погода съ вѣтромъ, ежащіяся фигуры прохожихъ, посинѣвшіе отъ стужи ребятишки и нищіе, все это произвело на насъ такое рѣзкое впечатлѣніе, что время, пережитое на Востокѣ, показалось мимолетною грезой, и какъ послѣ веселаго праздника, или въ угрюмый осенній день, вслѣдъ за жаркимъ и продолжительнымъ лѣтомъ, тоска невольно закрадывалась въ душу...



